

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Надеждина, Вера Александровна

**Государственная социальная политика на Южном
Урале в годы НЭПа**

Москва

Российская государственная библиотека

Надеждина, Вера Александровна.

Государственная социальная политика на Южном Урале в годы НЭПа [Электронный ресурс] : 1921 - 1929 гг. : Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. - СПб.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).

Отечественная история

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/06/0496/060496044.pdf>

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в фонде РГБ:

Надеждина, Вера Александровна

Государственная социальная политика на Южном Урале в годы НЭПа

СПб. 2005

71:06-7/89

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ
ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

На правах рукописи

НАДЕЖДИНА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА (1921-1929 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный консультант: доктор
исторических наук, профессор-
Тургаев Александр Сергеевич

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

В. Надеждина

Санкт-Петербург - 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методологические аспекты изучения социальной политики	88
1.1. Модернизационная парадигма и социальная история: методологический потенциал	88
1.2. Идеино-политические (доктринальные) основания социальной политики большевистской партии	111
Глава 2. Социальная политика и рабочий класс Южного Урала	125
2.1. Заработная плата как инструмент классовой политики: конфликт идеологических установок и экономической реальности	128
2.2. Политика занятости и неразрешимость проблемы безработицы в рамках нэповской экономики	144
2.3. Рабочий класс и власть: социальная эффективность государственной политики	174
Глава 3. Социальная политика и крестьянство Южного Урала	204
3.1. Налоговая политика и крестьянские комитеты как инструменты реализации классового подхода в социальной политике	206
3.2. Крестьянство Южного Урала и власть: от социального компромисса к социальному разочарованию	254
3.3. Кризис «деревенского НЭПа» 1928-1929 гг. на Южном Урале: отчуждение крестьянства от власти как фактор модернизационного срыва	283
Глава 4. Дополнительные инструменты управления социальными процессами на Южном Урале в годы НЭПа	320
4.1. Народное образование: медленное накопление модернизационного потенциала	322
4.2. Здравоохранение, социальное обеспечение и жилищно-коммунальная политика: государственный патернализм в рамках возможного	354
Заключение	403
Библиография	409

Введение

Каждый новый этап развития общества даёт исторической науке возможность вновь «поверить» прошлое настоящим, посредством ретроспективного анализа увидеть те детали, черты и закономерности, которые прежде ускользали от внимания исследователей и/или трактовались односторонне. Такое «переосмысление» прошлого не только делает глубже и прочнее «связь времён», но и предоставляет возможность власти и обществу извлечь «исторические уроки» из успехов и неудач пройденного пути, объективнее оценить собственные силы и возможности.

Сказанное вполне справедливо для нынешнего этапа развития российского общества, характеризующегося сложными переходными процессами, напряжённым поиском оптимальной системы социально-экономической, политической, социокультурной организации, способной модернизировать страну применительно к требованиям нового постиндустриального века и обеспечить тем самым сохранение и укрепление статуса России как одной из ведущих мировых держав¹.

Само состояние «переходности», в котором оказалась Россия после распада СССР, предопределило и продолжает предопределять противоречивость и неоднозначность всех сторон жизни страны. Наверное, одним из самых явственных показателей противоречивости современного развития явился ход социальных процессов: формирование новой социальной структуры и порождаемые этим процессом сложные конфликты. В условиях растущей социально-имущественной поляризации общества, ухудшения или стагнации жизненного уровня значительной части населения, на первый план объективно начинает выходить задача проведения такой государственной социальной политики, которая содействовала бы движению модернизирующейся России в направлении «социального государства».

¹ См.: Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

В этой связи в последние годы всё более популярной в политических и интеллектуальных кругах страны становится идея об активной регулирующей роли государства в социальной сфере. Определённые признаки качественного изменения государственной социальной политики, наблюдающиеся уже несколько лет, дают основания полагать, что подобная идея начинает воплощаться в реальные действия власти.

При всей относительности исторических аналогий и сравнений нельзя не отметить, что в недавней истории России уже был опыт государственного регулирования социальных процессов в условиях переходного общества – опыт 1920-х гг., этапа развития, вошедшего в историю как «эпоха НЭПа». Признавая существенные отличия этих исторических ситуаций, нельзя не отметить два важных системных сходства нэповской и постсоветской России: в обоих случаях имелись смешанные системы в экономике, сочетавшие частную, государственную и кооперативные формы собственности, а перед обществом в целом стояла задача поиска наиболее быстрого и эффективного пути всесторонней, в том числе и социальной, модернизации.

Как хорошо известно, исторический опыт является неотъемлемым элементом любого научного познания действительности, способного должным образом рационализировать политику власти, придать ей необходимую эффективность. Поэтому представляется, что новое обращение к изучению истории НЭПа, эпохи перехода к новой системе общественного устройства, обладает не только научной самоценностью, но и приобретает в таком, в частности, её аспекте как история государственной социальной политики, *практически-политическую актуальность.*

В отечественной историографии НЭПа, переживающей в последние годы очевидный качественный подъём, на первый план вышло понимание того времени как чрезвычайно сложного, многосоставного, противоречивого и динамического процесса. Всё бóльшую поддержку в научном сообществе находит точка зрения, высказанная в своё время В.П.Дмитренко, о том, что переход победивших в гражданской войне большевиков к политике нэпа означал «появление альтернативного пути развития послеоктябрьского

общества»¹. Высказывается аргументированное мнение и о том, что внутри самого нэпа долгое время сохранялась определённая внутренняя альтернативность разных вариантов развития².

Естественно, что при таком понимании нэпа политика большевистской власти не может рассматриваться как нечто однородное. Исходная противоречивость положения, при котором партия, захватившая власть ради кардинального переустройства общества на социалистических началах, переходит к использованию экономических методов и средств, характерных как раз для отвергаемого её идеологией буржуазного общества, неизбежно должна была проявиться и в такой важной сфере как социальная политика.

Поставив перед собой задачу «переоснования» традиционного русского общества, лидеры большевизма, в первую очередь В.И. Ленин, именно государству, монопольной властью в котором обладала партия, отводили решающую роль в конструировании новой социальной действительности в соответствие с объективно существующими, по их убеждению, законами общественного развития, открытыми Марксом.

Большевистская партия должна была, особенно после официального принятия лозунга «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране», практическими действиями убедить население страны в том, что социалистическая траектория развития действительно соответствует коренным, жизненным интересам людей. Можно сказать, что государство в такой ситуации объективно становилось, прежде всего, *социальным государством*, по политике которого, по тому, как она способствует улучшению жизни людей, население страны способно было судить о совпадении своих собственных интересов с интересами власти.

Именно реальные позитивные сдвиги в социальной жизни общества могли стать важнейшим аргументом в пользу социалистической модернизации России,

¹ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С.31.

² Соколов А.К. Историческое значение нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М.: ИРИ РАН, 2001. С.8-9.

социалистического варианта завершения перехода страны из аграрной, доиндустриальной в индустриальную стадию развития.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что *успехи или неудачи социальной политики в значительной мере определяли и успех или неудачу всей новой экономической политики.*

Следовательно, анализ социальной политики Советского государства в 1920-е гг. поможет решению важной исследовательской задачи: поиску ответа на вопрос, до сих пор остающийся предметом дискуссии в отечественной и зарубежной историографии: существовала ли «нэповская» модернизационная альтернатива форсированной модернизации по-сталински, и если существовала, то в силу какого комплекса причин она не была реализована?

При этом необходимо учесть, что социальная политика Советского государства 1920-х гг. представляла собой многокомпонентную систему, своеобразное единство разработок и установок центральной власти, соответствующих решений и действий на местном уровне и, что особенно важно, обратной реакции населения на действия властных структур.

Поэтому, анализируя эту политику, необходимо различать, условно говоря, пять основных уровней такого анализа.

Во-первых, идейно-интеллектуальный уровень.

Марксистское учение, лежавшее в основе идеологии большевизма, не давало и не могло дать прямых ответов на поставленные самой российской действительностью вопросы. Необходима была интеллектуальная адаптация основных положений марксизма и ранее выдвинутых партийных установок к решению конкретных задач, в том числе и социальной политики.

Во-вторых, это политический уровень. Теоретическое осмысление проблемы социальной трансформации российского общества воплощалось в политические решения, принимавшиеся на уровне центрального партийного руководства (съезды и конференции РКП(б)-ВКП(б), пленумы ЦК, заседания Политбюро ЦК и проч.), затем ретранслировавшиеся на уровень местного партийного руководства.

В-третьих, это институционально-правовой уровень. Партийные решения становились основой для конкретных государственных решений, как в центре, так и на местах (Советы всех уровней и их исполнительные органы).

В-четвёртых, это уровень практической деятельности тех организаций, предприятий и учреждений, которые осуществляли социальные меры и входили в непосредственный контакт с основным объектом государственной социальной политики – собственно населением страны.

В-пятых, это реакция населения, главного объекта социального воздействия, осуществление своего рода «обратной связи» между государством и социумом, влиявшей в той или иной степени на коррекцию и видоизменения государственной социальной политики.

Таким образом, целостное рассмотрение социальной политики периода НЭПа требует исследования заявленной проблемы на всех пяти уровнях.

Постановка столь масштабной исследовательской задачи потребовала в рамках настоящей диссертации осуществления не только хронологического, но и территориального ограничения предмета исследования.

Хронологические рамки НЭПа остаются предметом дискуссий в современной историографии. Если относительно начальной даты существует в целом согласие считать таковой март 1921 г. и принятое на X съезде РКП(б) решение о замене продразвёрстки продовольственным налогом, то относительно конечной даты общепринятой точки зрения нет.

В некоторых работах последних лет наметилась тенденция ограничивать период НЭПа 1927 годом, исходя из того, что чрезвычайные меры, предпринятые в ходе хлебозаготовок 1927-1928 г., означали фактический отказ от нэповского курса в ключевом звене – взаимоотношений с крестьянством.

Однако нам представляется более убедительным традиционный подход – связывать окончание НЭПа с событиями осени 1929 г., когда развернулась массовая ликвидация индивидуального крестьянского хозяйства, поскольку до этого времени, как справедливо отмечено в одной из недавних обобщающих работ по истории 1920-х гг., оставались «в неприкосновенности важнейшие

признаки нэпа ... ещё продолжало существовать крестьянское товарное хозяйство ... частная торговля и промышленность»¹.

Видимо, условной точкой начала «великого перелома» можно считать ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. После публикации стенограммы этого пленума становится очевидным, что именно на нём Сталин и его окружение получили со стороны партийного руководства санкцию на промышленный рывок и насильственное насаждение колхозов в деревне².

Поэтому хронологические рамки диссертации охватывают период марта 1921 г. – ноября 1929 г.

В качестве *территориальных рамок* работы избран регион «Южный Урал», который в современном административно-территориальном делении Российской Федерации включает Челябинскую, Курганскую и Оренбургскую области и Республику Башкортостан.

В рассматриваемый в диссертации период времени эти территории выглядели следующим образом:

Челябинская область: в 1919–1923 гг. – Челябинская губерния в составе РСФСР; проведение в конце 1923 – начале 1924 г. районирования Урала привело к разделению Челябинской губернии на 4 административные единицы: Челябинский, Курганский, Троицкий и Златоустовский округа Уральской области; такое деление просуществовало до 1934 г., когда была создана Челябинская область;

Курганская область: в 1919 – 1923 г. – Курганский уезд в составе Челябинской губернии и Шадринский уезд в составе Екатеринбургской губернии, 1923-1934 гг. – Курганский и Шадринский округа Уральской области;

Оренбургская область: в 1919–1920 гг. – Оренбургская губерния в составе РСФСР, в 1920-1925 гг. – в составе Киргизской АССР, в 1925-1928 гг. – вновь в составе РСФСР, с мая 1928 г. до 1934 г. – Оренбургский округ Средне-Волжской области (края);

¹ Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. С.10.

² Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. В 5 т. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000. Т.5. С.14.

Республика Башкортостан: с 1919 г. и весь последующий период – Башкирская АССР в составе РСФСР. Первоначально включала только часть территории Уфимской губернии (Малая Башкирия) и существовала параллельно с ней. В связи с упразднением в июне 1922 г. Уфимской губернии территория последней вошла в состав БАССР (Большая Башкирия).

Необходимость выбора именно таких территориальных рамок, помимо чисто технических причин (объём исследования, охватывающий на современной источниковой базе весь уральский регион, значительно превышал бы допустимые объёмы диссертации), диктовалась следующими соображениями.

Во-первых, сложившейся в историографии традицией рассматривать всю территорию Урала («Большой Урал») состоящей из двух регионов, разделённых по географическому принципу: Южный Урал и Средний Урал. Как правило, диссертационные работы, посвящённые отдельным аспектам истории Урала в XX веке, охватывали либо отдельные области и республики Урала, либо территории, объединённые в эти два указанных региона.

Во-вторых, природно-хозяйственными условиями этих территорий. Южный Урал традиционно развивался как преимущественно сельскохозяйственный район, Средний Урал – как преимущественно промышленный. В период 1920-х гг., в отличие от последующих лет, это хозяйственное отличие имело качественный характер.

В-третьих, тем обстоятельством, что в современной историографии НЭПа уже достаточно хорошо изучены на новой источниковой базе процессы, происходившие в масштабах всей страны, но ещё явно недостаёт исследований регионального характера, охватывающих исторически сложившиеся хозяйственно-географические и социокультурные территориальные комплексы.

Исходя из вышесказанного, можно следующим образом сформулировать *проблему* данной диссертационной работы – *исследование социальной политики Советского государства в годы НЭПа как единства идейно-теоретических (доктринальных) установок большевизма, политических и институционально-правовых решений и практических действий центральной и местной власти и*

обратных реакций населения на эти решения и действия (в региональных рамках Южного Урала).

Из определения проблемы логически вытекают определения объектов и предмета исследования.

Объектами в данном случае выступают государство как единство политических и управленческих структур центра и региона и население региона, дифференцированное по социальному статусу.

Выделение в качестве объекта исследования населения Южного Урала потребовало дополнительного уточнения содержания этого объекта.

Социальная структура российского общества 1920-х годов остаётся одним из дискуссионных вопросов современной историографии. В некоторых работах последнего времени высказывается мнение о значительном упрощении социальной структуры, "отсечении" верхушки прежней социальной пирамиды, «вымывании» промежуточных групп как неизбежном последствии катаклизмов, пережитых обществом в 1917-1921 гг. Так, по оценке И.Б.Орлова, «к 1922 г. российский социум на 85% состоял из архаизированного крестьянства, а остальными были городские и полугородские маргиналы»¹.

Конечно, эта проблема требует дальнейших углублённых исследований, но нельзя и сейчас не признать того факта, что в условиях исчезновения прежней (дореволюционной) социально-статусной иерархии в годы НЭПа происходил процесс своеобразного «переформатирования» социальных статусов и ролей, в котором «классообразующую функцию» принимало на себя государство².

В рамках большевистской доктрины классами (если не учитывать фактически уничтоженные в России дворянство и буржуазию) считались только пролетариат и крестьянство, все остальные компоненты социума оценивались как «группы» и «прослойки», место которых в обществе определялось их большей или меньшей связью с этими двумя классами. Социально-экономической основой НЭПа в рамках большевистского понимания являлась

¹ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М.: Сигналь, 1999. С.110-111.

² Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. С.39.

именно рабоче-крестьянская «смычка», от её прочности и степени поддержки со стороны рабочих и крестьян зависели и сохранение существующей власти, и реализация её преобразовательных планов. Независимо от реальной численности и качественного состава именно рабочий класс считался ведущей силой, определяющей (под руководством большевистской партии) общее направление общественного развития.

Поэтому социальная политика Советского государства была ориентирована главным образом на управление процессами в двух основных классах общества. Это не означает, что аналогичной политике в отношении, например, служащих, интеллигенции, городской буржуазии (нэпманов) и т.п., не уделялось внимания, но такая политика занимала подчинённое, второстепенное место, особенно на российской периферии, где численность таких групп и их социально-экономическая роль были невелики.

Конечно по мере реализации планов индустриальной модернизации, складывания системы номенклатурно-бюрократического управления происходила и определённая кристаллизация иных социальных групп (служащие, интеллигенция), повышение их роли и, следовательно, усиливалась потребность в проведении властью в их отношении особой социальной линии. Однако эти процессы имели место в основном уже в 1930-е гг., за хронологическими рамками НЭПа.

Применительно к Южному Уралу необходимо отметить абсолютное доминирование крестьянства в региональной структуре населения при относительно незначительной (по сравнению, например, с горнозаводскими районами Среднего Урала) численности рабочих и при ещё меньшем удельном весе всех остальных групп населения. Показательно и то обстоятельство, что в различной местной партийно-советской документации крайне редко встречаются сведения, специально посвящённые интеллигенции или служащим.

Сказанное даёт основания ограничить в рамках настоящей диссертации содержание объекта исследования "население Южного Урала" двумя категориями: рабочий класс и крестьянство. Рабочая составляющая социальной политики логически поставлена на первое место, несмотря на незначительный

удельный вес пролетариата на Южном Урале, поскольку власть отдавала приоритет отношениям с рабочими, независимо от их реального места в социальной структуре страны и отдельных её регионов.

Изучение социальной политики по отношению к остальным группам населения региона, безусловно, также обладает научной ценностью, но должно, как нам представляется, явиться задачей самостоятельного исследования.

Предметом исследования является социальная составляющая взаимоотношений государства и общества (населения), взятая как логическое единство центральной и региональной социальной политики и ответных реакций населения (рабочих и крестьян) на эту политику.

Проблемное поле диссертации потребовало отдельной разработки *методологии* его исследования.

Естественно, что методологическую основу данного, как и любого научного исследования, образуют основополагающие *принципы историзма и системности*.

Первый из них предполагает рассмотрение и анализ социальной политики 1920-х гг. как процесса, последовательно развивающегося во времени, обладающего преемственностью по отношению к предыдущему этапу развития страны и, в свою очередь, являющегося предпосылкой последующих процессов. Видеть эту «связь времён», рассматривать каждое событие в его развитии из относительно «отдалённого прошлого» в «недавнее прошлое» – только такое следование принципу историзма позволит избежать опасности преувеличить роль частного, случайного, заменить познание закономерностей общественных процессов изучением спонтанного стечения «обстоятельств времени и места».

Второй принцип налагает на исследователя обязанность рассматривать общество как системную целостность. Следовательно, изучая социальную составляющую нэповского курса большевиков, необходимо видеть всю совокупность взаимосвязей, детерминирующих социальную сферу, но в то же время и позволяющую ей, в свою очередь, оказывать детерминирующее воздействие на те или иные стороны жизнедеятельности общества.

Однако конкретно-практическое применение этих основных принципов потребовало некоторых дополнительных уточнений и дополнений.

Прежде всего, это было связано со сложившейся в отечественном обществоведении трактовкой категории «социальная политика».

Как известно, сам этот термин вошёл в обиход советского обществознания только в 1960-е гг., что во многом было связано с его появлением в политическом и научном лексиконе стран Запада.

Особенно активно проблемой «социальной политики» отечественные обществоведы занялись в связи с известной формулой «развитого социализма». Теоретическое обоснование содержания этой категории давалось в рамках «научного коммунизма» как сознательное, «научное» управление процессами регулирования социальной структуры общества с точки зрения стирания в ходе этих процессов различий между классами и движения в сторону однородной структуры советского общества¹.

Применение этой категории историками сводилось к иллюстрации философско-социологической точки зрения посредством анализа (а чаще простого пересказа) соответствующих решений партийно-государственных органов и последующего изучения конкретной их реализации. Последняя задача решалась преимущественно путём количественных измерений динамики таких показателей как, например, уровень оплаты труда, социальное обеспечение, регулирование бытовых условий жизни (питание, жильё, здравоохранение), образовательной и культурной (досуговой) сфер.

В последние 10-15 лет, как и другие постулаты «научного коммунизма», подобная трактовка государственной социальной политики утратила своё научно-теоретическое значение и вряд ли может считаться убедительной.

Однако ведущей тенденцией в новых условиях стала интерпретация социальной политики с формально-институциональной точки зрения, что в принципе (если не обращать внимания на некоторые терминологические новшества) оказывается очень близко к прежней марксистской трактовке.

¹ См. напр.: Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. М.: Политиздат, 1979; Социальная политика Советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М.: Мысль, 1985; и др.

Так, например, в одном из новейших изданий такого рода, подготовленном учёными Московского государственного социального университета, даётся следующее определение: «На основе системного анализа определена сущность социальной политики, которая представляет собой совокупность разноуровневых управленческих воздействий на жизнедеятельность различных групп населения с целью консолидации общества и обеспечения стабильности политической власти на основе правового регулирования»¹.

Если воспользоваться методологией изучения социальной политики, предлагаемой этими и другими авторами², и применить её для изучения истории социальной политики Советской власти в годы НЭПа, то фактически придётся ограничиться исключительно анализом соответствующих партийно-государственных решений центральных и местных (в пределах Южного Урала) органов и их осуществления. Безусловно, без такого анализа при исследовании государственной социальной политики не обойтись, но и ограничиться только им крайне проблематично. Тем более, что в последние годы в изучении истории НЭПа произошли существенные качественные сдвиги, связанные, в первую очередь, с начавшимся широким применением методов социальной истории.

Социальная история, научное направление, доказавшее свои высокие гносеологические возможности, характеризуется, среди прочего, активным использованием приёмов и методов, заимствованных из других социальных наук (социологии, политологии, социальной психологии и т.д.)³. Поэтому её методологию можно определить как *синтезную*, где исходные элементы методологического синтеза зависят от конкретного историка и часто подбираются под решение конкретной исследовательской задачи.

¹ Социальная политика: парадигмы и приоритеты. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. С.5.

² См. напр.: Аверин А.Н. Социальная политика государства и социальная структура общества. М.: «Дело Лтд», 1995; Торлопов В.А. Социальное государство в России: идеалы, реалии, перспективы. Спб.: Изд-во Рос. пед. ун-та, 1999; и др.

³ О социальной истории как методологии исторических исследований и её современном состоянии см. подробнее: Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С.39-76.

Другой методологической особенностью новейших исследований по истории России является применение, в том числе и в связи с исследованиями социальной истории общества, модернизационного подхода к истории¹. Большую роль в развитии историографического процесса в этом направлении сыграло создание коллективом учёных Института истории и археологии Уральского отделения РАН под руководством академика В.В.Алексеева первого обобщающего труда по истории российской модернизации².

На значительный гносеологический потенциал применения модернизационного подхода в исследованиях российской истории, прежде всего советского периода, указывал А.К.Соколов. По его мнению, теория модернизации «направлена не на утверждение очередных догм, а на исследование реально происходивших процессов ... Таким образом, прокладывается путь к историческому синтезу, отходящему от идеологической тенденциозности и предвзятости, схематического изложения событий, лишённых культурно-исторического контекста»³.

В текущей историографической литературе высказывается мнение, что модернизационный подход в последние годы превратился в одну из основных методологических тенденций в изучении отечественной истории⁴.

Положение о том, что объективной исторической задачей, перед решением которой оказались взявшие власть большевики, являлось осуществление индустриальной модернизации России, получило широкое распространение в работах отечественных историков последних лет. «На базе государственного социализма, отмечал, например, М.М.Горин, Россия

¹ См. напр.: Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ,1998; Лейбович О.Л. Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь: Зап.-Урал. учеб.-науч. центр,1996; Он же. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь: Изд-во Перм. ун-та,1993; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Спб.: Дмитрий Буланин,1999; Сенявский А.С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. М.: Наука,2002. Т.1. С.55-69; и др.

² Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. М.: Наука, 2000.

³ Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований Советской власти (1917 – 1930-е годы) // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. С.110.

⁴ Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С.153-165.

смогла решить ключевые задачи индустриальной фазы универсального (общечеловеческого) процесса модернизации»¹. В коллективной монографии «Россия нэповская» указывается, что коммунистическая доктрина становилась духовной оболочкой «объективного процесса, смысл которого заключается в ключевом понятии – модернизация»².

Мы разделяем именно такое понимание объективного содержания преобразовательных действий большевистской партии и полагаем, что «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране» на практике означало создание «советского» варианта индустриального общества. Поэтому основные закономерности модернизационного процесса как переходного этапа от аграрного общества к индустриальному, а также методы исследования этого процесса, разработанные западной социальной наукой, могут быть, при соответствующей адаптации, применены для изучения отдельных аспектов и всей нэповской политики большевиков в целом.

Таким образом, принципы историзма и системности в настоящей диссертации реализуются как синтезная методология, в основе которой лежит *соединение модернизационной парадигмы и исследовательских инструментов социальной истории*. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в разделе 1.1, где конкретизируется, на базе применяемых автором методологических инструментов анализа, рабочая гипотеза, положенная в основание диссертации.

Степень исследованности проблемы в историографии.

Социальная политика Советского государства в годы НЭПа сравнительно редко становилась предметом специальных исследований в отечественной историографии, в том числе и применительно к Уралу, хотя количество литературы, в той или иной степени касающейся этой проблемы, достаточно велико.

Поскольку социальная политика являлась неотъемлемой составной частью всей политики партии, то, пожалуй, ни один обобщающий труд по истории КПСС, истории СССР, истории рабочего класса и крестьянства, истории

¹ Историческое значение НЭПа: Сб. научных трудов. М.: ИРИ РАН, 1990. С.6.

² Россия нэповская. С.9.

отдельных республик и регионов страны не обходился без соответствующих разделов, рассматривающих изменения в материальных, бытовых, культурных условиях жизни населения страны, в первую очередь, рабочего класса и трудового крестьянства. Аналогичные разделы также были необходимой частью авторских монографий и статей, анализирующих различные аспекты советской истории 1921-1929 гг.

Вместе с тем следует учесть, что, будучи частью общеполитического курса РКП(б) – ВКП(б), социальная политика отражала как формально, так и содержательно все изменения и колебания этого курса, что делает невозможным оценить степень изученности социальной политики без оценки аналогичной степени изученности всей политики НЭПа.

Поэтому историографический анализ, чтобы быть вполне репрезентативным, должен включить: 1) степень и характер изученности НЭПа как политического курса, проводившегося большевистским руководством страны в 1920-е гг.; 2) степень и характер изученности социальной политики как составной части всей нэповской политики; 3) степень и характер изученности социальной политики 1920-х гг. в пределах всего Уральского региона и Южного Урала в частности.

Естественно, что подобный историографический анализ предполагает и определённый хронологический принцип, отражающий основные качественные этапы развития отечественной исторической науки.

К сожалению, в новейшей российской историографии ещё нет всесторонне обоснованной и общепринятой периодизации эволюции исторического знания в нашей стране в XX веке.

Ряд появившихся в последние годы историографических работ, в которых делаются попытки проанализировать историю исторической науки в нашей стране, носят очерковый характер и заметно отличаются друг от друга и общим подходом, и частными оценками¹.

¹ См. напр.: Заболотный Е.В., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999; Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-изд. центр «Скрипторий», 1997; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: «АИРО-XX», 1996;

Вместе с тем можно отметить, что наметилось сближение позиций учёных, заключающееся в признании (во всяком случае применительно к изучению послеоктябрьской истории страны) наличия трёх историографических этапов, границами которых в хронологическом плане считаются середина 1950-х гг. и вторая половина (или конец) 1980-х гг.

Подобная периодизация вполне применима и к историографии НЭПа.

Первый период изучения НЭПа начался с перехода большевистской партии к новой политике и продолжался до середины 1950-х гг.

Второй период, начавшись в середине 1950-х гг., продлился до 1988 – 1989 гг. В идеологическом плане роль стимула для начала качественных перемен в советской исторической науке сыграли известные решения XX съезда КПСС, а в научном плане деятельность журнала «Вопросы истории» в 1955–1957 гг.¹

Третий период можно считать длящимся до настоящего времени. Его начало связывается с 1988 – 1989 гг., поскольку именно в эти два года появились первые публикации по нэповской проблематике, отходящие в ряде принципиальных моментов от ранее доминировавшей точки зрения².

Поскольку общепринятых определений качественного содержания этих этапов применительно к изучению НЭПа пока нет, то можно предложить назвать их, соответственно, периодами «партийно-политической», «советской научной» и «постсоветской научной» историографии НЭПа.

«Партийно-политический» период историографии НЭПа (1921- середина 1950-х гг.)

Основной качественной характеристикой этого периода является постановка исследований в жёсткие идеологические рамки соответствия

Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М.: АИРО-XX, 2003; Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. Спб.: Дмитрий Буланин, 2002; Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С.3-20; Советская историография. М.: РГГУ, 1996; и др.

¹ См. подробнее: Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники ист. мысли, 1997.

² См. напр.: Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. НЭП и его судьба // Историки спорят. 13 бесед. М.: Политиздат, 1988. С.122-190; Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9. С.3-58; Наумов В., Курин Л. НЭП: суть, опыт, уроки // Урок даёт история. М.: Политиздат, 1989. С.91-106; и др.

«генеральной линии партии». Некоторый разброс мнений внутри этой линии был окончательно ликвидирован на рубеже 1920–1930-х гг. после осуждения так называемого «правого уклона в ВКП(б)», лидеры которого, Н.И.Бухарин и А.И.Рыков, претендовали на отличную от мнения И.В.Сталина трактовку нэповского курса партии.

В результате в 1930-е гг. восторжествовала единственно допустимая и считавшаяся единственно верной точка зрения на период НЭПа, закреплённая в изданном в 1938 г. «Кратком курсе истории ВКП(б)». Согласно «Краткому курсу», НЭП был временным отступлением на пути к социализму, периодом накопления сил и средств для решительного перехода в наступление на остатки капитализма в стране¹.

Следовательно, НЭП должно было рассматривать исключительно под углом зрения социалистической перспективы, искать и находить в нэповской практике конкретные свидетельства того, как создавались условия для «великого перелома» рубежа 1920-х – 1930-х гг. и последующего успешного строительства социализма.

Крайне немногочисленные публикации, касавшиеся нэповских сюжетов (главным образом это были брошюры партийно-пропагандистского характера), с середины 1930-х гг. и почти на двадцать лет свелись исключительно к подбору фактов, иллюстрирующих соответствующие цитаты из партийных документов или сталинских текстов. Однако, характеризуя «партийно-политический» период нэповской историографии, не следует забывать о том, что есть разница между работами 1930-х и последующих лет и работами, вышедшими непосредственно в годы НЭПа, многие из которых потом на долгие годы оказались изолированы в спецхранах библиотек.

Прежде всего, это касалось научной деятельности непартийных учёных-экономистов, работавших в советских хозяйственных органах, в частности в ВСНХ и Госплане, наиболее известными из которых были Н.Д.Кондратьев и А.В.Чаянов, а также некоторых бывших членов меньшевистской партии.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Репр. воспр. текста изд.1945 г. М.: Логос,2004. С.245-246.

Интересные свидетельства о взглядах этой группы специалистов на политику нэпа приводятся в воспоминаниях Н.Валентинова¹.

В этот же период за рубежом был опубликован ряд работ оказавшихся в эмиграции российских учёных, политических деятелей и публицистов, в которых давалась иная трактовка основных проблем НЭПа².

Именно в этих работах была впервые сформулирована точка зрения, широко обсуждавшаяся в отечественной «перестроечной» историографии, об альтернативности НЭПа, о возможности, оставаясь на базе прежней политики, решить острейшие проблемы экономики страны, вывести её на передовой для своего времени уровень развития, анализировались противоречия НЭПа, препятствовавшие реализации такой альтернативы. Эта часть историографического корпуса 1920-х гг. сохраняет определённое научное значение и сейчас, предоставляя дополнительную аргументацию сторонникам аналогичной точки зрения в современной историографии.

Что касается основного корпуса публикаций по нэповской тематике, изданного в 1920-е гг. в СССР, то почти все работы принадлежали членам большевистской партии, в том числе и её руководителям.

Конечно, последние (например, статьи и речи И.В.Сталина, Л.Д.Троцкого, Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, Л.Б.Каменева, Ф.Э.Дзержинского и др.) ценны, в первую очередь, как источники по политической истории той эпохи. Вместе с тем их можно рассматривать и как отражение теоретических и практических разногласий, существовавших в руководстве относительно сути и перспектив НЭПа. В современной историографии имеет место тенденция, отталкиваясь, например, от взглядов Л.Д.Троцкого³ или Н.И.Бухарина⁴, предлагать собственные интерпретации тех или иных аспектов истории этого периода.

¹ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991.

² См. напр.: Нэп: взгляд со стороны. М.: Моск. рабочий, 1991.

³ Роговин В.З. Была ли альтернатива?: «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992; Он же. Власть и оппозиции. М.: Т-во «Журнал «Театр», 1993.

⁴ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С.15-33; Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный. М.: Политиздат, 1989. С.82-130; и др.

Основной массив «партийно-политических» публикаций 1920-х гг. составили работы либо преимущественно пропагандистского характера, задача которых заключалась в разъяснении и популяризации новой экономической политики, либо работы, претендовавшие на обобщение опыта НЭПа, показ его позитивных сторон, что, впрочем, иногда не мешало авторам отмечать и отдельные проблемы нэповской действительности. Историкографическая ценность таких работ неравнозначна и определяется, в первую очередь, их фактологической насыщенностью.

Тяготение авторов 1920-х гг. к широкому применению статистико-экономического подхода отражало своеобразную попытку соединить с марксизмом позитивистские установки дореволюционной литературы социально-экономической проблематики. Эта особенность подхода позволила создать целый ряд работ, богатых статистикой, характеризующей, в том числе, и разные стороны социальной жизни того времени (уровень жизни, состояние здравоохранения, социального обеспечения, культурное строительство и т.п.).

Естественно, что эта статистика должна была подкрепить партийную оценку НЭПа, поэтому преобладающее место занимали работы, посвящённые характеристике разных сторон жизни рабочего класса¹, на примере социального обеспечения иллюстрирующие заботу пролетарского государства о трудящихся² или показывающие положительные стороны классового характера решения жилищного вопроса³.

Содержащийся в этих работах статистический материал может считаться (во всяком случае, до 1929 г.) относительно достоверным и, кстати говоря, на самом деле далеко не всегда подтверждающим оптимистический настрой авторов. Поэтому вполне допустимо его применение (при соответствующей критической коррекции) и в современных исследованиях.

¹ См. напр.: Гиндин Я.И. Безработица в СССР. М.: Вопросы труда, 1925; Он же. Регулирование рынка труда и борьба с безработицей. М.: Вопросы труда, 1928; Минц Л.Е. Труд и безработица в России (1921-1924 гг.). М.: Вопросы труда, 1924; Шмидт В.В. Положение рабочего класса в СССР. М.-Л.: Гос. изд., 1928; и др.

² Барит А., Милютин Б. Основы социального страхования. М.: Профиздат, 1934; Данский Б.Г. Социальное страхование раньше и теперь. М.: Вопросы труда, 1928; и др.

³ Пузис Г. Коммунальное и жилищное хозяйство СССР за 15 лет. М.: Гос. соц. экон. изд-во, 1932; Шмидт В.В. Рабочий класс СССР и жилищный вопрос. М.: Кн-во ВЦСПС, 1929; и др.

Что касается оценки социальных аспектов политического курса 1920-х гг., то авторы первых исследований отражали партийный взгляд на социальную политику как классовую политику, направленную на защиту интересов рабочего класса и других трудящихся в условиях частичного возрождения капиталистических отношений. В соответствие с этим освещались все основные мероприятия пролетарского государства в социальной области, поэтому не подвергалось сомнению право государства отдавать предпочтение в любой её сфере, будь то заработная плата, обеспечение жильём, налоговая политика или обучение в школах рабочим и беднякам перед всеми другими слоями населения.

Литература такого рода издавалась в 1920-е гг. и в отдельных регионах страны, включая Урал. После создания Уральской области основной поток публикаций оказался сосредоточен в областном центре Свердловске, преимущественно в журнальной периодике того времени, прежде всего, в двух ведущих изданиях: «Уральский коммунист» и «Хозяйство Урала».

Книжные, брошюрные, журнальные публикации, выходившие на Урале, по большей части носили чисто пропагандистский характер, их содержание, особенно когда затрагивались общие политические и хозяйственные вопросы, дублировало аналогичные публикации в центральных партийных и советских издательствах и печати¹, и в этом плане они не представляют теперь сколько-нибудь заметной историографической ценности.

Но наряду с ними появлялись и публикации, посвящённые конкретным вопросам социально-экономического развития Уральского региона, оперировавшие, как правило, статистическим материалом, и в целом богатые фактологией. Они сохраняют определённую ценность для современного исследователя, в первую очередь, в источниковедческом плане.

Однако, несмотря на ярко выраженную описательность, часто переходившую в простую иллюстрацию соответствующих партийно-советских решений, принятых в центре и на местах, в историографическом плане подобные публикации не утратили целиком своей полезности потому, что они

¹ См. напр.: Локацков Ф.И. Положение и перспективы уральской промышленности. Свердловск: Уралплан, 1925.

могут дать представление о том, какой виделась «с близкого расстояния» действительность «уральского нэпа» в разных сферах жизни общества, какие оценки выносились этой действительности её первыми наблюдателями, участниками и исследователями.

Для темы настоящей диссертации безусловный интерес сохранили издания, освещавшие вопросы развития народного хозяйства¹ и советское строительство на Урале², и в силу этого затрагивавшие, как частный сюжет, некоторые аспекты социальной политики власти и её результатов.

Особенно такими сведениями и оценками были богаты статьи, регулярно помещавшиеся в «Хозяйстве Урала». В них затрагивались, например, такие сюжеты, как: состояние и проблемы народного образования³, различные аспекты коммунального хозяйства в уральских городах⁴, состояние и развитие жилищного строительства⁵, уровень жизни населения Урала⁶, то есть практически весь спектр социальных проблем.

Как характерную черту этих публикаций можно отметить тенденцию к соблюдению объективности, что проявлялось в признании значительного количества проблем в социальной области и того обстоятельства, что решение этих проблем идёт крайне медленно, не удовлетворяет реальные потребности населения.

¹ См. напр.: Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург: Урал. обл. стат. управление, 1923.

² Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск: Изд-во ред. известий Уралоблисполкома, 1928.

³ Истомин Я. К введению всеобщего обязательного обучения на Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 2-3. С.29-37; Перель И. Народное просвещение на Урале // Там же. 1928. № 10. С.128-135; и др.

⁴ Домбровский М. Перспективы коммунального хозяйства на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С.137-140; Нейштадт А. Восстановление и развитие коммунального хозяйства Урала // Там же. 1926. № 15-16. С.141-154; Он же. Коммунальные предприятия Урала // Там же. 1925. № 10. С.82-87; Он же. Состояние жилищного вопроса на Урале // Там же. 1925. № 4. С.80-87; Островский В. Коммунальное хозяйство Урала // Там же. 1927. № 5. С.138-143; Саратов П. Коммунальный бюджет городов Урала // Там же. 1927. № 8-9. С.116-121; и др.

⁵ Греков П. Нужды и перспективы жилищного строительства на Урале // Хозяйство Урала. 1926. № 12. С.61-69; Озеранский М. Жилищный вопрос на Урале // Там же. 1926. № 9. С.110-114; Он же. Рабочая жилищно-строительная кооперация на Урале // Там же. 1928. № 4. С.103-110; Розанов Н. Санитарная характеристика жилищного строительства трестов на Урале // Там же. 1928. № 1. С.101-109; и др.

⁶ Майзельс Д. Бюджет семьи уральского рабочего в 1925 г. // Хозяйство Урала. 1926. № 15-16. С.75-91; Налетов П. Сбережения населения в кооперации и сберкассах Урала // Там же. 1927. № 2-3. С.186-197; и др.

Журнал «Уральский коммунист» в силу своего партийного профиля больше внимания уделял политическим вопросам, но достаточно регулярно обращался и к хозяйственным проблемам, включая их социальную сторону, для чего в журнале существовал специальный раздел «Вопросы хозяйства».

К числу сюжетов, наиболее активно освещавшихся в «Уральском коммунисте», относились, прежде всего, различные аспекты положения рабочего класса¹ и крестьянства². Достаточно часто обращались авторы журнала к проблемам образования и просвещения³, изредка появлялись и другие публикации, затрагивавшие социальные вопросы⁴.

Следует отметить, что публикации в «Уральском коммунисте» рассматривали и оценивали освещаемые вопросы преимущественно под «партийным» углом зрения, роли, которую играют в решении существующих проблем партийные органы. Возможно, поэтому такие публикации менее объективны, акцентировали внимание на позитивных оценках происходящих процессов, ориентируясь на решения партийных съездов и конференций.

К сожалению, публикации в обоих журналах давали почти всегда обобщающие данные по всей Уральской области, сведения и оценки, касающиеся территорий Южного Урала, имели фрагментарный характер, а Башкирская республика и Оренбургская губерния не затрагивались вообще.

Следует учесть, что первый этап изучения НЭПа заложил определённую традицию понимания и интерпретации этого периода истории страны, которая

¹ К переходу на 7-часовой рабочий день на Урале // Уральский коммунист. 1928. № 13. С.6-10; Парамонов П. Безработица на Урале // Там же. 1928. № 7. С.11-17; Он же. Заработная плата на Урале // Там же. 1927. № 26-27. С.85-92; и др.

² Казанский Ф. О структуре и динамике крестьянских хозяйств на Урале // Уральский коммунист. 1927. № 26-27. С.62-75; Потеряхин П. О кредитовании бедноты // Там же. 1929. № 2. С.11-14; Танияев А. О социальном направлении с.-х. кредита на Урале // Там же. 1927. № 15. С.10-16; Шульц А. Сельское хозяйство и хлебные цены на Урале // Там же. 1923. № 8. С.15-19; и др.

³ Киселёв А. Состояние культурной работы на Урале и наши задачи // Уральский коммунист. 1928. № 1. С.34-42; Красулин В. Наши задачи в области ликвидации неграмотности // Там же. 1928. № 8. С.12-15; Перель И. Задачи народного просвещения на Урале // Там же. 1928. № 4. С.20-27; Он же. Спорные вопросы системы народного образования // Там же. 1928. № 13. С.28-32; № 14. С.10-16; и др.

⁴ Греков П. Состояние и ближайшие перспективы городского хозяйства Урала // Уральский коммунист. 1923. № 8. С.19-21; Нефедов И. Как регулируется торговля на Урале // Там же. 1924. № 21. С.28-31; Обрам К. Итоги снижения цен // Там же. 1927. № 16-17. С.9-16; и др.

оказала сильнейшее воздействие на всю последующую историографию. Поэтому необходимо отметить основные оценки НЭПа, которые оформились в «партийно-политический» период его изучения.

Во-первых, НЭП рассматривался как единственно верная политика в конкретных условиях 1920-х гг., которая, с одной стороны, обеспечила сохранение союза рабочего класса и крестьянства, а, с другой, создала необходимые социально-экономические условия для последующего перехода к реализации плана строительства социализма. Иначе говоря, главным содержанием НЭПа становилась исключительно его социалистическая составляющая, всё остальное должно было рассматриваться как второстепенное, преходящее, вынужденное.

Во-вторых, НЭП рассматривался как форма классовой борьбы против возродившейся частично в его условиях сельской и городской буржуазии.

В-третьих, трудности и сложности в осуществлении нэповского курса объяснялись классовой борьбой, сопротивлением буржуазных элементов, проявлением которых явилось возникновение в партии различных антиленинских течений, которые пытались сорвать осуществление нэповского курса, но были идейно и политически разгромлены.

В-четвёртых, утверждалось, что НЭП полностью выполнил свои исторические задачи, исчерпал себя, и ему на смену закономерно пришла политика индустриализации и коллективизации.

В-пятых, история НЭПа в значительной мере была превращена в историю партии, поэтому основное внимание уделялось рассмотрению соответствующих партийных документов, как на центральном, так и на местном уровне и их осуществлению на практике. Фактический материал большей частью выполнял иллюстративные функции, то есть должен был подтвердить все основные положения и установки, которые содержались в партийных документах. Однако и сами партийные документы использовались весьма избирательно и трактовались под определённым углом зрения.

Этап «советской научной» историографии НЭПа (середина 1950-х – конец 1980-х гг.)

Развитие исторической науки в этот период не было прямолинейным. Послесталинская «оттепель» продлилась до середины 1960-х гг., на смену ей пришло определённое «похолодание», с разной степенью интенсивности продолжавшееся фактически до середины 1980-х гг. Естественно, что такой нестабильный «климат» отразился на всех отраслях исторического знания, однако, наверное, в наиболее сложном положении оказались историки, занимавшиеся советским периодом.

На исследованиях нэповской проблематики дополнительно сказался тот факт, что критика «культа личности Сталина», сыгравшая роль стимула к освобождению исторической науки от ряда насаждавшихся под его именем догм, затронула преимущественно 1930-е и последующие годы деятельности Сталина. Что касается его роли как руководителя партии в 1920-е гг., то, за исключением эпизодов, связанных с созданием СССР, общая оценка такой деятельности сохраняла позитивный характер. Следовательно, оставались в силе, пусть и без прямой ссылки на труды Сталина, его оценки НЭПа.

В то же время отсутствие политической реабилитации оппонентов Сталина, резко критическая оценка работ русских учёных-эмигрантов, рассмотрение исключительно под углом зрения «фальсификаторства» большинства работ западных историков – все эти вненаучные обстоятельства чрезвычайно затрудняли обсуждение принципиально важных вопросов истории НЭПа, в частности проблем альтернативности, противоречий НЭПа, его потенциальных возможностей, причин и характера кризиса хлебозаготовок 1927-1928 гг., степени исчерпанности рыночной экономики к концу 1920-х гг. и многих других.

Официальная трактовка нэповского периода в истории СССР, зафиксированная в обобщающих работах по истории партии и по гражданской истории¹, хотя и отходила от крайностей «Краткого курса», но сохраняла общий акцент на классовой составляющей нэповской политики, рассматривая допуск

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т.4. Кн.1 (1921-1929 гг.); История СССР с древнейших времён до наших дней. В 12 т. М.: Наука, 1967. Т.VIII.

рыночных отношений в экономике как временную, преходящую, естественным путём изживаемую сторону истории страны.

Определённую сдерживающую роль сыграла и позиция влиятельных советских философов, представлявших «научный коммунизм», которые настаивали на всемирно-исторической закономерности повторения принципов НЭПа на пути всех стран к социализму. На негативную роль этого фактора справедливо обратил внимание Ю.П.Бокарев, с его точки зрения стремление сгладить «чисто советскую специфику» НЭПа ради утверждения его всемирно-исторического значения заставляло историков ориентироваться больше на сталинскую, чем на ленинскую концепцию¹.

Следует заметить, что позиция советских обществоведов оказала сдерживающее влияние и на развитие исследований социальной политики, как частного аспекта НЭПа. Это было связано с обращением истмата и научного коммунизма в 1970-е годы к активной критике западной концепции государства «всеобщего благосостояния».

Стремясь доказать, что только в социалистическом обществе, особенно на стадии «развитого социализма», реально осуществляется обеспечение социальных интересов всех членов общества, специалисты в области истмата и научного коммунизма под таким ретроспективным углом зрения оценивали весь пройденный СССР исторический путь². Естественно, что подобная оценка, тем более воспроизведённая в партийных документах, становилась мощным ограничителем на пути исследования реального характера и результатов социальной деятельности большевистского государства 1920-х гг.

Несмотря на эти сковывающие историков внешние условия их деятельности, можно говорить о существенных позитивных сдвигах в изучении НЭПа в этот период времени.

Во-первых, резко увеличилось количество научных исследований по нэповской проблематике (счёт публикациям с учётом журнальных пошёл на

¹ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М.: Наука, 1989. С. 6-7.

² См. напр.: Социальная политика Советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. Гл.1-2.

сотни) при расширении тематики. Позитивный характер имело обращение к изучению практики НЭПа в различных республиках, краях и областях СССР.

Во-вторых, значительно расширилась источниковая база, особенно за счёт документов советских, хозяйственных, общественных организаций, статистических материалов, периодической печати, причём значительная их часть извлекалась не только из центральных, но и местных архивов.

В-третьих, в меньшей степени, но всё же происходил отход историков от прежней догматической трактовки НЭПа только как подготовки «социалистического наступления по всему фронту».

Показателем качественных перемен в обсуждении проблем НЭПа стало проведение нескольких дискуссий, в которых приняло участие большинство специалистов по истории СССР 1920 – 1930-х гг.

Первая из таких дискуссий, стержнем которой стало обсуждение периодизации истории советского общества, прошла на страницах журнала «Вопросы истории» в 1954–1955 гг. В её ходе была подвергнута критике, впрочем, достаточно сдержанной, общая концепция «Краткого курса», что проявилось, в частности, в некотором уточнении прежней периодизации 1920-х гг., а именно в продлении периода реконструкции с 1926 г. по 1932 г. Более плодотворный характер носили новые дискуссии на страницах этого же журнала в 1964–1967 гг., а также в журнале «Вопросы истории КПСС» (1966–1968 гг.).

Пожалуй, главное значение этих дискуссий заключалось не в выработке общей позиции в оценке всех ключевых сюжетов НЭПа, а в обнаружении большого количества нерешённых до конца вопросов, наличия расхождений по таким принципиальным вопросам, как внутренняя периодизация НЭПа, причины его введения, взаимоотношения государственного, кооперативного и частного укладов в экономике, роль рыночных рычагов (хозяйственного расчёта) в промышленности и т.д.

В то же время стоит отметить, что в ходе дискуссий социальные аспекты НЭПа остались практически незатронутыми, политические и экономические стороны истории 1920-х гг. оттеснили их на второй план.

Дискуссии стимулировали творческую активность историков, но в условиях сохранявшегося разделения учёных на «историков КПСС» и «гражданских историков» их историографические достижения оказались неравнозначными.

В изучении политической линии партии произошёл, пожалуй, лишь один, но немаловажный качественный сдвиг – акцент в понимании НЭПа сместился от пересказа сталинских речей и статей, а также комментирования цитат из «Краткого курса», к изучению ленинского наследия, попыткам восстановить ту концепцию НЭПа, которая постепенно оформлялась у Ленина в 1921–1923 гг. по мере накопления опыта реализации этой политики. В целом ряде коллективных и авторских монографий было сформулировано понимание «ленинской концепции нэпа»¹. Она стала рассматриваться как единственно правильная, реализованная на протяжении 1920-х гг., хотя и не без некоторых искривлений.

Такой сдвиг в трактовке НЭПа, безусловно, нёс в себе позитивный заряд. Это было связано с тем, что сама неоднозначность, изменчивость ленинского взгляда, особенно проявившаяся в его последних работах, позволяла историкам более объективно подойти к рассмотрению двойственности НЭПа, прежде всего, собственно экономической составляющей, обратить самое пристальное внимание на реальную многоукладность народного хозяйства нэповской России.

Не случайно поэтому, что основные усилия историков СССР обратились в этот период на исследование экономического развития в годы НЭПа. Появился целый ряд фундаментальных коллективных исследований², авторских монографий³ и десятки статей, анализирующих разные аспекты развития

¹ Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М.: Политиздат, 1972; Ленинское учение о нэпе и его международное значение. М.: Экономика, 1973; Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М.: Наука, 1974; и др.

² История советского крестьянства. В 5 т. М.: Наука, 1986. Т.1; История социалистической экономики СССР. В 7 т. М.: Наука, 1976-1977. Т.2-3; От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917-1937 гг. В 2 т. М.: Наука, 1981.

³ Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике. (1921-1922). М.: Госполитиздат, 1954; Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу, 1921-1924. М.: Наука, 1971; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и

промышленности, сельского хозяйства, торговли, взаимодействия между собой различных секторов хозяйства.

Богатая источниковая база, целые пласты впервые введённых в оборот документов позволяли воссоздать экономическую действительность нэповской России, оказавшуюся весьма далёкой от той упрощённой схемы борьбы социализма с капитализмом, которая господствовала в прежние годы.

Углублённое изучение экономической составляющей НЭПа закономерно поставило перед учёными вопрос об изменениях социальной структуры нэповского общества, то есть, по сути, ключевой вопрос о стратегической направленности всего социального курса большевистского государства.

При исследовании этого вопроса можно заметить существенное смещение акцентов в работах историков партии и историков СССР.

Внимание первых оказалось сконцентрировано на классовой борьбе в условиях НЭПа с остатками эксплуататорских классов и возродившихся мелкобуржуазных элементов, на идейно-политическом разгроме этих социальных сил¹. Такой подход неизбежно суживал поле зрения историков, вёл к воспроизведению, особенно применительно к развитию социальных отношений в деревне, упрощённой схемы литературы 1920–1930-х гг.: борьбы пролетариата против городской буржуазии, а бедняков в союзе с середняками – против кулачества.

Гораздо более богатыми и в плане источников и, главное, в их интерпретации оказались работы историков СССР. Конечно, общий взгляд на социальные отношения в нэповской России через призму классового конфликта сохранялся и у них. Однако сосредоточение взгляда на социально-экономических, а не на политических аспектах этого конфликта, позволял обнаружить крайне сложную, противоречивую, динамичную картину

классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968; Лельчук В.С. Рабочий класс в управлении государством (1926-1937 гг.). М.: Мысль, 1968; и др.

¹ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921-1925 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. Ч.1-2; Он же. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975; и др.

социальных перемен, вновь и вновь выводящую на проблемы хозяйственной многоукладности и социальной неоднородности нэповского общества.

Среди таких работ следует отметить важную в методологическом плане монографию А.К.Соколова, посвящённую социальным сдвигам в советском обществе и затронувшую ряд проблем эволюции рабочего класса в 1920-е гг.¹

Новаторский характер носили фундаментальные исследования В.П.Данилова по различным аспектам развития нэповской деревни, включая проблему социальной дифференциации, которые и сегодня остаются полноценными участниками историографического процесса².

Существенным сдвигом в постижении реальности социально-экономического состояния российской деревни эпохи НЭПа, всей сложности социальной дифференциации крестьянства стала монография Ю.П.Бокарева, анализирувшая такой ценный источник, как бюджетные исследования крестьянских хозяйств³.

Закономерно, что социально-экономический уклон в исследованиях по истории НЭПа стимулировал и обращение историков к различным проявлениям социальной политики партии и государства.

К сожалению, соответствующие разделы в коллективных монографиях носили, как правило, слишком общий характер, сводясь, с одной стороны, к перечислению и краткому изложению содержания основных партийно-государственных решений этого времени в области социального обеспечения, трудовых отношений, народного образования и т.п., а с другой, к иллюстрации успешного выполнения этих решений посредством приведения ряда статистических показателей⁴. Иногда и сами эти решения и цифровые показатели воспроизводились одинаково в разных изданиях.

¹ Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М.: Изд-во МГУ, 1987.

² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979; Он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977.

³ Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981.

⁴ См. напр.: От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. Т.1-2.

Этот период развития советской историографии так и не принёс отдельного исследования, посвящённого социальной политике периода НЭПа.

Поэтому нельзя не отметить появление такого труда, охватывающего, правда, только первый год существования Советской власти. Монография Л.К.Баевой¹ зафиксировала основные принципы подхода к изучению этой темы, как они оформились к середине 1970-х гг. Социальная политика рассматривалась как классовая политика государства, направленная одновременно и на решение текущих проблем социальной жизни рабочего класса, крестьянства, других социальных слоёв общества и на реализацию социалистической перспективы.

Что касается собственно нэповского периода, то можно отметить появление хорошо документированных исследований, посвящённых изучению такой социальной проблемы как безработица и борьбы с ней². По мнению учёных, безработица была неизбежным элементом НЭПа, и усилия государства в этом отношении были направлены на смягчение её издержек для рабочих.

Определённую историографическую ценность сохраняет и монография П.А.Алексанова, остающаяся до сих пор единственным целостным исследованием деятельности крестьянских комитетов взаимной помощи – важного элемента социальной политики Советского государства в деревне³.

Проблемы НЭПа активно изучались и уральскими историками.

Конечно, в концептуальном плане они были вынуждены придерживаться тех же рамок, что и все остальные исследователи. Как в коллективных, так и в авторских работах учёных Урала трудно обнаружить какое-либо теоретическое новаторство в трактовке основополагающих принципов НЭПа. Они выдержаны в русле общепринятой в эти годы концепции – из работы в работу, что являлось

¹ Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 – конец 1918 г.). М.: Политиздат, 1977.

² Социальная политика советского государства и рабочий класс; Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР, 1917-1930 гг. М.: Наука, 1973; Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917-1930). М.: Мысль, 1968; и др.

³ Алексанов П.А. В борьбе за социалистическое переустройство деревни (Крестьянская взаимопомощь. 1921-1932 гг.). М.: Мысль, 1971.

неизбежной данью тому времени, кочевал примерно один и тот же набор цитат из произведений Ленина, партийных документов.

Главная ценность работ уральских историков этого периода, позволяющая некоторым из них оставаться и сейчас участниками историографического процесса, заключалась в воссоздании полноценной картины развития всего уральского региона и его отдельных территорий в период НЭПа, картины, практически отсутствовавшей в отечественной исторической науке до конца 1950-х – начала 1960-х гг. Правда, к сожалению, эта картина оказалась рассыпана между целым рядом работ, не появилось, хотя её создание и планировалось, обобщающей академической работы по истории всего Уральского региона 1920–1930-х гг.

Следует учесть одну общую особенность подхода уральских историков к исследованию НЭПа. Тот факт, что в 1930-е гг. Урал стал одним из главных промышленных центров страны, неизбежно смещал центр исследований в сторону промышленности, изучения предпосылок индустриального рывка региона. Часто, помимо желания авторов, происходила своеобразная ретроспективная аберрация зрения: нэповский период рассматривался как предыстория социалистической индустриализации и в соответствие с этим менялся и тематический ракурс, и интерпретация фактического материала.

В выходявших в этот период обобщающих работах по истории отдельных территорий Уральского региона, в том числе и Южного Урала, период нэпа рассматривался достаточно традиционно, без детализации¹. Несколько более подробно, но также вполне традиционно эту тему затронул курс лекций по истории Урала, охвативший 1920-е гг.²

Ещё в более стандартном духе были выдержаны широко издававшиеся в этот период работы по истории партийных организаций Урала, в которых основное внимание было сосредоточено на показе ведущей и направляющей

¹ См. напр.: Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. Т.2; Очерки истории Курганской области. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1968; и др.

² История Советского Урала (1917-1932). Свердловск: УрГУ, 1976.

роли партии¹. Роль партии в годы НЭПа освещалась по канонам, заложенным в издававшихся в Москве учебниках по истории КПСС, а фактический материал, как правило, черпался из ранее изданных работ.

Уже на исходе 1980-х гг. появилось обобщающее издание по истории народного хозяйства Урала, где имелся неплохо документированный раздел по нэповскому периоду². Однако в концептуальном плане эта работа не содержала каких-либо новаций.

Основной массив работ, посвящённых истории Урала периода НЭПа, составили монографии, статьи (этот жанр исторических исследований численно доминировал), диссертации, тезисы докладов на научных конференциях. Количество таких публикаций достаточно объёмно. Подробный анализ этих работ с современных позиций был дан в ряде новейших диссертационных исследований уральских историографов³.

Применительно к основной тематике настоящей диссертации необходимо, прежде всего, отметить отсутствие специальных исследований, рассматривавших социальную политику как целостность не только в пределах Южного Урала, но и всего уральского региона.

В то же время отдельные аспекты социальной политики (трудовые отношения, социальное обеспечение, налоговая политика в деревне и др.) достаточно часто затрагивались в работах, рассматривающих промышленное

¹ См. напр.: Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973; Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973; Очерки истории Челябинской областной партийной организации. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967; и др.

² История народного хозяйства Урала (1917-1945). Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1988.

³ См.: Камынин В.Д. Советская историография рабочих Урала в 1917-1930 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1990; Пересторонина Л.И. Формирование советской историографии рабочего класса и крестьянства Урала периода восстановления и реконструкции народного хозяйства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; Цыпина Е.А. Промышленное и аграрное развитие Урала в годы нэпа. Историография проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

развитие Урала и состояние рабочего класса¹, социальные процессы в уральской деревне², классовую борьбу³ и т.д.

Фрагментарность приводимого фактического материала не позволяла создать на основе этих работ сколько-нибудь системную картину социальной политики, однако можно было проследить некоторые её характерные черты. К таковым относились, прежде всего, классовая направленность, особенно хорошо проявлявшаяся в налоговой политике, борьбе с безработицей, жилищной политике.

Вместе с тем целый ряд сторон социальной политики не затрагивался или освещался крайне бегло (например, деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, реальный уровень жизни разных социальных групп, коммунальное хозяйство уральских городов). Наконец, нельзя не отметить отсутствие попыток изучения обратной связи общества и власти, реакций населения на те или иные действия властей в социальной области. Если и приводились какие-либо свидетельства отношения населения к проводимой политике, то они носили исключительно позитивный характер, кроме тех случаев, когда речь шла о позиции классовых врагов.

Можно констатировать, что исследования уральских историков этого периода создали необходимую фактологическую и аналитическую базу для воссоздания целостной картины развития Урала в годы НЭПа, но последняя задача так и не была решена.

Характеризуя в целом второй период изучения НЭПа, нельзя не отметить, что сохранение партийного контроля над исторической наукой неизбежно время от времени актуализировало воздействие догматических представлений,

¹ Зуйков В.Н. Создание тяжёлой индустрии на Урале. 1926-1932. М.: Наука, 1971; Иванов В.П. Рабочие Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства (1919-1925 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985; Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921-1926 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

² Муравьёв В.Е. Социальный состав уральской доколхозной деревни середины 20-х годов // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1972. Сб.3; Толмачёва Р.П. Социальная дифференциация уральского крестьянства в восстановительный период (1921-1925 годы) // Вопросы истории Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1965. Вып.6; и др.

³ Куликов В.М. Подготовка и проведение развёрнутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925-1932. Свердловск: УрГУ, 1987.

восходящих к литературе 1920–1930-х гг., приводило к появлению работ, за внешней капитальностью которых скрывалась прежняя упрощённая интерпретация нэпа. Сковывающее влияние партийной идеологии сказывалось, особенно с начала 1980-х гг., даже на работах лучших представителей советской исторической науки. Показательна в этом отношении коллективная работа «Новая экономическая политика: Разработка и осуществление»¹, в которой излагалось концентрированное понимание НЭПа, сложившееся в советской историографии.

Стержневая идея этой работы заключалась в том, что «новая экономическая политика разрабатывалась и воплощалась в жизнь как неотъемлемый элемент ленинского комплексного плана построения социализма в СССР»². Однако, посвятив значительную часть работы изложению взглядов Ленина, авторы в то же время, по сути, повторили многие стереотипы, восходящие к более раннему периоду советской историографии, утверждая, например, что НЭП естественным путём перешёл в индустриализацию и коллективизацию, которые явились его продолжением, и весь период 1921–1937 гг. стал единым целенаправленным движением к социализму. «С победой социализма и завершением переходного периода нэп исчерпал себя», – делался ими вполне традиционный и для 1930-х гг. вывод³.

Как известно, авторы этой работы в последующие годы оказались среди тех историков, кто сумел перевести на новый качественный уровень изучение нэповских проблем, пересмотрел некоторые из своих прежних взглядов. Поэтому данная работа может служить наглядной иллюстрацией той сложной ситуации, в которой оказалась в начале 1980-х гг. советская историография НЭПа, вынужденная оставаться в рамках партийной идеологии, несмотря на то, что фактический материал, введённый в научный оборот, явно требовал переосмысления многих стереотипов.

¹ Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М.: Политиздат, 1982.

² Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Указ. соч. С.63.

³ Там же. С.238.

Сохранение формальной и неформальной идеологической цензуры в исторической науке продолжало не только сковывать творческие поиски лучшей части исследователей НЭПа, но и одновременно стимулировало определённые элементы стагнации историографической ситуации в целом.

Это проявлялось, прежде всего, в стереотипности большинства работ, особенно традиционного историко-партийного плана, нарастающем мелкотемье, автоматическом воспроизводстве общепринятых оценок и трактовок, жёстком неприятии подходов к истории НЭПа, развивавшихся в зарубежной историографии, чаще всего голословном опровержении содержащихся в них трактовок. Можно говорить о том, что сложившиеся за десятилетия методы и приёмы изучения НЭПа в известной мере исчерпали себя, поэтому продолжавшееся в эти годы накопление фактического материала не обеспечивало качественного приращения научного знания.

Имело место и открытое вмешательство партийных инстанций в исследовательскую деятельность, навязывание «сверху» определённых точек зрения, даже косвенное несогласие с которыми оценивалось как «отход от марксизма-ленинизма». Продолжала воздействовать и политическая конъюнктура. Так, например, «пражская весна» 1968 г., возникновение в международном коммунистическом движении «еврокоммунизма» актуализировали новый этап критики «ревизионизма» на примере истории КПСС. Неслучайно появление на этом фоне (позднее ещё раз переизданной) работы Ф.М.Ваганова, посвящённой разоблачению «правого уклона» и проведению прямой аналогии между «правыми» в ВКП(б) и ревизионистами в Венгрии и Чехословакии¹.

Сдерживающую роль в развитии исследований по нэповской проблематике играла и сохранявшаяся закрытость значительного числа архивных фондов, особенно касавшихся высших партийных органов, существенные ограничения в доступе и использовании литературы, находившейся на «специальном хранении». Без ввода в научный оборот новых

¹ Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928-1930 гг.). М.: Политиздат, 1970; Он же. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928-1930 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

документов невозможно было ни обосновать иную концептуальную интерпретацию НЭПа, ни вскрыть конкретные механизмы функционирования советской системы 1920-х гг., ни изучить массовые настроения той эпохи.

Сказанное не отменяет выше отмеченного качественного сдвига в историографии НЭПа, а скорее выявляет исследовательский потенциал историков, не сумевших полностью реализоваться в этот период. Именно наличие такого потенциала сыграло важнейшую роль в тех переменах в исторической науке, которые начались в конце 1980-х гг.

В целом можно сказать, что период «советской научной» историографии НЭПа принёс ряд несомненных достижений.

Во-первых, произошло воссоздание объёмной картины НЭПа не только как политики партии, но и как определённого этапа в жизни всего общества. В результате история страны 1920-х гг. приобрела реальную, во многом, хотя ещё и не во всём, соответствующую исторической правде многомерность, на страницах исторической литературы появился народ (правда, по-прежнему рассматриваемый преимущественно через классовую призму) как основное действующее лицо нэповской России.

Во-вторых, многомерная картина НЭПа позволила начать разговор о противоречивости процессов, протекавших в стране. Стало возможным поставить вопрос о кризисах НЭПа, порождённых не только сопротивлением классовых врагов, но и объективными причинами экономического, социального и культурного состояния России/СССР.

В-третьих, началось изучение НЭПа в отдельных республиках и регионах страны, что поставило вопрос о специфике осуществления нэповской политики, влиянии на неё факторов, связанных с хозяйственной многоукладностью страны, сложным национальным и религиозным составом.

В-четвёртых, огромный фактический материал, введённый в научный оборот, иногда вступающий в противоречие с сохранявшимися партийными постулатами, подтолкнул к проведению научных дискуссий, создававших возможность для высказывания некоторых точек зрения, объективно

способствовавших переосмыслению (на следующем этапе историографического процесса) целого ряда существовавших стереотипов.

Этап «постсоветской научной» историографии НЭПа (конец 1980-х гг. – настоящее время).

Новый этап в развитии историографии НЭПа, как и в развитии всей отечественной исторической науки, в решающей степени явился результатом глубинных экономических, социально-политических, идейных перемен, происходивших в стране со второй половины 1980-х гг.

Ликвидация советской системы, стержнем которой являлась монополярная власть КПСС, привела и к ликвидации долголетней монополии партийной идеологии, что создало для историков предпосылки перехода к свободному научному поиску.

Кризисное состояние исторического знания в СССР не было секретом для большей части профессионального исторического сообщества, что побуждало многих историков искать пути преодоления этого кризиса и до начала «перестройки» и «гласности». Поэтому неслучайно, что по мере ослабления, а затем и исчезновения партийной цензуры стали появляться публикации по НЭПу, в которых, с одной стороны, фиксировались реальные проблемы в его изучении, а с другой, делались попытки преодолеть прежние стереотипы, выйти на новый уровень осмысления нэповской эпохи.

Например, в 1986 г. был опубликован сборник статей, в предисловии к которому прозвучало симптоматичное признание в том, что, говоря о нэпе, «нельзя считать решённым вопрос о теоретических и практических предпосылках этой политики, о процессе становления её как целостной системы, о закономерностях её эволюции по мере возрождения народного хозяйства и усиления социалистического наступления. Нет пока единого мнения исследователей о характере взаимодействия различных социально-экономических укладов, о характере противоречий, рождаемых нэпом, и путях их преодоления, о чертах нэпа на завершающем этапе проведения его и итогах его эволюции, о времени исчерпания и перерастания нэпа в экономическую

политику победившего социализма»¹. Показательно, что в числе членов редколлегии, от имени которых прозвучало это признание, оказались двое из авторов вышеупомянутой работы «Новая экономическая политика. Разработка и осуществление», Ю.А.Поляков и В.П.Дмитренко.

1988–1990 гг. ознаменовались массовой публикацией книг² и статей³, в которых приводились и новые факты, и новые оценки советской истории вообще и периода НЭПа в частности. Так, фактически сразу после политической реабилитации Бухарина появились работы, дававшие объективную оценку взглядов основного оппонента Сталина конца 1920-х гг.⁴

Подобные факты свидетельствовали о том, что необходимый потенциал для качественных перемен в изучении НЭПа был накоплен ранее, и в основном его реализация сдерживалась вненаучными обстоятельствами.

Качественный прорыв в изучении НЭПа, достигнутый в 1990-е гг., был во многом обеспечен и радикальным обновлением источниковой базы. За последние 15 лет в научный оборот было введено большое количество ценнейших источников, многие из которых стали доступны учёным впервые. Хотя процесс открытия архивов имел свои сложности, ряд из которых не преодолен до сих пор⁵, однако достигнутого уровня оказалось достаточно, чтобы начать переосмысление всех проблем нэповской России.

¹ Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М.: Наука, 1986. С.6.

² См. напр.: Волобуев О., Кулешов С. Очищение: История и перестройка. М.: Изд-во АПН, 1989; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М.: Политиздат, 1989; Горинов М.М. НЭП: поиски путей развития. М.: Знание, 1990; Историки спорят. 13 бесед. М.: Политиздат, 1988; Лацис О.Р. Перелом: Опыт прочтения несекретных документов. М.: Политиздат, 1990; Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М.: Политиздат, 1989; Суровая драма народа: Учёные и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989; Урок даёт история. М.: Политиздат, 1989; Шелестов Д. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. М.: Прогресс, 1990; и др.

³ См. напр.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Указ. соч.; Голанд Ю. Политика и экономика: Очерки общественной борьбы 20-х годов // Знамя. 1990. № 3. С.116-152; Исаев И.А. Переходная экономика нэпа // История СССР. 1990. № 2. С.15-30; Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9. С.3-58; Симонов Н.В. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927 гг.) // История СССР. 1990. № 5. С.42-59; и др.

⁴ См. напр.: Бухарин: человек, политик, учёный. (Этот сборник был издан по материалам прошедшей в 1988 г. в ИМЛ научной конференции); Горелов И.Е. Николай Бухарин. М.: Моск. рабочий, 1988.

⁵ См.: Козлов В.П. Проблемы доступа в архивы и их использования // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С.79-103; № 6. С.78-104.

При этом следует отметить, что многие важнейшие документы публикуются в составе уникальных по репрезентативности документальных серий¹, становясь тем самым достоянием не отдельных исследователей, а широкой научной общественности.

Особенно важно и то, что существенные подвижки произошли не только в центральных, но и в местных архивах, открылись перспективы для изучения НЭПа не только «вглубь», но и «вширь».

Правда, следует признать, что освоение новых источников невозможно без дальнейшего развития отечественного источниковедения как своего рода «творческой лаборатории или мастерской исторической науки»².

В литературе уже проанализированы те существенные изменения в изучении истории НЭПа, которые произошли в российской историографии в 1990-е гг.³ Кроме того, существует работа, в которой частично рассматривается и новейшая историография НЭПа на Урале⁴.

В основном присоединяясь к мнениям, высказанным нашими коллегами, хотелось бы уточнить и собственную позицию в отношении сильных и слабых сторон современной российской историографии НЭПа.

На наш взгляд, главными проблемами, вставшими перед специалистами по новейшей истории России, включая и период НЭПа, явились методологические проблемы, которые, по замечанию И.Б.Орлова, «продолжают оставаться фактором, разделяющим российских историков»⁵.

¹ Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928-1929 гг. В 5 т. М.: Междунар. фонд «Демократия», Материк, 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М.: ИРИ РАН, 2001-2004. Т.1-7; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4 т. М.: РОССПЭН, 1998, 2000. Т.1-2; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. М.: РОССПЭН, 1999-2000. Т.1-2; и др.

² См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОССПЭН, 2004.

³ Алексеева Е.А. Нэп в современной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Горинов М.М. Советская история 1920-30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С.239-277; Орлов И.Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С.102-116.

⁴ Цыпина Е.А. Указ. соч.

⁵ Орлов И.Б. Современная отечественная историография НЭПа. С.103.

Острота этой проблемы очевидна. Многолетнее господство марксистской методологии, к тому же большую часть времени существовавшей в редуцированном до догматизма варианте, породило, особенно у молодого поколения исследователей, её естественное отторжение и обращение к тем вариантам методологии, которые развивались в XX веке в зарубежной науке, в том числе и в так называемой «советологии». Этому отчасти способствовали публикации в России работ зарубежных авторов, развитие системы грантов, значительное расширение диапазона международных контактов российских историков и другие обстоятельства.

Однако овладение теми или иными методами исследования, применение новых концепций часто опережало накопление исторической эмпирики, тщательное освоение того источникового изобилия, которое возникло в 1990-е годы. В результате возникла достаточно противоречивая ситуация. По мнению А.К.Соколова, «в современной России отношение к методологии и источниковедению в исторических трудах можно описать в терминах хаоса и разброда, напряжённого поиска новых подходов и интерпретаций»¹.

Реальная сложность решения методологических проблем отчётливо проявилась уже в ходе обсуждения вопроса, выдвинувшегося в первой половине 1990-х гг. на первый план, вопроса об альтернативности НЭПа.

Выше уже отмечалась роль, которую в развёртывании дискуссии по этому вопросу сыграл В.П.Дмитренко. Следует отметить, что его собственная позиция была неоднозначной. Признавая, что НЭП открывал возможность иного пути развития послеоктябрьского общества, чем тот, что был намечен политикой «военного коммунизма», В.П.Дмитренко приходил всё же к выводу, что это был «скорее потенциал, нежели реальность нэпа»². Реальность нэпа по мере развития этой политики двигала страну в ином направлении, поэтому, по замечанию А.К.Соколова, В.П.Дмитренко приходил к убеждению, что сама система

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. С.50.

² Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа. С.30.

превращала нэп во временный фактор и альтернативы его конечному сворачиванию не было¹.

Дискуссия, развернувшаяся по вопросу альтернативности НЭПа, в конечном итоге кристаллизовала два основных подхода, существующих до настоящего времени и во многом определяющих позиции исследователей по частным вопросам истории России/СССР 1920-х гг.

Правда, следует учесть, что их можно считать проявлением на отечественной почве взглядов, возникших ещё в работах русских эмигрантов 1920-х гг., нашедших затем продолжение в зарубежной советологии.

Так, например, один из авторитетнейших зарубежных исследователей НЭПа, английский историк Р.Дэвис отмечал наличие в западной историографии сторонников возможных перспектив продолжения нэповского курса и сторонников его изначальной обречённости². Можно указать в качестве подтверждения этого мнения на опубликованные на русском языке исследования американских историков: С.Козна, отстаивающего точку зрения о реальности альтернативы сталинской политике в виде бухаринского варианта расширения нэпа³, и М. Малиа, не усматривающего в нэпе какой-либо альтернативы советскому тоталитаризму⁴.

Собственно говоря, к таким же выводам свелись и позиции участников дискуссии в новейшей российской историографии.

Одна сторона отстаивала точку зрения, что существовали реальные альтернативы разрешения кризисов НЭПа не за счёт его отмены, а за счёт расширения рыночной составляющей⁵, другая – что НЭП не мог привести ни к

¹ Соколов А.К. Историческое значение нэпа. С.7-8.

² Дэвис Р. Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С.311-318.

³ Козн С. Бухарин: политическая биография 1888-1938. М.: Прогресс, 1988.

⁴ Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917-1991. М.: РОССПЭН, 2002.

⁵ См. напр.: Данилов В.П. Бухаринская альтернатива. Пантин И.К., Плимак Е.Г. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: Весь Мир, 2000. С.318-338; Попов В., Шмелёв Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С.284-326; Трукач Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. М.: Наука, 1994. Гл.IV.

чему иному, кроме как к тоталитаризму, и в этом смысле был обречён на поражение с самого начала¹.

Исходная обречённость НЭПа виделась историкам в несовместимости экономической политики, признававшей частную собственность, а, следовательно, и конкуренцию, и монопольной власти партии большевиков.

Как отмечал, например, В.А.Шишкин, «реформы нэпа в значительной степени стали бесплодными и кратковременными, ибо всякий шаг по пути их развития неизбежно упирался в политический тупик ... именно политический режим являлся тем тормозом развития нэпа, который в конечном итоге привёл к его общему кризису»². Сходную точку зрения высказал и Е.Г.Гимпельсон, полагавший, что существовала «принципиальная несовместимость рынка и «социализма», советской политической системы с рыночной сущностью нэпа»³. Обращалось внимание на то, что подобные противоречия особенно обострились по мере выдвижения на первый план задач индустриальной модернизации страны⁴. Были высказаны и радикальные оценки, согласно которым нельзя вообще говорить о какой-либо альтернативности, поскольку нэп изначально «задыхался в условиях диктатуры партийно-государственного аппарата»⁵.

Однако истинный эффект этой, пожалуй, первой по-настоящему полноценной дискуссии в постсоветской историографии НЭПа был гораздо шире простого формулирования двух разных позиций.

Во-первых, и та, и другая из сформулированных позиций означали радикальный разрыв с прежде господствовавшими в советской историографии точками зрения на НЭП. Во-вторых, что ещё более важно, разрыв с прежней

¹ Дадаян В.С. Терновый венец России: истоки национальной беды. М.: Наука, 1994; Киселёв А.Ф., Чураков Д.О. Бюрократия и нэп // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М.: МИП «НВ Магистр», 1993. С.100-116; Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. М.: Терра, 1996. Т.2. Гл.4; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). Спб.: Дмитрий Буланин, 1997.

² Шишкин В.А. Указ. соч. С.249-250.

³ Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. С.394.

⁴ Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.). Спб.: Нестор, 1996. С.339.

⁵ Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1993. С.211.

традицией требовал соответствующей аргументации, которую было сложно осуществить путём простого перекомбинирования фактического материала, почерпнутого из источников и литературы предыдущих десятилетий.

Можно согласиться с Р.Дэвисом, отметившим, что содержательно говорить об альтернативах можно лишь на базе проведения детальных исследований НЭПа, которых в тот момент явно не хватало¹.

Поэтому дискуссия об альтернативности стала мощным стимулом для сторонников обеих точек зрения развернуть всестороннее, углублённое исследование эпохи НЭПа на базе привлечения новых источников, расширения тематики и использования тех методов, которые позволяли бы достичь наиболее адекватных результатов в данной, конкретной области исследования.

В результате создаваемая усилиями историков картина российской действительности 1920-х гг. начала приобретать всё более объёмный и сложный характер, что, в свою очередь, остро поставило вопрос о системном видении НЭПа. На эту особенность современного историографического процесса уже обратил внимание И.Б.Орлов².

Прежняя, господствовавшая в советской историография точка зрения о наличии у большевистского руководства (в виде ленинской концепции нэпа) единой нэповской программы, которая позднее лишь дополнялась и уточнялась, была подвергнута критическому пересмотру.

Если в первых «перестроечных» публикациях ещё по инерции воспроизводилась традиционная позиция о том, что «НЭП – это цельный, неразрывный комплекс мер переходного периода»³, то очень быстро проявился и другой взгляд на этот вопрос.

Так, по мнению М.М.Горинова и С.В.Цакунова, речь надо вести не о ленинском плане НЭПа, а скорее о методе, который мог видоизменяться по мере развития ситуации⁴. В своей авторской монографии С.В.Цакунов прямо указал,

¹ Дэвис Р. Указ. соч. С.318.

² См.: Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа. С.106-108.

³ Наумов В., Курин Л. Указ. соч. С.97.

⁴ Горинов М.М., Цакунов С.В. 20-е годы: становление и развитие новой экономической политики // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. С.140.

что характер перехода к новой экономической политике свидетельствовал, что «действия руководства носили импровизаторский характер, демонстрировали отсутствие чётко продуманного плана действий»¹.

Ю.П.Бокарев подчёркивал, что на самом деле НЭП не был построен в соответствии с разработанным заранее планом, а «был равнодействующей многих экономических и политических сил, причём конечный результат никому не был известен заранее»².

Вполне определённо высказался по этому вопросу и А.К.Соколов, полагавший, что «нэп – это цикл последовательных и непоследовательных мероприятий, проводимых в стране, по выходу из кризиса, которые диктовались скорее объективными обстоятельствами, чем какими-либо идеями и схемами, лишь постепенно оформлявшимися в попытку наметить программу построения социализма экономическими методами»³.

Признание отсутствия у большевистского руководства программы НЭПа как системного видения развития страны в условиях смешанной экономики ставило и другой вопрос: можно ли в таком случае говорить о системе НЭПа, имея в виду уже не столько саму партийно-государственную политику, сколько социально-экономическую, политическую, идеологическую, культурную реальность России/СССР 1920-х гг.?

Как единство однопартийного политического режима и административно-рыночной системы хозяйствования характеризовался НЭП в статье М.М.Горина и С.В.Цакунова⁴; близкая по смыслу оценка была дана в коллективной работе по истории России⁵; весьма определённая точка зрения на этот счёт была высказана Н.П.Носовой («НЭП является сложившейся и развивающейся в рамках определённых временных границ системой

¹ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. С.49.

² Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. С.167.

³ Соколов А.К. Историческое значение нэпа. С.9.

⁴ Горин М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С.38.

⁵ Горин М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П. История России. Ч.3. XX век: выбор моделей общественного развития. М.: ИРИ РАН, МГПИ, Общ-во «Знание», 1994. С.57-58.

экономических, политических и идеологических отношений»¹); по мнению М.Н.Новикова, НЭП представлял собой «централизованно-плановую экономическую систему, политическим выражением которой была власть партийно-государственного аппарата»². Системного видения экономической стороны НЭПа придерживались и экономисты, авторы коллективной монографии Института экономики РАН³.

Основной аргумент оппонентов такой точки зрения сводился к указанию на кратковременность существования НЭПа, что и не позволило сформироваться полноценной нэповской системе⁴. Ещё более глубоко вопрос поставил В.П.Дмитренко: «Не существовало в природе нэпа как некоего целого, системного, достаточно оформленного. В политике это была, хотя и очень важная, но лишь одна из тенденций, а в экономике – один из её элементов»⁵.

Развернувшиеся в 1990-е – начале 2000-х гг. конкретные исследования разных сторон НЭПа, формально не принимая прямого участия в дискуссии о системности, предоставили новые аргументы в пользу сомнений в существовании целостной нэповской системы.

Так, углублённые исследования разных сторон жизни российской деревни показывали, что восстанавливающееся крестьянское хозяйство более органично воспроизводило натуральные формы своей организации, нежели товарно-рыночные. Крестьянская психология во многом оставалась под влиянием традиции⁶, земельные общества, то есть традиционные общины в лице их сельских сходов, даже во второй половине 1920-х гг. играли гораздо более значительную роль, чем сельские советы, часто находившиеся в своих решениях в прямой зависимости от первых⁷, привычные формы крестьянского быта брали

¹ Носова Н.П. Управлять или командовать?: Государство и крестьянство Советской России (1917-1929). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С.38.

² Новиков М.Н. Исторический опыт НЭПа: идеи и реальности. М.: Уникум-Центр, 1997. С.73.

³ Очерки экономических реформ. М.: Наука, 1993. С.63-103.

⁴ Данилов В.П. 20-е годы: нэп и борьба альтернатив // Вопросы истории. 1988. № 9. С.8.

⁵ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа. С.30.

⁶ Рогалина Л.Н. Нэп как реформа (Аграрный аспект) // НЭП в контексте исторического развития России XX века. С.221-237.

⁷ Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926-1929 гг. // Историческое значение НЭПа. С.109-128.

верх над новшествами и «качественного изменения в повседневной жизни крестьянства в период нэпа не произошло»¹.

С другой стороны, рабочий класс по своему общему социально-культурному уровню, мотивации и поведению плохо соответствовал большевистской иллюзии носителя «передового классового сознания», и 1920-е годы были отмечены для пролетариата «преобладанием традиций, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями»², а новый управленческий класс, большевистская бюрократия, стремительно воспроизводил пороки старого российского чиновничества³.

В.П.Булдаков, исследуя социопсихологические, ментальные характеристики российского общества нэповского периода, сделал важный вывод: «Традиция поглощала революционный порыв»⁴.

Существенную роль в формировании нового представления о нэповской действительности сыграло обращение целого ряда историков к жанру социальной истории. Творческое освоение методов и приёмов социальной истории, доказавших свою эффективность в зарубежной историографии, к настоящему времени превратилось в неотъемлемую часть отечественного историографического процесса, что открыло возможности для нового прочтения многих сюжетов российской истории 1920–1930-х гг.⁵

Начавшаяся публикация источников по социальной истории, прежде всего, так называемых «писем во власть», позволила заново открыть те стороны российской действительности, которые до сих пор практически оставались

¹ Россия нэповская. С.436.

² Тяжельникова В.С., Соколов А.К. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С.91.

³ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2001. Гл.3.

⁴ Булдаков В.П. Постреволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // НЭП в контексте исторического развития России XX века. С.215.

⁵ Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований Советской власти (1917-1930-е годы). С.103-113; Он же. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения. С.39-76.

неизвестными, услышать реальный, неискажённый «партийными репродукторами» «голос народа»¹.

Уже одна из первых попыток, предпринятых ещё в «перестроечный период», использовать, например, крестьянские письма для анализа духовного облика деревни в годы НЭПа, обнаружила, что «деревней часто управлял по-прежнему сельский сход», у крестьян сохранялась «ревность» к рабочим, а у части середняков – «антибедняцкие» настроения².

В работах последующих лет историками начала создаваться всё более многомерная картина и крестьянской, и городской жизни того времени. Общий поток исследований по истории НЭПа, выполненных в жанре социальной истории, непрерывно нарастает, расширяясь по тематике, углубляясь по содержанию³.

На русском языке были также переизданы некоторые близкие по тематике работы зарубежных социальных историков⁴.

¹ См. напр.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан на события 1918-32 гг. М.: РОССПЭН, 1998; Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001; Письма во власть. 1917-1927. М.: РОССПЭН, 1998; и др.

² Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. Гл.V.

³ См. напр.: Журавлёв С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С.287-334; Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М.: Памятники истор. мысли, 1997. Ч.1; Она же. Рыночные свободы и сельский менталитет. Чего жаждал крестьянин при нэпе? // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С.260-275; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 гг. Спб.: Журн. «Нева», Летний Сад, 1999; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002; Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. С.186-202; Миронова Т.П. Нэп и крестьянство (Социально-психологический аспект) // НЭП в контексте исторического развития России в XX веке. С.238-260; Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917-1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. С.129-134; Российская повседневность 1921-1941: новые подходы. Спб.: Спб. ун-т экономики и финансов, 1995; Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам советских граждан) // НЭП: завершающая стадия. М.: ИРИ РАН, 1998. С.114-159; Тяжельникова В.С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С.411-433; и др.

⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001; Она же. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001; Холмс Л. Социальная история России. 1917-1941. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1994.

Исследование массовых настроений населения России 1920-х гг., различных проявлений российской повседневности привело к осознанию принципиально важного для современной трактовки НЭПа факта: между проповедовавшей социалистические цели властью и основной частью населения страны существовал острый конфликт в сфере сознания и психологии. Как справедливо заметил А.К.Соколов, в 1920-е годы «уровень народа оказался в вопиющем противоречии с взглядами политических лидеров»¹.

В.П.Булдаковым было обращено внимание на те черты массового поведения в годы НЭПа, которые свидетельствовали о выходе на поверхность «социокультурной архаики»². Подобный подход коррелирует с концепцией социокультурной динамики России, разрабатываемой российскими философами и культурологами (А.С.Ахиезер и др.)³, что открывает возможности для расширения междисциплинарных исследований проблем НЭПа.

В рамках социальной истории активно развернулись не только исследования ранее малоизученных сторон российской действительности 1920-х гг., но и применение в их ходе новых инструментов анализа, привлечённых из других областей общественнознания.

Так, в монографии Д.Х.Ибрагимовой⁴ для анализа взглядов делегатов XI съезда РКП(б) и эволюции представлений различных групп крестьянства в 1920-е гг. были использованы методы факторного анализа. В качестве источников были привлечены протоколы заседаний аграрной секции съезда и подобранная и сгруппированная по определённым принципам коллекция писем из архива «Крестьянской газеты» в РГАЭ. В результате автором были получены интересные результаты, позволяющие говорить о многовариантности развития крестьянского сознания в условиях НЭПа, сложном переплетении устойчивых традиционных общинных представлений о справедливости и проникавших в

¹ Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа». С.119.

² Россия нэповская. С.272.

³ См. напр.: Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. Т.1; Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1993; и др.

⁴ Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка.

деревню новых представлений, отражавших политические реалии послереволюционной России.

В монографии А.Я.Лившина и И.Б.Орлова¹, также широко использовавших «письма во власть», извлечённые из разных архивов, было обращено внимание на то, что анализ подобных источников позволяет ответить на важный вопрос о путях социальной идентификации населения страны в условиях нэповской действительности. Рассматривая такие аспекты массового сознания, как восприятие центральной и местной власти, «ментальные параметры оценки власти», авторы приходят к выводу о мозаичности, фрагментарности массового сознания, присутствии в нём самых разных элементов, нарастании к концу 1920-х гг. у разных групп населения по разным причинам общего недовольства нэповской политикой.

Возможно, наиболее ценной чертой исследований по НЭПу, выполненных в русле социальной истории, стало привлечение внимания историков к проблеме «обратной связи» между властью и обществом. На смену созданной в прежней историографии картине соответствия всех действий большевистской власти настроениям и чаяниям подавляющего большинства населения страны приходит понимание неоднозначной, изменчивой реакции общества на нэповский курс власти, реакции, в которой переплетались самые разные мотивы прошлого, настоящего и желаемого будущего.

Исследование механизма обратной связи, тех интерпретаций, которые давались руководством страны настроениям различных социальных групп, тех конкретных ответных шагов, которые им предпринимались, благодаря работам социальных историков выдвигается в число актуальных задач современного этапа изучения истории России эпохи НЭПа.

Успехи, достигнутые историками в 1990-е гг., создали возможности для появления обобщающих работ. Первой попыткой такого рода стала коллективная монография «Россия нэповская». В методологическом плане эта работа оказалась выдержанной в русле модернизационной парадигмы, позволяющей рассмотреть коммунистический опыт России XX века как

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч.

попытку решения объективно назревшей перед страной главной задачи – «индустриализации экономики и урбанизации общества, то есть подтягивания к уровню возроставших требований современной ситуации»¹. Последовательное применение заявленного подхода к разным сторонам истории нэповской России позволило авторам высказать ряд оригинальных суждений по целому ряду ключевых историографических сюжетов.

Так, например, для характеристики качественного содержания возникшей в стране в 1920-е гг. политической системы С.А.Павлюченковым был предложен термин «государственный абсолютизм», понимаемый как «некий цивилизационный феномен, в котором гармонично переплелись абсолютизация политической системы и массовизация (квази-демократия) общественной жизни»². Его формирование связывалось с социально-психологическими процессами, ведущими к «закономерному переходу большевизма от анархо-охлократической формы в бюрократическую»³.

Анализ И.Б.Орловым экономических сторон нэпа оказался сосредоточен на выявлении системных противоречий, которые так и не позволили создать в стране единую экономику, и в итоге к концу НЭПа «СССР находился на начальном этапе индустриализации ... объективно складывалась ситуация экономического застоя и военного бессилия»⁴.

Другим автором, В.П.Булдаковым, констатировалось усиление в обществе социокультурного напряжения, углубление раскола между городом и деревней, выход на поверхность «социокультурной архаики»⁵.

Общий вывод авторского коллектива оказался близок к точке зрения сторонников безальтернативности нэповского пути: НЭП был лишь «передышкой», промежуточным этапом в формировании государственного абсолютизма как инструмента модернизационного рывка, «главным содержанием эпохи нэпа стало завершение создания государственного мобилизационного аппарата ... который заставил бы общество форсированными

¹ Россия нэповская. С.301.

² Россия нэповская. С.188.

³ Там же. С.27.

⁴ Там же. С.397-398.

⁵ Там же. С.272.

темпами тронуться с рубежа 1913 года, навёрстывая упущенное время на пути индустриализации и урбанизации страны»¹.

К сожалению, несколько в стороне от внимания авторов «России нэповской» оказались социальные аспекты НЭПа, в частности динамика изменения социальной структуры общества, а также социально-бытовая сторона жизни людей в годы НЭПа, в изучении которой преуспела российская социальная история последних лет. Рассматривая особенности НЭПа на местах, авторы ограничились только национальными республиками и районами страны, не осветив этого вопроса применительно к собственно российским территориям. Видимо, сдерживающим фактором оказалось явно недостаточное количество региональных исследований НЭПа в современной историографии.

Общий подход к проблеме и ряд суждений авторов монографии «Россия нэповская» вызвали неоднозначную оценку в среде историков – исследователей НЭПа, однако, очевидно, что сам факт появления такой работы стимулирует новые попытки создания обобщающих работ, отражающих иные методологические подходы и иные точки зрения.

Что касается собственно государственной социальной политики в годы НЭПа, то положительным фактом стал рост интереса историков к этой проблеме, проявившийся и в появлении специальных работ, и в затрагивании некоторых аспектов социальной политики в работах близкой тематики.

К числу работ, рассматривающих социальную политику в целом, относятся статья А.Н.Криворучко² и кандидатская диссертация Т.И.Фоминой³.

Источником работы А.Н.Криворучко стал свод правовых документов, регулировавших социальные отношения, издававшихся правительствами СССР и РСФСР (соответствующие собрания правительственных узаконений и распоряжений). Центральное место в его анализе занял комплекс документов, которые регулировали продовольственную политику, вопросы заработной

¹ Там же. С.326.

² Криворучко А.Н. Социальная политика в период НЭПа // Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР (Из истории социальной политики и общественно-политической мысли СССР). М.: Ин-т социологии РАН, 1992. С.111-166.

³ Фомина Т.И. Социальная политика государственных и общественно-политических органов в 20-е годы (На материалах центрального региона России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

платы, жилищной сферы, предоставления различных льгот и привилегий, лишь бегло было рассмотрено законодательство в областях социального обеспечения, здравоохранения, защиты детства. Историко-правовой уклон работы позволил автору выделить основные направления социальной деятельности государства и проследить изменения в законодательной сфере. Однако практическая сторона реализации этих правительственных мер, равно как и идейно-политическая основа их принятия, остались вне его поля зрения.

Главный вывод А.Н.Криворучко заключался в определении социальной политики периода НЭПа как своеобразного «маятника», качавшегося между стремлением выдержать классовый подход и допущения, по необходимости, социально-доходной дифференциации населения. Особое его внимание привлекло появление в этот период «негласных натуральных привилегий для ответственных работников» как начало процесса отделения номенклатуры в социально-бытовом плане от остального населения страны¹.

Более традиционный исторический характер носило исследование Т.И.Фоминой, которое основывалось на достаточно обширной источниковой базе: помимо опубликованных государственных документов, периодической печати, данных статистики того времени, привлекались источники из общероссийских архивов (ГАРФ, РЦХИДНИ) и из одного областного архива (Государственный архив Рязанской области).

Автором было дано собственное определение социальной политики («это концепция, определённая на основе общей государственной политики, свод законодательных актов и механизм их действия, обеспечивающих решение социальных задач общества»²), в рамках которого и было проведено исследование, охватившее три основных сюжета: разработка государственной социальной политики в 1920-е годы; деятельность соответствующих органов по повышению материального и культурного уровня трудящихся; работа системы социальной защиты населения.

¹ Криворучко А.Н. Указ. соч. С.166.

² Фомина Т.И. Указ. соч. С.16.

Т.И.Фоминой был подробно проанализирован свод государственного законодательства по социальным вопросам и структура центральных органов, занимавшихся реализацией принятых законов и распоряжений, а также основные результаты проводимой политики.

Общая оценка итогов социальной политики, данная в диссертации Т.И.Фоминой, носила положительный характер: « ... в целом материальное положение трудящегося населения постепенно улучшалось, ... система социальной защиты в 20-е годы обеспечивала определённое материальное положение и социальный статус основных групп населения»¹.

«Срывы и перекосы в деятельности государства и общественно-политических органов» в социальной области, наличие которых автором тоже признавалось, она склонна была объяснить «отсутствием необходимых ассигнований для реализации социальных программ и несовершенством механизма их реализации»².

Следует отметить, что и в работе Т.И.Фоминой преимущественное внимание было отведено анализу решений центральных властей по тем или иным аспектам социальной политики, но вне поля зрения остался вопрос о восприятии этой политики её действительным объектом – жителями страны. При таком подходе результаты социальной политики неизбежно сводились к статистическим данным, количественным показателям, которые свидетельствовали об улучшении положения значительной части населения страны (по сравнению с годами гражданской войны). Но открытым оставался вопрос о том, в какой мере эти результаты соответствовали социальным ожиданиям населения, способствовали они массовой поддержке нэповской политики или, наоборот, порождали разочарование в ней.

В обеих работах не нашёл отражения такой, на наш взгляд, важнейший инструмент социальной политики как налоговая политика.

¹ Там же. С.22,26.

² Фомина Т.И. Указ. соч. С.26.

Изучению одной из сторон социальной политики 1920-х гг. на примере Татарстана была посвящена кандидатская диссертация Л.О.Кузнецовой¹.

Социальная политика трактовалась в этой работе как «система социальной защиты рабочих и служащих», что существенно сузило рамки исследования. Вопросы регулирования заработной платы, социального страхования и борьбы с безработицей рассматривались автором исключительно с точки зрения «поддержания жизненного уровня трудящихся» и посредством анализа структуры и соответствующих форм деятельности партийно-советских органов республики. Реакция самих рабочих и служащих на проводившуюся по отношению к ним политику осталась вне поля зрения Л.О.Кузнецовой. Общий вывод диссертации свёлся к подтверждению на материалах Татарстана классово-ориентированного характера социальной политики.

Круг работ по НЭПу более широкой проблематики, в которых затрагивались и различные частные аспекты социальной политики, представлен несколькими десятками публикаций. Определяющей их тенденцией можно считать показ противоречивости социальных процессов эпохи НЭПа. На это указал, в частности, А.К.Соколов, отметивший, что при некотором улучшении материального положения населения имели место и постоянный рост безработицы, сокращение доли средств, идущих на социальные нужды и программы, на образование².

Значительное внимание социальным проблемам 1920-х гг., включая изменения в массовом сознании, уделил в своей монографии И.Б.Орлов. С его точки зрения в это время происходила «тотальная маргинализация общества с заменой классовой структуры сословной партийно-государственной иерархией», что и определяло сдвиги в сознании масс. Поэтому решающую роль в реакции на государственную политику играло изменение в экономическом положении той или иной группы населения³.

¹ Кузнецова Л.О. Социальная политика в отношении рабочих и служащих в годы НЭПа (по материалам Республики Татарстан): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1996.

² Соколов А.К. Историческое значение нэпа. С.10.

³ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. С.111,114.

Особое внимание автора привлекла такая острая социальная проблема 1920-х гг., как безработица. Не имея возможности радикально решить эту проблему, сделал он вывод, государство сосредоточилось на социальной защите безработных, но на практике подобная политика порождала в данной среде иждивенческие настроения, социальный паразитизм и бытовое разложение¹.

Следует отметить, что проблемы материального положения рабочего класса и связанных с этим особенностей сознания и поведения рабочих привлекли наибольшее внимание российских исследователей НЭПа.

Прежде всего, хотелось бы отметить первую работу, касающуюся трудовых конфликтов в промышленности и на транспорте в Советской России². Слабая изученность этой проблемы побудила авторский коллектив посвятить основную часть работы выявлению и обзору архивных фондов, позволяющих обратиться к её детальному изучению.

Однако, как этот обзор, так и вводные статьи ведущих специалистов в этой проблематике, российского историка Ю.И.Кириянова и американского В.Розенберга, однозначно свидетельствуют, что в первые 10–12 лет Советской власти трудовые и другие конфликты были постоянным элементом производственных отношений на государственных и кооперативных предприятиях, а основной причиной трудовых конфликтов являлась проблема заработной платы. Тем самым подвергается сомнению тезис о том, что в условиях НЭПа социальная политика большевиков в области заработной платы вела к непрерывному улучшению положения рабочего класса.

Наиболее аргументированное развенчание этого стереотипа советской историографии было осуществлено Л.Н.Лютовым, подробно проанализировавшим на основе богатой документальной базы промышленное развитие в годы НЭПа в трёх монографиях³.

¹ Там же. С.122-123.

² Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М.: Эдиториал УРСС,1998.

³ Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921-1929. Саратов: Изд-во СГУ,1996; Он же. Обречённая реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. Ульяновск: УлГУ,2002; Он же. Частная промышленность в годы нэпа: 1921-1929. Саратов: Изд-во СГУ,1994.

Большое место в его работах было уделено анализу самых разных аспектов положения рабочих на государственных и частных предприятиях, в том числе проблем заработной платы и занятости.

Автором было убедительно показано, что условия труда на частных фабрично-заводских предприятиях и фактическая зарплата были, как правило, выше, чем на государственных, что было напрямую связано с более высокой производительностью труда. Признавая, что уровень оплаты труда на государственных предприятиях тоже рос, Л.Н.Лютов обратил внимание на то, что одновременно имели место частые задержки заработной платы, использование её в оборотных средствах, попытки интенсификации труда. В силу слабой охраны труда увеличивалось количество аварий и профзаболеваний, крайне неудовлетворительными оставались жилищные условия рабочих. Именно эти обстоятельства вызывали постоянное недовольство рабочих, на почве чего возникали забастовки и другие формы протеста, в том числе принимавшие и антисоветский характер.

В конечном итоге, по мнению автора, «ограниченность и непоследовательность реформирования, издержки форсированных капиталовложений в промышленность приводили, особенно во второй половине 20-х гг., к ухудшению условий труда и быта, материального и правового положения рабочих»¹.

Ценным источником по истории трудовых конфликтов в промышленности Петрограда-Ленинграда явилась комментированная публикация документов, позволяющая наглядно представить и социальные аспекты жизни рабочих «северной столицы» в период НЭПа².

Этой же тематике посвящён ряд работ петербургского историка С.В.Ярова, в которых затрагиваются и первые годы НЭПа³. На основе

¹ Лютов Л.Н. Обречённая реформа. С.225.

² Питерские рабочие и «Диктатура Пролетариата». Октябрь 1917-1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов. Спб.: БЛИЦ,2000.

³ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. Спб.: Дмитрий Буланин,1999; Он же. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918-1923 гг. Спб.: Дмитрий Буланин,2001; Он же. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. Спб.: Дмитрий Буланин,1999.

использования оригинальных архивных документов, главным образом протоколов рабочих собраний и различной информации о них, автор не только показал причины и характер протестных настроений питерских рабочих, но и высказал ряд интересных суждений относительно особенностей политического сознания и политической психологии рабочего класса в эти годы. В частности, он убедительно доказал, что реальная степень классовой сознательности даже рабочих «колыбели революции» была весьма далека от того, что им склонны были приписывать впоследствии многие советские историки. Весьма важным представляется вывод С.В.Ярова о том, что «многие рабочие игнорировали политические аспекты нэповских акций», поскольку «их интересовало другое: социальные последствия нэповских новшеств»¹.

Выводы Л.Н.Лютова и С.В.Ярова подтверждаются и другими конкретно-историческими исследованиями российских историков².

Социальные аспекты демографической ситуации в стране были затронуты в ряде публикаций В.Б.Жиромской³. Как и И.Б.Орлов, она обратила внимание на значительные масштабы безработицы и на то, что проведение государством политики материальной поддержки трудящихся на деле воспитывало у тех иждивенческие настроения.

Сходные точки зрения на положение рабочего класса в годы НЭПа (на конкретных примерах) были высказаны ещё в ряде публикаций⁴.

Определённые итоги и дальнейшие перспективы исследования проблем рабочего класса России были намечены в статьях А.К.Соколова¹.

¹ Яров С.В. Пролетарий как политик. С.76.

² См. напр.: Лозбенев И.Н. Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е годы // Отечественная история. 2005. № 5. С.141-147; Мирясов А.В. К вопросу о мотивации труда рабочих России в 1920-е годы (на примере промышленных предприятий Пензенской губернии) // Там же. С.131-140.

³ Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М.: Наука, 1996; Она же. Социальные процессы в советском городе в первой половине 1920-х гг. // Историческое значение НЭПа: Сб. научных трудов. М.: Ин-т истории СССР, 1990. С.86-108.

⁴ Данилин А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С.101-124; Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С.28-43; Ульянова С.Б. Противоречия «режима экономии» в промышленности в 1920-х годах // Вопросы истории. 2003. № 6. С.144-158.

Социальная политика в деревне в основном анализировалась в современной историографии через её налоговую составляющую.

Например, в статье М.М.Кудюкиной было обращено внимание на противоречивость такого аспекта налоговой политики как самообложение. При его проведении на местах власть часто прибегала к уравниванию (по едокам, по дворам и т.п.), и в результате взнос маломощных хозяйств (в процентах от сельхозналога) оказывался больше, чем у зажиточных, что подрывало классовый принцип линии на поддержку бедноты².

Ряд авторов обратил внимание на несовпадение представлений самого крестьянства относительно социального деления деревни и тех представлений, которыми руководствовалось в своей социальной политике государство, ориентированное на поддержку бедняка³. Как отмечала Т.Н.Миронова, социальная политика государства в деревне (льготы и дотации) поощряла бедняка-люмпена, что порождало недоверие других слоёв крестьянства и к бедняку-труженику⁴. Л.Н.Рогалина полагала, что в годы НЭПа «победил патерналистский принцип опеки над бедняком»⁵.

Анализ общественных настроений, складывавшихся в ходе НЭПа в деревне, позволил А.К.Соколову сделать вывод о том, что «государство рассчитывало на регулирование социальных отношений в деревне с помощью прогрессивного налогообложения, способствуя тем самым подъёму бедняцких и середняцких хозяйств и сдерживая рост зажиточных элементов. Однако налоговая политика зачастую не приносила удовлетворения ни одной из имущественных групп»⁶.

¹ Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4. С.131-142; № 5. С.130-139.

² Кудюкина М.М. Указ. соч. С.119-120.

³ Миронова Т.П. Указ. соч.; Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М.: Политиздат, 1991. С.83-100.

⁴ Миронова Т.П. Указ. соч. С.258.

⁵ Рогалина Л.Н. Аграрные реформы в России 10-20-х годов (Историко-сравнительный анализ) // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. С.549.

⁶ Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа». С.126.

Такая оценка подтверждается и другими историками¹.

Внимание привлёк и такой аспект социальной политики в деревне как крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ). Проанализировав их деятельность в Поволжье, А.А.Куренышев пришёл к выводу, что, по сути, эти общественные органы превратились в придаток советских органов на местах и занимались в основном перераспределением ресурсов в деревне в пользу малоимущих слоёв².

Перемены в российской историографии НЭПа не могли не отразиться и в работах уральских историков. 1990-е – начало 2000-х гг. ознаменовались значительным увеличением числа исследований, касающихся различных аспектов уральской истории 1920-х гг., прежде всего диссертационных работ.

Внимание историков привлекли социально-экономические процессы в период НЭПа, в том числе и на Южном Урале³, взятые в широком историческом разрезе процессы в культурной сфере⁴, историографические сюжеты⁵, политические репрессии на Урале⁶.

¹ См. напр.: Бунин А.О. Проблемы функционирования и свёртывания кредитной кооперации в российской деревне во второй половине 20-х годов // НЭП: завершающая стадия. С.243-255; Грехова Н.Н. Налоговая политика в деревне в первой половине 20-х гг. // Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы третьей науч.-практ. конференции. Арзамас: АГПИ, 1998. С.197-201; Ковалев Д.В. Эволюция налоговой политики в деревне 20-х годов // Там же. С.250-253; и др.

² Куренышев А.А. Переход к НЭПу и деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в Поволжье // История России: диалог российских и американских историков. Материалы рос.-амер. научной конференции. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С.98-108.

³ Бадретдинова М.М. Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПа (1921-27 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1995; Зарипова Р.К. Деревня Башкирии: Социально-политическое развитие. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990; Коваленко В.В. Сельскохозяйственная кооперация на Урале во второй половине 20-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991; Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период новой экономической политики (1921-1927 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1995; Худин В.И. Экономическая политика советского правительства в 20-е годы и ее осуществление на Южном Урале. Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1999.

⁴ Загребин С.С. Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900-1940 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1999; Попов М.В. Культура и быт крестьян Урала в 1920-1941 годах. Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997; Тетерятник О.П. Культура Южного Урала в период НЭПа (1921-1927). Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1996.

⁵ Дубинин А.Н. Формирование системы народного образования на Урале в 1917-1941 гг.: историографический анализ. Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1994; Пересторонина Л.А. Указ. соч.; Цыпина Е.А. Указ. соч.

⁶ Кириллов В.М. История репрессий на Урале (1920 г. – начало 1950-х годов) (Нижнетагильский район). Дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Тагил, 1996.

Регулярно проводились научные конференции, на которых затрагивались, среди прочих, различные вопросы НЭПа¹, публиковались сборники статей и материалов конференций², наконец, выходили отдельные работы уральских историков³, в том числе и учебного плана⁴.

На базе накопленного в последние годы нового материала появилась возможность перейти и к созданию обобщающих трудов по истории отдельных регионов Урала. Первым удачным опытом таких изданий стал коллективный труд по советскому периоду истории Башкортостана, где значительное место было уделено и периоду НЭПа⁵.

Хотя работ, специально посвящённых изучению социальной политики на Урале, в это время создано не было, но отдельные аспекты этой проблемы затрагивались некоторыми историками. Применительно к Южному Уралу это было характерно для учёных Башкортостана и Оренбургской области.

В монографиях Р.А.Давлетшина⁶ и Р.К.Зариповой⁷ на базе широкого использования архивных источников были проанализированы различные стороны жизни крестьянства республики, включая период НЭПа.

¹ См. напр.: История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы). Сб. статей. Нижний Тагил: НТГПИ,1997; История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т,1991. Ч.1,2; 1993. Ч.1-3; Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург: УрО РАН,1997; Проблемы истории России: переход от традиционного общества к индустриальному. Екатеринбург: УрО РАН,1994,1996; Проблемы развития советской экономики. Челябинск,1991; Урал индустриальный. Екатеринбург: УрО РАН,1999; и др.

² Башкортостан в первой половине XX века: малоизвестные страницы истории. Сб. науч. трудов. Уфа: Вост. ун-т,1997; История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения. Оренбург: ОГПУ,2001. Ч.2; Очерки истории горнозаводского Урала. Межвуз. сб. науч. трудов. Челябинск: ЧелГУ,1996; Российская модернизация XIX-XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа,1997; Современные концепции проблем истории советского Урала. Свердловск: УрГУ,1991; Уральское село в XX веке. Сб. статей. Екатеринбург: УрСХИ,1994; Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период. Свердловск: УрГУ,1990; и др.

³ Загидулин А.Р. Развитие предпринимательства на Урале (Исторический опыт НЭПа). Екатеринбург: УРО РАН,1992; Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа. Екатеринбург: УрО РАН,1994; Тимошенко В.П. Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург: УрО РАН,1997.

⁴ История Урала: XX век. Учебник. Екатеринбург: УрГУ, 1999.

⁵ История Башкортостана.1917-1990-е гг. В 2 т. Уфа: Гилем,2004. Т.1. С.142-214.

⁶ Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: Китап,1993; Он же. История крестьянства Башкортостана. 1917-1940 годы. Уфа: Гилем,2001.

⁷ Зарипова Р.К. Сельское население в эпоху модернизации: на материалах Республики Башкортостан в годы нэпа (1921-1928 гг.). Уфа: Вост. ун-т,2003.

Например, Р.А.Давлетшиным было показано негативное влияние на судьбы крестьянства жесточайшего голода 1921-1922 гг., проанализированы основные элементы налоговой политики в деревне, состояние школьного дела, убедительно доказан «драконовский» характер хлебозаготовительной кампании 1927-1928 г., ставшей репетицией «великого перелома». Оценивая итоги налоговой политики в период НЭПа, автор пришёл к заключению, что эта политика в силу своей ярко выраженной классовой направленности тормозила рост в деревне средних слоёв как основных производителей товарного хлеба. Заслуживает внимания и вывод Р.А.Давлетшина о том, что «восстановление сельского хозяйства республики, в отличие от страны, к началу массовой коллективизации не было завершено»¹.

Р.К.Зариповой была предпринята удачная попытка рассмотреть общую эволюцию крестьянства Башкортостана в годы НЭПа как результат естественных процессов постепенного разрушения замкнутости крестьянства как социальной группы. Автором был показан сложный, неоднозначный характер социальной дифференциации в деревне (в частности, связанный с развитием отходничества). Анализируя общественно-политическую жизнь башкирской деревни, она подтвердила на республиканском материале вывод современной историографии о сохранении значительной роли сельской общины. Из вопросов социальной политики в монографии было уделено определённое внимание налоговой политике и деятельности кресткомов. Налоговая политика, по мнению Р.К.Зариповой, оказалась обременительной для всех слоёв крестьянства и вызвала массовые попытки сокрытия крестьянами размеров своих посевов и реальных доходов².

В диссертациях оренбургских историков М.М.Бадретдиновой, В.А.Лабузова, В.И.Худина на материалах Оренбургской и Челябинской областей были затронуты такие стороны социальной политики как заработная плата и борьба с безработицей, налоговая политика в деревне и деятельность кресткомов.

¹ Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана. С.81,95.

² Зарипова Р.К. Указ. соч. С.46-47.

Однако ориентация авторов преимущественно на производственно-экономическую сторону развития региона в годы НЭПа придала освещению социальных аспектов государственной политики достаточно традиционный характер, при котором в основном анализировались решения местных властей и количественные показатели их практического выполнения. Наличие положительной динамики этих показателей дало основания оренбургским историкам оценить деятельность власти в социальной сфере как относительно успешную (рост уровня жизни, образовательного и профессионального уровня рабочих, улучшение условий их труда, повышение социальной защищённости безработных, рост материально-технического состояния крестьянских хозяйств и крестьянских комитетов взаимопомощи и т.д.).

При этом фактически вне поля зрения авторов остались те явления социальной действительности (различные формы рабочего и крестьянского недовольства и протеста), которые свидетельствовали о неоднозначности реакции населения на социальную политику властей. Поэтому, как нам представляется, работам М.М.Бадретдиновой, В.А.Лабузова и В.И.Худина в той их части, где речь идёт о социальных проблемах, оказалась свойственна излишняя односторонность взгляда.

Определённый историографический интерес имеет диссертация екатеринбургского историка О.М.Петько, посвящённая такой социальной проблеме как материально-бытовое положение уральских рабочих¹. В ней рассмотрены условия труда и заработная плата, жилищные условия рабочих, их обеспеченность бытовыми услугами, организация снабжения рабочих.

К сожалению, поскольку диссертация была подготовлена на материалах Большого Урала, то южноуральскому региону в ней было отведено второстепенное место, а хронологические рамки (1925–1933 гг.) привели к смещению смыслового центра тяжести на период первой пятилетки. Бесспорно, на источниковой базе и содержании диссертации сказалось время её создания, что придало тексту вполне традиционный характер экономико-статистического

¹ Петько О.М. Материально-бытовое положение рабочего класса Урала в середине 20-х – начале 30-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.

анализа тех изменений, которые происходили в материально-бытовых условиях уральских рабочих. Тем не менее и на имевшейся основе автору удалось показать противоречивость процессов, характеризовавших положение рабочего класса Урала в последние годы НЭПа: при общем улучшении этого положения (по сравнению с началом 1920-х гг.) имело место искусственное торможение властью роста доходов рабочих, практически не решалась жилищная проблема, наблюдалась крайняя нестабильность на товарном рынке, явно не соответствующим запросам рабочих оставался уровень социального обеспечения и здравоохранения.

Оценивая новейшие работы уральских историков, следует указать на такие их положительные стороны как расширение тематики и глубины исследований, с частичным выходом на общие проблемы истории страны в XX веке, активное вовлечение в научный оборот источников из местных архивов, использование современных исследовательских методик, отслеживание текущего историографического процесса.

Вместе с тем очевидна и некоторая территориальная и тематическая фрагментарность ведущихся исследований, вследствие чего возникают или сохраняются определённые пробелы в тех или иных сюжетах.

В частности, к таким пробелам можно отнести и изучение социальных аспектов НЭПа на Урале. Социальная политика ещё не рассматривалась как отдельная, самостоятельная сфера государственной политики, она играла роль вспомогательного сюжета, включённого либо в общее изучение социально-экономических процессов, либо в исследование каких-либо сторон этих процессов (предпринимательство, промышленное развитие, роль рабочего класса, развитие уральской деревни, дифференциация крестьянства и др.).

В силу этого отсутствуют специальные комплексные исследования социальной политики в пределах и Большого Урала, и составляющих его территорий. По-прежнему доминирует формально-институциональный и количественный подход к анализу содержания и результатов социальной политики, что влечёт за собой некоторое преувеличение степени успешности этой политики.

Обращает на себя внимание и несколько географически зауженное, на наш взгляд, понимание Южного Урала в работах наиболее активно занимающихся освоением региональной проблематики НЭПа оренбургских историков (как только Оренбургской и Челябинской областей), а также хронологическое ограничение НЭПа 1927 годом.

Однако, наверное, наиболее существенным недостатком изучения социальной политики уральскими историками является отсутствие попыток исследовать настроения и различные формы обратной реакции самих жителей Урала на проводившиеся властью меры.

Если же характеризовать в целом третий, современный этап нэповской историографии, то следует, прежде всего, отметить такие его положительные стороны:

- обновление методов и методик, значительно расширившее и исследовательское поле, и исследовательский инструментарий;

- выход на уровень междисциплинарных исследований с использованием достижений социологии, политологии, социальной психологии;

- активное обращение историков к жанру социальной истории как эффективному средству создания объёмной, многогранной картины жизни российского общества в 1920-е годы;

- введение в научный оборот значительного количества новых источников;

- проведение дискуссий по принципиальным вопросам истории НЭПа, способствующих реальному плюрализму мнений и созданию условий для действительной научной конкуренции различных подходов и интерпретаций;

- начало исследований региональных аспектов НЭПа на новой источниковой базе и с применением новых методов.

Вместе с тем нельзя не признать, что сохраняет определённую актуальность высказанное И.Б.Орловым ещё в 1999 г. мнение о том, что «анализ

современной историографии нэпа оставляет больше вопросов, чем даёт ответов», многие вопросы нэпа ещё «ждут своих исследователей»¹.

Поэтому, заключая историографический анализ, необходимо специально остановиться на степени исследованности темы настоящей диссертации – истории государственной социальной политики в годы НЭПа.

Можно констатировать, что в историографии сформировалось принципиальное единство позиций в том, что, во-первых, социальная политика была важной составной частью всей государственной политики большевистской партии, во-вторых, она носила ярко выраженный классовый характер, в-третьих, к конкретным сферам её проявления относились трудовые отношения, налоговая политика в деревне, социальное обеспечение нетрудоспособных слоёв населения, социально-бытовые вопросы (медицина, жилищные условия), народное образование и культурно-досуговая сфера.

Применительно к истории 1920-х гг. советскими и российскими историками изучено государственное социальное законодательство, деятельность центральных органов власти по его осуществлению, накоплен значительный фактический материал, характеризующий различные аспекты проведения социальной политики (заработная плата и борьба с безработицей, налоговая политика в деревне, развитие народного образования и др.) и её результативность. Создан определённый, но ещё сравнительно незначительный задел в исследовании социальной политики в регионах России, включая и отдельные территории Урала.

Вместе с тем, в общетеоретическом плане не достигнута определённая ясность в вопросах о том, каковы были идейно-теоретические (доктринальные) основания социальной политики большевистской партии, какое место занимала социальная политика во всём политическом курсе большевиков в 1920-е годы, какие стратегические и тактические цели она преследовала, какие средства и методы для достижения этих целей использовались, претерпевала ли эта политика существенные трансформации на протяжении 1920-х гг. или оставалась в основном неизменной, насколько эффективными оказались

¹ Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа. С.113.

● результаты социальной политики власти не только с точки зрения самой власти, но и жителей страны.

В рамках незавершённой дискуссии об альтернативности НЭПа остаётся открытым принципиально важный вопрос: какому пути эволюции НЭПа в большей мере содействовала социальная политика власти?

● Историкографические трудности в теоретическом освоении данной проблематики, по нашему мнению, связаны, в первую очередь, с традиционным подходом к изучению социальной политики в русле её категориальной трактовки в рамках «научного коммунизма». Поэтому до сих пор доминирует тенденция рассматривать социальную политику либо под формально-институциональным углом зрения (как совокупность политических решений и правовых актов, реализуемых через государственные структуры разных уровней), либо как один из частных аспектов положения различных классов и социальных слоёв в годы НЭПа.

● Всё это подтверждает необходимость разработки иных методологических подходов к анализу социальной политики, позволяющих рассмотреть её как единство идейно-политических (доктринальных) установок большевистской партии, государственно-практических действий по их реализации и обратных реакций населения страны на эти действия.

● В то же время, очевидно, что реализация таких подходов требует не только теоретической постановки вопроса, но и конкретно-исторического изучения практики осуществления социальной политики на центральном и на местном, региональном уровне, в ходе которого и определяется реальный гносеологический потенциал новых методологических изысканий.

Отсутствие в историографии специальных исследований государственной социальной политики в годы НЭПа на Южном Урале делает обоснованной попытку применить разрабатываемый в диссертации методологический подход к данному конкретно-историческому материалу.

● Исходя из вышесказанного, становится возможным сформулировать цель и задачи настоящей диссертационной работы.

Целью диссертации является исследование на материалах Южного Урала содержания государственной социальной политики 1920-х гг., места и роли этой политики в создании условий для осуществления индустриальной модернизации страны при сохранении основ НЭПа.

Задачи диссертации:

– разработка метода и концептуальной модели изучения социальной политики, адекватных переходному характеру российского общества эпохи НЭПа;

– выявление идейно-политических основ социальной программы большевистской партии и анализ практики их приспособления к действительности нэповского общества;

– выявление ведущих тенденций в государственно-практической деятельности в социальной сфере;

– структурно-функциональный анализ механизма реализации социальной политики на местном (южноуральском) уровне;

– исследование конкретных направлений социальной политики на Южном Урале, их результативности и эффективности с государственной точки зрения;

– исследование воздействия социальной политики на процессы интеграции и дезинтеграции южноуральского социума относительно принятого властью курса на «социалистическую модернизацию» страны.

Решение поставленных задач потребовало использования широкой и разнообразной *источниковой* базы, состоящей из опубликованных и неопубликованных (архивных) документов и материалов¹.

В первую очередь, это общегосударственные законодательные источники 1920-х гг., носившие нормативный, определяющий характер для различных сфер социальной политики.

Их систематизированный свод содержится в двух официальных изданиях: «Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства

¹ При классификации источников мы в основном придерживаемся принципов, предложенных применительно к советскому периоду В.В.Кабановым. – См.: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 1998. С.505-666; Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997.

Союза ССР» и «Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР». Именно центральное законодательство становилось основанием для решений местных органов власти, устанавливало юридические рамки для их деятельности в социальной области. Анализ этого комплекса документов позволяет выявить основные направления социальной политики государства и её общую эволюцию на протяжении периода НЭПа.

На региональном, южноуральском уровне к этой группе источников могут быть отнесены решения республиканских, губернских, областных и окружных съездов Советов. Вопросы социальной политики занимали в них существенное место и становились, с одной стороны, детализацией верховного законодательства, с другой стороны, основой для практической деятельности советских органов власти на местах. С помощью этих документов оказывается возможным не только изучить местную нормативную базу социальной политики, но и определить степень её подчинённости по отношению к центральному законодательству, выявить региональные особенности проведения социальной политики.

Партийный характер Советского государства, при котором решения государственных органов являлись практической реализацией соответствующих партийных установок и постановлений, делает необходимым использование в качестве важнейшего источника программных и директивных документов РКП(б) – ВКП(б). Они могут быть подразделены на документы высших органов партии, документы лидеров большевистской партии, местные партийные документы.

В первую из этих подгрупп входят те решения по социальным вопросам, которые принимались на протяжении 1920-х гг. на X-XV съездах партии, X-XV партийных конференциях, пленумах ЦК, а также отдельные постановления ЦК, носившие директивный характер. В систематизированном виде они представлены в издании «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», широко использованном в диссертации. Следует отметить особое место, которое занимает среди этих источников партийная программа, поскольку именно на основе её анализа становится возможным

ответить на вопрос о доктринальных основаниях социальной политики большевистской партии. Среди недавно опубликованных партийных документов 1920-х гг. важнейшее значение для понимания процессов свёртывания НЭПа имеют стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг.

Вторую подгруппу составили работы и иные публикации ведущих партийных деятелей, точки зрения и суждения которых по принципиальным вопросам большевистской доктрины и практики носили для партийного аппарата разных уровней и партийных масс также в значительной мере директивный характер. Это касается, в первую очередь, работ В.И.Ленина и И.В.Сталина, а также некоторых других руководителей большевиков (Н.И.Бухарин, Ф.Э.Дзержинский, М.И.Калинин, А.И.Рыков), в которых среди общих проблем теоретического и практического характера затрагивались и отдельные аспекты собственно социальной политики.

Третью подгруппу составляют те решения по социальным вопросам, которые принимались на конференциях партийных организаций Южного Урала и содержатся в опубликованных стенограммах и протоколах.

Сопоставление всех опубликованных источников партийного происхождения с аналогичными документами государственных органов позволяет увидеть реальную степень детерминированности государственной социальной политики на центральном и региональном уровнях идейно-политическими установками большевистской партии и в то же время исследовать практику приспособления таковых установок к конкретным условиям нэповской действительности.

Важной опубликованной частью источниковой базы также явились документы исполнительных органов местной Советской власти – южноуральских исполкомов Советов разных уровней. Они представлены различными отчётами и материалами к этим отчётам. Их ценность заключается в подробных сведениях о практической деятельности в социальных сферах, включая богатый статистический материал. Как правило, в протоколы и стенограммы съездов Советов попадала лишь часть этого материала, поэтому

такие отчёты служат ценным дополнением, дающим более объёмную картину осуществления социальной политики.

Особое место среди использованных источников заняли различные тематические публикации документов, предпринятые в России в последние годы. К ним относятся подборки документов ОГПУ, касающиеся как общего положения в стране, так и, в частности, политики, проводившейся по отношению к крестьянству, а также систематизированные издания «писем во власть» и других документов, характеризующих настроения различных социальных групп в стране. С помощью таких источников становится возможным изучить характер и содержание каналов обратной связи между властью и обществом, что, в свою очередь, позволяет с большей объективностью оценить результативность государственной социальной политики в годы НЭПа.

Определённую ценность представили и различные статистические публикации 1920-х гг., поскольку, по крайней мере, до 1927–1928 гг. они носили очень подробный и сравнительно объективный характер.

Эта группа источников представлена многочисленными справочными изданиями, выходившими на Урале в 1920-е гг. Большинство из них с 1924 г. охватывало пределы всей Уральской области. Одним из главных достоинств статистических материалов является возможность с их помощью проследить количественную динамику основных показателей социального развития территорий Южного Урала, провести необходимые сравнения и сопоставления.

Основную документальную базу диссертации составили неопубликованные источники, почерпнутые из архивов Башкортостана, Курганской, Оренбургской и Челябинской областей.

Сосредоточение главного внимания именно на этой группе источников было продиктовано несколькими обстоятельствами.

Во-первых, именно в местных архивах отложился комплекс документов, позволяющих с максимальной полнотой проанализировать ход и результаты конкретной реализации тех общих решений по социальным вопросам, которые принимались в центре.

Во-вторых, на этом уровне информация, хотя и подвергалась определённой коррекции, учитывающей партийные установки, политическую и административно-бюрократическую конъюнктуру, отражающей интеллектуальный уровень её поставщиков и потребителей, стереотипы их мышления и психологии, но уровень этой коррекции и, тем более, искажения был гораздо ниже, чем при передаче информации по властной вертикали вверх, в Москву. Отложившиеся в центральных архивах различные отчёты местных партийных и советских органов, не говоря уже о выступлениях их руководителей на различных публичных форумах в Москве, дают в этом смысле даже не столько приукрашенную, сколько приспособленную к потребностям вышестоящих инстанций схематизированную картину ситуации на местах. Подобные отчёты, затрагивающие различные аспекты социальной политики, носили, как правило, сводный характер, в них исчезали многие детали, которые способны дать более точное представление о реальном положении.

В-третьих, в ряде случаев в местных архивах отложились и сохранились в фондах партийных и советских органов и сейчас стали доступны исследователям некоторые прежде секретные документы, к которым не всегда легко, а чаще – невозможно, получить доступ в соответствующих центральных архивах. Это касается, например, информационных сводок местных отделений ОГПУ, дающих достаточно откровенную картину действительных настроений населения в связи с теми или иными акциями власти в социальной сфере.

В-четвёртых, максимальный ввод в научный оборот материалов местных архивов должен содействовать развитию исследований «вширь», подтверждению и развитию тех или иных оценок и выводов, сделанных в подавляющем большинстве случаев на основе центральных российских архивов, дальнейшему обсуждению дискуссионных вопросов. «Собранный по крупицам и вводимый в широкий научный оборот материал местных архивов, – отмечал, например, И.Б.Орлов, – не только расширяет наши представления о нэпе, но и открывает возможности для воссоздания исторической ткани 20-х гг. во всём

Ф.Р-933 – Совет Министров Башкирской АССР; Ф.Р-91 – исполнительный комитет Уфимского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уфимский горисполком);

– в ГУ ГАКО: Ф.Р-635 – Курганский уездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Курганский уисполком); Ф.Р-315 – исполнительный комитет Курганского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Курганский окрисполком); Ф.Р-465 – исполнительный комитет Курганского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Курганский горисполком);

– в ГУ ГАОО: Ф. Р-1 – исполнительный комитет Оренбургского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Оренбургский губисполком);

– в ГУ ОГАЧО: Ф.Р-138 – исполнительный комитет Челябинского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Челябинский губисполком); Ф.Р-98 – исполнительный комитет Челябинского окружного Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (Челябинский окрисполком).

Также во всех этих архивах использовались фонды входивших в состав губисполкомов, окрисполкомов, уисполкомов отделов труда, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, коммунального хозяйства (в Башкирии – фонды соответствующих наркоматов), а также некоторые фонды волостных, районных и кантональных исполкомов.

Для раскрытия основной темы работы фонды советских органов имели центральное значение. Именно документация советских органов содержит фактический материал, раскрывающий направления реализации социальной политики на местах, структуру органов социальной политики, формы и результаты их деятельности, взаимоотношения с другими властными структурами. Анализ этой документации позволяет увидеть государственную социальную политику глазами самой власти на её местном уровне от губерний и округов до волостей и сельсоветов. Содержащаяся в ней информация, как

правило, готовилась в соответствующих отделах местных органов власти, что позволяет при сопоставлении опубликованных и архивных материалов увидеть «границы открытости» тогдашней власти, её готовность и способность представить общественному вниманию близкую к реальности картину социальной действительности.

Также были использованы материалы и некоторых других фондов местных органов советской власти, позволяющие дополнительно рассмотреть ряд аспектов социальной политики, например, фонды бирж труда, комиссий по борьбе с последствиями голода и т.п.

Вторая группа фондов содержит документацию партийных органов и тоже носит делопроизводственный характер. Внутренняя группировка этих документов и материалов включает: 1) стенограммы и протоколы местных партийных конференций, пленумов и заседаний партийных бюро; 2) их распорядительную документацию; 3) текущую переписку с вышестоящими и нижестоящими партийными органами; 4) различные отчёты и информацию, предоставлявшиеся партийным органам другими государственными структурами местного уровня.

К числу таких фондов относятся:

– в ГУ ЦГАОО РБ: Ф.122 – Башкирский обком КПСС;

– в ГУ ГАОПДКО: Ф.1 – Курганский уездный комитет РКП(б) (Курганский уком); Ф.2 – Шадринский уездный комитет РКП(б) (Шадринский уком); Ф.7 – Курганский окружной комитет ВКП(б) (Курганский окружком); Ф.13 – Шадринский окружной комитет ВКП(б) (Шадринский окружком);

– в ГУ ЦДНИОО: Ф.1 – Оренбургский губернский комитет ВКП(б) (Оренбургский губком);

– в ГУ ОГАЧО: Ф.П-75 – Челябинский окружной комитет ВКП(б) (Челябинский окружком); Ф.П-77 – Челябинский губернский комитет РКП(б) (Челябинский губком); Ф.П-170 – Троицкий окружной комитет ВКП(б) (Троицкий окружком); Ф.П-317 – Златоустовский окружной комитет ВКП(б) (Златоустовский окружком).

Кроме этого, использовались фонды ряда волостных, уездных, районных и кантональных комитетов партии, а также губернских, областных и окружных советов профсоюзов.

Документация партийного происхождения с фактологической точки зрения во многом дублирует предыдущую информацию, поскольку, например, разделы о социальной политике в отчётах партийных комитетов к очередной партконференции или отчётах, отсылавшихся в вышестоящие партийные органы, составлялись на основе информации, приходившей из соответствующих отделов губисполкомов или окрисполкомов.

Сопоставление этих источников с их частично опубликованными аналогами позволяет, в частности, обнаружить «зазор» между реальным положением дел в социальной области и той его картиной, которая создавалась официально. При этом обнаруживается, что уровень искажения информации при её переводе в публичную форму на протяжении большей части 1920-х гг. оставался нестабильным, но стал резко усиливаться со второй половины 1927 г.

Следует отметить, что во внутренней переписке советских и партийных органов, имевшей секретный характер, можно обнаружить информацию, достаточно откровенно оценивающую реальную ситуацию, содержащую конкретные негативные для власти факты, не попадавшие тогда в открытые источники. Подобные сведения могут служить источником для воссоздания реальной картины восприятия различными группами населения социальной политики местной власти.

Особое место среди делопроизводственной документации, содержащейся в фондах советских и партийных органов Южного Урала, занимают отложившиеся в этих фондах информационные сводки и другие материалы местных отделов ВЧК-ГПУ-ОГПУ, направлявшиеся партийно-советскому руководству в 1920-е гг. в порядке информации. Как правило, в них сообщались уникальные сведения о реакции различных групп населения на те или иные действия власти, приводились многочисленные примеры высказываний и действий людей. В подавляющем большинстве эти документы были совсем

недавно переведены на открытое хранение и не вводились ещё в научный оборот.

К сожалению, сохранность этих документов неравномерна. В наиболее целостном виде они отложились в ГУ ГАОПДКО (Ф.7) и ГУ ОГАЧО (Ф.П-75, П-77 и П-317), отдельные документы такого рода сохранились и в ГУ ЦДННОО (Ф.7), однако они полностью отсутствуют в фондах башкирских архивов.

Именно информационные материалы, подготовившиеся местными отделами ВЧК-ГПУ-ОГПУ, а также сводки и обзоры центрального аппарата этого ведомства, касавшиеся Южного Урала (включённые в соответствующие документальные публикации последних лет), послужили при написании диссертации главным источником для анализа настроений рабочего класса и крестьянства Южного Урала, их реакции на социальные аспекты большевистской политики.

В связи с этим необходимо отдельно охарактеризовать данную группу источников с точки зрения их важности, репрезентативности, достоверности и значения для нашей работы.

Прежде всего, следует указать на общую высокую источниковедческую оценку документов ОГПУ, которая была дана российскими и зарубежными специалистами, осуществившими два крупнейших проекта по публикации этих источников – многотомные издания «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» и «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране» (частично они использовались составителями ещё одной фундаментальной документальной публикации – «Трагедия советской деревни»).

Уже редакторами первого из этих изданий было высказано мнение о том, что документы ОГПУ являются «единственным в своём роде источником», обладающим при всей критичности научного подхода к нему «высокой степенью достоверности»¹, поэтому его необходимо причислить к «наиболее важным при изучении истории России XX столетия»².

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М.: РОССПЭН, 1998. Т.1. С.9.

² Там же. М.: РОССПЭН, 2000. Т.2. С.51.

По мнению редакционной коллегии «Совершенно секретно», благодаря подобным публикациям «впервые историки получили для исследования уникальный источник, позволяющий разрушить многие представления, господствовавшие в историографии прошлых лет»¹. Публикуемые документы, согласно их оценке, это «откровенная изнанка реальной действительности, оборотная сторона проводимой политики. Включение их в научный оборот обогатит исследования, сделает их более достоверными», они дают «такой срез народной жизни, который практически отсутствует в других источниках»².

Также отмечалась повышенная репрезентативность данных источников, поскольку «они отражают не одну какую-либо грань действительности, а высвечивают практически все стороны жизни советского общества, показывают многие аспекты труда и быта всех классов и социальных групп населения на всей территории страны»³.

«Содержание и направленность информационных материалов, – по мнению одного из составителей В.К.Виноградова, – в целом адекватно отражали происходившие события»⁴. Как «полный и достоверный исторический источник эпохи нэпа» характеризовал опубликованные документы автор историко-археографического предисловия Я.Ф.Погоний⁵.

Вместе с тем специалистами, готовившими эти издания, было обращено внимание на ряд специфических черт, которые были свойственны всему комплексу информационных материалов ОГПУ.

Во-первых, установки, которые направлялись высшим партийно-советским руководством в адрес ОГПУ, требовали не просто осуществления посредством предоставляемых сводок постоянного объективного информирования о положении дел в стране, а информирования с преобладающим акцентом на выявление тех явлений действительности, которые

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. М.: ИРИ РАН, 2001. Т.2. С.15.

² Там же. М.: ИРИ РАН, 2001. Т.4. Ч.1. С.17.

³ Там же. М.: ИРИ РАН, 2002. Т.6. С.15-16.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. М.: ИРИ РАН, 2001. Т.1. Ч.1. С.72.

⁵ Там же. Т.2. С.10.

содержат реальную или потенциальную угрозу для существующей власти¹. Поэтому важнейшей отличительной чертой обзоров и сводок было «почти полное отсутствие в них позитивной информации»². В силу этого негативная составляющая в информационных сводках и обзорах ОГПУ не просто доминировала над позитивным содержанием, но играла роль, если так можно сказать, системообразующего алгоритма всего информационного потока.

Во-вторых, организация сбора информации была нацелена на оперативную деятельность низовых звеньев, то есть на её получение не только по официальным каналам, но и посредством собственной агентуры ОГПУ. Последующая обработка и передача информации осуществлялась по ведомственной вертикали: от уездных, районных, окружных отделов через губернские, областные и республиканские – в центральный аппарат ОГПУ в Москве, что сопровождалось соответствующим сужением информационного потока³.

В-третьих, хотя в принципе сводки и обзоры ОГПУ должны были отражать положение и настроение всех социальных слоёв и групп, но явное преобладание отдавалось информации о рабочем классе и крестьянстве (разделы, касающиеся этих слоёв, шли первыми и являлись наиболее объёмными и информационно насыщенными).

В-четвёртых, сводки, составлявшиеся на местах, предоставлялись для ознакомления высшему партийному и советскому руководителю местного уровня (первый секретарь партийного комитета и председатель исполкома Советов). Что касается обзоров, составлявшихся в Москве, то их рассылали примерно в 100 адресов, знакомились с ними во всей стране около 500 чел. (включая первых лиц партийного и советского руководства регионального уровня), они подлежали обязательному возврату и сохранялся их строго секретный характер⁴. Следовательно, круг лиц, владевших подобной информацией, был не просто крайне ограничен, но, особенно на местном

¹ Там же. Т.1. Ч.1.С.17.

² Там же. Т.4. Ч.1. С.16.

³ Там же. Т.1. Ч.1. С.31,46,49,72; Т.2. С.10; Т.6. С.22.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.15; М.: ИРИ РАН,2004. Т.7. С.23.

уровне, можно сказать, ничтожен. Поэтому, по замечанию одного из участников издательского проекта финского историка Т.Вихавайнена, «за исключением высшего руководства практически никто ничего не знал о настроениях огромной страны»¹.

В-четвёртых, внутренняя структура самих информационных материалов претерпела на протяжении 1920-х гг. определённые трансформации, связанные с развитием ситуации в стране и задачами, встававшими в связи с этим перед властью. В первой половине десятилетия сводки носили чётко выраженный фактографический характер, с минимумом оценок и крайне редким приведением информации, непосредственно передающей те или иные мнения и высказывания жителей страны. Начиная с 1925 г., в обзорах усилился оценочный материал, сама информация стала интерпретироваться преимущественно в духе усиления классовой борьбы в стране (особенно это становится явным в 1927-1929 гг.), а также появился значительный объём материала, иллюстрирующего конкретными высказываниями рабочих и крестьян их отношение к происходящим в стране событиям и политике властей.

В-пятых, составители и редакторы всех публикаций, отмечая определённую тенденциозность документов, необходимость их научной критики и проверки, обращают внимание на массовость источника, позволяющую в известной мере нивелировать эту тенденциозность.

В-шестых, указывается, что ввод в научный оборот документов ОГПУ ставит много новых вопросов, среди которых особенно важен вопрос о том, в какой мере эти документы влияли на теоретические представления и практическую деятельность их высокопоставленных читателей и какие цели преследовали сами работники ОГПУ при составлении и редактировании своих материалов².

Все эти источниковедческие оценки могут быть применены и к использованному нами в качестве основного источника для изучения

¹ Там же. Т.1. Ч.1. С.28.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране М.: ИРИ РАН, 2002. Т.3. Ч.1. С.31-32.

социальных настроений и реакций рабочих и крестьян Южного Урала комплексу информационных материалов местных отделов ОГПУ.

Вместе с тем необходимо высказать некоторые дополнительные соображения, характеризующие именно этот документальный комплекс.

Во-первых, содержащая в нём информация лишь в очень незначительной мере отражалась в информационных сводках и обзорах центрального аппарата ОГПУ и почти не дублировалась ими. Это и понятно: московские сводки, которые шли на стол высшего партийно-государственного руководства, использовали местный материал как доказательство и иллюстрацию наиболее важных тенденций и явлений. Естественно, что при этом предпочтение отдавалось тем регионам, которые играли главную роль в социально-экономическом и политическом плане (Москва и центральный промышленный район, Ленинград, Украина, Северный Кавказ и т.п.), либо наиболее крупным и характерным событиям.

Более или менее значительное отражение в московских информсводках из территорий Южного Урала находила только ситуация в Башкирии, которая шла по разряду весьма беспокоивших центр национальных восточных республик с мусульманским населением. Такое внимание к Башкирии для нас достаточно ценно в силу того, что в башкирских архивах сводок местного ОГПУ нами обнаружено не было, но, к сожалению, интерес Москвы всё же был фрагментарен и в основном затрагивал проблемы (религиозные и межнациональные отношения), выходящие за рамки тематики нашей работы.

Информация, касавшаяся остальных территорий Южного Урала, достаточно редко попадала в обзоры, идущие в Кремль, и обычно укладывалась в одно-два предложения.

Например, в 2 томе «Совершенно секретно» (документы за 1924 г.) Курганский и Троицкий округа упоминались только 1 раз, Челябинский и Златоустовский – 3 раза, Шадринский – 5 раз, зато БАССР – 61 раз. В 6 томе (документы за 1928 г.) имеется всего 7 отсылок к Оренбургской губернии (округу), по 9 – к информации по Шадринскому и Челябинскому округам, по 11 – к сведениям из Златоустовского и Курганского округов, 25 раз такая

информация затрагивает Башкирию. Примерно такое же соотношение характерно и для остальных томов этого издания, а также и для публикации «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД».

Поэтому только сводки местных отделов ОГПУ позволяют воссоздать объёмную картину положения и настроений рабочих и крестьян Южного Урала на всём протяжении НЭПа, тем более, что они, как правило, весьма пространны (особенно с 1927 г.) и содержат огромное количество фактов о конкретных действиях и высказываниях жителей региона. Так, только в использованных нами сводках Курганского отдела ОГПУ за 1928 г. приведено более 50 высказываний рабочих и крестьян, выражающих их отношение к существующему положению, причём ни одно из них не нашло отражения в тех 11 случаях, когда Курганский округ фигурировал в опубликованных ежемесячных обзорах центрального аппарата ОГПУ.

Во-вторых, сводки местных отделов ОГПУ базировались на двух основных источниках: служебной отчетности и информации советских органов (особенно в деревне) и сообщениях агентурной сети. На этом первичном уровне они характеризовались высокой информационной насыщенностью и содержали объём фактического материала, несопоставимый с тем, что происходило при последующем сужении информационного потока по мере его продвижения по вертикали вверх. В силу того, что эта информация была вполне верифицируема председателем уездного, районного или окружного исполкома или партийным секретарём, которые с ней знакомились, она могла усиливать некоторые акценты, но вряд ли могла значительно смещать их.

Безусловно, при переводе исходной информации в форму сводки происходила определённая компиляция материала, предполагающая не только его отбор, но и редактуру. К сожалению, установить механизм этого процесса и его конкретное влияние на первичную информацию при нынешнем состоянии доступности архивов ФСБ крайне маловероятно.

Вполне было возможно возникновение искажающих реальность «информационных помех» как на стадии создания первичной информации, так и при её обработке в уездном, районном и окружном звеньях. Могли сыграть

свою роль и правила ведомственной бюрократической игры, и элементарное стремление «угодить» установкам сверху или «подстроиться» под желания непосредственного начальника, и межличностные отношения в аппарате ОГПУ, и уровень компетенции и образованности конкретного работника, и, в конце концов, простое желание какого-нибудь информатора «подставить» чем-либо досадившего или мешающего ему односельчанина или коллегу по работе на заводе, сказав в нужном духе действительно произнесённые им слова или придумав их. Учесть все эти «помехи» в настоящее время, а, с большой степенью вероятности и в будущем, вряд ли возможно.

В такой ситуации именно массовость источника, наличие в нашем распоряжении почти полного (как в случае Курганского отдела ОГПУ) или достаточного объёмного (Челябинский и Оренбургский отделы) комплекса информсводок ОГПУ позволяет в необходимых в научном плане размерах нивелировать потенциальную не только объективную, но и субъективную тенденциозность источника.

Очевидно, что если одинаковое по смыслу негативное суждение, например, о новой налоговой кампании, приводится в десяти и более случаях, причём из разных не только сёл или уездов, но и округов Южного Урала, тем более, если оно коррелируется с аналогичными сведениями из других регионов РСФСР, встречающимися в сводках Информационного отдела ОГПУ (а это происходит при сопоставлении источников практически всегда), то у нас появляются достаточные основания рассматривать данное суждение как реальный исторический факт, подлежащий анализу.

В-третьих, сводки местных отделов ОГПУ, как источник, имеют важное отличие от широко используемых в настоящее время в социальной истории «писем во власть».

Последние представляли, если так можно сказать, «публичный голос народа». Иначе говоря, сочиняя своё письмо или иное обращение, автор рассчитывал на то, что «власть его услышит», и обращение будет иметь какие-либо положительные для него последствия. Это вело к тому, что автор «письма» принимал на себя определённую роль, осуществлялась целенаправленная (хотя,

чаще всего, бессознательная) самоцензура, «картина мира», создаваемая в таком тексте, претерпевала некоторое искажение в нужном для обращающегося к власти направлении¹.

Высказывания, суждения, просто реплики рабочих и крестьян, зафиксированные информаторами ОГПУ и затем включённые в информсводки, за редким исключением, не предназначались «властным ушам» или, во всяком случае, были адресованы только низовым представителям власти, в отношении которых, особенно, если это были, к примеру, односельчане, выбившиеся в председатели сельсоветов, автор высказывания не испытывал необходимого пиетета, а иногда и элементарной осторожности.

Это заведомо предполагало иной уровень откровенности и непосредственности в выражении своих чувств и настроений, если и предполагающий некоторую внутреннюю самоцензуру, то в незначительной степени. Тем более, что степень внедрения агентуры органов безопасности в общество, знания о ней (прежде всего в сельской местности), наконец, степень и масштабы репрессивности государственной системы в 1920-е годы (за исключением, может быть, 1928-1929 гг.) были таковы, что допускали относительно высокую откровенность при выражении своих мыслей в узком, а часто и в достаточно широком, но знакомом кругу.

Поэтому многие высказывания, встречающиеся в информсводках ОГПУ, при сопоставлении не только с «письмами во власть», но даже и с внутренней секретной информацией, циркулировавшей в местном партийном и советском аппарате, поражают степенью откровенности, что придаёт им уникальную ценность.

В-четвёртых, в силу отсутствия в южноуральских архивах других массовых источников, свидетельствующих о настроениях населения (например, писем граждан в различные партийные и государственные инстанции или в органы печати; нами обнаружены лишь единичные примеры сохранения в южноуральских архивах таких источников), «стерильности» многих архивных фондов партийных и советских органов (последнее особенно характерно для

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч. С.29,32.

архивов Башкортостана, видимо, подвергшихся особенно тщательной чистке) информсводки ОГПУ остаются, в сущности, единственным комплексным источником, позволяющим воссоздать достаточно объёмную и целостную картину социальных настроений рабочего класса и крестьянства Южного Урала.

Всё сказанное позволяет считать содержащуюся в сводках местных отделов ОГПУ информацию обладающей необходимым уровнем репрезентативности и достоверности для анализа интересующей нас проблемы обратной реакции населения Южного Урала на социальную политику Советского государства в годы НЭПа.

В общей сложности при написании монографии были использованы материалы более 200 дел, извлечённых из 74 архивных фондов Башкирии, Курганской, Оренбургской и Челябинской областей. Практически все они впервые вводятся в научный оборот.

Естественно, что составной частью источниковой базы явилась и *периодическая печать*.

Данная группа охватывает, во-первых, основной массив газет, выходивших в годы НЭПа в южноуральском регионе, во-вторых, ведущие общественно-политические и экономические издания журнального типа, затрагивавшие вопросы социальной политики.

Нами были обработаны коллекции (за 1920-е гг.) следующих изданий газетного формата: «Власть труда» и «Красная Башкирия» (Уфа), «Красный Курган» и «Советское Зауралье» (Курган), «Трудовая правда» и «Рабоче-крестьянская правда» (Шадринск), «Советская правда» и «Челябинский рабочий» (Челябинск), «Смычка» и «Оренбургский рабочий» (Оренбург).

Из журнальных изданий: орган Уральского областного комитета партии «Уральский коммунист», а также политико-экономический журнал Уральского областного совета «Хозяйство Урала» и орган областного совета профсоюзов «Рабочий журнал». Эти издания выходили в областном центре Свердловске.

Использование периодических изданий имело три аспекта.

Во-первых, из них можно было почерпнуть дополнительный фактический материал, отражающий социальную ситуацию в регионе; во-вторых, в печати

(прежде всего, в журналах) публиковались статьи с попытками анализа складывающейся ситуации, в-третьих, сопоставление публикаций в прессе с партийными и советскими документами показывает степень объективности той картины социальной жизни, которая печатью доносилась до населения.

Естественно, при этом необходимо учитывать и характер самой печати, и существование цензуры. Тем бóльший интерес представляют изредка попадавшие на страницы печати откровенные суждения и критические высказывания. Подобные случаи могут рассматриваться как косвенные доказательства крайней остроты обнаружившейся проблемы.

В своей совокупности документы и материалы, составившие источниковую базу диссертации, *обеспечивают решение* тех исследовательских задач, которые были сформулированы автором.

Всё вышеизложенное позволяет в заключение охарактеризовать *научную новизну* настоящего исследования.

1. Впервые в российской историографии осуществлено комплексное исследование государственной социальной политики в данных территориально-хронологических рамках (Южный Урал в 1921-1929 гг.).

2. Разработана авторская методология изучения социальной политики, основанная на синтезе модернизационной парадигмы современного обществознания с аналитическими инструментами социальной истории.

3. Государственная социальная политика в настоящей диссертации впервые рассматривается как единство идейно-теоретических (доктринальных) оснований большевизма в социальной области, политических и государственно-практических решений и действий центральной и региональной власти и обратной реакции населения, находящей наиболее последовательное выражение в процессах вербального и поведенческого социального самоопределения относительно властных воздействий.

4. Определены доктринальные ограничители социальной политики большевизма и проанализировано их воздействие на конкретные сферы социальной деятельности государства.

5. Впервые проведён целостный анализ обратных реакций основных социальных групп Южного Урала (рабочего класса и крестьянства) на социальную политику власти, выявлена динамика изменения настроений и поведения этих групп.

6. В научный оборот введён значительный комплекс неопубликованных источников из архивов Республики Башкортостан, Курганской, Оренбургской и Челябинской областей.

7. Выдвинут и обоснован на материалах Южного Урала центральный для исследования авторский тезис, имеющий концептуальное содержание: социальная политика Советского государства в годы НЭПа стимулировала тенденции дезинтеграции социального пространства страны относительно объективно преследуемых властью целей индустриальной модернизации России и тем самым способствовала возникновению в конце 1920-х гг. ситуации модернизационного срыва на путях НЭПа, что предопределило последующий переход большевистского партийно-государственного руководства к политике форсированной авторитарной модернизации.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

1.1. Модернизационная парадигма и социальная история: методологический потенциал

Принципы системности и историзма, лежащие в основе научного исследования социальных явлений, требуют рассмотрения социальной политики как составной части функционирования всей государственно-политической системы и одновременно как конкретно-исторического процесса, развивающегося во времени, претерпевающего эволюцию и тесно связанного как с прошлой традицией, так и порождающего в ходе собственной эволюции новую традицию.

Поэтому методологической основой частного исследования, каковым и является изучение социальной политики Советского государства 1920-х гг., должен стать метод более высокого порядка, позволяющий исследовать всю советскую систему, а не только её отдельные элементы. Основываясь на нём, становится возможным вычлнить отдельные исследовательские инструменты, подходящие для анализа тех или иных сторон функционирования всей системы.

Российское обществоведение последних 15 лет апробировало уже целый арсенал методологических подходов, преимущественно заключающихся в применении (с определённой адаптацией) подходов, ранее разработанных в зарубежных социальных науках. Обсуждение методологических проблем исторического знания, развернувшееся в отечественной научной периодике¹, показало, что в целом профессиональное историческое сообщество приняло принцип методологического плюрализма, естественно, с той оговоркой, что речь идёт о действительно научных методах, а не об их различных квазинаучных имитациях.

Одной из самых характерных черт нынешнего этапа исторических исследований стало стремление учёных к междисциплинарным подходам, творческому использованию методов и приёмов, которые проявили свой гносеологический потенциал в смежных областях обществознания (социологии, политологии, социальной психологии, экономике и т.д.).

Как уже отмечалось во введении, всё больший интерес историков стал привлекать метод исследований, сформировавшийся в рамках так называемой «теории модернизации». Вернее даже будет говорить о «методах», объединённых в рамках общего подхода, обозначаемого как «модернизационная парадигма» современного обществознания.

¹ См. напр.: Актуальные проблемы теории истории. Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6. С.45-103; Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С.3-31; Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С.3-33; Методологические поиски в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С.75-90; № 4. С.79-99; Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С.3-10; Проблемы методологии истории // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С.60-75; Сахаров А.Н. Указ. соч.; Смоленский Н.И. Проблемы логики общеисторического развития // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С.3-18; и др.

Это связано с тем, что теория модернизация изначально создавалась и впоследствии развивалась не как универсальный инструмент познания общественных процессов, в равной мере применимый ко всем странам и эпохам, а как метод, эффективный для исследования преимущественно переходных эпох, тех периодов в истории стран, когда совершается их переход от традиционных, аграрных обществ к обществам индустриальным. Накопленный в западной социальной науке опыт показал, что именно при изучении таких исторических периодов модернизационный подход позволял достигнуть реального увеличения нового научного знания¹.

С этой точки зрения правомерным представляется использование модернизационного подхода для изучения той общественной системы, которая существовала в России/СССР на протяжении 1920-х гг., поскольку в это время советское общество представляло вполне типичный для не западноевропейского мира пример страны, находящейся в состоянии незаконченного перехода в индустриальное состояние или, если использовать принятую в социологии и политологии терминологию, в состоянии незавершённого «транзита».

Несмотря на радикальные социально-политические сдвиги, в социально-экономическом и социокультурном отношении нэповская Россия обладала высокой степенью преемственности по отношению к России второй половины XIX – начала XX в., когда самодержавный политический режим уже начал осуществлять ряд преобразований, объективно означавших переход к раннеиндустриальной модернизации страны. Провозглашаемые большевистской партией разрыв со «старым миром» и создание принципиально нового, социалистического общества в экономическом плане были невозможны без всесторонней индустриализации страны, иначе говоря, без доведения до конца решения одной из главных модернизационных задач.

Советское государство, унаследовавшее от прежнего самодержавного режима ту же объективную историческую задачу, вынуждено было на протяжении всего периода НЭПа решать её в пределах сложного переплетения

¹ См. напр.: Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1968.

различных социально-экономических укладов, тесно связанных, особенно в сельском хозяйстве, с предыдущей системой социально-экономических взаимоотношений, но одновременно облекать свои решения в «новые идеологические одежды», воплощением которых являлась марксистская доктрина в её большевистской интерпретации.

Поэтому можно говорить о том, что идеологическое целеполагание большевизма в годы НЭПа, в конечном итоге вылившееся в лозунг «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране», а на практике в первый пятилетний план, в основе своей носило ярко выраженный модернизаторский характер и укладывалось в общую линию поиска национального пути перехода к индустриальному типу развития.

Действительность нэповской России – это действительность модернизирующегося общества, в котором государство в соответствие с самовоспроизводящейся традицией природно-географического характера вновь стало, особенно с 1925-1927 гг., выступать в роли главной организующей силы возобновления прерванного войнами и революциями процесса. Российский социум, в лице составляющих его многочисленных социальных классов, слоёв и групп, в основе своей ещё аграрный, с усилившимися элементами архаичности, находился в состоянии сознательного и бессознательного самоопределения: формально – по отношению к новой государственной власти, а по глубинному содержанию – по отношению к рождающейся из большевистской доктрины национальной программе завершения индустриального транзита.

В этой связи хочется ещё раз обратить внимание на глубокий гносеологический потенциал высказанной В.П.Дмитренко мысли о том, что следует исходить из понимания НЭПа «не как фактора самодвижущегося, развивающегося во всеохватных границах, а как одного из составляющих очень сложной, многогранной, противоречивой, быстро изменявшейся системы, законы развития которой в конечном счёте и определили судьбу нэпа как фактора подчинённого и временного»¹.

¹ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа. С.31.

К сожалению, В.П.Дмитренко не довелось более подробно обосновать и дальше развить намеченный им принципиально новый для отечественной историографии взгляд на НЭП.

В качестве одного из возможных направлений такого развития и можно высказать гипотезу о том, что, если рассматривать нэповскую Россию в виде общества незавершённой модернизации, то тогда и судьбу НЭПа надо рассматривать с точки зрения соответствия или несоответствия большевистской политики общим закономерностям развития модернизационного процесса в странах «второй волны модернизации».

Нет сомнений, что действия большевистского руководства, реализовывавшиеся в практике функционирования государственного механизма Советской России/СССР, являлись сложнейшим переплетением различных причин, факторов и мотивов. В то же время даже в достаточно критических по отношению к большевизму работах отечественных авторов последних лет не отвергается, а, наоборот, признаётся, идеологическая доминанта всех важнейших решений и действий не только большевистских вождей, но и значительной части партийной массы¹.

Социализм как стратегическая цель всей деятельности, как объективная (в марксистском понимании) историческая функция большевистской партии был неотделим от представления об индустриальной, урбанизированной, секуляризированной, грамотной России. Иначе говоря, «строительство социализма» было равнозначно созданию индустриального общества, но в иных, чем это было в странах Западной Европы, формах. К концу 1930-х гг., а в ещё большей степени к концу 1950-х гг., СССР приобрёл ряд черт, позволяющих говорить о завершении этого процесса (в данном случае мы не касаемся вопроса о цене, которую пришлось заплатить стране за форсированную модернизацию в её сталинском варианте).

Всё вышесказанное даёт, как нам представляется, достаточные основания для того, чтобы считать возможным применение для изучения истории СССР

¹ См. напр.: Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002; Драма российской истории: большевики и революция. М.: Новый хронограф, 2002.

первых тридцати лет его существования, включая период НЭПа, модернизационного подхода. Это позволит одновременно выявить системную специфику советского пути создания индустриального общества, и поместить этот путь в исторический контекст всего переходного модернизационного периода, начавшегося ещё в середине XIX в.

Следовательно, модернизационный подход обладает теми качествами системности и историзма, которым должен удовлетворять научный метод исторических исследований.

Теория модернизация, начавшая создаваться в 1950-е гг. усилиями западных социологов и политологов, позднее, в рамках междисциплинарных исследований стала использоваться и в исторических работах, преимущественно компаративистского характера. Некоторые из этих работ непосредственно затрагивали историю России, но основное внимание их авторов привлекала дореволюционная российская модернизация, которую было гораздо легче сравнивать с аналогичным опытом других стран¹.

В СССР теория модернизации рассматривалась преимущественно в критическом плане как одно из проявлений идеологической борьбы². Первыми к её практическому использованию в последние годы обратились российские философы, социологи, политологи, экономисты³.

¹ См. напр.: McDaniel T. *Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran*. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1991; *The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study*. N.Y.-L.: The Free Press, 1975.

² См. напр.: *Критический анализ буржуазных теорий модернизации*. М.: ИНИОН, 1985.

³ См. напр.: Вишневский А.Г. *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ, 1998; Зарубина Н.Н. *Самобытный вариант модернизации* // *Соц. исследования*. 1995. № 3. С.46-51; Красильщиков В.А. *Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций*. М.: РОССПЭН, 1998; Ланцов С.А. *Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации* // *Полис*. 2001. № 3. С.93-102; *Модернизация в России и конфликт ценностей*. М.: ИФ РАН, 1993; *Модернизация: зарубежный опыт и Россия*. М.: Инфомарт, 1994; *Модернизация и национальная культура*. М.: Изд-во «Апрель-85», 1995; Поляков Л.В. *Методология исследования российской модернизации* // *Полис*. 1997. № 3. С.5-15; *Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола»)* // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С.3-39; Рязанов В.Т. *Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв.* Спб.: Наука, 1998; Федотова В.Г. *Модернизация «другой» Европы*. М.: ИФ РАН, 1997; Черных А.И. *Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии*. М.: Памятники ист. мысли, 1998; и многие др.

Не отрицая достигнутых ими результатов, интересных гипотез, объясняющих специфику и интерпретирующих результаты предыдущих российских модернизаций, приходится констатировать определённую схематичность предложенных построений, слабую источниковую доказательную базу, воспроизводство некоторых уже опровергнутых исторической наукой мнений. Можно согласиться с Б.Н.Мироновым, который, рецензируя работу А.Г.Вишневого «Серп и рубль» и отметив ряд её спорных (с точки зрения историка) положений, резюмировал, что социология оперирует, как правило, идеальными типами, а такой подход плохо работает на конкретно-историческом уровне¹.

Российские историки с опозданием обратились к использованию этого методологического подхода, но, как уже отмечалось в историографическом разделе, сумели выявить его большие гносеологические возможности.

Однако при обращении к этому методу необходимо учесть, что за время своего существования он претерпел ряд видоизменений, и в настоящее время модернизационная парадигма представляет собой конкурентное методологическое поле, в котором взаимодействуют и активно используются подходы, апробированные на материалах самых различных стран².

Поэтому, чтобы использовать модернизационную парадигму в конкретно-историческом исследовании, необходимо осуществить, во-первых, подбор наиболее подходящего для проблематики данного исследования варианта модернизационного подхода, во-вторых, провести его своеобразную «калибровку», настраивание на изучение определённой проблемы в определённых временных рамках.

В настоящей диссертации предпринята попытка решить эти задачи путём обращения к одному из вариантов модернизационного метода, разработанному

¹ Миронов Б.Н. История СССР с социологической точки зрения: о книге А.Г.Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР» // Социальная история. Ежегодник, 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С.340.

² Об эволюции и современном состоянии модернизационной парадигмы см. подробнее: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. Гл. I; Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. Гл.1.

видным западным социологом Ш.Эйзенштадтом¹. Его использование обосновывается следующими аргументами.

Во-первых, Ш.Эйзенштадт – один из основоположников и главных разработчиков того направления в модернизационных исследованиях, которое отрицает универсальный характер модернизации как процесса большего или меньшего копирования «классической», то есть западноевропейской, модели перехода к индустриальному обществу. Им был сделан вывод о том, что в разных странах в зависимости от исторических традиций и конкретно-исторической обстановки осуществляются разные варианты модернизации, которые могут сравниваться между собой, но не могут быть сведены к одной универсальной модели².

Во-вторых, все исследования Ш.Эйзенштадта, несмотря на общее тяготение к теоретической социологии, базируются на объёмном, тщательно подобранном и проанализированном историческом материале, почерпнутом из разных стран и эпох. Именно историческая насыщенность и историческая доказательность выгодно отличают его работы от многих других публикаций как западных, так и отечественных авторов, прибегающих к широким обобщениям при крайне слабой фактической базе.

В-третьих, среди стран, чей модернизационный опыт изучался и изучается Ш.Эйзенштадтом, находится и Россия, чью историю он рассматривает как непрерывный процесс и считает советский период, в том числе и советскую революционную модернизацию, естественным продолжением всей российской истории. Показательно и то обстоятельство, что Ш.Эйзенштадт не считает возможным использование применительно к СССР тоталитарной концепции, предпочитая определять советскую систему просто как «коммунистическую».

¹ О Ш.Эйзенштадте и его вкладе в развитие социологической и исторической науки см.: Ерасов Б.С. Ш.Эйзенштадт и его концепция общества и истории // Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. С.5-22.

² Модернизационный подход и его конкретизация были изложены Ш.Эйзенштадтом в следующих основных публикациях: Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966; Idem. Tradition, Change and Modernity. N.Y.-L.: John Wiley & Sons, 1973; Patterns of Modernity. Ed. by S.N. Eisenstadt. In 2 vol. N.Y.: New York Univ. Press, 1987.

В-четвёртых, Ш.Эйзенштадт последовательно придерживается мнения о том, что ход и результаты модернизационного процесса могут быть адекватно исследованы только при учёте того влияния, которое оказывают на них исторические традиции данной страны и данной нации, проявляющиеся в процессе модернизации в самых разных сторонах общественной жизни, включая и государственную политику.

В-пятых, общий подход Ш.Эйзенштадта тяготеет к социокультурному направлению, что сближает его с социальными историками, изучающими переходные процессы в индустриализирующихся и урбанизирующихся обществах, создаёт возможности для сочетания его подхода с методами и приёмами социальной истории, что представляет особую ценность для настоящего исследования.

В-шестых, и это обстоятельство особенно важно в контексте нашей работы, Ш.Эйзенштадтом была разработана концепция «модернизационных срывов» – тех промежуточных этапов в модернизационных процессах, когда в силу разного рода объективных и субъективных факторов происходит изменение общего направления, характера, методов и приёмов осуществления модернизации, трансформация власти и формирующей её политической элиты. Им также были предложены конкретные методики изучения таких срывов.

Использование теоретико-методологических разработок Ш.Эйзенштадта позволяет рассмотреть период НЭПа как попытку большевистского политического режима возобновить прерванный войнами и революциями процесс индустриальной модернизации России при частичном сохранении рыночных экономических механизмов, попытку, завершившуюся модернизационным срывом 1928-1929 гг. и переходом к этатистской модели модернизации, основанной на тотальном огосударствлении экономики.

При таком общем подходе принципиальную важность приобретает то обстоятельство, что в его рамках становится возможным рассмотреть социальную политику как один из инструментов, способствующих или препятствующих осуществлению модернизационного перехода.

В интерпретации Ш.Эйзенштадта ведущей тенденцией системной трансформации модернизирующегося общества является динамическое взаимодействие факторов социальной дифференциации и интеграции.

Индустриализация и урбанизация, как две основные социально-экономические силы модернизационного процесса, с необходимостью ведут к распаду, дезорганизации, дифференциации традиционного, жёстко структурированного по сословно-иерархическому принципу аграрного общества на различные социальные группы. Каждая такая группа и все они вместе находятся в стадии становления и самоорганизации, где значительную роль играет их социальное самоопределение или самоидентификация на социокультурной основе вокруг собственных ценностных систем.

Дифференциация является закономерным результатом и условием осуществления модернизационного перехода, но одновременно и важнейшим препятствием на пути его успешного завершения, более того, одной из главных предпосылок модернизационного срыва, поскольку мешает объединению усилий общества в осуществлении необходимых преобразований, стимулирует социальные конфликты, обостряет отношения между проводящей модернизационные преобразования элитой и остающимся в основном традиционным, приверженным прежним ценностям социумом.

Поэтому важнейшим условием успеха модернизации становится ускоренное развитие процессов интеграции, в котором решающую роль играет консолидация тех социальных групп, которые объективно заинтересованы в переходе на индустриальную стадию развития, способны в силу этого поддержать и стимулировать преобразовательные усилия элиты.

Мировой опыт модернизации свидетельствует, что, за пределами Западной Европы, модернизация, как правило, носила, особенно на первых этапах, этатистский характер. Можно констатировать, что такой взгляд является общепринятым и для российских историков модернизации, поскольку в разной терминологии присутствует практически во всех вышедших в нашей стране работах.

Проанализировав разные варианты этатистских модернизаций XX века, Ш.Эйзенштадт пришёл к выводу о том, что успешность модернизации (равно как и возникновение модернизационных срывов) в значительной мере зависит от выполнения государством роли своего рода «социального интегратора».

Иначе говоря, государственная власть, с одной стороны, должна способствовать формированию в обществе новой системы «индустриальных ценностей», органично соединяющей «модернизаторские» и «традиционные» ценностные установки, присущие именно данному обществу. С другой стороны, своими конкретными действиями, в том числе и в социальной сфере, власть позволяет большей части этих социальных групп идентифицировать свои интересы (как правило, переведённые на повседневный, материально-бытовой уровень) с государственной политикой, подкрепить социокультурную консолидацию консолидацией социально-политической.

Таким образом, в рамках разработанного Ш.Эйзенштадтом модернизационного подхода социальная политика Советского государства должна быть проанализирована именно с точки зрения выполнения или невыполнения ею функций социальной интеграции российского общества.

Конечно, в условиях острого социально-экономического и социально-политического кризиса 1921 г., вскоре усугублённого катастрофическим неурожаем и голодом, интегрирующая составляющая социальной политики большевиков не имела сколько-нибудь явно выраженной модернизаторской направленности, превратившись, как и вся первоначальная нэповская политика, (используя уже выше цитировавшееся удачное выражение А.К.Соколова) в «цикл последовательных и непоследовательных мероприятий, проводимых в стране, по выходу из кризиса, которые диктовались скорее объективными обстоятельствами, чем какими-либо идеями и схемами»¹.

Однако по мере восстановления довоенного экономического потенциала страны и объективного выхода на первый план задач возобновления индустриальной модернизации (по словам Сталина, «индустрия есть основа,

¹ Соколов А.К. Историческое значение нэпа. С.9.

начало и конец социализма, социалистического строительства»¹) социальная политика оказывалась перед выбором. Либо она сыграет роль одного из интеграторов нового послереволюционного пространства российского социума, консолидирующего вокруг власти ту социальную базу, которая способна стать адекватным фундаментом для индустриальной и урбанизированной страны, либо она, напротив, будет содействовать торможению процессов интеграции и продолжению дифференциации социального пространства на всё более и более расходящиеся в своих интересах социальные группы, что приблизит модернизационный срыв со всеми вытекающими из этого последствиями.

В связи с этим встают ещё два взаимосвязанных вопроса, имеющих очевидное методологическое содержание.

Во-первых, какие элементы всей социальной политики могут быть отнесены к, если так можно выразиться, «интеграторам первого порядка»? Иначе говоря, какие действия государства в социальной сфере в период НЭПа в наибольшей мере сигнализировали тем или иным социальным группам о совпадении или расхождении их интересов и интересов государства. Во-вторых, по каким критериям может быть измерена эффективность социальной политики большевиков с точки зрения её содействия интеграции или, наоборот, новой дезинтеграции российского социума нэповского времени.

В отечественной историографии, особенно советского периода, содержание и эффективность социальной политики характеризовались преимущественно через анализ соответствующих партийно-государственных решений по социальным вопросам и статистических показателей, измерявших происходившие в результате их реализации перемены в социальной сфере. Безусловно, изучение этих сторон социальной политики должно быть неотъемлемой частью любого исследования данной проблематики. Однако, как нам представляется, такой подход к изучению социальной политики является недостаточным, поскольку характеризует в основном лишь её формальную внешнюю сторону и не позволяет ответить на вышеставленные вопросы.

¹ Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии // Соч. М.: ОГИЗ, 1948. Т.8. С.117.

Концепция Ш.Эйзенштадта предполагает, что интеграция общества вокруг модернизационных целей, выдвигаемых государственной властью, требует создания новой системы ценностей, но идеологические установки, лежащие в основе такой системы, действуют на сознание людей опосредованно, постоянно соотносясь с изменениями в их повседневной жизни, особенно в социально-бытовой составляющей, наиболее доступной традиционному сознанию аграрного по преимуществу населения.

Следовательно, внешние, формальные изменения социальной сферы становятся факторами, усиливающими интеграционные или дезинтеграционные процессы в обществе, только пройдя через повседневную жизнь людей и отразившись в той или иной форме в их сознании. Судить о том, в каком направлении развиваются эти процессы, позволяет «обратная реакция» населения на социальные меры власти, а от того, как власть «уловит» и интерпретирует эту «обратную связь», зависят не только её последующие действия, но в известной мере успешность или безуспешность осуществления всего модернизационного процесса.

Это означает, что модернизационная парадигма, чтобы стать полноценным методом исследования поставленной в настоящей диссертации проблемы, должна быть дополнена такими методологическими инструментами, которые позволят обнаружить каналы «обратной социальной связи» и проанализировать их содержание.

Для этого необходимо обратиться к тем методологическим возможностям, которые предоставляет социальная история. Именно это направление современной исторической науки с его пристальным интересом к обыденной, повседневной стороне жизни общества, исследованием поведенческих реакций людей, влияния на них тех или иных «образов мира, государства, общности, личности» и т.п. всё чаще используется авторами, придерживающимися разных вариантов модернизационного подхода. В отечественной историографии убедительным примером эффективности такого синтезного подхода является

капитальное исследование петербургским историком Б.Н.Мироновым имперского периода русской истории¹.

Среди многообразия исследовательских инструментов, используемых в социальной истории, в контексте настоящей диссертации особый интерес представляют те из них, которые позволяют изучить каналы «обратной связи», возникшие в нэповской России между государством и обществом, то отражение, которое в них находила социальная политика власти.

Перспективным в этой связи представляется использование методологического подхода, реализованного А.Я.Лившиным и И.Б.Орловым².

В качестве канала «обратной связи» между властью и обществом они предложили рассмотреть так называемые «письма во власть», различные источники, отложившиеся в архивах и содержащие обращения советских людей (прежде всего – крестьянства) в годы НЭПа в различные инстанции, особенно – в газеты.

В отличие от других историков, также обращавшихся к этому ценнейшему источнику по массовому сознанию 1920-х гг., А.Я.Лившин и И.Б.Орлов проанализировали «письма во власть» под углом зрения, во-первых, социальной идентификации, которую авторы писем косвенно осуществляли посредством обращения во власть, во-вторых, извлекаемых из этих писем «ментальных параметров оценки власти».

Нам представляется чрезвычайно полезной и перспективной постановка авторами вопроса о том, что, обращаясь в своём письме к власти, индивид, находящийся в социальном пространстве нэповской России, подсознательно использовал этот канал обратной связи как средство собственной идентификации, пытался закрепить за собой определённый социальный статус.

В обществе, лишённом прежней, характерной для самодержавной России сословно-статусной лестницы, судить о своём реальном месте, социальном статусе и связанными с ним правами и обязанностями индивиду поневоле приходилось путём использования государства в качестве своеобразного

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.).

² См.: Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч.

«референтного зеркала», смотрясь в которое, он мог обрести некоторую стабильность в меняющемся мире.

Конечно, надо учесть, что подобного рода восприятию государства способствовала и историческая традиция, сложившаяся в стране за века самодержавного абсолютизма. На неё накладывалось, вернее, в неё вписывалось и тяготеющее к монопольному положение, которое заняла в рамках нового большевистского государства коммунистическая партия, фактически отождествлявшаяся в массовом сознании с государством.

Выражая в словах и поступках через каналы обратной связи своё отношение к действиям государственной машины, особенно к тем, которые задевали его повседневные, обыденные интересы, человек нэповской эпохи одновременно проявлял и степень своей внутренней, часто, видимо, подсознательной, готовности поддержать, остаться в стороне или противодействовать той логике действий, которую он улавливал в непосредственно затрагивающих его государственных решениях.

Действие канала обратной связи было, однако, важно для обеих сторон.

Своей социальной политикой, дифференцированной в соответствие с партийной идеологией по отношению к «социально близким» и «социально чуждым» слоям общества, пролетариату, крестьянству, разделённому, согласно устойчивому стереотипу, на бедняков, середняков и кулаков, служащим, интеллигенции и т.д., власть создавала свой собственный «нормативный образ» нэповского общества.

Реагируя на эту политику, различные социальные группы должны были либо подтвердить, либо опровергнуть справедливость такого образа.

Поэтому можно сказать, что процесс идентификации носил двусторонний характер: обращаясь к власти, индивид идентифицировал свой социальный статус, но и власть, прилагая к индивиду тот или иной параметр социальной политики, стремилась «упорядочить», привести его в соответствие с «нормой», то есть в известной мере тоже осуществляла процесс самоидентификации, соответствия своих «образов» социума его реальному состоянию.

Таким образом, методологический приём, использованный А.Я.Лившиным и И.Б.Орловым, создаёт возможность увидеть «образ власти» глазами нэповского общества, но одновременно ставит вопрос и о том, в какой мере этот «образ» улавливался и учитывался самой властью, влиял на её «нормативный образ» российского социума 1920-х гг. Именно последнее обстоятельство во многом предопределяло реакцию власти на информацию, поступавшую по различным каналам обратной связи.

Если исходить из используемого нами модернизационного подхода Ш.Эйзенштадта, то можно предположить, что модернизационный срыв 1928–1929 гг., выразившийся в отказе большевистского руководства во главе со Сталиным от пути постепенной модернизации (индустриализации) страны в рамках нэповской модели смешанной, государственно-частной экономики в пользу модели форсированной авторитарной модернизации на основе максимального огосударствления экономики (планово-централизованная модель), был, среди прочих факторов, обусловлен невозможностью интегрировать российский социум вокруг цели социалистической модернизации («социализм в одной, отдельно взятой стране») в рамках проводимой на протяжении 1921–1927 гг. нэповской политики.

Это, в частности, означает, что большевистский нормативный образ нэповского социума, даже при его определённой модификации в ходе проведения нэповского курса, и тот образ, который создавался самим населением страны в ходе своего диалога с властью, оказались, если и не противоположными, то, во всяком случае, их частичное совпадение не обеспечило искомого уровня синтеза социалистически-модернизаторской ценностной системы большевизма и традиционных установок большей части населения страны, прежде всего крестьянства.

Социальная политика, непосредственно влиявшая на повседневную жизнь людей на наиболее доступном обыденному, традиционному сознанию материально-вещественном уровне, могла содействовать или противодействовать такому синтезу, подводя, например, практическую базу под декларируемое социалистической идеологией «право на труд» и традиционное

крестьянское представление о праве распоряжаться выращенным собственными руками на «божьей земле» урожаем.

Это касалось, в первую очередь, тех областей социальной политики, результаты которой определяли материально-вещественную основу социального статуса двух основных классов нэповского общества – крестьянства и пролетариата.

Для крестьянства таким первостепенным социальным индикатором, диктовавшим одновременно и образ власти, и своё собственное «идентификационное» отражение в «государственном зеркале», являлась налоговая политика. Именно от того, в какой степени и как эта политика позволяла крестьянину распоряжаться плодами своего труда, зависело, в какой мере «социалистическая справедливость» совместится в крестьянском сознании с «крестьянской правдой».

Для рабочего класса, в значительной своей части ещё находившегося, особенно после массового деклассирования в ходе Гражданской войны, в стадии своеобразного «переформатирования», решающим фактором, подводившим материальную базу под лозунги «пролетарского государства» и «пролетарской власти», становились практические результаты государственной политики в области заработной платы и занятости.

Все остальные социальные блага, получаемые в результате социальной политики власти (социальное обеспечение, доступность медицины и образования и т.п.), тоже способствовали самоопределению крестьянства и рабочего класса в нэповском социальном пространстве, но, учитывая дореволюционную традицию крайне ограниченного распространения этих благ на подавляющее большинство населения, конечно, играли второстепенную, вспомогательную роль, дополняя влияние вышеуказанных, основных факторов.

Следовательно, реализуемые через каналы обратной связи с властью реакции крестьянства и рабочего класса на практические результаты социальной политики позволяют в известной мере судить о правомерности того или иного взгляда на социокультурные процессы дифференциации и интеграции

социального пространства страны в годы НЭПа, предшествовавшие модернизационному рывку 1930-х гг.

Поэтому изучение методами и приёмами социальной истории обратной связи российского социума с большевистским государством (в данном случае на конкретном примере южноуральского материала) оказывается необходимым методологическим обогащением модернизационного подхода, позволяющим исследовать социальный аспект нэповской политики как системное явление.

Однако при всей безусловной ценности для изучения этой проблемы такого источника как «письма во власть», следует признать, что они отражают только одну сторону обратной связи, являясь, в сущности, не столько диалогом, сколько приглашением к диалогу, созданием для него потенциальной возможности. Чтобы диалог состоялся – необходимо знать ответ другой стороны, самой власти.

Иногда такой ответ давался в прямой форме. Например, в виде опубликованного в печати ответа какого-либо ответственного партийного или советского работника на опубликованное там же письмо в газету или в какую-либо иную инстанцию. Реже ответ можно обнаружить в сохранившихся стенограммах различных партийных собраний, съездов Советов разных уровней и т.п. официальных мероприятий.

Но, как правило, власть предпочитала не прямые, косвенные формы диалога с обществом – в виде новых партийно-государственных решений, речей и статей высших или местных партийных и советских руководителей, практических действий по коррекции проводимой политической линии.

Эти ответы в годы НЭПа оказались крайне противоречивы.

С одной стороны, власть временами вроде бы адекватно понимала обращённые к ней слова и действия. Хрестоматийные тому примеры: замена продразвёрстки продналогом, последующее снятие ограничений на частную торговлю, кампания «Лицом к деревне», воплотившаяся в новые, рыночные уступки крестьянству, меры по социальному обеспечению безработных и т.д.

С другой стороны, временами власть становилась словно бы «глухой» к поступающим от общества сигналам, предпринимая действия, вызывавшие

усиление негативных реакций значительной части населения: под флагом «рационализации производства» усиливала интенсификацию в промышленности, ужесточала налоговое законодательство, борьбой с частной торговлей провоцировала перебои в снабжении продовольствием городов.

Одно очевидное объяснение подобной противоречивости лежит на поверхности: все годы НЭПа властями осуществлялся непрерывный процесс приспособления политики к реальностям страны, но лишь в тех пределах, которые не угрожали сохранению в руках большевистской партии всей полноты государственной власти.

Естественно, играли свою роль и многие другие обстоятельства, в том числе и конъюнктурного свойства, связанные с борьбой в партийных верхах, событиями во внешнем по отношению к СССР мире, элементарной некомпетентностью многих руководителей, не способных просчитать последствия того или иного решения и т.п.

Вместе с тем закономерно поставить вопрос о степени информационной адекватности власти, её способности «услышать» в идущих из общества сигналах именно то, что общество хочет сказать, а не то, что власти хотелось бы услышать.

Успехи, достигнутые в последние годы российскими исследователями НЭПа в изучении социального сознания эпохи, в том числе и главным образом на основании «документов советской повседневности», включая и «письма во власть», рисуют сложную, противоречивую картину сигналов от общества, поступавших во властные структуры. Складывается впечатление очень динамичного, изменчивого, противоречивого информационного пространства, ни в коей мере не сводимого к простой дихотомии голосов «за» и «против». По справедливому замечанию А.Я.Лившина и И.Б.Орлова, «в своих взаимоотношениях с властным аппаратом в послереволюционные годы советское общество в целом предстаёт достаточно замутнённым и аморфным, лишённым структурированности ... Слышны были голоса из хора, но при этом плохо ощущалось звучание самого хора»¹.

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч. С.27.

В такой ситуации, вступая в диалог с обществом, власть могла выбирать те голоса, которые в большей мере соответствовали её собственному представлению о том, как должно в соответствие с партийной доктриной выглядеть нэповское социальное пространство.

Психологической наукой давно доказано, что внутренняя, в том числе и идеологическая, установка влияет и на отбор, и на интерпретацию любой поступающей извне информации.

Следовательно, чтобы понять действия Советской власти, получавшей по неформальным каналам обратной социальной связи и антинэповские, и пронэповские сигналы, но явно сильнее доверявшей, если судить по большей части её практических действий, первой группе сигналов, необходимо установить, где находились и в чём заключались, условно говоря, «информационные фильтры», отсеивавшие или превращавшие в «информационный шум», например, пронэповскую реакцию части крестьянства на лозунг «Лицом к деревне».

Во-первых, роль подобного «информационного фильтра», в решающей степени детерминирующего ответ власти на сигналы общества, играла большевистская идеология, точнее – доктринальные основания большевизма.

Едва ли не самым убедительным подтверждением этого может служить идейная сторона внутренних конфликтов, сотрясавших большевистскую партию на протяжении всего периода НЭПа. Современные исследования отечественных авторов доказывают, что при всей остроте идейной полемики и следовавших из неё политических выводов, основополагающие принципы большевистской доктрины сомнению не подвергались, борьба развёртывалась вокруг тактических вопросов реализации этих принципов в конкретных условиях 1920-х гг.¹

Наиболее убедительно эта проблема была разработана С.В.Цакуновым, который, исходя из концепции «доктринального алгоритма», пришёл к выводу о существовании нескольких смысловых уровней внутри большевистской

¹ См. напр.: Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. Гл.4; Роговин В.З. Власть и оппозиции; Россия нэповская. Гл. X; и др.

доктрины, в том числе и базового уровня, который «определял внешние рамки политического действия «вождей» и своим непосредственным результатом имел некоторые общие границы практического творчества по «строительству нового общества»¹.

Закономерно предположить, что подобные базовые принципы играли роль доктринальных ограничителей для принятия решений во всех областях политики большевистского руководства, включая и социальную политику.

Выявление таких ограничителей имеет методологическое значение, поскольку позволяет найти исследовательский инструмент обнаружения границ, влиявших на способность власти адекватно улавливать и интерпретировать идущие от общества сигналы обратной связи и принимать на их основании решения, содействующие или препятствующие эффективному разрешению встающих перед государством управленческих задач.

Доктринальные основания большевизма играли не только роль своего рода «информационного фильтра», отсеивавшего всю заведомо «враждебную информацию» или изначально определявшую её как именно принадлежащую классовому врагу. Гораздо важнее другая их функция: доктринальные основания играли роль ограничителей колебаний партийной линии во всех вопросах её практической деятельности, включая, естественно, и социальную политику. Поэтому и любые сигналы, поступавшие от общества, интерпретировались большевистскими руководителями всех ступеней партийной иерархии через призму таких доктринальных ограничителей, чаще всего, наверное, на бессознательном, автоматическом уровне.

Во-вторых, роль таких «фильтров» играли, как нам представляется, те каналы обратной связи, которым власть отдавала явное предпочтение.

Вряд ли когда-нибудь историкам удастся достоверно установить, какая часть даже не самих «писем во власть», а хотя бы кратких выжимок из них ежедневно или еженедельно ложилась на стол партийных и советских руководителей, а, главное, как эти источники прочитывались, обдумывались и отражались в последующих решениях, ведущих к «расширению» или

¹ Цакунов С.В. Указ. соч. С.17-18.

«сужению» НЭПа. Зато нам определённо известно, что среди всех информационных материалов, циркулировавших в то время во властных кругах СССР, наибольшее место занимали «закрытые» или «секретные» документы, поступавшие, во-первых, по линии самих партийных и советских органов, а, во-вторых, по линии органов безопасности – ОГПУ.

Последние, как уже отмечалось, представляли собой продукты функционирования ещё одного канала обратной связи между властью и обществом. Но канала своеобразного: настроенного, прежде всего, на улавливание тех сигналов общества, которые информировали об опасностях, угрожающих существующей власти. Учитывая данную выше источниковедческую характеристику документов ОГПУ, можно сказать, что именно заряженность органов безопасности на сбор и предоставление властной верхушке опасной для неё информации придавало этим документам в глазах власти гораздо бóльшую ценность, чем неконтролируемый и не имеющий однозначной направленности поток спонтанных обращений населения к ней.

В то же время достаточно объективный образ действительности, воспроизводимый именно благодаря, как это ни парадоксально, изначальной негативной тенденциозности поставляемой ОГПУ информации, неизбежно приходил в столкновение с «нормативными» представлениями, заложенными в большевистской доктрине.

Происходило, если можно так сказать, «наложение двух информационных фильтров»: доктринальный фильтр, формировавший в известной мере идеальный, утопический образ социума, в котором действуют социальные классы и группы, выполняющие «научно» выведенные из марксизма функции, входил в противоречие с «фильтром ОГПУ», воссоздававшим (наряду с секретной информацией, приходившей по партийно-советским каналам) относительно достоверный образ социума, в котором «утопия» то совпадала, то, гораздо чаще, расходилась с реальностью. Неизбежная в этой ситуации коррекция политического курса большевистского руководства каждый раз принимала разные формы, но, как, в частности, будет показано в последующих

главах нашей работы, решающую роль в конечном итоге играли доктринальные ограничители этого курса.

Конечно, задача изучения того, как происходил этот процесс на уровне высшего и местного большевистского руководства, выходит за рамки настоящей диссертации. В данном случае важно было только указать на методологические аспекты учёта доктринальных ограничителей большевизма при изучении конкретной проблемы социальной политики, обосновать включение этого вопроса в разряд методологических проблем.

Суммируя всё вышесказанное, можно следующим образом определить *логику исследования* социальной политики Советского государства на Южном Урале в годы НЭПа, вытекающую из разработанного нами методологического подхода.

Социальная политика рассматривается как составная часть политики, имевшей своей объективной исторической целью осуществление индустриальной модернизации страны средствами и формами НЭПа, то есть в рамках смешанной государственно-частной экономики при сохранении монопольной политической власти большевистской партии (по удачному выражению С.А.Павлюченкова: «Экономический либерализм в пределах политического монополизма»¹).

Проведение такой политики оказывало непосредственное воздействие на стихийно идущие в нэповском обществе процессы дифференциации и интеграции социального пространства, отражаясь, прежде всего, в материально-вещественных изменениях повседневной жизни людей.

То или иное восприятие этих изменений различными социальными группами в условиях «политического монополизма» ретранслировалось власти по ряду «открытых» (выступления на разного рода публичных мероприятиях, письменные обращения во властные инстанции, «письма во власть» и т.п.) и «закрытых» (секретная внутривластная и внутригосударственная переписка, включая информационные ресурсы ОГПУ) каналов обратной связи.

¹ Россия нэповская. С.15.

С учётом поступающих от общества сигналов власть принимала те или иные решения в социальной сфере, которые, будучи в большей или меньшей мере попытками приспособления партийных установок к практическим потребностям общества, имели в то же время «доктринальные ограничители», определявшие пределы коррекции проводимой социальной политики.

Подобная коррекция воплощалась в новые властные решения в социальной сфере, которые, в свою очередь, способствовали или препятствовали решению модернизационных проблем в рамках сохранения основ нэповской общественной системы.

Следовательно, *первым этапом исследования* должно стать определение идейно-политических (доктринальных) основ большевистской социальной политики, *вторым* – изучение конкретно-исторического содержания и результатов социальной политики, *третьим* – восприятие и отражение по каналам обратной связи этого содержания и результатов населением региона, взятым в его социальной дифференциации по двум основным большим социальным общностям – рабочий класс и крестьянство.

Конечным результатом исследования должна стать эмпирическая проверка выше сформулированной *рабочей гипотезы диссертации*.

Проведённая на материалах Южного Урала проверка этой гипотезы должна, помимо получения ответа на данный конкретный вопрос, стать косвенным подтверждением той или иной из имеющихся в отечественной историографии точек зрения относительно системной альтернативности нэповской эволюционной модернизации и радикальной этатистской модернизации, реализованной в «сталинском варианте».

1.2. Идеино-политические (доктринальные) основания социальной политики большевистской партии

Анализ доктринальных оснований социальной политики большевистской партии требует проведения своего рода ретроспективной реконструкции.

Дело в том, что, вплоть до второй половины 1960-х гг., в лексиконе РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС отсутствовал сам термин «социальная политика» и не осуществлялось выделение как самостоятельной и целостной

отрасли политической деятельности партии тех её аспектов, которые ныне относятся научным знанием к собственно социальной политике.

Однако в то же время вся деятельность партии имела ярко выраженную социальную направленность, будучи устремлена, особенно после её прихода к власти, на радикальное переустройство социальной структуры общества в социалистическом направлении.

В советской литературе, начиная со второй половины 1960-х гг., предпринимались попытки осуществления реконструкции социальной составляющей теории и практики большевизма. Вряд ли будет справедливо полностью отрицать познавательную ценность проведённой преимущественно усилиями представителей философского знания работы, заключавшейся в сведении воедино разрозненных высказываний Ленина, касающихся социальных аспектов политики, прослеживании развития социальных установок в партийных документах, практической деятельности партии.

Однако следует признать, что идейно-политическая ангажированность исследователей, вполне очевидная и понятная в условиях того периода развития отечественного обществознания, заведомо предполагала однозначное прочтение партийных документов, выявление и выделение в них исключительно тех аспектов социальной политики, которые доказывали неизменную верность «генеральной линии партии» коренным интересам основной массы населения страны – пролетариата и трудового крестьянства.

Поэтому социальная политика в случаях её конкретного изучения интерпретировалась в формально-юридическом плане и рассматривалась как совокупность государственных учреждений (госаппарата), их функций, принимаемых решений (законов и постановлений партийных и государственных органов страны) и суммарных (статистических) результатов их осуществления (изменения социальной структуры общества в направлении ликвидации буржуазных классов и сближения рабочего класса и крестьянства)¹.

¹ См. наиболее показательную в этом плане коллективную монографию: Изменения социальной структуры советского общества: (1921- середина 30-х годов). Ч.1.

Естественно, что современный этап развития отечественной социальной науки предполагает поиск иных подходов, иной интерпретации содержания социальной доктрины большевизма, как и общее переосмысление всего этого исторического феномена XX века.

К сожалению, процесс такого переосмысления в силу преимущественно вненаучных, конъюнктурно-политических факторов происходит достаточно медленно и противоречиво. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным в одном из новейших исследований, что «изучение истории большевизма сегодня переживает застой» и что «речь должна идти о новом осмыслении истории большевизма, пересмотре его концептуальных оснований, самой сути, смысла этого явления, его места и роли в российской истории»¹.

В настоящей диссертации затрагивается в методологическом плане только один аспект этой большой и важной проблемы – идейно-политические (доктринальные) основания социальной концепции большевизма, поскольку именно эти основания играли, по нашему мнению, роль ограничителей, определявших эволюцию социальной политики партии в годы НЭПа.

В советской историографии, занимавшейся реконструкцией социальной доктрины большевизма, сложилась традиция решения этой проблемы путём сопоставления содержания различных партийных источников, в которых наличествуют те или иные элементы теоретического осмысления целей и средств деятельности партии.

К числу таких источников, как правило, относились: произведения Ленина, программа большевистской партии, резолюции партийных съездов, конференций и пленумов, а также произведения и речи, принадлежащие тем партийным деятелям, которые в наибольшей мере уделяли внимание теоретическим вопросам и чьи мнения были авторитетны для партии в целом. Поскольку, однако, тексты Троцкого, Бухарина, Сталина, то есть тех лидеров большевизма, которые действительно пытались, хотя с различной степенью успешности, выступать в качестве теоретиков, в 1960-1980-е гг. привлекались,

¹ Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Указ. соч. С.20,25.

главным образом, в целях критики отклонений и искажений марксистско-ленинской теории, то фактически монопольное место при анализе большевистской теории было отведено ленинским трудам.

В качестве достаточно типичного примера такого подхода можно привести, например, опубликованную уже в начале «перестройки» статью одного из ведущих специалистов в этой теме В.П.Михеенкова, в которой понимание социальной политики связывалось исключительно с обращением «к ленинским основополагающим идеям по проблемам социальной политики»¹.

Не отрицая той ключевой роли, которую сыграл Ленин в разработке и реализации большевистской доктрины, следует, на наш взгляд, учесть, как минимум, два обстоятельства.

Первое – отсутствие у Ленина отдельной работы, в целостном виде излагающей его взгляды на социальную сферу жизни общества, его видение социальной концепции марксизма, превращает реконструкцию его взглядов на эти проблемы в компиляцию высказываний, извлеченных из текстов разных лет, многие из которых носят чисто ситуативный характер. Даже в действительно основополагающей для его мировоззрения работе «Государство и революция» данный сюжет присутствует лишь в косвенном виде как отражение решения конкретной политической задачи прихода партии к власти.

Второе – хотя лидеры большевизма, возглавившие партию после ухода с политической арены Ленина, постоянно ссылались на его высказывания, но как для них самих, так и для всех партийных масс основу партийной доктрины составляли не разрозненные и по-разному, в зависимости от политических целей того или иного лидера, интерпретировавшиеся ленинские высказывания по теоретическим вопросам, а обязательные для всех членов партии документы, отражавшие концептуальную позицию. Прежде всего, это партийная программа, а затем решения высших партийных инстанций по конкретным вопросам текущей деятельности партии.

¹ Михеенков В.П. Методологические основы изучения социальной политики Советского государства // Социальная политика Советского государства и рабочий класс: Вопросы методологии, историографии, источниковедения: Сб. трудов. М.: МГИАИ, 1988. С.3-8.

В этой связи необходимо, на наш взгляд, развести две категории: теоретические взгляды Ленина и официальная партийная доктрина. Последняя, безусловно, отразила и включила в себя комплекс основополагающих идей Ленина, но в преобразованном, суммированном и приспособленном под интеллектуальный уровень рядовой партийной массы виде.

Роль основополагающего нормативного теоретического документа, в наиболее ясном и определённом виде выражавшего базовый уровень большевистской доктрины, иначе говоря, те границы, за пределы которых не могла уклониться партийная тактика сменивших Ленина большевистских лидеров¹, выполняли не разрозненные ленинские высказывания, по мере необходимости цитируемые «вождями», а вторая партийная программа.

Поэтому, чтобы определить доктринальные основания социальной политики большевизма необходимо проанализировать в первую очередь именно программу РКП(б) 1919 г., а затем интерпретации её положений применительно к нэповской действительности, отразившиеся в решениях высших партийных инстанций. В условиях постоянной внутрипартийной полемики, сопровождавшей большевиков практически все 1920-е гг., нормативный, ограничивающий характер играли именно эти, коллективно принимавшиеся решения, а не суждения вождей, неоднократно менявших свои позиции и, по точному замечанию С.В.Цакунова, в своих политических целях «довольно решительно и бесцеремонно» обходившихся с неустраивавшими их в данный момент теоретическими ограничениями².

Как известно, первоначальные программные установки российской социал-демократии формировались в русле западноевропейской марксистской и социал-демократической традиции.

Это обстоятельство признавалось, хотя и с определёнными оговорками, в советской историографии, не отрицается оно и современными авторами. Так, например, в одной из недавних работ, претендующей на преодоление «исторических мифов о большевизме», утверждается, что большевистская

¹ Цакунов С.В. Указ. соч. С.17.

² Там же. С.19.

программа «отражала типичные как для российской, так и в значительной степени для международной социал-демократии представления об общественном прогрессе ... как движении к социализму»¹.

Наиболее разработанным программным документом, служившим своего рода эталоном для вновь возникавших социал-демократий, являлась в начале XX века Эрфуртская программа Германской социал-демократической партии. Термин «социальная политика» в ней отсутствовал, но в практической части программы имелся специальный раздел «об охране рабочего класса», который можно рассматривать как конкретно-социальные установки, определявшие цели социальной политики германской социал-демократии в условиях буржуазного государства.

В этот раздел были включены следующие положения: 8-часовой рабочий день, запрет ночных работ и выдачи зарплаты товарами, надзор за условиями труда со стороны государства, обеспечение прав рабочих союзов, государственная организация страхования рабочих при решающем участии в управлении им самих рабочих и другие более мелкие меры².

Поскольку в марксистской традиции «социальное» в политике отождествлялось с «классовым», то вполне закономерно «социальное» в политике партии, борющейся за права рабочего класса в буржуазном обществе, сводилось к реализации мер, способных улучшить условия жизни пролетариата и одновременно создать необходимые предпосылки для дальнейшего отстаивания им своих классовых интересов.

Аналогичные или близкие к этим установкам задачи защиты интересов рабочего класса перешли и в программу российской социал-демократии.

В программе РСДРП, принятой в 1903 г. на II съезде, мы находим требования 8-часового рабочего дня, запрета ночного труда, государственного страхования рабочих и другие требования, схожие с целями международной

¹ Драма российской истории: большевики и революция. С.41.

² Каутский К. Эрфуртская программа (Комментарий к принципиальной части). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. С.234.

социал-демократии¹. Очевидно, что эта часть программных установок РСДРП может быть отнесена к пониманию социальной политики как совокупности мер, решающих конкретные вопросы улучшения положения рабочего класса.

Такого же рода понимание социальной политики можно обнаружить и в тех разделах программы, которые касались решения крестьянского вопроса, с естественной поправкой на специфику положения российского крестьянства: отмена выкупных и оброчных платежей и повинностей, возвращение земель, отрезанных от крестьянских общин по аграрной реформе 1861 г., отмена законов, стесняющих крестьянина в распоряжении землёй, и т.п.²

Что касалось стратегической цели социальной политики российской социал-демократии, то она заключалась, согласно программе РСДРП, в кардинальном разрешении социального (= классовому) вопроса: «Заменяя частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производственного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит всё угнетённое человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другой»³.

Данное определение стратегической цели социальной политики было без изменений воспроизведено в 1919 г. в Программе РКП(б)⁴ и не подвергалось какому-либо пересмотру в решениях съездов и конференций последующих лет.

В той или иной формулировке оно воспроизводилось в годы НЭПа лидерами большевистской партии, прежде всего Сталиным.

Так, в его речи «Об основах ленинизма», которой во второй половине 1920-х гг. отводилось всё больше места в партийной пропаганде, среди основных задач «диктатуры пролетариата» выделялась организация всей работы «в направлении, подготовляющем ликвидацию, уничтожение классов»⁵.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М.: Политиздат, 1983. Т.1. 1898-1917. С.63. (Далее – КПСС в резолюциях и решениях).

² Там же. С.64.

³ Там же. С.60-61.

⁴ Там же. М.: Политиздат, 1983. Т.2. 1917-1922. С.73.

⁵ Сталин И.В. Об основах ленинизма // Соч. М.: ОГИЗ, 1947. Т.6. С.109.

В известном определении НЭПа, данном Сталиным на XIV съезде ВКП(б), эта мысль была вновь подчёркнута: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства ... рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов»¹.

«Создать экономическую базу социализма», по мнению Сталина, это «создать такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов»². «Союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянства как класса, – утверждал он. – Политика Советского правительства ... рассчитана не на закрепление, а на уничтожение классов, на ускорение темпа уничтожения классов»³.

Наконец, в статье, специально посвящённой юбилею Октября, Сталин вновь счёл необходимым выделить мысль о том, что основная цель революции – это «организация нового бесклассового социалистического общества»⁴.

Подобные формулировки, повторяемые в документах и речах, имевших руководящий для рядовых партийцев характер, позволяют говорить о том, что понимание социальной политики как, прежде всего и главным образом, политики, ведущей к уничтожению классового разделения общества, являлось базовым ограничителем конкретных действий партии в социальной области как на этапе борьбы за власть, так и после прихода к власти.

Доказательствами базового характера такого ограничения могут служить и другие разделы партийной программы 1919 г., касающиеся путей решения конкретных социальных проблем.

Так, например, в области народного просвещения программа декларировала задачу «довести до конца, начатое с Октябрьской революции

¹ Он же. Заключительное слово по политическому отчёту Центрального Комитета 23 декабря // Соч. М.: ОГИЗ, 1947. Т.7. С.364.

² Он же. Ещё раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии // Соч. М.: ОГИЗ, 1948. Т.9. С.22.

³ Он же. К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве // Соч. Т.9. С.183.

⁴ Он же. Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября // Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т.10. С.240.

1917 г. дело превращения школы ... в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»¹.

В области распределения целью объявлялась «организация всего населения в единую сеть потребительских коммун ... добиваться, чтобы всё население охватывалось кооперативами и чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику кооператив»².

В наиболее последовательной форме реализовать достижение социальной однородности общества большевики попытались в годы «военного коммунизма», но и переход к новой экономической политике, сопровождавшийся демонтажем ряда элементов прежнего политического курса, не отменил и не мог отменить указанного доктринального ограничения.

Другое дело, что в условиях НЭПа требовался гораздо более высокий уровень приспособления большевистской доктрины к реальности и, следовательно, бóльшая степень гибкости в применении общих положений к разрешению конкретных проблем развития страны.

Нельзя не признать, что программа РКП(б) создавала необходимые предпосылки для проявления подобной гибкости, отделяя конечные цели социальной политики от того, что будет достижимо на переходной стадии развития общества.

Так, например, в вопросе о трудовых отношениях делалась важная оговорка, что, «стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму»³.

В программе констатировалось, что установление диктатуры пролетариата позволило «осуществить полностью программу-минимум» как в области охраны труда, так и социального обеспечения. В качестве следующих задач в этой области декларировались дальнейшее сокращение рабочего дня, «введение

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.2. С.82.

² Там же. С.88.

³ Там же. С.86.

поощрительной системы вознаграждения», но только «при общем увеличении производительности труда»¹.

В области охраны народного здоровья в качестве главной цели объявлялось «проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение заболеваний», а в качестве ближайших задач – «решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся» и «обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи»².

В сфере народного образования ставилась задача осуществить бесплатное и всеобщее общее и политехническое образование, материально обеспечить учащихся за государственный счёт, развивать дошкольные учреждения и т.п.³

В жилищной области главной задачей признавалось «всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс» и предлагалось осуществление некоторых мер такого рода, например, постройка жилищ, соответствующих новым условиям жизни рабочих⁴.

Таким образом, анализ социальной составляющей программы РКП(б) позволяет сделать следующие выводы:

– во-первых, социальная политика победившего большевизма должна была носить ярко выраженный классовый характер, что порождало два главных ограничителя в её конкретном осуществлении: стратегический (уничтожение классовых различий и достижение социальной однородности общества) и тактический (приоритет, отдаваемый обеспечению и защите социальных интересов трудящихся, то есть, прежде всего, пролетариата);

– во-вторых, в переходный период между капитализмом и коммунизмом социальная политика должна была в полной мере реализовать те социальные задачи обеспечения и защиты интересов трудящихся, которые не могли быть достигнуты при предыдущем строе, и одновременно пойти дальше. Но осуществление новых социальных мер связывалось с позитивными

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.2. С.90-92.

² Там же. С.92.

³ Там же. С.82.

⁴ Там же. С.90.

изменениями в производительных силах общества, что подвело бы соответствующую материальную базу под удовлетворение социальных потребностей и городских, и сельских жителей.

В итоге, можно сказать, что программа РКП(б) задавала идейно-политические рамки разрешения социального вопроса на этапе, переходном к «полному коммунизму».

В условиях НЭПа эти программные установки должны были воплотиться в конкретные решения партийного руководства по отдельным сторонам социальной жизни страны.

В отечественной историографии было высказано мнение, что «для социальной политики периода НЭПа в целом характерен достаточно бессистемный подход, полное отсутствие каких-либо научных обоснований, разработок, прогнозных расчётов»¹.

Представляется, что подобная оценка как раз не учитывает того обстоятельства, что системность нэповской социальной политике большевиков придавали не «разработки» и «прогнозные расчёты», а как раз наличие доктринальных ограничений.

Противоречивая нэповская действительность, которая, перефразируя Ленина, не была описана ни в одном марксистском учебнике, заставляла большевистское руководство гибко приспособлять свои политические установки под потребности практики. Видимо, не случайно Н.И.Бухарин, претендовавший в середине 1920-х гг. на роль главного теоретика большевизма, подчеркивал, что одна из главных черт Ленина как марксиста заключалась «в осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения»².

Однако наличие указанных доктринальных ограничений не позволяло партийной линии в социальных вопросах при всей её изменчивости утратить внутреннюю логику.

¹ Криворучко А.Н. Указ. соч. С.166.

² Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С.64.

Конечно, в условиях смешанной экономики с абсолютным преобладанием мелкого крестьянского хозяйства, распылённости и деклассирования в результате гражданской войны рабочего класса, теоретическая установка на то, что социальная политика должна вести к «уничтожению деления общества на классы» повисала в воздухе. Восстановление экономики, обеспечение экономической смычки между городом и деревней были невозможны вне опоры на материальные стимулы трудовой деятельности рабочих и крестьян, что, в свою очередь, не столько сближало эти «трудовые» классы, сколько консервировало их разделение.

Получался некоторого рода замкнутый круг:

- сохранение большевистской власти в значительной мере зависело от степени поддержки её рабочим классом и трудовым крестьянством (бедняками и середняками, по общепринятой терминологии того времени);

- степень таковой поддержки, помимо различных политических, идеологических и психологических факторов, сильно зависела (особенно, если принять во внимание достаточно низкий культурный уровень подавляющего большинства рабочих и крестьян) от позитивных изменений в наиболее близких обыденному сознанию человека социальных сферах (уровень и условия жизни, здоровье, социально-бытовая сфера, просвещение и образование);

- обеспечить эти позитивные результаты можно было только на базе значительного подъёма экономики страны, но для такого подъёма, невозможного без роста производительности труда, необходимо было создать соответствующие, прежде всего материальные, стимулы для самих трудящихся;

- последнее было невозможно осуществить без заметного улучшения условий их жизни и труда, что, в свою очередь, и обеспечило бы с их стороны поддержку существующей большевистской власти.

В такой ситуации социальная политика большевиков в годы НЭПа оказывалась обречена на своего рода поиск «золотой середины» между теоретической установкой на «уничтожение классов» и практической необходимостью посредством социальной политики обеспечить необходимый уровень политической поддержки существующей власти.

«Красной нитью», позволявшей придать внутреннюю логичность действиям власти и, если не достигнуть, то приблизиться к искомой «золотой середине», стала установка на преимущественное обеспечение социальных интересов пролетариата и основной, как считалось в теории, классовой опоры Советской власти в деревне – бедняцкой части крестьянства.

Потребности развития экономики, сначала восстановления, а затем и реконструкции народного хозяйства, заставляли время от времени ограничивать эти социальные интересы, но только в тех пределах, в которых это оказывалось безопасно для сохранения власти. Как только возникала реальная или потенциальная опасность колебаний в пролетарско-бедняцкой среде и чрезмерного укрепления растущего в условиях НЭПа буржуазного слоя в городе и деревне (нэпманы и кулаки), тут же следовала коррекция партийной социальной политики.

Такую оценку подтверждает конкретная эволюция партийной линии в социальных вопросах, зафиксированная в соответствующих решениях партийных форумов: съездов, конференций, пленумов Центрального комитета.

Более подробно эта эволюция будет рассмотрена в последующих главах диссертации, посвящённых конкретным аспектам социальной политики Советского государства на Южном Урале. Здесь будет достаточно ограничиться лишь несколькими примерами, иллюстрирующими справедливость высказанного утверждения.

Например, в условиях острейшего социально-политического кризиса, сопровождавшего переход к новой экономической политике, нуждаясь в поддержке промышленного пролетариата, на XI Всероссийской конференции в декабре 1921 г. большевистским руководством принимается резолюция «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства», где появляется такая установка: «Непосредственная заинтересованность рабочего в производстве и в повышении производительности труда должна быть положена в основу тарифной политики и политики снабжения рабочих»¹.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.2. С.471.

Однако, как только по мере восстановления промышленности выявилось негативное влияние опережающего роста заработной платы по отношению к производительности труда, следует новая установка, в наиболее чётком виде сформулированная пленумом ЦК РКП(б) в августе 1924 г.: «Рост зарплаты в отдельных отраслях и в отдельных предприятиях должен строго соотносываться с производительностью труда и не только с ресурсами данной отрасли и треста, но и с ресурсами и состоянием всей промышленности, с её нуждами и с общим уровнем зарплаты»¹.

Но как бы не велика была экономическая целесообразность, но классовый ограничитель, диктовавший приоритет обеспечения интересов пролетариата, заставлял вновь и вновь включать в партийные документы, как это было, например, на XV партийной конференции, тезис о том, что ВКП(б) как партия рабочего класса «всегда считала и считает своей главной задачей всемерное улучшение экономического положения рабочих»².

Ещё более определённо неизменность такого доктринального ограничителя как опора на бедняцкую часть деревни прослеживается во всех решениях 1920-х гг., касающихся социальной политики в деревне.

Так, на XI съезде РКП(б) (март-апрель 1922 г.) в резолюции «О работе в деревне» появляется вполне однозначная формулировка: «... всеми силами и средствами поддержать и поощрить помощь беднейшей части крестьянства»³, а на XII съезде в апреле 1923 г. уже прямо указывается, что для беднейших слоёв деревни налоговые тяготы должны быть максимально облегчены, «вплоть до полного освобождения от тех или других» налогов⁴.

Во что реализовалась такая линия поддержки бедняков, даже вопреки экономической невыгодности её для государства, красноречиво свидетельствует установка XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. об освобождении от

¹ Там же. М.: Политиздат, 1984. Т.3. 1922-1925. С.293-294.

² Там же. М.: Политиздат, 1984. Т.4. 1926-1929. С.96.

³ Там же. Т.2. С.499.

⁴ Там же. Т.3. С.119.

уплаты сельхозналога 35% всех крестьянских хозяйств, отнесённых к категории бедняцких и маломощных¹.

В результате государственная социальная политика периода НЭПа на всём своём протяжении обнаружила определённую двойственность.

С одной стороны, внимание постоянно акцентировалось на защите социальных интересов пролетариата и крестьянства, но, с другой стороны, признавалось, что защита этих интересов не должна препятствовать развитию производительных сил города и деревни, а, наоборот, содействовать восстановлению народного хозяйства, а затем (этот мотив особенно настойчиво начинает звучать с 1926 г.) и его переходу на рельсы индустриализации.

В силу последнего обстоятельства возможны были те или иные действия, на первый взгляд отклонявшиеся от партийной доктрины (расширение сферы применения наёмного труда в сельском хозяйстве, торможение роста заработной платы в промышленности, рационализация производства, влекущая за собой сокращения и переход части рабочих в категорию безработных и т.п.).

Однако эта двойственность отражала практическую сторону нэповской политики, в которой большевистскому руководству приходилось волей-неволей, ради решения главной своей задачи, сохранения политической монополии на власть, временами идти на шаги, задевавшие конкретные интересы классовых союзников – рабочих и бедняцкой части крестьянства. Но доктринальные основания социальной политики оставались прежними – движение в направлении создания социально однородного общества и приоритет социальных интересов рабочих и бедняков перед другими группами населения.

В рамках избранного нами методологического подхода это ставит принципиально важный вопрос: в какой мере доктринальные основания социальной политики большевизма были совместимы с решением объективно вставшей перед властью исторической задачи осуществления индустриальной модернизации России именно на рельсах НЭПа?

Поиску ответа на этот вопрос (на региональных материалах Южного Урала) и посвящены следующие главы настоящего исследования.

¹КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.464.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РАБОЧИЙ КЛАСС ЮЖНОГО УРАЛА

До революции основная часть территории Южного Урала входила в состав двух губерний – Оренбургской и Уфимской. В экономическом отношении это был сельскохозяйственный регион, полностью обеспечивавший себя продовольствием и вывозивший его преимущественно в соседние горнозаводские районы Среднего Урала (Пермская губерния).

По сравнению со Средним Уралом промышленность на юге Урала была развита в гораздо меньшей степени. Имелись горнорудные и металлургические заводы, сосредоточенные в нескольких городах (Златоуст, Челябинск) и рабочих посёлках, механические мастерские, связанные с обслуживанием железной дороги, проходившей через Южный Урал в Среднюю Азию (на Ташкент), предприятия по производству мелкой сельскохозяйственной техники и по деревообработке, но наибольшее их количество было связано с переработкой сельскохозяйственного сырья. Такие предприятия, как правило, имели небольшие размеры, работали на местный рынок и скорее походили на кустарное производство доиндустриальной эпохи.

По данным частичной демографической и промышленной переписи 1920 г. в городах и городских посёлках Южного Урала проживало лишь около 10% всего населения, что было почти в два раза меньше, чем в городах и городских посёлках Среднего Урала¹. Вопрос о численности рабочих в составе населения Южного Урала в начале 1920-х гг. остаётся дискуссионным. Согласно наиболее, на наш взгляд, авторитетной оценке уральского историка В.В.Фельдмана, по отношению ко всему населению численность рабочих (включая занятых в мелком, кустарном производстве) не превышала 4 – 4,5%².

Особенностью южноуральского рабочего класса, как и всего уральского пролетариата, было сохранение тесных связей с землёй: у рабочих, особенно в

¹ Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Свердловск: Уралплан, 1932. С.5.

² Фельдман В.В. Указ. соч. С.27.

посёлках, существовавших при рудниках и заводах, обычно имелись небольшие земельные участки, обработка которых велась для личного потребления. Наличие таких участков отчасти компенсировало низкую заработную плату на предприятиях. Это положение сохранилось и в годы НЭПа. Так, в одной из сводок ОГПУ, направленной в начале 1923 г. руководству страны, констатировалось, что в Башкирии «жизнь рабочих мало отличается от жизни крестьян, так как большинство из них собственники и имеют своё хозяйство. Городских рабочих в республике очень мало»¹.

В годы Гражданской войны в условиях военных действий, захвативших практически всю территорию Южного Урала, общего спада производства (к 1921 г. остановилось более половины всех промышленных предприятий) имело место сокращение численности рабочих, но массовой миграции рабочих в деревню не произошло: лишившись работы на заводах, они стали усиленно заниматься своим хозяйством, позволявшим обеспечить минимальные потребности и выжить в этих трудных условиях. Так, согласно данным Челябинского губотдела ГПУ, более 50% всех рабочих Челябинской губернии, помимо своих прямых работ на производстве, постоянно занимались и ведением сельского хозяйства (главным образом, огородничеством), а в условиях поразившего губернию в 1921 – 1922 гг. голода этим занялись «почти все 100% рабочих»².

Голод 1921 – 1922 гг. носил для региона не менее катастрофический характер, чем для Поволжья. Вся территория Южного Урала была отнесена, согласно нескольким решениям Центрального комитета помощи голодающим ВЦИК РСФСР, к голодающим районам³.

В Башкирии в ноябре 1921 г. голодало до 90% всего населения, в Уфимской губернии в декабре 1921 г. – до 80-85%⁴, на пике голода,

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. М.: ИРИ РАН, 2001. Т.1. Ч.2. С.580.

² ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.499. Л.103.

³ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900-1984 гг. Документы и материалы. В 2 т. Екатеринбург: Академкнига, 2000. Т.1. С.323,329.

⁴ Там же. С.329,337.

наступившем в Оренбургской губернии в 1922 г., голодало 4/5 всего населения¹. Количество голодающих в Челябинской губернии в начале апреля 1922 г., по сведениям, приводимым в информсводке ГПУ, направленной высшему руководству страны, составило более 600 тыс. чел., то есть почти 80% населения². В мае 1922 г. губисполком сообщал, что «общее количество голодающего населения губернии не поддаётся точному учёту» и к нему можно отнести всё сельское население, то есть 957 тыс. чел.³

Основной урон от голода понесли сельские районы, однако и в городах происходила заметная убыль населения. Так, население Челябинска за 1921-1922 гг. сократилось примерно на 20%⁴.

Кризис сельского хозяйства (только в Челябинской губернии посевные площади в 1921 – 1922 г. сократились более чем в два раза по сравнению с 1916 г.⁵), крайне негативно отразился на промышленности, которая была ориентирована на местного сельского потребителя.

Так, по переписи 1920 г. в Челябинской губернии насчитывалось более 9 тыс. предприятий, где было занято почти 40 тыс. чел. К апрелю 1922 г. реально действовало 29 предприятий, находившихся в ведении губсовнархоза, 8 предприятий, находившихся в ведении центра, три десятка кооперативных и несколько сот небольших частных торгово-промышленных. На предприятиях губсовнархоза было занято всего 1833 чел. (даже по сравнению с январём 1921 г. численность занятых упала почти в 5,6 раза)⁶.

Только после относительно благополучного урожая 1922 г. ситуация на Южном Урале стала стабилизироваться, что и позволило местным властям, до того занятым исключительно проблемами ослабления и преодоления голода, перейти к систематической работе. Как признавал, например, Оренбургский губисполком, «только с осени 1922 г. стало возможным перейти к

¹ Оренбургский рабочий. 1923. 13 сент.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.1. С.145.

³ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.657. Л.11.

⁴ Бюллетень Челябинского губернского экономического совещания. Хозяйство Челябинской губернии. Челябинск, 1922. С.3.

⁵ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.657. Л.2,5.

⁶ Там же. Л.9.

восстановлению разрушенного хозяйства, заштопыванию всех дыр и прорех, нанесённых губернии разрушительным периодом»¹.

Первостепенное значение в этой работе отводилось укреплению социальной базы власти, особенно обеспечению поддержки со стороны немногочисленного пролетариата. Естественно, что на первый план неизбежно выходило решение материальных проблем, в наибольшей степени зависящих от наличия работы и уровня заработной платы.

2.1. Заработная плата как инструмент классовой политики: конфликт идеологических установок и экономической реальности

Решение вопросов, связанных с материальным положением рабочего класса, в масштабах РСФСР структурно-функционально было возложено на Наркомат труда. В его компетенции находились следующие функции: разработка трудового законодательства, защита интересов рабочих, учёт имеющейся рабочей силы, борьба с безработицей, охрана труда, организация социального страхования и т.д.²

На местах подобные функции были возложены на отделы труда, которые входили в состав исполкомов Советов, но одновременно подчинялись и Наркомату труда РСФСР. Создание таких отделов на Южном Урале происходило одновременно с восстановлением Советской власти в ходе гражданской войны, но сопровождалось постоянными внутренними реорганизациями.

Только в 1923 г. отделы труда исполкомов Советов Южного Урала приобрели примерно одинаковую и относительно стабильную структуру, которая затем принципиально не изменялась весь нэповский период.

Например, Челябинский губернский отдел труда состоял в марте 1923 г. из подразделов: общеадминистративного, охраны труда, социального страхования, тарифно-конфликтно-нормировочного, статистического и биржи труда³. В

¹ Отчёт Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернскому съезду Советов. Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1923. С.1.

² Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994. С.78-79.

³ ОГАЧО. Ф.Р-100. Оп.1. Д.86. Л.60.

Оренбургской губернии отдел труда губисполкома включал три подотдела: общий (где были сосредоточены и функции тарифно-конфликтной работы), охраны труда и биржу труда, а также губернское управление социального страхования¹. Статус Башкирии как автономной республики в составе РСФСР позволял иметь в качестве высшего органа исполнительной власти Совет народных комиссаров, структурным подразделением которого стал Наркомат труда БАССР. Однако функционально его структура была аналогична отделам труда соседних губерний: общеадминистративный и тарифно-конфликтный отделы, отдел охраны труда, биржа труда и отдел социального страхования (страховых касс)².

После прошедшего в конце 1923 г. так называемого «районирования» Урала, иначе говоря, реформы административно-территориального устройства, была создана Уральская область, в которую вошла и территория бывшей Челябинской губернии. Южноуральские территории составили в составе новой области Челябинский, Курганский, Шадринский, Троицкий и Златоустовский округа, исполнительной властью в которых стали окружные исполкомы (окрисполкомы). В состав этих исполкомов были включены и отделы труда, несколько потерявшие в штатных единицах, но в основном сохранившие сложившуюся внутреннюю структуру, совпадавшую с основными направлениями деятельности, возложенными на эти отделы: тарифно-конфликтное регулирование, борьба с безработицей, социальное страхование и охрана труда. В Оренбургской губернии и Башкирии, не изменивших свой административный статус, отделы труда остались в прежнем виде.

Отделы труда являлись структурами советской ветви власти, но фактически, как и во всей государственной машине, принятие важнейших решений оказалось сосредоточено на уровне партийных организаций. Как правило, отчёты отделов труда содержали отсылки к соответствующим постановлениям местных партийных органов, а содержание этих отчётов,

¹Отчёт отдела труда. Приложение к Отчёту Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернскому съезду Советов. С.1.

²ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.1. Д.169. Л.164.

особенно их позитивная часть, в свою очередь, включалось в отчёты партийных органов как показатели собственной успешной руководящей работы.

Переход к НЭПу потребовал серьёзной коррекции рабочей составляющей социальной политики большевиков.

Ключевую роль в проведении Советским государством социальной политики в этих условиях играли два направления: регулирование заработной платы и регулирование занятости.

Своей практической деятельностью большевистская партия должна была убедить рабочий класс, что и в условиях НЭПа интересы рабочих имеют для партии первостепенное значение.

Поскольку после отказа от всеобщей трудовой повинности и уравнильных принципов распределения, свойственных времени «военного коммунизма», с одной стороны, наличие работы, а с другой, её оплата превращались для рабочего в факторы, определяющие его не только чисто материальное, но и социально-статусное положение, то именно по этим двум показателям рабочий мог в первую очередь судить о том, в какой мере большевики выполняют свои обещания. Как признавал председатель ВСНХ Ф.Э.Дзержинский, «по заработной плате судят, чем отличается наше рабочее государство от буржуазного государства»¹.

Власть не могла не сознавать необходимость роста заработной платы, тем более, что многие рабочие ещё хорошо помнили дореволюционные времена, а по сравнению с тем, что было до мировой войны, жизненный уровень российских рабочих к началу НЭПа снизился примерно в три раза².

Раз государство сохраняло за собой «командные высоты в экономике», включая бóльшую часть крупных и средних промышленных предприятий (цензовая или государственная промышленность), то тем самым оно принимало на себя и ответственность за то, какова будет на них оплата труда рабочих. Абсолютное большинство последних вряд ли способно было разобраться в хитросплетениях смешанной нэповской экономики, диктовавшей свои

¹ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Политиздат, 1977. Т.2. С.286.

² Россия нэповская. С.122.

закономерности в оплате труда как производной от многих факторов. Имея в качестве работодателя «своё» пролетарское государство, рабочий вправе был ждать от него патерналистского отношения.

Это было чревато потенциальным конфликтом между ожиданиями рабочего класса и реальными возможностями российской экономики.

Власть оказывалась перед лицом одного из основных противоречий нэповского курса: конфликта между доктринальной установкой на отражение и защиту интересов пролетариата и потребностью ради быстреего восстановления народного хозяйства ограничить, хотя бы на некоторое время, удовлетворение материальных потребностей и запросов пролетариата теми не слишком большими возможностями, которые предоставляла только начинавшая выходить из хозяйственной разрухи экономика.

Восстановление и развитие промышленности были невозможны без роста производительности труда, а неконтролируемый, оторванный от производительности труда рост заработной платы, чем бы он ни обосновывался, не стимулировал рабочего к более производительному труду.

Большевистскому руководству приходилось в такой ситуации приспособливать идеологические установки к реальности, искать компромиссные варианты, способные обеспечить решение экономических задач и в то же время сохранить социальную поддержку рабочего класса.

Первоначальный характер такого приспособления хорошо проявился в решениях XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.), принятых по вопросам промышленной политики.

Во-первых, в резолюции «О промышленности» де-факто признавалась неизбежность безработицы, но подчёркивалось, что «... поддержание на ходу предприятий с низкой загрузкой или содержание на заводе числа рабочих, не соответствующего фактической производительности предприятия, представляют собой самую убыточную и нерациональную форму социального обеспечения и тем самым направлены против завтрашнего дня рабочего класса». Во-вторых, в этой же резолюции указывалось, что «общая политика заработной платы должна быть в дальнейшем направлена к большему или

меньшему выравниванию средней заработной платы во всех отраслях промышленности»¹.

По всей видимости, логика такой политической линии заключалась в том, что основной опорой партии при создавшемся состоянии рабочего класса являлся более или менее квалифицированный пролетариат, который в условиях начинающегося восстановления промышленности будет неизбежно востребован на рынке труда и вряд ли серьёзно пострадает от безработицы. Материальным стимулом для этой части рабочего класса, побуждающим его поднимать производительность труда, должен был стать переход к сдельной оплате труда.

Однако неравномерные темпы восстановления производства в разных отраслях промышленности поставили при переходе к «сдельщине» в неравное положение даже квалифицированных рабочих (например, по всему Уралу в конце 1922 г. разрыв в реальной заработной плате между наиболее и наименее хорошо оплачиваемыми категориями квалифицированных рабочих – пищевиков и текстильщиков – достигал 65%²). Поэтому было необходимо подравнять уровень оплаты труда или хотя бы пообещать это сделать той части рабочих, которые, в известной мере по не зависящим от них причинам, оказались в несколько худшем положении.

Однако реализация подобного курса на практике наталкивалась на неизбежные сложности.

Даже при частичном переходе государственных предприятий на рыночные условия функционирования при острой нехватке оборотных средств и расстройстве денежно-кредитной системы страны их администрация была заинтересована в том, чтобы уменьшить производственные издержки, в том числе и за счёт, если не замораживания заработной платы, то, во всяком случае, сдерживания её роста, а также хронических задержек в выдаче зарплаты.

Кроме того, стремление уменьшить издержки производства в сочетании с общей слабостью хозяйственных связей, всей финансово-денежной системы

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.68.

² Уральский рабочий в 1922 г. Материалы по статистике труда. Екатеринбург: Уралбюро ВЦСПС, 1923. С.93.

страны вело к частичному сохранению натурального характера заработной платы, в первую очередь в виде продуктов, часто низкого качества.

На протяжении всей второй половины 1921 – большей части 1922 г. материальное обеспечение рабочих за счёт оплаты труда не соответствовало их минимальным потребностям. Как констатировалось, например, Челябинским губотделом ГПУ, «... рабочие или продают с себя одежду или занимаются изделиями на сторону для того, чтобы поддержать своё существование ... бóльшая половина рабочих бросили работу и разъехались в поисках хлеба»¹.

Даже сравнительно благоприятный урожай 1922 г., несколько стабилизировавший продовольственную ситуацию в регионе, не привёл к существенному изменению создавшегося положения. Например, на Челябинских угольных копях зарплата за июль-сентябрь 1922 г. не была выплачена и в октябре, а продовольствие в счёт зарплаты либо выдавалось нерегулярно, либо рабочим предлагалось покупать муку в кооперативных лавках по завышенным ценам, что, в конце концов, привело к массовым невыходам на работу и «эпидемии увольнений»². К началу 1923 г. рабочие «уже потеряли всякую надежду на получение жалования»³.

Естественным результатом создавшегося положения было резкое падение производства. В госинформсводке ГПУ за 3 ноября 1922 г. отмечалось, что на Челябинских угольных копях «производительность понизилась на 60%» и общее положение на них определялось как «катастрофическое»⁴.

В Башкирии на разных предприятиях летом 1922 г. задержки в выдаче зарплаты доходили до 6 месяцев. Когда к осени 1923 г. они снизились в среднем до 1-1,5 месяцев, это было расценено властями как большой успех⁵.

Проблемы своевременной выдачи заработной платы и качества её продуктовой части имели настолько острый характер, что сведения о них регулярно проникали и в местную печать.

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.344. Л.130об.,132.

² Там же. Д.499. Л.101-101об.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.2. С.581.

⁴ Там же. Т.1. Ч.1. С.312.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.6.

Так, челябинская газета «Советская правда» сообщала в начале 1923 г. о тревожной ситуации на Саткинских кожевенных заводах: «Между ответственными работниками и рабочими у нас разница. Что можно одним, того нельзя другим. Администрация получает аванс вперед в счет жалования, рабочим не дают. Некоторые лица из администрации таким манером уже получили за месяц вперед и, несмотря на это, ещё выписывают товары в счет своего несуществующего и еще незаработанного жалованья. Товары администрация выписывает по ценам закупки, а с рабочих дерут высокие»¹.

По другой информации, помещённой в газете, на копиях вместо зарплаты рабочим выдавался продуктовый паёк, но «качество выдаваемых продуктов неважное ... масло с подозрительным запахом». На вопрос о том, почему выдаётся такое масло, администрация отвечает: «Врачебная комиссия признала годным к употреблению»².

Партийной печати оставалось констатировать, что «фактическая получка рабочего находится в зависимости не столько от производительности его труда, сколько от наличия средств у предприятия»³.

Финансовое состояние предприятий ещё более ухудшил поразивший осенью-зимой 1923 г. промышленность страны «кризис сбыта». В результате задержки зарплаты приобрели столь острый характер, что положение рабочих, по свидетельствам, приводившимся в местной печати, стало «неимоверно тяжёлым и для устранения его требуется принятие срочных мероприятий»⁴. По «карману» рабочих сильно ударяли «лихорадочные колебания» зарплаты, разрыв между её начислением и фактическим получением, выдача натуральной части заработка, исходя из рыночных цен: в последние месяцы 1923 г. уральский рабочий терял из-за этого до четверти своей зарплаты⁵.

Обстановка, сложившаяся на Южном Урале, принципиально не отличалась от общей ситуации, возникшей в промышленности страны.

¹ Советская правда. 1923. 28 янв.

² Там же. 9 февр.

³ Мудрик М. Вопросы заработной платы на Урале // Уральский коммунист. 1923. № 8. С.23.

⁴ Советская правда. 1923. 5 дек.

⁵ Обзор хозяйства Урала за октябрь-декабрь 1923 года. Екатеринбург: Изд. Уралоблисполкома, 1924. С.48-49.

Практически в каждом ежемесячном обзоре ОГПУ с начала 1924 г. приводился длинный список промышленных предприятий СССР, где проблема невыплаты зарплаты приобретала наиболее острый характер, и повторялся один и тот же тезис: «Наиболее важной причиной материальной необеспеченности рабочих всё ещё остаётся несвоевременная выдача заработной платы»¹.

Достаточно типично в этом ряду выглядит такая, например, информация, касающаяся Южного Урала, из апрельского обзора ОГПУ: «На Челябинских копах имеется трёхмесячная задолженность, квалифицированные рабочие бегут с копей и невыход рабочих и администрации на работу достигает 25%»².

Выступая на пленуме ЦК РКП(б) в августе 1924 г., Дзержинский констатировал, что «положение заработной платы самое тяжёлое, ибо мы не в состоянии до сих пор обеспечить своевременной выплаты зарплаты в наших основных отраслях, рабочие которых являются основой Советской власти»³.

По сути, проблема зарплаты всё больше приобретала политический характер, но вместе с тем было очевидно, что добиться хотя бы возвращения к довоенным размерам заработной платы было невозможно без восстановления промышленного производства и прежней производительности труда. Это вынуждены были признавать даже профсоюзные руководители, в наибольшей мере испытывавшие давление снизу, со стороны самих рабочих. Так, в тезисах «Политика зарплаты в условиях современных экономических отношений», подготовленных к V Всебашкирскому съезду профсоюзов (октябрь 1923 г.), подчёркивалось, что при всём стремлении к «максимально-возможной зарплате» она «в обстановке государственного капитализма и рабочей власти» будет неизбежно «урезанной по отношению к довоенной». Дальнейшее увеличение может идти только одновременно с повышением производительности труда⁴.

В начале 1924 г. установление прямой зависимости между зарплатой и производительностью труда было официально признано высшим партийным

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.2. С.23.

² Там же. С.72.

³ Дзержинский Ф.Э. Указ. соч. Т.2. С.44.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.25.

руководством: в решениях XIII партийной конференции (январь 1924 г.) было чётко указано – «держать курс на подъём заработной платы в соответствии с подъёмом промышленности и производительности труда»¹. Эта установка была подтверждена и пленумом ЦК РКП(б), проходившим в августе 1924 г.: «... рост зарплаты в отдельных отраслях и в отдельных предприятиях должен строго соотносываться с производительностью труда и не только с ресурсами данной отрасли и треста, но и с ресурсами и состоянием всей промышленности»².

Данные решения окончательно определили линию государственной политики в сфере регулирования заработной платы.

Неуправляемый рост последней имел не только негативные экономические последствия: раскручивал маховик инфляции, подрывая усилия по стабилизации денежно-финансовой системы, вёл к росту себестоимости производимой продукции, делая производство зачастую нерентабельным, и т.п. «Кризис сбыта» 1923 г. убедительно продемонстрировал, что в условиях смешанной экономики диспропорция цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию грозит опасными политическими последствиями разрушения «рыночной смычки» города и деревни. От увеличения производства промышленных изделий, требующихся крестьянству, и от снижения их себестоимости во многом зависело сохранение и укрепление этой «смычки», являвшейся в условиях НЭПа гарантией сохранения за большевистской партией властной монополии.

Именно политические соображения удержания власти, требовавшие балансирования между экономическими интересами города и деревни, и продиктовали в конечном итоге основную линию государственной политики регулирования заработной платы в промышленности.

С некоторой долей условности можно определить её как своего рода «маятник», смещающийся то в сторону усиления регулирования, то его ослабления. Логика таких колебаний заключалась в следующем: когда бóльшая угроза экономической «смычке» возникала со стороны крестьянства,

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.174.

² Там же. С.294.

недовольного нехваткой и высокими ценами промышленных изделий, акцент делался на усиление мер по сдерживанию роста зарплаты, но как только ситуация выравнивалась, на первый план выходили классовые приоритеты, требовавшие ставить во главу угла интересы рабочих. Тогда, не отменяя прежних постановлений, власть фактически «закрывала глаза» на новое нарушение пропорции между ростом зарплаты и производительности труда, пока вновь тревожный сигнал не раздавался с крестьянской стороны «смычки».

Поэтому не случайно, что все три основные реформы в области оплаты труда, нацеленные на интенсификацию производства (снижение расценок и увеличение норм выработки в 1925 г., кампания по «рационализации производства» в 1926 – 1927 гг. и тарифная реформа 1927 – 1928 гг.), начинались после возникновения из-за рыночной диспропорции цен трудностей с государственными закупками сельскохозяйственной продукции. Но по мере того, как заготовительная кампания приносила удовлетворительные результаты, контроль над ростом зарплаты ослабевал, и хозяйственные руководители, частично под давлением рабочих, частично из соображений повышения заинтересованности квалифицированной части своих работников, де-факто допускали новый рост заработков, главным образом в форме увеличения доли сдельной оплаты труда.

Оценивая такую линию, проводившуюся в области регулирования заработной платы, нельзя не признать её рациональности в условиях НЭПа как с экономической, так и с политической точек зрения.

Проблема, однако, заключалась в том, что далеко не всегда на практике эффективность такого регулирования оказывалась столь высокой, как хотелось бы власти, о чём убедительно свидетельствуют южноуральские материалы. На практике на протяжении почти всех лет НЭПа рост зарплаты в ценовой промышленности опережал рост производительности труда.

Несмотря на принятые в Москве решения и их постоянное дублирование на местах, в том числе и профсоюзными органами (например, сразу за решением пленума ЦК в августе 1924 г. последовало практически идентичное решение Башсовпрофа: «Дальнейшее повышение уровня зарплаты в настоящей

экономической обстановке становится невозможным без соответствующего повышения производительности труда и удешевления себестоимости продукции промышленности»¹), рост заработной платы продолжал идти опережающими темпами.

Так, в цензовой промышленности БАССР в 1924 – 1925 г. разрыв между ростом зарплаты и производительностью труда достиг (по данным профсоюзов) огромных размеров: средняя зарплата выросла на 50%, а производительность труда – лишь на 5%². Не удалось до конца переломить эту тенденцию и в следующем 1925 – 1926 хозяйственном году: рост зарплаты (на 26,5%) вновь опередил рост производительности труда (14,1%)³.

В отчётах Оренбургского губисполкома признавалось, что «повышение заработной платы рабочих не сопровождается соответствующее повышение относительной выработки ... Темп роста зарплаты по всем почти предприятиям ... далеко обгоняет увеличение производительности труда»: в металлотресте повышение выработки на один человеко-день составило 12,1%, а зарплата выросла на 27,5%; в кожтресте – 21,6% и 31,7%; в пивоваренном производстве – 12,3% и 25%⁴.

Подобный разрыв, характерный для всей промышленности СССР, крайне беспокоил руководство страны. Например, председатель ВСНХ Дзержинский в феврале 1926 г. на пленуме ВЦСПС прямо заявил, что расхождение между ростом производительности труда и ростом заработной платы – это «явление очень тревожное»⁵.

Медленный рост производительности труда, по признанию местных властей, являлся во многом результатом бесхозяйственности, плохой организации труда, частых прогулов со стороны рабочих, их, мягко говоря, небрежного отношения к заводскому оборудованию⁶.

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.53.

² Красная Башкирия. 1926. 7 мая.

³ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д. 439. Л.37.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1927. С.65-66..

⁵ Дзержинский Ф.Э. Указ. соч. Т.2. С.378.

⁶ См. напр.: Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.66.

В южноуральской прессе неоднократно приводились конкретные иллюстрации такой бесхозяйственности, непосредственно влиявшей на увеличение себестоимости продукции. Например, такой эпизод, описанный в «Красной Башкирии»: в литейном цехе Уфимских мастерских временно случились перебои с поступлением кокса, что вынудило остановить его работу, но когда кокс появился, то сами рабочие стали «топить им всё подряд, даже там где можно было обойтись дровами, в итоге кокса опять стало не хватать, цех опять встал». «Таких случаев, – подчёркивалось в статье, – тысячи, они говорят о вопиющей бесхозяйственности, казёнщине, формализме, небрежности»¹.

В значительной мере подобные явления отражали расширение состава рабочего класса за счёт постоянного притока из деревни. «Очень часто, – констатировал в одном из своих выступлений Дзержинский, – вновь приходящие на фабрику смотрят на неё, как на чужую, стремясь что-нибудь урвать и использовать для себя»².

XV конференция ВКП(б) вновь подчеркнула важность строгого согласования роста зарплаты с действительным экономическим положением, с ростом производительных сил, чтобы обеспечить «темп социалистического накопления, необходимый для победы строящегося социализма»³. При этом указывалось, что повышение зарплаты, помимо непосредственной связи с ростом производительности труда, должно более интенсивно происходить в тех отраслях, где она пока значительно отстаёт от средних показателей⁴.

В решениях проходившего вскоре после партконференции Оренбургского губернского съезда Советов появились практически идентичные по содержанию установки для местных хозяйственников и профсоюзов: «Обеспечить более равномерный рост зарплаты по отдельным группам рабочих и служащих, причём повышение зарплаты должно производиться в соответствии с ростом производительности труда и с учётом финансового положения предприятия или

¹ Красная Башкирия. 1926. 7 мая.

² Дзержинский Ф.Э. Указ. соч. Т.2. С.413.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.97.

⁴ Там же. С.86.

учреждения и должно преследовать цель подтягивания в первую очередь отсталых групп населения»¹.

Однако спустя год в отчёте губисполкома было признано, что в цензовой промышленности рост производительности труда оказалась ниже роста зарплаты почти на 5%². Аналогичная ситуация складывалась и в других районах Южного Урала: в Челябинском округе за 1926 – 1928 гг. дневной заработок рабочего в среднем увеличился на 21,5%, а дневная выработка – только на 17,8%³.

На таком фоне результаты, достигнутые в БАССР в 1926 – 1927 г.: зарплата в промышленности поднялась на 15,6%, а производительность труда – на 17,5%⁴, воспринимались как большой успех.

Правда, и за этими позитивными, но усреднёнными показателями, на самом деле скрывалась большая разница в соотношении роста зарплаты и производительности труда на разных предприятиях. Так, в Башкирии в 1926-1927 г. на суконной фабрике рост производительности труда почти в два раза опередил рост заработной платы (45,4% и 23,1% по сравнению с предыдущим хозяйственным годом), а на канатно-верёвочном заводе это соотношение оказалось почти диаметрально противоположным (6,5% и 12%)⁵.

В условиях принятого партией на XV съезде курса на индустриализацию, реализация которого требовала более быстрых темпов накопления, сдерживание роста зарплаты становилось ещё более актуальным, чем прежде. В этой ситуации и была проведена тарифная реформа, целью которой было «перераспределение фонда заработной платы от высококвалифицированных сдельщиков к низкооплачиваемым повременщикам»⁶.

¹ Резолюции VIII Оренбургского губернского съезда Советов. 19-21 марта 1927 г. Оренбург, 1927. С.17.

² Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1928. С.21.

³ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. Челябинск: Изд. Челяб. окрисполкома, 1929. С.173.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д. 439. Л.37.

⁵ Там же. Л.38об.

⁶ Лютов Л.Н. Обречённая реформа. С.183.

Только таким образом удалось, наконец, добиться желаемого соотношения роста зарплаты и роста производительности труда. В 1928 – 1929 г. в цензовой промышленности всех территорий Южного Урала производительность труда превысила рост зарплаты в среднем на 3-5%¹. Например, в Кургане в 1928 г. производительность труда превысила рост зарплаты на 6 из 7 имевшихся предприятий, в среднем первая выросла на 17,5%, а вторая – на 12%².

Однако своеобразной платой за это стало заметное снижение общих темпов прироста производительности труда: если в предыдущие годы она достигала в среднем 20% и более, то теперь она не превышала 8-10%³.

Такой результат был не случаен. Помимо естественного исчерпания потенциала старого оборудования, свою роль сыграло и то обстоятельство, что более быстрый рост зарплаты в предыдущие годы был во многом обусловлен распространением сдельной оплаты труда, более выгодной рабочим, особенно обладавшим квалификацией. По мере восстановления промышленности спрос на квалифицированную силу увеличивался, а резерв её в промышленно слабо развитом южноуральском регионе был невелик. Пользуясь своей дефицитностью, такие рабочие-сдельщики фактически вынуждали администрацию увеличивать фонд заработной платы. Значительный же массив неквалифицированных рабочих, находившихся на повременной оплате и отличавшихся низкой производительностью, хотя и не вносил существенного вклада в рост заработной платы, зато тормозил рост производительности труда.

Тарифная реформа 1927 – 1928 гг. в этом отношении сыграла противоречивую роль: резкое сокращение доли сдельного труда при одновременном уменьшении тарифов, кроме того, что вызвало, пожалуй, самую серьёзную волну недовольства рабочих за все годы НЭПа (об этом будет подробно сказано в разделе 2.3. настоящей работы), выявила определённый тупик, в который зашла эта линия социальной политики.

¹ Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск: Уралплан, 1930. С.102-103.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.282. Л.4об.

³ Уральское хозяйство в цифрах. С.24-27.

Задачи нового промышленного строительства, поставленные в первом пятилетнем плане, предполагали капитальное обновление технической базы производства, а, следовательно, и широкое использование квалифицированного труда, требующего более высокой оплаты.

Фактически речь шла о том, что в условиях форсирования процесса индустриальной модернизации государство должно было сделать социальную ставку на квалифицированную часть пролетариата, которая объективно выигрывала и от внедрения новой техники, и от расширения промышленного строительства. Но этот потенциальный выигрыш должен был быть практически переведён на наиболее доступный обыденному сознанию материально-вещественный уровень и выразиться, в первую очередь, в более быстром, чем у других категорий пролетариата, росте зарплаты.

Однако государство пошло прямо противоположным путём – уравнивания заработков в рамках расширения сферы действия повременной оплаты по заниженным тарифам. Хотя, естественно, смысл подобного шага и не афишировался, но сами рабочие тут же уловили его подоплёку и сделали свои выводы. Красноречивое свидетельство хода их мыслей приведено в одной из информационных сводок Курганского окружного отдела ОГПУ, датированной апрелем 1928 г. и передающей разговор двух рабочих: на риторический вопрос одного из них – «Кто теперь пойдёт в слесаря, если плата наравне с чернорабочими?», последовал хлёсткий ответ – «А что? Как платят, так и будем работать!»¹

Конечно, у решения о проведении именно такой реформы заработной платы было немало конкретных причин, но, как нам представляется, совершенно не случайно то, что она произошла на исходе НЭПа и совпала с моментом обострения отношений власти с крестьянством, вылившимся в кризис хлебозаготовок 1927 – 1928 гг.

Кризис хлебозаготовок, обостривший и без того нараставшие трудности в снабжении городского населения продовольствием, вызывал естественное недовольство рабочих, вынужденных увеличивать затраты на покупку

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1024. Л.80.

продовольствия по рыночным ценам. Не имея финансовых возможностей компенсировать эти затраты, тем более, что само по себе увеличение зарплаты могло ещё больше разбалансировать потребительский рынок, государство в то же время нуждалось в мерах, обеспечивающих поддержку основной массы пролетариата перед лицом ухудшения отношений с крестьянством. Тарифная реформа, ударяя по интересам малочисленной квалифицированной части рабочих, в то же время за счёт некоторого внутреннего перераспределения фонда заработной платы от сдельщины к повременной оплате улучшала положение мало- и неквалифицированной части рабочих.

То, что при этом страдала производительность труда, рост которой и обеспечивали в основном квалифицированные рабочие, оказывалось в данной ситуации фактором вторичным. Вновь сработали доктринальные ограничители большевизма: в критический момент классовые интересы должны были быть выше экономических расчётов. Как заметил весной 1927 г., характеризуя проводившуюся властью «социалистическую рационализацию производства», Сталин, «мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса в целом»¹.

С политической точки зрения такие действия государственной власти оправдали себя, хотя и до известной степени. Дальнейшее ухудшение снабжения городов в 1929 г., развал потребительского рынка, фактический переход к карточной системе оказывали большее влияние на настроения неквалифицированной части пролетариата, нежели на самом деле эфемерная прибавка зарплаты в рамках тарифной реформы.

Осуществление индустриальной модернизации на основе нэповской экономической системы смешанной экономики объективно предполагало не только сохранение, но и усиление мотивации рабочих на рост их квалификации, что и являлось наиболее надёжным средством обеспечения опережающего роста производительности труда. Вновь возобладавший к концу 1920-х гг. в государственном регулировании заработной платы политический расчёт на обеспечение поддержки со стороны всей пролетарской массы неизбежно вёл к

¹ Сталин И.В. Речь на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ 29 марта 1927 г. // Соч. Т.9. С.198.

возрождению уравнивательных тенденций, отнюдь не способствовавших повышению трудовой мотивации рабочих. Следовательно, такая политика заработной платы превращалась в один из факторов, препятствовавших «нэповской модернизации», подталкивавших власть к тому, чтобы компенсировать нехватку материальной мотивации у рабочих иными, более простыми внеэкономическими средствами.

2.2. Политика занятости и неразрешимость проблемы безработицы в рамках нэповской экономики

Второй проблемой рабочей социальной политики, остро проявившейся в рамках перехода к НЭПу, стала проблема занятости. Только за 1922 г. в масштабах всей страны численность зарегистрированных безработных выросла в 4 раза, а к середине 1924 г. превысила 18% от числа всех занятых в промышленности¹.

Несмотря на постепенное восстановление производства, спрос на рабочую силу был намного ниже предложения: в конце 1923 г. в СССР на каждые 100 искавших работу в среднем приходилось лишь 29 рабочих мест. Тревожным для власти обстоятельством было и то, что среди безработных немалую часть составляли квалифицированные рабочие: в первой половине 1920-х гг. – до четверти всех ищущих работу².

Первоначальные расчёты на то, что восстановление производства в значительной мере автоматически рассосёт безработицу или, во всяком случае, сведёт её до безопасного для социальной стабильности в стране уровня, не оправдались. На всём протяжении НЭПа наблюдалось параллельное развитие двух процессов: одновременно с ростом (по мере восстановления промышленности) количества рабочих, занятых в производстве, росла в абсолютных цифрах и численность безработных.

Тому был ряд причин.

Во-первых, шла непрерывная миграция из деревни в город, но она состояла (если не брать в расчёт тех рабочих, которые в трудные, голодные годы

¹ Рогачевская Л.С. Указ. соч. С.75-76.

² Данилин А.Б. Указ. соч. С.106,111.

перебрались в деревню, а теперь возвращались к прежней профессии) исключительно из неквалифицированных кадров, спрос на которые имел свои пределы. Во-вторых, кадры безработных непрерывно пополняла подраставшая в городах молодёжь, также не имевшая квалификации. В-третьих, значительную часть безработных составляли сокращённые совслужащие, число которых в различных учреждениях в годы «военного коммунизма» было чрезвычайно велико. В-четвёртых, свою роль играли условия труда и зарплата, в силу которых рабочие стремились найти более выгодные условия и часто уходили с не устраивавшей их работы, оказываясь, пусть и временно, в роли безработных. В-пятых, те, пусть и небольшие, льготы, которые имели безработные, стимулировали так называемую «фиктивную безработицу», когда регистрировавшиеся на биржах труда в качестве безработных имели те или иные скрываемые источники дохода, а путём регистрации стремились получить для себя дополнительные выгоды. В-шестых, в первые годы НЭПа рынок труда активно пополняли демобилизованные в связи с сокращением армии красноармейцы.

Поэтому перманентное существование в годы НЭПа значительного слоя безработных оказывалось, по меткому замечанию И.Б.Орлова, одной из форм «естественной реакции определённой части общества на предложенные ему условия существования»¹.

Не имея возможности радикально разрешить эту проблему, государство вынуждено было в своей политике не уповать на то, что рост производства рано или поздно поглотит подавляющую часть армии безработных, а принять необходимые меры по социальной защите этой группы населения. Это должно было подтвердить радикальное отличие большевистской власти от её предшественников, помешать распространению в обществе представлений о «нэпе, ведущем обратно в капитализм».

При этом, однако, приходилось, во-первых, учитывать реальные возможности государства по обеспечению материального положения

¹ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы (1921-1927 годы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С.42.

безработных, во-вторых, сохранять классовую линию, то есть стремиться к обеспечению интересов той группы безработных, которая потенциально была наиболее ценна для советской власти как социально-политическая опора. Таковыми, в первую очередь, могли считаться квалифицированные рабочие и члены профсоюзов (обычно эти две категории совпадали) и демобилизованные красноармейцы, оседавшие в городе.

Обострение на протяжении 1921 г. проблемы безработицы привело к тому, что для реализации государственной политики в сфере занятости пришлось создавать специальные подразделения в составе отделов труда – биржи труда (постановление Наркомата труда РСФСР от 12 апреля 1922 г.). До этого в составе отделов труда действовали подотделы учёта и распределения безработных и их социального обеспечения.

Весной 1922 г. биржи труда начали создаваться и на Южном Урале.

Внутренняя их структура, хотя и имела некоторые разночтения, но в принципе была идентична и соответствовала присланным из центра инструкциям. Входя в состав отдела труда губисполкома, биржа труда имела своего заведующего и технический штат, распределённый, как, например, в случае Челябинской биржи труда, по секциям: квалифицированного, неквалифицированного и интеллигентного труда, регистрации вновь поставляемых на учёт и регистрации посылаемых на работу¹.

Биржи труда работали в постоянном контакте с профсоюзами, которые должны были помогать обеспечению интересов их членов, оказавшихся в положении безработных.

В сущности, деятельность бирж труда сводилась к выполнению двух функций: поставить на учёт безработных и затем в соответствии с имеющимися запросами со стороны работодателей направить их на работу, соответствующую квалификации или отсутствию таковой.

Однако, учитывая, что количество безработных с первых дней работы бирж труда неизменно превышало количество свободных рабочих мест, к функциям бирж труда были причислены ещё две меры, способные

¹ ОГАЧО. Ф.П-414. Оп.1. Д.13. Л.34.

содействовать ослаблению безработицы: организация коллективов безработных (как правило, из лиц, обладавших какой-либо профессией) и организация общественных работ (санитарная очистка и благоустройство городов, лесозаготовки, дорожные работы и проч.) преимущественно для неквалифицированной части безработных.

Начавшийся на биржах учёт безработицы показал высокие темпы её роста в относительно более развитой в промышленном отношении Челябинской губернии: в 1921 г. официально было зарегистрировано в качестве безработных 700 человек, в 1922 г. – 1200 чел., на 1 июня 1923 г. – 2594 чел., на 1 ноября 1923 г. – 3508 чел.¹ При этом, по оценкам ОГПУ, куда включались не только лица, официально зарегистрировавшиеся в качестве безработных, численность таковых в губернии осенью 1923 г. могла достигнуть 12 тыс. чел.²

В других, промышленно слабее развитых районах Южного Урала официальная безработица росла медленнее, зато оказывалась более значительной в абсолютных цифрах: Оренбургская биржа труда на 15 декабря 1923 г. зарегистрировала 7200 безработных,³ Уфимская в БАССР на 1 июля 1923 г. – 5693 чел.⁴ При этом по данным переписи 1923 г. в Оренбургской губернии число занятых в промышленности составляло всего 6010 чел.⁵, то есть количество официально зарегистрированных безработных превосходило численность всех занятых в промышленности (как ценовой, так и кустарной).

Помимо постоянной миграции из деревни в город, источником безработицы продолжали оставаться и увольнения на предприятиях.

«Свёртывание промышленности, перебои в работе предприятий, слабая загрузка их из-за недостатка сырья, всё это ведёт, – делался вывод в обзоре ОГПУ, подготовленном для руководства страны по итогам апреля-мая 1923 г., –

¹ Советская правда. 1923. 15 дек.

² ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.101.

³ Отчёт Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернского съезду Советов. С.30.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.1. Д.169. Л.165.

⁵ Отчёт Оренбургского губкома Р.К.П. (б.) к XI губернской партийной конференции. Оренбург, 1925. С.9.

к непрерывному повышению числа безработных»¹. Сокращения на производстве в сложившейся ситуации имели значительные масштабы. Так, только на Златоустовском металлургическом заводе к лету 1923 г. была сокращена 1/3 часть всех рабочих – 1600 чел.² В Челябинской губернии особо острый характер безработица приобрела там, где «по своей ветхости и дефицитности сырья» заводы вообще останавливались (Усть-Катавский и Симский), и безработных в такой ситуации можно было единственно использовать на лесозаготовках³.

Учёт безработных сразу же поставил биржи труда перед сложной дилеммой: количество желающих зарегистрироваться, в частности и из-за надежд таким образом получить льготы, которые государство предоставляло безработным в порядке их социальной защиты, было велико и вело к лавинообразному нарастанию численности безработных. С одной стороны, это создавало нежелательный для власти психологический эффект нерешаемости вопросов занятости, с другой, требовало роста затрат на деятельность бирж труда, которые финансировались преимущественно из местного бюджета.

Выход из положения заключался в ужесточении условий регистрации и особенно в проведении чисток списка зарегистрировавшихся. Например, Оренбургская биржа труда проводила ежемесячные чистки, и по её результатам с учёта снималось до 450 чел.⁴ Аналогично действовало и руководство Челябинской биржи труда «для очистки от элементов, не имеющих ничего общего с действительной безработицей и примазавшихся только для получения некоторых льгот»⁵. В печати сетовали на то, что «часть торговцев и личностей, зарабатывающих различными способами, часто регистрируются в качестве безработных. Приобретая карточки биржи, они получают большие льготы при уплате налогов»⁶. Стремлением получить незаслуженные льготы склонны были

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.2. С.866.

² Там же. С.887.

³ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.68.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.101.

⁵ Советская правда. 1923.1 янв.

⁶ Там же. 18 февр.

объяснять приток на биржи желавших зарегистрироваться и местные власти¹. Но результативность чисток оказывалась, по свидетельствам, попадавшим даже в печать, кратковременной, правдами и неправдами (включая взятки) желающие вновь получали регистрацию².

Все зарегистрированные на бирже труда распределялись на две основные группы: безработных и «ищущих труда», ко вторым относились те, кто прежде не работал по найму. Зачисленные в разряд «ищущих труда» не получали никаких льгот и в последнюю очередь посылались на работу.

Первая группа в соответствии с инструкциями НКТ и ВЦСПС делилась на две категории: в обиходе так называемых «зелёнобилетников» и «белобилетников».

К первой категории относились лица, ранее служившие по найму и прослужившие от года и более – чернорабочие, до трёх лет – квалифицированные рабочие. Они получали все льготы безработных, а именно: ежемесячное денежное пособие из страхкассы, бесплатную медицинскую помощь, освобождение от налогов, льготные коммунальные услуги и первоочередную посылку на работу. «Белобилетники» пользовались только льготами по коммунальным услугам³.

Количество «зелёнобилетников» было невелико, так, на Оренбургской бирже труда в ноябре 1923 г. они составляли только 5,6% всех зарегистрированных⁴.

Но и при таком делении одновременно действовал и классовый принцип: на практике «преимущественно на работу посылаются демобилизованные красноармейцы»⁵, «безусловное преимущество членам профсоюза, демобилизованным красноармейцам»⁶.

Более того, определённые преимущества в устройстве на работу получали и безработные – члены партии. В секретном циркуляре Курганского горкома

¹ ГАОО. Ф.Р-614. Оп.1. Д.35. Л.160.

² См. напр.: Власть труда. 1923. 3 янв., 20 янв., 9 февр.

³ Отчёт отдела труда. Приложение к отчёту Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернского съезду Советов. С.7.

⁴ Там же.

⁵ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.101.

⁶ Советская правда. 1923. 15 дек.

РКП(б) от 9 июня 1922 г., адресованном всем секретарям партийных ячеек города, указывалось, что «там, где есть заведующие учреждениями и предприятиями – члены РКП» следует «всегда сообщать горкому об имеющихся свободных местах, чтобы можно было определить партийного товарища на должность»¹.

Наибольшие проблемы с трудоустройством возникали с чернорабочими и совслужащими, уволенными по сокращению штатов, а также женщинами, количество которых среди безработных было достаточно велико (их первыми увольняли при сокращениях на предприятиях и в учреждениях). На Челябинской бирже труда безработные женщины составляли около 50%².

По оценке оренбургских властей, чернорабочие – это «в основном крестьяне, в период голода лишившиеся своего хозяйства и неспособные вернуться в деревню», а совслужащие – это лица «малопригодные к труду»³. Аналогично в Челябинской губернии основную часть безработных составляли «чернорабочие и люди, не работавшие в довоенное время по найму»⁴.

В условиях слабого промышленного развития Южного Урала, медленного восстановления производства, последствий «кризиса сбыта» спрос на рынке труда оставался незначительным, что сильно затрудняло ослабление остроты безработицы. Предложение труда постоянно превышает спрос на него, признавал по итогам 1923 г. Челябинский окрисполком⁵. В информсводке Курганского окружного отдела ОГПУ за декабрь 1923 г. отмечалось: «... что касается спроса на рабочую силу, то таковой отсутствует, под влиянием которого настроение безработных в большинстве скверное»⁶.

Создание коллективов безработных не давало большого эффекта, во-первых, по причине отсутствия достаточного количества людей, обладавших конкретной профессией по профилю создаваемой артели (швейники, обувщики и т.п.), во-вторых, из-за нехватки в распоряжении бирж труда финансовых

¹ ГАОПДКО. Ф.1. Оп.1. Д.81. Л.314.

² Советская правда. 1923. 18 февр.

³ Отчёт Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернского съезду Советов. С.30.

⁴ Советская правда. 1923. 15 дек.

⁵ ОГАЧО. Ф.Р-98. Оп.1. Д.291. Л.169.

⁶ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1015. Л.59-60.

ресурсов для создания нужного количества таких артелей. Например, в Кургане к началу 1924 г. было создано 6 артелей с общей численностью всего 75 человек¹, а в Оренбурге – 4 артели, которые также охватили менее сотни членов².

Не большой эффект давали и общественные работы. В Оренбургской губернии на такого рода работах, не требовавших какой-либо квалификации (санитарная очистка и благоустройство Оренбурга, торфоразработки, дорожные работы), в течение 1923 года был использован 421 чел., то есть менее 6% от общего числа зарегистрированных на бирже к концу года³. Мизерная оплата труда на общественных работах не могла обеспечить минимального прожиточного минимума, поэтому многие из отправленных на общественные работы не являлись или быстро их покидали.

Использовались и некоторые другие способы помощи безработным. Так, в Оренбурге была для них устроена столовая на 350 чел., было проведено специальное доукомплектование штатов милиции демобилизованными красноармейцами и частично бывшими рабочими⁴.

В целом же положение безработных в 1922-1923 гг., как констатировалось в сводках ОГПУ, «вследствие материальной необеспеченности и недостаточной помощи со стороны страхования, которая далеко не охватывает всех безработных, плачевное ... Хотя и принимаются соответствующие меры к улучшению положения безработных путём пособий, организации безработных в коллективные объединения и использования на общественных работах, но эти меры, не имея реально устойчивых и постоянных применений, в результате устраивают безработных плохо. Настроение безработных в целом подавленное»⁵. Отмечались и такие негативные явления как распространение

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1015. Л.59-60.

² Отчёт Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернского съезду Советов. С.31.

³ Отчёт отдела труда. Приложение к отчёту Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов Р.К.К. и К. депутатов VI губернского съезду Советов. С.11.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.101.

⁵ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.36об.

среди безработных «мелкой спекуляции на местных рынках», а среди безработных женщин – проституции¹.

Важным средством ослабления негативного эффекта от массовой безработицы должно было явиться социальное страхование безработных. Но оно вновь ставило власть перед выбором между идеологическими постулатами и экономической возможностью воплотить их в жизнь.

В своё время, в январе 1912 г. на Пражской конференции РСДРП была принята специальная резолюция «Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании», где было записано, что «наилучшей формой страхования рабочих является государственное страхование», которое «должно охватывать всех лиц наёмного труда и их семейств», обеспечивать рабочих «в случае потери заработка благодаря безработице» и «все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка»².

Конечно, абсолютное большинство не только безработных, но, по всей видимости, даже и потерявших работу членов партии вряд ли помнили или просто знали о существовании такой резолюции, но подобная постановка вопроса, заявленная при самодержавии, тем более приобретала актуальность при пролетарском государстве, столкнувшемся с проблемой безработицы. Однако экономическое и финансовое состояние страны создавало непреодолимые преграды на пути реализации линии на государственное страхование всех безработных, тем более в размере полного заработка.

Поэтому на практике власть попыталась найти компромисс, выразившийся в декрете СНК РСФСР от 15 ноября 1921 г. «О социальном обеспечении безработных», который установил основные условия осуществления страхования этой категории трудящихся³.

Реализация этого декрета началось на местах гораздо позднее, лишь по мере организации соответствующих органов и получения ими необходимых

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.47об.; Д.499. Л.103.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т.1. С.396.

³ Рогачевская Л.С. Указ. соч. С.99.

средств. Так, в Башкирии выдача пособий по безработице в действительности началась только с января 1923 г.¹

Полученные на местах инструкции, изданные в развитие правительственного декрета, установили определённый порядок осуществления социального страхования. Ему подлежали только рабочие госпредприятий, зарегистрировавшиеся в отделе труда не позднее 14 дней после потери работы и не имеющие других средств к существованию. Для квалифицированных рабочих, подростков и демобилизованных красноармейцев предыдущий трудовой стаж не учитывался, но для неквалифицированных рабочих, чтобы получить право на получение пособия, требовалось не менее трёх лет работы по найму. Размеры пособий для квалифицированных и неквалифицированных рабочих были разными, само пособие могло состоять из денежной и натуральной части и выдавалось раз в две недели, чтобы сгладить потери от инфляции. Получающие пособие должны были регулярно отмечаться в отделе труда и не отказываться без уважительных причин от предлагаемой им работы².

До начала 1923 г. функции социального страхования относились к области полномочий отделов социального обеспечения, затем она была передана в ведение отделов труда и приняла форму страховых касс.

Наиболее острой проблемой, немедленно вставшей перед страховыми органами, оказалась проблема финансирования необходимых выплат.

Социальное страхование безработных (так же как и другие виды социального страхования) должно было осуществляться за счёт средств, отчисляемых государственными и частными промышленными предприятиями и учреждениями. Однако отчисления эти поступали, как правило, с опозданием и не полностью. В условиях медленно идущего восстановления государственной промышленности, а также становления частного промышленного сектора у страхователей возникал естественный конфликт интересов: средства, отчисляемые в страховой фонд, сокращали оборотные средства предприятий, влияли и на получаемую ими прибыль. Это побуждало, если и не уклоняться

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.9об.

² ГАОО. Ф.Р-517. Оп.1. Д.85. Л.36.

полностью от уплаты положенных взносов, то, во всяком случае, вносить платежи не полностью, всячески задерживать их, даже не обращая внимания на полагающиеся в этом случае пени и штрафы. К тому же нельзя не учитывать дополнительного влияния осеннего промышленного кризиса 1923 г., известного как «кризис сбыта», сильно отразившегося на финансовом состоянии государственной промышленности, а на Южном Урале и негативного эффекта голода 1921 – 1922 гг.

В отчёте Башсоцстраха за 1922 г. отмечалось, что поступления страховых взносов составляют чуть больше 10% от необходимой суммы, а это делает невозможным выполнение выплат застрахованным. Все предупреждения, рассылаемые предприятиям и учреждениям, не выполняющим своих страховых обязательств, наложение на них пени и штрафов «остаются гласом вопиющего в пустыне» и не дают положительных результатов¹. В резолюции V Всебашкирского съезда профсоюзов (сентябрь 1923 г.) указывалось на необходимость принятия самых жёстких мер для сокращения задолженности по страховым взносам².

Крайней из таких мер должно было стать обращение в суд, но, как признавал начальник управления соцстрахования Башнаркомтруда Султанов (декабрь 1923 г.), «единственным способом покрытия задолженности является отдача хозяйственников под суд, но решения суда ничего, кроме бумажки, не дадут. Продать по решению суда последние товары мы не можем, ибо ухудшим и без того неважное положение предприятий»³.

Весной 1923 г. губсоцстрах Оренбургского отдела труда информировал, что размеры задолженности «достигают почти 75% всех причитающихся платежей по страхованию»⁴. Челябинское губуправление соцстраха в конце 1922 г. констатировало, что «громкая задолженность, несвоевременное внесение страховзвонсов сильно отражается на ухудшении медпомощи застрахованным, на обеспечении безработных и инвалидов труда».

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.10. Л.3-4.

² Там же. Д.26. Л.24.

³ Там же. Д.27а. Л.74.

⁴ ГАОО. Ф.Р-614. Оп.1. Д.35. Л.162.

Предприятия, в свою очередь, объясняя причины неуплаты взносов, чаще всего ссылались на отсутствие средств, поскольку не могли сбыть свою продукцию¹.

Положение с задолженностью стало настолько угрожающим, что ему пришлось уделить специальное внимание на I Уральской областной конференции РКП(б). В резолюции по рабочему вопросу признавалось, что «крупная задолженность предприятий по соцстраху грозит срывом всего дела социального страхования на Урале». Конференция потребовала принять все меры по ликвидации задолженности и не допускать её впредь, пообещав виновным в злостном нарушении привлечение к судебной ответственности².

Такая позиция отражала общую партийную установку: в резолюции «Об очередных задачах экономической политики», принятой на XIII конференции РКП(б) (январь 1924 г.), подчёркивалось, что необходимо «обратить особое внимание на уплату страховых взносов для обеспечения в первую очередь той части безработных, кои представляют действительно пролетарские элементы»³.

Получив указания сверху, местные власти стали более активно прибегать к силовым методам: передавали дела по задолженностям в суд, иногда снимали с работы руководителей государственных предприятий – наиболее злостных неплательщиков. Использовались и меры воздействия по партийной линии.

В результате удавалось на какое-то время улучшить страховые поступления, но они всё равно оставались нестабильными. Так, в течение 1923 г. в Башкирии процент поступления взносов колебался в диапазоне от 60 до 75%, сами руководители управления соцстрахования признавали, что надеются достичь уровня хотя бы в 70-80%, что уже будет большим успехом⁴. По оценке профсоюзных руководителей, осенью 1923 г. поступления в фонд страхования в Башкирии не достигали и 60%⁵.

Что касается собственно осуществления страховых выплат, то первичной и наиболее сложной проблемой стало налаживание учёта страхователей и

¹ Советская правда. 1923. 27 янв.

² Стенографический отчёт I-ой Уральской областной конференции РКП(б). Екатеринбург: Изд. Урал. обл. ком. РКП(б), 1924. С.192.

³ КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.174.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.27а. Л.75.

⁵ Там же. Д.26. Л.24об.

застрахованных. Так, например, начальник управления страхования Башнаркомтруда Султанов, выступая 7 декабря 1923 г. на 2-м пленуме Башпрофсовета и приводя конкретные цифры (22666 страхователей и 36771 застрахованный), вместе с тем констатировал, что обследованы только более или менее крупные населённые пункты, на обследование всей территории Башкирии «нет пока сил и средств», поэтому работа ещё далеко не закончена¹.

Общее количество безработных, получавших пособия, было невелико. В основном это было связано со стремлением страховых органов и профсоюзов, игравших большую роль в работе страховых касс, не допустить получения пособий и других льгот лицами, не имеющими на это право. «Учитывая социальный состав и квалификацию безработных и специфические условия рынка труда, загруженного непролетарским элементом, – указывалось в решениях V Всебашкирского съезда профсоюзов, – к расширению круга обеспечиваемых по безработице необходимо относиться более осторожно»².

Другой важной стороной работы страховых касс становилось социальное обеспечение пенсионеров, выдача пособий по временной нетрудоспособности и ряда дополнительных пособий (по уходу за ребёнком, на кормление детей, на погребение). При осуществлении этих функций также было необходимо соблюдать классовый подход: с социального обеспечения должны были сниматься все лица «непролетарского происхождения»³.

Трудно устанавливалось взаимодействие с органами здравоохранения, которые должны были осуществлять медицинскую помощь застрахованным за счёт передаваемого в их распоряжение фонда страхования по болезни. Как отмечалось на 2-м пленуме Башпрофсовета (декабрь 1923 г.), на местах здравотделы часто направляли эти средства не на медицинскую помощь, а на зарплату медицинскому персоналу, лекарства выдавались за деньги, рабочие часто не получали пособия во время болезни. В результате участники пленума констатировали, что «медпомощь на местах обстоит скверно» и «далеко не

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.27а. Л.74.

² Там же. Д.26. Л.24об.

³ Там же.

удовлетворяет рабочих»¹. Профсоюзы настаивали на том, чтобы средства фонда социального страхования на медицинское обслуживание расходовались на «организацию амбулаторной, медикаментозной и помощи на дому ... для исключительного обслуживания рабочих и членов их семейств» и создавались специальные медицинские учреждения для данной категории лиц².

В целом можно констатировать, что работа в области социального страхования к началу 1924 г. ещё только находилась в стадии развёртывания и не могла удовлетворить реальные потребности всех в нём нуждающихся.

В последующие два года, когда начали приносить плоды восстановительные процессы в промышленности, ситуация на рынке труда определялась двумя основными обстоятельствами.

Во-первых, в этот период развернулась общесоюзная кампания по так называемой «концентрации производства», на практике означавшая увольнение с предприятий лишней рабочей силы; во-вторых, не прекращалась миграция в города деревенского населения. Эта миграция временами то усиливалась, то ослабевала, но сохраняла постоянный характер.

Поэтому промышленный рост не позволял существенно рассосать армию безработных. Тем более, что, по признанию местных отделов труда, «для расширения промышленности в большинстве случаев требуется квалифицированная рабочая сила, которой на бирже труда нет»³, либо её квалификация такова, что не удовлетворяет реальные производственные запросы⁴.

Особенно заметный рост безработицы наблюдался на протяжении 1924 г. Так, в Башкирии этот рост расценивался профсоюзным руководством как «громаднейший»: на 1 января 1924 г. число зарегистрированных безработных

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.27а. Л.77.

² Там же. Д.4. Л.70об.

³ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. Челябинск: Изд. горсовета, 1926. С.140.

⁴ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.11. Л.42.

составило 4184 чел., на 1 апреля того же года – 5729 чел.¹, а на 1 сентября – 5977 чел.². Иначе говоря, за 8 месяцев рост этот составил почти 43%.

На учёте Челябинской биржи труда к концу 1924 г. числилось около 3000 чел.³, Оренбургской биржи труда на 1 октября 1924 г. – 2328 чел.⁴ Даже в не имевшем сколько-нибудь развитой промышленности Шадринском округе, где в промышленности было занято немногим более 2% населения, осенью 1924 г. безработицей по самым приблизительным подсчётам (в округе отсутствовала биржа труда) было охвачено 11,5% всех членов местных профсоюзов⁵.

Состав безработных имел достаточно устойчивый характер: две основные группы составляли чернорабочие и служащие, меньшинство было представлено квалифицированными рабочими, число которых по мере восстановления промышленности сокращалось. Например, в сентябре 1924 г. на Уфимской бирже труда безработные служащие составляли 40%, чернорабочие – 35% и квалифицированные рабочие – 25%⁶, а к концу апреля 1925 г. это соотношение изменилось таким образом: служащие – 45%, чернорабочие – 40%, квалифицированные рабочие – 15%⁷.

Меры, предпринимаемые властью для противодействия безработице, продолжали сохранять двойственный характер.

Продолжались чистки списков «от нетрудового элемента, малостажного и бесстажного наноса, ненужного в промышленности»⁸. Размеры таких чисток могли оказаться весьма значительными. Так, на Оренбургской бирже труда в результате проведённой в 1924 г. чистки удалось сократить численность

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.45.

² Там же. Л.56.

³ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. Челябинск: Изд. Челяб. окрпрофбюро, 1925. С.53.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1925. С.212.

⁵ Отчёт Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К. депутатов второму окружному съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год. Шадринск: Изд. президиума Шадринского окрисполкома, 1924. С.451.

⁶ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.56.

⁷ Красная Башкирия. 1925. 28 апр.

⁸ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. С.53.

зарегистрированных безработных почти на 75%¹. Однако эффект таких чисток вновь оказывался недолговечным. Как признавалось в местной печати, после каждой такой чистки через какое-то время «можно увидеть на бирже хронических безработных, являющихся на регистрацию целыми полугодиями и даже годами. У них набирается стаж и нужные документки, чтобы получить пособия и нужные привилегии»².

Социальное страхование по-прежнему охватывало лишь небольшую часть безработных. Например, летом 1924 г. пособия по безработице получало лишь 8,6% от общего числа безработных, зарегистрированных на Курганской бирже труда³, в Шадринске осенью 1924 г. – около 6%⁴, в Челябинске в среднем за 1924 – 1925 хозяйственный год – 16%⁵, в Оренбурге на 1 сентября 1925 г. – 21,2%⁶. По всему Уралу пособия получали в 1924 г. не более 20% безработных⁷.

Несмотря на все принимаемые меры, не удалось обеспечить полное и своевременное проведение отчислений в фонды социального страхования. Сетования на постоянную задолженность, существующую у предприятий и учреждений перед кассами социального страхования, нехватку средств для выплаты пособий безработным (равно как и других пособий, идущих по линии социального страхования) являлись обыденным явлением и для советских, и для профсоюзных органов⁸.

В условиях, когда предложение рабочей силы стабильно опережало спрос на неё (например, по данным печати, в Уфе ежедневно регистрировалось на

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов 6 созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. Оренбург: Изд. орготдела губисполкома, 1924. С.138.

² Смычка. 1925. 13 июня.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.11. Л.42.

⁴ Отчёт Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К. депутатов второму окружному съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год. С.451.

⁵ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.144.

⁶ Отчёт Оренбургского губкома Р.К.П. (б.) к XI губернской партийной конференции. С.12.

⁷ Фельдман В.В. Указ. соч. С.119.

⁸ См. напр.: Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.142; Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.213; Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. С.72; ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.55об.

бирже труда 60 – 70 чел., а на работу посылалось 30 – 50 чел.¹⁾, и пособия по безработице охватывали меньшую часть безработных, органы труда попытались больше внимания уделить организации коллективов безработных и проведению общественных работ.

«Коллективы из безработных, – отмечал Оренбургский губернский отдел труда, – лучшая форма борьбы с безработицей», однако тут же был вынужден признать, что действительно широкий охват безработных такими коллективами невозможен без ряда мер, «направленных к увеличению оборотных средств и предоставлению большего количества льгот, плановому снабжению коллективов сырьём, материалами и заказами»²⁾.

В отсутствии таких мер создаваемые коллективы безработных имели небольшой охват и лишь в малой степени ослабляли существующие проблемы. В наиболее благополучной в этом отношении Башкирии весной 1925 г. функционировало 26 таких коллективов (в том числе 23 производственных), охватывавших немногим более 1000 чел., то есть примерно 19% всех зарегистрированных безработных. Средний заработок в таких коллективах составлял 30 руб.³⁾ Однако уже к весне следующего года их количество сократилось до 10 коллективов с 651 чел.⁴⁾ В то же время в Оренбургской губернии действовало только 8 коллективов безработных, где было занято 340 чел., то есть около 6% всех безработных⁵⁾.

Общественные работы носили, как правило, сезонный характер и проводились за счёт не слишком больших средств, отпускаемых из местных бюджетов, они не привлекали безработных в силу и характера труда, и его незначительной оплаты⁶⁾.

¹⁾ Красная Башкирия. 1925. 15 февр., 28 апр.

²⁾ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.106.

³⁾ Красная Башкирия. 1925. 24 мая.

⁴⁾ Там же. 1926. 29 июля.

⁵⁾ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.212.

⁶⁾ Красная Башкирия. 1926. 29 июля; Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов, окружной инспекции труда и кассы соцстрахования IV окружному съезду профсоюзов. Челябинск: Изд. Челяб. окрпрофбюро, 1928. С.57-58.

В целом можно констатировать, что в решении проблем безработицы в этот период существенных перемен не произошло. Если на протяжении 1924 г. безработица непрерывно росла по всем территориям Южного Урала, то в 1925-1926 г. характерным явлением стали её колебания, как правило, носившие сезонный характер.

Например, в Оренбургской губернии за год, с (1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.) она выросла почти в 2,5 раза, с 2328 чел. до 5722 чел.¹, а к 1 октября 1926 г. достигла 7175 чел.² В то же время в Башкирии к 1 мая 1926 г. численность безработных достигла 5430 чел., то есть осталась примерно на том же уровне, что год назад³, а в Челябинском округе то понижалась, то повышалась (в начале 1925 г. – 3000 чел., к 1 октября 1925 г. – 2867 чел.⁴, к 1 июля 1926 г. – 3134 чел., к 1 октября 1926 г. – 2387 чел.⁵).

Поэтому главной проблемой безработицы на Южном Урале на протяжении 1924 – 1926 гг. стал не её рост как таковой, а то обстоятельство, что, по признанию самих властей, безработица приняла устойчивый характер, превратилась в постоянно действующий фактор социальной ситуации в регионе⁶. Как не без скрытого пессимизма признавал, например, Курганский окрисполком, несмотря на восстановление промышленного производства и чистки списков безработных, в целом «безработица устойчивая и нет предположений на её разгрузку в ближайшем времени»⁷.

При существующем на Южном Урале уровне промышленного развития не приходилось рассчитывать на то, что завершение восстановления промышленности серьёзно уменьшит поток людей на биржи труда. Проблема безработицы всё больше превращалась в проблему модернизации экономики.

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.212.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.104.

³ Красная Башкирия. 1926. 29 июля.

⁴ Основные моменты работы Челябинского горсовета VII созыва за 1925-26 гг. Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1927. С.85.

⁵ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов, окружной инспекции труда и кассы соцстрахования IV окружному съезду профсоюзов. С.54.

⁶ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.104.

⁷ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.1. Д.14. Л.200.

Только значительный промышленный рост мог поглотить бóльшую часть непрерывно прибывающей армии безработных.

К середине 1920-х гг. обнаружился ещё один составной элемент этой проблемы: подъём промышленности исчерпал резерв квалифицированного труда, спрос на него оставался, но не удовлетворялся. В этой ситуации напрашивался вывод о необходимости организации профессиональной подготовки и переподготовки безработных. Вопрос периодически всплывал то в печати, то в решениях профсоюзов, но практически на Южном Урале дело не сдвигалось с места в силу отсутствия его финансирования.

Большие проблемы по-прежнему испытывало и социальное страхование безработных, а также и страхование по временной нетрудоспособности в силу хронического недофинансирования.

Например, в Оренбургской губернии страховая задолженность составила по итогам 1925 – 1926 хозяйственного года 13%, причём основным должником (41,49% всех недоимок) оказались именно государственные предприятия¹. Не случайно, что на VII Оренбургском губернском съезде профсоюзов (ноябрь 1925 г.) на первое место в области социального страхования была поставлена задача «усилить контроль за своевременным и полным поступлением страховых платежей, ликвидацией страховой задолженности и недопущения её накопления»².

Основным средством борьбы с неплатежами оставались меры административного воздействия через губисполком и прокуратуру. Только за 1925 г. 45 дел по неплатежам в Оренбургской губернии было передано в суд для принудительного взыскания³. Иных способов решения проблемы не видели и партийные органы. В решении бюро Оренбургского комитета партии по этому вопросу было записано: «Шире применять бесспорно принудительное взыскание, а равно привлечение к судебной ответственности явно уклоняющихся от страховых взносов»⁴.

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.86.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.32.

³ Там же. Л.44.

⁴ Там же. Л.54.

Важная роль в работе страховых касс отводилась осуществлению иных выплат, что должно было лишний раз продемонстрировать степень заботы пролетарского государства обо всех трудящихся, оказавшихся по независящим от них причинам в трудном материальном положении.

Согласно решениям вышестоящих органов, размер пособия по болезни устанавливался в полном размере фактического заработка за все дни болезни. Дополнительные пособия (на предметы ухода при родах, на кормление ребёнка до достижения им 9 месяцев и на погребение) выплачивались либо в установленном центром фиксированном размере, либо в процентах от бюджетного набора, установленного Госпланом. Пенсии инвалидам труда также измерялись процентами от бюджетного набора Госплана¹.

Позитивным моментом в 1924 – 1926 гг. стал значительный рост этих видов страхования.

Так, согласно отчёту Оренбургской губернской страховой кассы за 1925 – 1926 г., за этот период число инвалидов труда, состоящих на её обеспечении, выросло почти на 62%, а семей, потерявших кормильцев, – на 40%, общая численность состоящих на обеспечении государства по этой линии составила в губернии 1980 единиц². Как большое достижение в отчёте отмечалось, что, «несмотря на тяжёлое финансовое положение в течение отчётного года пропущено 416 человек через санаторно-курортное лечение, в том числе 149 чел. через центральные курорты, а 219 чел. – через местный дом отдыха»³.

Наиболее положительная динамика была заметна в промышленно развитом Челябинском округе.

За 1924 – 1925 хозяйственный год расход на 1 застрахованного в среднем за месяц составил 1 руб. 38 коп., причём из всех видов страховых выплат выплаты по общим заболеваниям значительно превышали все остальные виды выплат (в среднем за месяц 7717 руб. из общей суммы в 13814 руб.). Наблюдался рост почти в два раза за год расходов на 1 инвалида труда и на одну семью, потерявшую кормильца, при увеличении на 50% общего числа

¹ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. С.73-74.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.45-46.

³ Там же. Л.52.

обеспечиваемых по этой графе страхования¹. За 1923 – 1925 гг. размер пенсий по общей инвалидности (болезнь и старость) увеличился более чем в 2 раза, например, в 1923 г. инвалид труда 1 группы получал 7,11 руб., а в сентябре 1925 г. – 15,6 руб.

«С 1 января 1925 г. сделаны первые шаги в обеспечении трудящихся за выслугу лет независимо от утраты трудоспособности, – отмечалось в отчётах советских органов. – Первый закон о пенсиях за выслугу лет издан по отношению работников просвещения – учителей школ первой ступени, имеющих учительский стаж не менее 25 лет, при условии 5-летней работы учителем при Советской власти. Продолжающие работать получают 10 руб. в месяц, не имеющие заработка – 20 руб.»².

Пожалуй, наиболее слабым местом по-прежнему оставалось обеспечение застрахованных медицинскими услугами: медицинская помощь, констатировалось в отчёте Челябинского окружного бюро профсоюзов, «далеко не удовлетворяла самых минимальных потребностей ... ощущался большой недостаток квалифицированных медработников ... в больницах большой недостаток белья и неудовлетворительное питание»³.

Новым явлением, подтверждавшим позитивные сдвиги, стало открытие в Челябинском округе на летний период дома отдыха, через который прошло в 1924 г. 687 чел., а в следующем году – 997 чел. Кроме того, на средства окружной страховой кассы в 1923 – 1924 г. 114 человек были посланы на санаторно-курортное лечение, а в 1924 – 1925 г. – 123 чел., в том числе и на курорты Крыма и Кавказа. Следует отметить, что при этом выдерживался классовый принцип: так, количество «рабочих от станка» среди отдохнувших и лечившихся составляло от 71 до 79%. В сентябре 1924 г. за счёт средств окружной страховой кассы в Челябинске был открыт Дом инвалидов на 60 коек,

¹ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. С.76-77,81.

² Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.144.

³ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. С.83.

при котором стала функционировать сапожная мастерская для переобучения инвалидов труда¹.

Сложнее складывалась ситуация в менее промышленно развитых районах Южного Урала. Например, в Башкирии фиксировалось превышение расходов социального страхования над доходами, в связи, с чем профсоюзами даже ставился вопрос о необходимости воздержаться от повышения размеров выплат, начинать оплату временной нетрудоспособности не с первого дня болезни, а по истечению трёх таких дней².

Все эти факты позволяют говорить о том, что в 1924-1926 гг. борьба с безработицей на Южном Урале приобрела системный характер, что и позволило достичь несомненных позитивных результатов. Материальную базу для этого создавало восстановление промышленного потенциала региона, поэтому закономерно, что социальное страхование наиболее успешно развивалось в Челябинском округе, имевшем более развитую промышленность, чем, скажем, БАССР.

Однако с осени 1926 г. обстановка на рынке труда вновь обострилась. Органы труда Южного Урала вынуждены были констатировать возобновившийся рост безработицы и то обстоятельство, что размеры средств, отпускаемых на борьбу с безработицей, вновь не покрывают всех потребностей и требуется «помощь со стороны Центра»³.

Так, по данным Оренбургской биржи труда, если на 1 октября 1926 г. на учёте состояло 7175 чел., то на 1 июня 1927 г. это число составило уже 8440 чел., к 1 апреля 1928 г. увеличилось до 8708 чел.⁴

Профсоюзное руководство Челябинского округа приводило такие цифры роста числа зарегистрированных безработных: «на 1 октября 1927 г. – 2669, на 1 января 1928 г. – 4362, на 1 апреля 1928 г. – 4708 чел.»⁵.

¹ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.144-145; Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. С.85-86.

² ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.55об.

³ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.25.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.104-105; Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.25.

⁵ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов, окружной инспекции труда и кассы соцстрахования IV окружному съезду профсоюзов. С.54.

Рост числа безработных фиксировался и в Башкирии: на 1 января 1927 г. на учёте Уфимской биржи труда числилось 6189 чел., а к апрелю 1928 г. эта цифра возросла почти до 8,5 тыс. чел. Причём, по признанию Наркомата труда Башкирии, реальная цифра безработных была, конечно, выше, поскольку не был налажен полноценный учёт по некоторым кантонам.¹ Более 50% всех зарегистрированных безработных составляли лица, не имевшие квалификации, 45% – женщины, что делало крайне проблематичным рассасывание безработицы, поскольку на эти категории существовал наименьший спрос².

Следовательно, общая тенденция к увеличению безработицы прослеживалась в этот период по всем регионам Южного Урала.

Объясняя причины этого явления, местные власти справедливо отмечали непрекращающуюся миграцию деревенского населения в город, отчасти, видимо, связанную и с теми неблагоприятными для крестьянства событиями, которые происходили в ходе хлебозаготовительной кампании 1927 – 1928 г.

Вместе с тем, как советские, так и профсоюзные органы не могли игнорировать и другое важное обстоятельство, непосредственно повлиявшее не только на общую численность безработных, но и на изменение их качественного состава, – кампанию по рационализации производства³. «Новая волна безработицы, – признавалось в печати, – имеет своим источником мероприятия по рационализации промышленности, которые проводятся более энергично»⁴.

Поскольку, как отмечалось в секретных сводках ОГПУ, на практике сокращение штатов «в большинстве происходит за счёт рабочих, не касаясь административно-технического персонала»⁵, постольку среди безработных стало заметно увеличиваться количество членов профсоюзов, а также и квалифицированных рабочих (последнее обстоятельство демонстрировало одно из последствий тарифной реформы: столкнувшись с падением своих заработков,

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.598. Л.126.

² ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.6. Д.51. Л.37.

³ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.25; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.174; ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.54. Л.48.

⁴ Майзельс Д. Безработица на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 5-6. С.94.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1024. Л.81.

квалифицированные рабочие предпочитали увольняться и временно быть безработными в надежде найти более выгодное место работы).

По оценке Башпрофсовета, к лету 1928 г. количество членов профсоюзов среди зарегистрированных на бирже труда в Уфе превысило 60%¹, на Оренбургской бирже труда в апреле того же года достигло 88%, а квалифицированных рабочих – 50,5%². К октябрю 1928 г., как с тревогой констатировал Челябинский окрисполком, безработица охватила почти 20% от всей численности членов профсоюзов округа³. «В настоящее время все союзы сильно затронуты безработицей», – признавалось в уральской печати⁴.

Конечно, не всех членов профсоюзов, оказавшихся в положении безработных, можно было отнести к кадровому пролетариату, определённая их часть со временем находила новую работу и покидала биржу труда, но даже кратковременное пребывание в этом статусе вряд ли повышало в глазах рабочих престиж власти, скорее, наоборот, способствовало усилению разочарования в плодах нэповской политики.

Сознавая эти проблемы, власти сделали ряд шагов, чтобы облегчить положение безработных, особенно членов профсоюзов.

Так, решениями Наркомата труда стаж работы, необходимый для получения пособия по безработице, для членов профсоюзов (независимо от квалификации) был сокращён до 6 месяцев; для квалифицированных рабочих (отнесённых к 1 категории) срок получения пособия с 1 июня 1927 г. был увеличен с 6 до 9 месяцев; размеры пособий в 1927 – 1928 г. увеличились почти на 1/3 по сравнению с 1925 – 1926 г.; начали выплачиваться специальные надбавки семейным безработным, имеющим детей⁵.

В результате значительно возросла нагрузка в обеспечении безработных на органы социального страхования, поскольку увеличилось число безработных, подлежащих обеспечению. В Оренбурге за 1926 – 1927 г. численность таких

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.54. Л.48.

² Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.25.

³ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.174.

⁴ Майзельс Д. Указ. соч. С.95.

⁵ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.114об.; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.172; Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов, окружной инспекции труда и кассы соцстрахования IV окружному съезду профсоюзов. С.61.

безработных выросла почти в 2 раза¹, в Башкирии за год, с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. – в 1,8 раза, достигнув почти 4000 чел.²

Конечно, расширение сферы социального страхования в известной мере стабилизировало положение той части рабочих, которая была охвачена этой системой. Социальное страхование, отмечалось, например, в отчёте Оренбургской страховой кассы, направленном в конце 1927 г. в губисполком, «настолько прочно вошло в быт трудящегося населения, что оно свои права, предоставленные законодательством по социальному страхованию, использует в полной мере, благодаря чему (знание законодательства и прав) необходимо отметить непрекращающийся рост количества обеспечиваемых трудящихся»³. Безработные, признавал и Наркомат труда Башкирии, научились пользоваться своими правами⁴.

Но вновь хронической проблемой в деятельности страховых касс по обеспечению пособиями безработных (равно как и по выплате пособий по временной нетрудоспособности и пенсий инвалидам труда) стала растущая задолженность предприятий и учреждений по страховым взносам. Поэтому, по признанию, например, страховых органов Башкирии, перебои в выдаче пособий по безработице, а также других видов пособий и пенсий лицам, находившимся в ведении страхкасс республики, носили «систематический характер» и «весьма неблагоприятно» отражались на настроениях застрахованных⁵.

Против наиболее «упорных и неаккуратных плательщиков» применялись административные принудительные меры по взысканию задолженности (арест имущества, текущих счетов и т.п.), в крайних случаях возбуждались уголовные дела⁶.

Показательно, что в решение этих вопросов иногда приходилось вмешиваться и партийным органам, чтобы добиться хоть какого-то положительного сдвига. Так, в марте 1928 г., когда в Башкирии создалась

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.114об.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.598. Л.127.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.113об.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.598. Л.127.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.54. Л.97.

⁶ Там же. Д.50. Л.15.

очередная кризисная ситуация с задолженностью, было принято специальное постановление бюро Башкирского областного комитета ВКП(б) с такой формулировкой: «Поручить фракции ВКП(б) Совнаркома категорически предложить предприятиям и учреждениям погасить числящуюся за ними задолженность органам соцстраха»¹. Такие меры давали нужный результат², поступление взносов после угроз принять меры воздействия по партийной линии улучшалось, но потом всё опять возвращалось «на круги своя», и экономическая целесообразность использовать средства, необходимые соцстраху, на производственные нужды брала верх.

В то же время некоторая стабилизация с выплатой пособий безработным (с опозданием, но они всё-таки выплачивались) отчасти стимулировала и настроения иждивенчества среди некоторой части безработных. Бюро Челябинского окружкома партии специально обращало внимание низовых парторганизаций на то обстоятельство, что часть безработных, включая и членов партии, получая пособия и одновременно ещё где-то подрабатывая, предпочитает вообще отказываться от постоянной работы³. Нередко встречались случаи подделки лицами, зарегистрированными на бирже труда, документов, чтобы добиться получения пособия или повысить его размер, даже случаи намеренного получения травм на производстве, чтобы получить пособие по временной нетрудоспособности⁴.

Следует отметить, что уровень социального обеспечения безработных при его несомненном по сравнению с предыдущим периодом ростом всё-таки гарантировал лишь минимальный уровень достатка. Так, согласно нормам, установленным с 1 июня 1927 г., безработный, отнесённый к 1 категории (то есть, как правило, квалифицированный рабочий и член профсоюза), получал в Челябинске 11 руб., к концу 1928 г. эта выплата увеличилась до 15 руб., что составляло около 70% минимального бюджетного набора взрослого человека⁵.

¹ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.7. Д.7. Л.46.

² Там же. Ф.8897. Оп.1. Д.50. Л.25об.,81.

³ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.453. Л.60.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.50. Л.25-25об.

⁵ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов, окружной инспекции труда и кассы соцстрахования IV окружному съезду профсоюзов. С.61; Челябинский рабочий. 1928. 16 дек.

Для той части безработных, которая не охватывалась системой социального страхования, оставалась возможность получить работу по направлению биржи труда. Однако она была невелика. Профсоюзы настаивали на том, что безработные члены профсоюзов должны обладать первоочерёдностью при получении вакантных мест и с их требованиями приходилось считаться¹. К тому же сказывались и корпоративные настроения внутри самих профсоюзов. По признанию участников одного из заседаний Башпрофсовета (июнь 1928 г.), «в союзах живёт патриотизм – случаи протеста против приёма на работу членов других союзов очень часты»².

Продолжал существовать и протекционизм при приёме на работу³, который, конечно, оказывался более применим не к попавшим в город вчерашним крестьянам, а к тем, кто, не первый год проживая в городе, имел те или иные связи. Именно протекционизм, кумовство, судя по информации, поступавшей от органов ОГПУ, чаще всего вызывали недовольство людей, оказавшихся в городе в положении безработных⁴.

Фактически лицам, не имевшим квалификации, на бирже труда чаще всего могли предложить лишь занятость в общественных работах, которыми были работы по благоустройству города, дорожно-строительные работы, торфоразработки и т.п. Эти работы требовали большой физической нагрузки, что не давало возможности использовать на них женщин и подростков, составлявших значительный процент неквалифицированных безработных, невелика была и оплата труда. Поэтому количество безработных, занятых в таких работах, оставалось незначительным, обычно составляя несколько сот человек, и существенно не влияло на сдерживание общего роста безработицы⁵.

Наиболее эффективным средством качественного решения проблемы безработицы, как и в предыдущие годы, являлась организация коллективов

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.54. Л.48.

² Там же.

³ Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1928. С.114; ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.453. Л.60; Смычка. 1928. 5 июля.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.158-159.

⁵ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.174; ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.6. Д.51. Л.38.

безработных. Во-первых, это позволяло осуществить социальную адаптацию, во-вторых, освобождало государство (после перехода такого коллектива на самообеспечение) от расходов на содержание безработных. В 1927-1928 г. наблюдался рост и числа таких коллективов, и занятых в них бывших безработных. Например, в Башкирии за этот период их численность выросла почти в два раза: на 1 октября 1927 г. в них состояло 442 чел., а на 1 октября 1928 г. – 854 чел.¹ Поскольку в таких коллективах действовал принцип сменяемости, то за год через них пропускалось до 1200 чел.² Средняя заработная плата в таких коллективах составила в 1927-1928 г. немногим более 40 руб., что могло считаться показателем достаточно эффективной работы³.

Конечно, качество таких коллективов было далеко не равнозначно. В резолюции Башнаркомтруда, обсудившего работу коллективов безработных за 1927-1928 г., отмечалось, что в них часты случаи бесхозяйственности, непроизводительных расходов, растраты средств, в погоне за доходами такие коллективы стремятся не допустить в свои ряды малоквалифицированных работников, не помогают им в повышении квалификации⁴.

Но были и другие коллективы, превращавшиеся, по сути, в самостоятельные хозяйственные единицы, обеспечивавшие их членам неплохой уровень доходов. Это побуждало власть взять такие коллективы под свой контроль. 20 октября 1928 г. Наркомат труда РСФСР издал циркуляр, в котором констатировалось, что, хотя такие коллективы создавались «для оказания безработным временной трудовой помощи», но теперь многие из них по постоянному составу работников «фактически являются уже не коллективами безработных с текучим персоналом, а обычными хозяйственными предприятиями ... достаточно окрепшими в хозяйственном отношении». В циркуляре указывалось, что такие коллективы должны передаваться из ведения бирж труда соответствующим хозяйственным органам, прежде всего промкооперации, при этом при отказе членов такого коллектива переходить в

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.130. Л.22.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-202. Оп.1. Д.230. Л.3об.

³ Там же. Ф.Р-394. Оп.2. Д.598. Л.127.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.130. Л.10-10об.

промкооперацию «коллектив подлежит ликвидации». Работу по обследованию всех коллективов безработных на предмет их состоятельности и последующей передачи в промкооперацию необходимо было завершить к 1 января 1929 г.¹ Особо рекомендовалось выявить все коллективы, «не отвечающие принципу трудовой помощи (магазины, лавки)» и их «оздоровить»².

Включение доходных коллективов безработных в систему кооперации при одновременном усилении контроля над деятельностью других таких коллективов, в том числе вытеснение их из торговой сферы, безусловно, может рассматриваться как часть характерной для 1928 – 1929 гг. общей линии на сворачивание рыночных элементов нэповской политики.

Общественные работы сезонного характера (дорожное строительство, лесозаготовки и т.п.) по-прежнему занимали незначительное место (так, в Башкирии в 1926 – 1927 г. удалось занять на них не более 600 чел., то есть в среднем 10% от общего числа безработных³), главным образом из-за тяжёлого и малооплачиваемого труда. К тому же это была чисто паллиативная мера, поскольку в реальности такие работы могли занять безработных лишь в течение нескольких месяцев, после чего они вновь попадали на биржу труда, возвращая статистику безработицы на прежние позиции.

Таким образом, и в 1927 – 1929 гг. радикального сдвига в сфере занятости на Южном Урале не произошло: сам по себе рост промышленного производства не вёл к автоматическому рассасыванию безработицы, поскольку не сопровождался значительным увеличением количества рабочих мест, а иногда даже вызывал и некоторое их сокращение. Тем более нельзя было рассчитывать на рост потребности в неквалифицированном труде постоянно прибывавших в города Южного Урала мигрантов из деревни, поток которых по мере свёртывания в деревне рыночных отношений имел явную тенденцию к росту. Относительное улучшение положения части безработных, получавших пособие или вовлечённых в успешные коллективы безработных, не могло компенсировать социальные издержки остальной части безработных,

¹ ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.130. Л.3-3об.

² Там же. Л.2.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-202. Оп.1. Д.230. Л.3об.

постепенно превращавшихся в питательную среду для социального паразитизма и бытового разложения¹.

Неспособность власти радикально решить проблему безработицы имела объективный характер: в условиях смешанной экономики и при наличии значительного аграрного перенаселения, постоянно вынуждавшего часть крестьянства покидать деревню и переселяться в город, существование резервной армии труда было неизбежно. Следует признать, что действия государства по социальной защите этой группы населения имели желательный для власти эффект и, скорее всего, содействовали сохранению у людей, оказавшихся в этом трудном положении, положительного к ней отношения. Характерно, во всяком случае, то обстоятельство, что в сводках ОГПУ практически не встречаются какие-либо упоминания антисоветских высказываний или действий безработных.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что государственная политика в этой сфере носила достаточно очевидные черты патернализма: власть демонстрировала свою заботу о безработных, но предпринимала очень мало усилий, чтобы стимулировать у них желание никогда больше не возвращаться на биржу труда. Источники не позволяют конкретно установить количество «хронических безработных» или частоту регистрации на бирже труда одного и того же человека, но в них встречается признание, что таких людей среди безработных «достаточно много».

Очевидно, что люди, уже привыкшие к своему статусу безработных и, возможно, даже находящие в этом определённые преимущества, объективно начинали формировать особую группу, фактически не только паразитирующую на государственной помощи, но, что, пожалуй, более важно, особенно с точки зрения перспектив модернизации страны, враждебно настроенных по отношению к тем, кто пытается заставить их работать.

Говоря о таких издержках первых пятилеток, как низкая трудовая дисциплина, текучесть кадров, плохое качество производимой продукции, следует, видимо, учитывать, среди прочего, и то обстоятельство, что подобные

¹ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. С.123.

явления отчасти питались бывшими безработными, которые оказались силой загнаны на производство. Можно сказать, что в этом проявилась обратная сторона классового патернализма, являвшегося основой социальной политики Советского государства в области занятости.

2.3. Рабочий класс и власть: социальная эффективность государственной политики

Проведённый анализ государственной социальной политики в сферах заработной платы и занятости показывает преимущественно внешнюю, формальную сторону, как самой этой политики, так и её эффективности.

Чтобы перевести этот анализ на содержательный уровень, следует в соответствии с избранным нами методологическим подходом обратиться к анализу информации, поступавшей к власти по каналам обратной связи от непосредственных объектов этой политики – самих рабочих. Это позволит установить, развитию в каком направлении – интеграции или дезинтеграции южноуральского социума – в большей мере содействовала данная составляющая государственной социальной политики.

Основным источником для такого исследования, как уже отмечалось в предыдущей главе, для нас является целостный информационный комплекс, состоящий из сводок южноуральских отделений ОГПУ (прежде всего, Челябинска и Кургана), взятых в сопоставлении с информационными обзорами, подготовившимися центральным аппаратом ГПУ-ОГПУ для высшего руководства страны.

Красноречивые свидетельства о настроениях южноуральского пролетариата в первые месяцы перехода к новой экономической политике весной 1921 г. содержат информационные сводки Челябинской губернской чрезвычайной комиссии (ЧелгубЧК).

Разделы этих сводок, касавшиеся «политического состояния среди рабочих», в марте-мае 1921 г. носили практически одинаковый характер, сводясь к констатации непрерывного ухудшения материального положения и связанных с этим последствий: «Настроение рабочих обывательское. Жалуются на недостаток одежды, продовольствия. Производительность труда слабая.

Среди рабочих замечается разгильдяйство. В рабочее время занимаются раскуриванием, разговорами, работают на частных лиц, расхищают клей и гвозди»¹; «рабочие массы охватила какая-то апатия ко всему»²; «всё то, что не имеет непосредственного отношения к желудку, не интересует рабочих»³; «отношение рабочих к коммунистической партии сдержанное, частью неудовлетворительное»⁴; «настроение рабочих ввиду сокращения пайка плохое. Производительность труда падает. Со стороны рабочих стали учащаться случаи хищения разных инструментов и фабрикатов ... Работают плохо, безо всякого желания. Отношение к соввласти и особенно компартии – враждебное»⁵.

«Усталость, апатия, забота о своем самосохранении – это следствие глубокого экономического кризиса, на которое реагирует сознание человека», – так оценивалась ситуация в рабочей среде весной 1921 г. даже в партийной печати. Отсюда делался тревожный для власти вывод: «Эти общие причины повергают многих в пучину самого мрачного пессимизма»⁶.

В такой ситуации обострились отношения рабочих с администрацией, часто возникали конфликты из-за недостаточных размеров всё ещё выдаваемого в качестве оплаты продовольственного пайка, его низкого качества, постоянных задержек денежной части зарплаты. «Некоторые рабочие, – отмечалось в сводках ЧелгубЧК, – склонны прибегнуть к забастовкам, на что «доброжелатели» из среды контрреволюционеров и бело-эсеров усиленно их подбивают»⁷.

Временами конфликты выливались в невыходы на работу, «итальянские забастовки», другие формы более или менее активного протеста, а на требования администрации следовал простой ответ: «Не работаем, потому что голодны»⁸. Иногда в передаваемой по каналам губЧК информации звучали близкие к паническим нотки, как, например, в госинформсводке от 16 мая:

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.344. Л.40об.

² Там же. Л.69.

³ Там же. Л.70об.

⁴ Там же. Л.41.

⁵ Там же. Л.83.

⁶ Партийные известия (Уфа). 1921. 9 мая.

⁷ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.344. Л.82.

⁸ Там же. Д.499. Л.72,77,88.

«Настроение рабочих на почве недостатка продовольствия удручённое. Производительность труда падает. 14 мая в Троицке рабочие-кожевенники в числе более трёхсот человек не работали по причине неполучения продовольствия. Рабочие швейной промышленности склонны примкнуть к бастующим. Среди рабочих Андреевских рудников в Троицком уезде волнения на почве недостатка продовольствия. Шахты затоплены, машины стоят»¹.

С конца лета и особенно осенью 1921 г. ситуация ещё более ухудшилась вследствие обрушившегося на регион голода.

Так, например, характеризуя положение в промышленности Челябинской губернии, губЧК в сентябре 1921 г. сообщал, что на угольных копях «рабочие работают вяло, ссылаясь, что они голодны ... добыча угля значительно сократилась ... в среде рабочих стали появляться отдельные личности, которые, пользуясь плохим продовольственным положением, ведут агитацию, чтобы рабочие отказывались работать, что им и удавалось», «настроение рабочих железнодорожных мастерских депо станции Челябинск и других предприятий неудовлетворительное ввиду недостатка продовольствия ... большинство рабочих ходят в лаптях, которые совершенно изношены ... рабочие говорят, что с наступлением холодов многие выходить на работу не будут»².

«Не получая полного полагающегося пайка, при необеспеченности семейств и ввиду отсутствия обуви и одежды, рабочие начинают предъявлять требования», – резюмировалось в октябрьской информсводке ЧелгубЧК³. Особое недовольство рабочих вызывал контраст между их положением и положением администрации предприятий. «Рабочие, – сообщалось, например, из Троицкого уезда, – весьма враждебно настроены против административно-руководящих лиц, будь то партийный или беспартийный, на почве привилегированного положения последних»⁴.

Формулировка «настроение рабочих ввиду острого продовольственного кризиса неудовлетворительное» осенью 1921 г. – летом 1922 г. оставалась

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.344. Л.77.

² Там же. Д.321. Л.6.

³ Там же. Л.36.

⁴ Там же. Л.8.

своеобразным лейтмотивом всей информации, предоставлявшейся местному и центральному руководству челябинскими чекистами. Отмечалось, в частности, что из-за падения производства «громадное количество рабочих выкинуто на улицу», они «не снабжаются продпайком и влачат жалкое существование». Предпринимавшиеся под давлением рабочих меры ослабления продовольственного кризиса (упорядочивание снабжения пайками, переход на коллективное снабжение и т.д.) давали лишь частичное облегчение¹.

Аналогичная информация поступала и из других районов Южного Урала: «У рабочих есть частичное недовольство на почве несвоевременной выплаты заработка и настроения в пользу проведения забастовок» (март 1922 г., Курган); «вследствие перебоев в снабжении продовольствием настроение рабочих ухудшается, угрожая остановкой работы» (апрель 1922 г., Курган); «настроение масс на ступени волнения, рабочие станции Бузулук определённо хотели заявить ультиматум – «остановка работ по участку» (июнь 1922 г.)².

Изредка, по всей видимости, в наиболее крайних случаях, информация об обострении ситуации на Южном Урале включалась и в госинформсводки, предназначавшиеся высшему партийно-государственному руководству. Так, в февральском (1922 г.) обзоре сообщалось о волнениях на Златоустовском металлургическом заводе (Уфимская губерния), закончившихся временным его закрытием, в мартовском – о волнениях железнодорожников в Челябинске, в ноябрьском – о «катастрофическом положении челябинских копей», где производительность труда упала на 60%³.

Усиление негативных настроений в рабочей среде вело к тому, что, как иногда с тревогой отмечали уральские чекисты, «отношение к соввласти и, особенно к компартии, становится явно враждебным»⁴.

В начале осени 1922 г. в одной из челябинских сводок была нарисована неутешительная картина сложившейся на предприятиях политической обстановки: « ... снабжение рабочих производится самым ненормальным и

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.321. Л.36-41.

² ГАОПДКО. Ф.1. Оп.2. Д.46. Л.185,190; ЦДНИИОО. Ф.4094. Оп.1. Д.605. Л.8.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.1. С.90,118,312.

⁴ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.344. Л.132.

несвоевременным образом, продпайки выдаются всегда с большими запозданиями и не полностью... Всё изложенное действует на психологию рабочих и их настроение угнетающее ... компартия за последнее время совершенно оторвалась от рабочих масс, предоставив их самим себе, отсюда упадок духа, отсутствие веры в будущее, недоверие к своей рабоче-крестьянской власти ... В итоге рабочие совершенно отстали от жизни и находятся вне всякой политики»¹.

Однако следует отметить, что до продолжительных и массовых забастовок, как это происходило в некоторых промышленных центрах России, дело на Южном Урале в 1921 – 1922 гг. не дошло, ограничившись больше разговорами и угрозами забастовок, в крайних случаях – кратковременными остановками работы.

Поэтому, давая общую оценку настроениям рабочих, сводки ГПУ обычно констатировали, что «отношение рабочих к Соввласти в целом удовлетворительное, к компартии безразличное»². По всей видимости, под термином «удовлетворительно» как раз и подразумевалось отсутствие открытых выступлений рабочих со своими требованиями к власти.

Свою роль в этом, безусловно, сыграло доминирование в среде южноуральского пролетариата неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, по отношению к которым трудно говорить о развитом классовом самосознании и чувстве коллективизма. Видимо, определённое влияние оказало и наличие у многих рабочих огородов, что позволяло им заниматься самообеспечением продовольствием, частично компенсируя таким образом нехватку продпайков и зарплаты.

По мере медленного, но всё же выхода из самой острой фазы голода (окончательно продовольственная ситуация на Южном Урале была стабилизирована только во второй половине 1923 г.) наиболее существенное влияние на настроения в рабочей среде стали оказывать проблемы, связанные с заработной платой, особенно со своевременностью её выплаты. Поскольку

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.499. Л.116.

² См. напр.: Там же. Д.321. Л.8,38,40.

денежная система страны ещё была далека от нормализации, а основную часть необходимого продовольствия и товаров повседневного спроса рабочие приобретали на рынке, задержки с выдачей зарплаты крайне болезненно отражались на материальном положении рабочих и их семей.

Так, в феврале 1923 г. Челгуботдел ОГПУ сообщал: «Заработная плата выдаётся рабочим по-прежнему несвоевременно, являясь самым большим вопросом в промышленности губернии, и имеет своим последствием всегда понижение и неустойчивость в настроении рабочих ... Этим основным положением почти на всех предприятиях губернии определяется отрицательное отношение рабочих к НЭП»¹.

Практически та же самая оценка повторилась и в мартовской сводке: «Несвоевременность выплаты рабочим зарплаты на всех предприятиях губернии является по-прежнему большим и остро стоящим вопросом. В зависимости от этого общего положения можно констатировать со стороны рабочих отдельные случаи недовольства и ропота и вообще недоброжелательного отношения к Советской власти и РКП»².

«Одной из основных причин неустойчивости, колебаний в положительную или отрицательную сторону настроения рабочих промышленности губернии, – резюмировали челябинские чекисты, – безусловно, в большинстве случаев являлась несвоевременная выдача рабочим заработной платы. В зависимости от материального обеспечения рабочих на том или ином предприятии можно было констатировать факты недовольства и ропота»³.

Показательно, что информация, пришедшая из Челябинска, была, видимо, по причине её типичности, включена в сжатом виде и в госинформсводки центрального аппарата ОГПУ, суммировавшие, что «отношение рабочих к нэпу большей частью недоброжелательное» и в целом в южноуральской промышленности «политнастроение рабочих неудовлетворительно»⁴.

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.36.

² Там же. Л.47.

³ Там же. Л.3.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.2. С.770,834.

Аналогичные сообщения поступали и из других районов Южного Урала, например, из Оренбургской губернии («Перебои в снабжении и невыплата зарплаты вызывает недовольство и угрозы прекратить работу»¹).

Летом 1923 г. на Южном Урале начали проявляться первые результаты восстановительных процессов в промышленности. На ряде предприятий удалось наладить более или менее стабильную выдачу заработной платы. Это позволило впервые за долгое время определить общее настроение рабочих как «хорошее», хотя и с той оговоркой, что там, где проблему зарплаты разрешить не удалось (например, в Златоустовском уезде Челябинской губернии) рабочие продолжали проявлять «ряд недовольств»².

Однако «передышка» оказалась недолгой. Осенью 1923 г. на промышленности Южного Урала, как и всей страны, негативно отразился так называемый «кризис сбыта».

«Во всех предприятиях, – с тревогой информировал в сентябре 1923 г. местное партийное руководство Челябинский губотдел ОГПУ, – наблюдается полный застой продукции. Отсутствие сбыта больше всего отражается на экономическом возрождении предприятий, в равной степени и на материальном положении рабочих»³. Естественным последствием создавшейся ситуации стало возобновление уже ставших традиционными констатаций того, что «на почве несвоевременной и неполной выплаты заработка» среди рабочих «наблюдаются недовольства»⁴.

Такая же информация приходила и из других районов Южного Урала, например, из Кургана: «Настроение рабочих курганской промышленности в связи с перебоями в зарплате на ряде предприятий ухудшилось ... затяжка выдачи зарплаты всецело зависит от денежного кризиса, так как вырабатываемый фабрикат не имеет широкого сбыта»⁵.

При анализе содержания сводок южноуральских отделов ОГПУ 1922-1923 гг. обращает на себя внимание одно обстоятельство. Отмечая колебания в

¹ ЦДНИИОО. Ф.1254. Оп.1. Д.348. Л.64.

² ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.90.

³ Там же. Л.99.

⁴ Там же. Ф.П-317. Оп.1. Д.46. Л.49.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1015. Л.59.

настроениях рабочих, их недовольство своим положением, составители этих сводок в то же время, как правило, характеризовали настроение рабочих как «удовлетворительное» и не указывали на проявление в их среде тех настроений, которые однозначно можно было бы подвести под разряд «антисоветских». Конкретным адресатом недовольства рабочих почти всегда определялась «администрация» конкретных предприятий.

Конечно, здесь вполне вероятно косвенное проявление общих идеологических установок большевизма, предполагавших, что рабочий класс не может быть настроен против своей, пролетарской власти. Однако нельзя не заметить, что в госинформсводках ОГПУ, освещавших положение во всей стране, проявление «антисоветских» настроений среди рабочих, особенно во время забастовок, не очень часто, но фиксировалось. Правда, применительно к крупным промышленным центрам и связывалось исключительно с деятельностью «эсеро-меньшевистского охвостья».

Южный Урал, как отмечалось выше, не относился к числу промышленно развитых регионов России. В составе рабочего класса абсолютно преобладали неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие, сохранявшие достаточно тесные связи с деревней (например, в одной из сводок губотдела ОГПУ за сентябрь 1923 г. указывалось, что «рабочие Челябинской губернии по своему составу на 75% являются собственниками, имеющими побочные доходные статьи и мелкие хозяйства»¹). Судя по тем разделам сводок местных отделов ОГПУ, где освещалась деятельность «антисоветских партий и групп», на Южном Урале проживали отдельные бывшие члены эсеровской и меньшевистской партий, но каких-либо свидетельств проявления ими активности и тем более организованности зафиксировано не было.

Это позволяет предположить, что неоднократно отмечавшаяся в сводках местных отделов ОГПУ в первые годы НЭПа тесная корреляция настроений рабочих и их материального положения действительно имела место и являлась характерной чертой мышления и поведения рабочих Южного Урала: «Настроение рабочих находится в исключительной зависимости от их

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.100.

материального обеспечения», «рабочий уважает и власть, и партию, поскольку удовлетворителен его личный бюджет», «отношение рабочих к соввласти, РКП и НЭПу определяется низким политическим развитием: оно бывает положительным при хорошем материальном обеспечении и наоборот»¹.

К выводу о наличии такой взаимосвязи пришёл, например, петербургский историк С.В.Яров в результате изучения форм политического протеста рабочих Петрограда в начале 1920-х гг. Он констатировал, что массовые политические отклики рабочих «касались почти только тех вопросов, которые волновали рабочих непосредственно, меняя их быт или уровень жизни»². Если это было свойственно для пролетариата такого значительного промышленного центра, каковым являлся Петроград, то, естественно, могло принять ещё более ярко выраженные формы на Южном Урале с его тогдашним незначительным индустриальным потенциалом.

Постепенное улучшение по сравнению с предыдущими годами материального положения рабочего класса в 1924-1925 гг., безусловно, давало основание определять общее настроение рабочих на Южном Урале в этот период как «удовлетворительное». Хотя это, конечно, не исключало отдельных конфликтов, сведения о которых в силу их заметности, иногда попадали и в информационные обзоры, составлявшиеся в Москве.

Так, в июньском (1924 г.) обзоре приводился пример забастовки, связанной с понижением зарплаты, на Усть-Катавском заводе в Златоустовском округе, в июльском обзоре сообщалась, что в БАССР «на заводах Башорлеса наблюдается крайне возбуждённое состояние рабочих, и администрация местами избегает появляться на предприятиях»³.

Но в целом это были достаточно редкие случаи, что отражало общую стабилизационную тенденцию, складывавшуюся в промышленности СССР в 1924-1925 гг. Об этом, в частности, свидетельствует заметное сокращение количества забастовок в государственной промышленности: из новейших исследований отечественных историков следует, что в масштабах всей страны в

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.674. Л.3об.

² Яров С.В. Пролетарий как политик. С.13.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.2. С.113,115,140.

1924 г. по сравнению с 1923 г. их число сократилось более чем в 2,5 раза, а в 1925 г. уменьшилось ещё в 1,3 раза по сравнению с 1924 г.¹

Однако исчерпание восстановительных тенденций в экономике, требовавшее перехода к качественному обновлению технической базы промышленности, иначе говоря, перехода к индустриальной модернизации, необходимость которой всё сильнее осознавалась партийно-государственным руководством, вновь придали актуальность конфликту между идеологическими, классовыми приоритетами власти и экономической реальностью страны.

Взятие курса на строительство социализма в одной стране, помимо всего прочего, диктовало необходимость сконцентрировать внимание на росте производительности труда, в том числе и за счёт ограничения материальных интересов рабочего класса, что вылилось в несколько последовательных государственных кампаний по «рационализации производства».

Как отмечается в новейшей российской историографии, попытка таким образом интенсифицировать труд рабочих государственной промышленности «привела к серьёзным конфликтам рабочих с администрацией, которые нередко перерастали в крупные забастовки, к росту антисоветских, антикоммунистических и антипрофсоюзных настроений»². Уже в 1926 г. в стране произошёл резкий, почти в 2 раза, рост забастовок³.

Очевидно, что даже в сознании и не самого политически развитого южноуральского пролетариата «рационализация производства» и связанные с ней социальные издержки не могли не начать всё более явно ассоциироваться с Советской властью и правящей партией. В сущности, происходил объективный процесс роста классового самосознания, при котором контраст между проповедовавшимися властью идеологическими установками, всячески подчёркивавшими пролетарский характер государства, и практическими действиями этого государства, ущемлявшими непосредственные и наиболее понятные и доступные сознанию и психологии рабочих материальные интересы, требовал какого-то объяснения.

¹ Подсчитано по: Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. С.23.

² Лютов Л.Н. Обречённая реформа. С.181.

³ Подсчитано по: Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. С.23.

Со второй половины 1925 г. ОГПУ начало фиксировать новую волну рабочего недовольства, на этот раз связанного с пересмотром тарифной сетки, что, по мнению рабочих, заметно понижало их реальную зарплату¹.

Вновь появились сообщения о забастовках на предприятиях Южного Урала (Челябинский, Златоустовский, Курганский округа, Башкирия), как правило, кратковременных, но иногда принимавших и более резкие формы. Например, в сентябре 1925 г. во время забастовки 300 рабочих Уралгосстроя, занятых на строительстве рабочего посёлка в Златоусте, «были попытки рабочих избить администрацию и громить ларьки»².

В октябрьском (1925 г.) обзоре ОГПУ, подготовленном для Кремля, была сделана обобщающая оценка по стране: «Конфликты в промышленности по-прежнему имеют своей причиной, главным образом низкие ставки и ненормальности тарификации», а также имеет место «серьёзное недовольство рабочих ростом дороговизны на почве товарного голода и перебоев в снабжении некоторых рабочих районов хлебом»³.

Непрерывное увеличение количества негативной информации потребовало от органов безопасности изменения формы её подачи, что позволило бы лучше прояснить причины столь заметного изменения настроения рабочих. Реагируя на соответствующие установки партийно-государственного руководства, ОГПУ перешло от простой фиксации событий к более пространной информации с описанием действий рабочих и их высказываний, «дало им слово». Уже с середины 1925 г., но особенно с 1926 г., информсводки, если так можно сказать, заполняются «голосами из цехов и мастерских». И тут же стало обнаруживаться, что в сознании, во всяком случае, части южноуральского пролетариата произошли и происходят существенные сдвиги, не позволяющие, как прежде, полагать, что недовольство рабочих имеет исключительно материальные причины и адресуется не власти как таковой, а только отдельным нерадивым руководителям предприятий.

¹ См. напр.: ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.11. Л.42,108,119; ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.28,33,42,63,71; и др.; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.3. Ч.1. С.360,410; Ч.2. С.517-518,527,653.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.3. Ч.2. С.502,528.

³ Там же. С.568.

Анализ многочисленных высказываний рабочих, содержащихся в сводках ОГПУ, позволяет выделить несколько смысловых уровней того, что в целом можно определить как нарастающее ощущение «социального дискомфорта».

Первым показателем такого дискомфорта, пожалуй, наиболее интенсивно выражаемого рабочими (следует оговориться при этом, что речь всегда идёт о рабочих цензовой, то есть государственной промышленности), являлось неудовлетворённость жизненными условиями, что преимущественно связывалось с недостаточной и несвоевременно выплачиваемой зарплатой.

Можно привести целый ряд практически однородных суждений на сей счёт рабочих разных профессий, почерпнутых из сводок Курганского окружного отдела ОГПУ за 1925-1928 гг.: «При советском строе ни разу не дадут вовремя заработанных трудовых копеечек и всегда отговариваются, что нет денег в Госбанке. Нам же со своими семьями приходится голодать и жалко влачить свое семейное существование»; «что это за порядки, вот уже целую неделю без мяса, ешь сырую воду и сухой хлеб? Нормально работать нельзя. Заработанных денег вовремя не дают»¹; «работаешь не за страх, а за совесть, а приходит время получать, и не знаешь, как тебя рассчитают: может от всего сдельного и половины того не останется, что получили бы за месячную работу»; «придем на собрание в пиджаке, а уходим без него»; «каждую минуту приходится думать о том, как бы вывернуться, чтобы семья не сидела голодной и холодной»²; «приходится из скудных заработков лишние деньги тратить на топливо, существовать впроголодь. Условия ужасные»³.

При этом нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что, судя по имеющимся, как правило, в этих сводках указаниям не только фамилий рабочих, высказавших то или иное мнение, но и их рабочего статуса (профессия, должность, квалификация), мнение о собственном незавидном материальном положении разделяли и слесарь с механиком, то есть те, кого можно было бы отнести к квалифицированным рабочим, и сторож на железнодорожной станции, и просто чернорабочий.

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.136.

² Там же. Л.132-133; 71.

³ Там же. Л.131.

Некоторые из этих негативных высказываний звучали и из уст партийцев. Так, член РКП(б) Пономарёв в марте 1925 г. на общем собрании рабочих завода Металлопрома (Оренбургская губерния) возмущённо заявил: «...почему непременно рабочий должен за всё отдуваться, голодать и терпеть, получая мизерную зарплату, наши же главки и ответственные работники живут себе припеваючи и ни в чём не нуждаются»¹.

Не менее интересным представляется и то обстоятельство, что из сводок ОГПУ исчезают ранее довольно часто встречавшиеся в них упоминания о возражениях, которые встречало у других рабочих то или иное негативное высказывание их товарища по работе.

Вторым показателем социального дискомфорта рабочих можно считать выраженное в различных формах ощущение своей отчуждённости от власти, несбывшихся ожиданий, нарастающего недоверия к её словам и обещаниям: «Власть мы завоевали, и опять же у нас равноправия нет, как оно было при царе Николае, так оно и есть в настоящее время»²; «для рабочих ничего нет, работать же заставляют больше всех»³; «сулили золотые горы, а ничего не дали»⁴, «обещают много и красноречиво говорят, но в результате ничего не делают»⁵; «не лучше ли бы тов. Дзержинскому объявить «режим экономии» советским работникам-администраторам, а не рабочим»⁶; «в партии нет никакой справедливости, и в партию вступают лишь для того, чтобы пробить себе карьеру и о чем-либо другом и другой цели не приходится и думать»⁷.

В 1926-1928 гг. такие суждения приобретают, судя по тому, что они присутствовали практически в каждой сводке ОГПУ и при этом повторялись в разных вариациях, массовый характер.

Наконец, из сводок ОГПУ можно сделать и ещё один важный вывод: постепенно социальный дискомфорт у части рабочих переходил в активную форму: начинался поиск виновников создавшегося положения.

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.3. Ч.1. С.197.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.53.

³ Там же. Л.65.

⁴ Там же. Л.73.

⁵ Там же. Л.25.

⁶ Там же. Л.131.

⁷ Там же. Л.25.

Весьма показательны в этом плане зафиксированные агентурой ОГПУ высказывания рабочих и служащих железнодорожной станции Шумиха (Курганский округ): «Раз наши стоящие у власти не умеют управлять государством, не нужно было и браться, а то взялись и живут в свое удовольствие. Точно так же и на местах: Райком ВКП (б) и РИК (районный исполнительный комитет Советов – В.Н.) думают только о себе, вовремя получают жалованье, а рабочие и служащие жди и живи впроголодь, а они жиреют и ездят на курорты, на дачи, а рабочим и служащим предоставляют одно место на 100 чел. Может ли быть после этого хорошее отношение к Советской власти?», «Всем нужна была Советская власть и справедливость, а нет, она только на бумаге, все наши управители государства живут только для себя. Чтобы им жилось хорошо, выдумывают «режим экономии» для того, чтобы вожди наши обжирались в санаториях и курортах, а рабочие свои деньги не получают и голодают. Рабочие и служащие должны проснуться от убаюкивания Советской власти и потребовать действительного равноправия, а не бумажного»¹.

Конечно, такие резкие суждения встречались редко, ещё реже можно было встретить прямые угрозы типа: «Наши партийные товарищи, занимающие партийные посты, служат не за идею, а за деньги, борются за портфели. Власть добиться своего не может, придется брать винтовки и бить снова всех, тогда добьемся мы своего освобождения»².

Тем не менее, появление такого рода суждений в устах не «буржуев» или «нэпманов», а, как это было, например, в последнем случае, рабочего-железнодорожника, можно считать, конечно, крайне тревожным симптомом идущего отчуждения рабочих от «рабочего государства».

Многие из этих высказываний носят, по сути, политический характер, хотя непосредственным поводом для них являлись факторы материального порядка. Видимо, в данном случае подтверждается правота точки зрения С.В.Ярова, высказанной им на базе анализа настроений рабочих гораздо более

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.72-73.

² Там же. Л.147.

развитого, нежели Южный Урал, промышленного центра – Петрограда: «Рабочий в первые послереволюционные годы, как правило, обладал суммой лишь некоторых, зачастую примитивных политических представлений» и поэтому «отмечал лишь те или иные наиболее задевающие его недостатки – и для него уже наличие их служило достаточным основанием для определённого политического вывода»¹.

После некоторого перерыва в сводках ОГПУ появляются сообщения об активных формах рабочего протеста.

В мае-июне 1926 г. забастовки отмечались на Белорецком и Усть-Катавском металлургических заводах, Белорецком гвоздильном заводе, на заводе сельхозмашин им. Колющенко (Челябинск). В последнем случае недовольство рабочих вылилось даже в призывы «организоваться, разгромить контору и захватить кассу». Согласно данным ОГПУ, главные причины забастовок имели материальный характер: задержки в выплате зарплаты (они колебались от 2 недель до 2-3 месяцев), увеличение норм выработки и массовые сокращения в рамках начавшейся «рационализации производства». При этом, по словам рабочих, в основном увольняли тех, кто говорил о недостатках в производстве, «кто не умеет ладить с администрацией»². Режим экономии, делали они однозначный вывод, проводится за счёт самих рабочих³.

Особенное недовольство вызывало падение реальных заработков после перезаключения коллективных договоров в результате проводившейся «рационализации производства». «Мы думали, – говорили рабочие, – что режим экономии ничуть не должен отражаться на зарплатке ... А у нас сразу снизили расценки, повысили нормы и ещё обещают их повысить. Это не дело» (завод им. Колющенко). В знак протеста рабочие не только бастовали, но и мешали вывозить произведённую продукцию, допускали массовые прогулы, увольнялись с предприятий. Резкое падение производительности труда (например, на Златоустовском металлургическом заводе в результате таких

¹ Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918-1923 гг. С.51-52.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.1. С.309,375-376,395,403.

³ Там же. Т.4. Ч.2. С.738-739.

ответных действий рабочих производительность труда в июне 1926 г. упала сразу на 50%) вынуждало в ряде случаев администрацию идти на уступки и возвращать прежний уровень оплаты труда¹.

29 июня 1926 г. бросили работу 250 человек, занятых на Кокчетавской железной дороге, проходившей через Курганский округ: « ... разбрасываются прокламации: низкие расценки, плохие жилищные условия, плохое, нерегулярное, по дорогой цене, снабжение продуктами, плохая медпомощь, получение взяток от рабочих за то, чтобы их взяли на работу»².

В начале августа 1926 г. отказались работать рабочие, занятые на заготовке и вывозке лесоматериалов. Их недовольство, по информации ОГПУ, «достигло наивысшего напряжения, и таковые, выехав в Курган, предъявили ультиматум: требование местным властям о выплате зарплаты. Общее настроение рабочих вызывающее и носит политический характер»³.

Конечно, на основании этих и других подобных фактов, содержащихся в большом количестве в информационных материалах ОГПУ, вряд ли можно делать однозначный вывод о радикальных переменах в настроении южноуральских рабочих, их полном разочаровании в существующей власти.

Тем не менее, развитие ситуации на Южном Урале соответствовало общим тенденциям в стране, где силу набирало забастовочное движение (например, только в январе 1927 г. забастовки имели место на 23 металлургических заводах СССР⁴).

В этой связи особый интерес может представить анализ ситуации, сложившейся осенью 1926 г. – весной 1927 г. в одном из наиболее промышленно развитых округов Южного Урала – Златоустовском, где был высок удельный вес металлургии и кадрового пролетариата.

В пространной сводке ОГПУ, озаглавленной «Краткий обзор политнастроений рабочих, занятых на предприятиях Златоустовского округа за

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.1. С.373,394-396,449,451,529,565.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.118.

³ Там же. Л.125.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. М.: ИРИ РАН,2003. Т.5. С.10.

время с 1 октября 1926 г. по 1 мая 1927 г.»¹, признавалось, что весь рассматриваемый период «характеризуется весьма значительным наличием недовольств рабочих». Констатировалось, что «на почве задержки и низкой зарплаты, снижения, пересмотра и увеличения норм выработки» зафиксированы «случаи забастовок, забастовочных настроений и угроз забастовкой ... наличие групповых заявлений об уходе с производства».

Отмечалось, что «преимущественно недовольства свои рабочие выражали на чисто экономической почве, но наряду с этим в отдельных случаях проявлялись и политические моменты. Последние хотя массового характера не имеют, но заслуживают соответствующего внимания. За весь период антисоветских характерных выступлений по округу отмечено до 20 случаев».

Были приведены многочисленные примеры выступлений рабочих на заводах самого города Златоуста, а также Миасского, Саткинского, Миньярского и Катавского районов округа. Они суммировались в 10 забастовках и 117 других случаях выражения рабочими своего недовольства, причём 54% таких фактов имели место на заводах Златоуста.

В качестве типичных примеров экономических выступлений в сводке приводились, например, такие факты:

– 28 сентября 1926 г. «плотники и каменщики Златоустовского отделения Уралпромстроя в количестве 160 человек бросили работу на почве низкой заработной платы»;

– 30 сентября 1926 г. «на почве невыплаты компенсации за летнее время рабочие мартеновского и доменного цехов Златоустовского металлургического завода в количестве до 50 человек бросили работу и явились в завком с требованием выдачи компенсации»;

– 14 марта 1927 г. электрики прокатного цеха Златоустовского металлургического завода явились к заведующему цехом и заявили окончательный расчет по причине низкой оплаты труда;

¹ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.514. Л.3-5.

– 15 марта 1927 г. нагребщики руды доменного цеха того же завода в количестве 54 человек, придя к заведующему цехом, потребовали увеличения зарплаты и установления твердых норм выработки;

– 23 марта 1927 г. рабочие лесопилки этого же завода в количестве 25 человек прекратили работу на один час и потребовали установления твердых норм и расценок.

В другом материале местного отдела ОГПУ приводился пример ещё одного конфликта на Златоустовском металлургическом заводе, когда на собрании рабочих первой смены доменного цеха несколько рабочих «в резких выступлениях» выразили возмущение в связи с тем, что, несмотря на неоднократные требования урегулировать вопрос о нормах выработки и расценках, дело не двигается с места. Информатор ОГПУ, присутствовавший на собрании, зафиксировал такую реплику одного из рабочих своему соседу: «Жаль, что в зимнее время деваться некуда нашему брату рабочему, а то бы давно все ушли. Если к весне не урегулируют этого вопроса, рабочие обязательно в теплый день заморозят домну»¹.

На протяжении всего 1927 г. большой проблемой для многих промышленных предприятий Южного Урала по-прежнему оставалась несвоевременная выдача зарплаты. Строительные рабочие в Башкирии на этой почве в феврале 1927 г. грозились «сжечь исполком и финотдел», в августе забастовало 800 рабочих Белорецкого металлургического и проволочно-гвоздильного заводов, где задолженность по зарплате достигала 50%, в начале октября прошла забастовка на Миньярском заводе Златоустовского округа².

Безусловно, тревожным обстоятельством для власти должно было стать и то, что экономические вопросы начинали приобретать политический аспект.

Это, в частности, нашло яркое проявление при очередных выборах в городской совет Златоуста.

Информатор ОГПУ сообщал, что 2 февраля 1927 г. перед началом утренней смены на Златоустовском механическом заводе «у вывешенной

¹ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.464. Л.24-25.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.5. С.131,592,611.

стенгазеты, в которой помещен список намеченных в совет кандидатов, по очереди стояли 2 – 3 человека (фамилии их будут в ближайшее время установлены), которые, тыча пальцем в то место газеты, где помещен список, говорили подходящим рабочим: «Вот они выборы-то наши...мы еще знать ничего не знаем, а ячейка уже выбрала и как раз из тех кандидатов, которых мы не хотим ... Надо во что бы то ни стало провалить весь список и провести своих ребят». Некоторые из рабочих, подходивших к газете, говорили: «Все равно ничего не сделать, ячейка сумеет провести своих кандидатов», на такое замечание один из первых ответил: «Ничего ячейка не сумеет сделать, если мы дружно будем голосовать против списка». Некоторые рабочие (6 – 7 чел.) завязывали тяжеловесные матюки и по адресу ячейки, и по адресу помещенного списка»¹.

Возмущение рабочих было усилено повышением норм выработки и снижением расценок, которые были проведены «без всякого предупреждения, без предварительного обсуждения вопроса на собрании рабочих». Возник стихийный митинг рабочих кузнечного цеха, на котором «выступающим завкомцам и администрации не дали совершенно говорить. Кричали о том, что нужно такие вопросы решать не за углом, а в присутствии рабочих, что по вывешенным расценкам и нормам работать никто не согласится». Зарплата некоторых рабочих по новым расценкам могла упасть чуть ли не в два раза. Раздавались угрозы рабочих добиваться сохранения старых расценок «хотя бы ценой прекращения работы во всём цехе», то есть забастовки, причём среди вдохновителей этого конфликта источник ОГПУ заметил и трёх комсомольцев².

Даже на некоторых партийных собраниях звучали резко критические оценки того положения, в котором оказались рабочие. Так, на одном из таких собраний в Еткульском районе Челябинского округа рабочий Гаганов заявил: «Рабочий страдает, зарплата падает. Жизни рабочему нет, а ЦК только увеселяет цифрами. Это есть несправедливость»³. Встречались высказывания и совсем крайнего рода: «Если будет война, то мы сначала перебьём местных властителей

¹ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.464. Л.26.

² Там же.

³ Там же. Ф. П-75. Оп.1. Д.474. Л.15.

– членов ВКП, а потом пойдём воевать с Англией». Показательно, что автором этих слов был оренбургский рабочий, член ВЛКСМ¹.

Сопоставление различных южноуральских материалов позволяет не только сделать вывод о наличии общей волны растущего недовольства рабочих, во многом спровоцированной реформами в оплате труда, но и увидеть, что проявление недовольства в более промышленно развитых районах выливалось и в более активные формы.

В такой ситуации проведение тарифной реформы превращалось в новый мощный источник усиления социального дискомфорта и отчуждённости рабочих от власти. Однако на этот раз сводки ОГПУ чётко зафиксировали, что наибольшее недовольство эта реформа вызвала у квалифицированных рабочих, которые в качестве своеобразного протеста начали увольняться с предприятий².

Тарифная реформа совпала с резким ухудшением снабжения городов продовольствием, начавшимся развалом потребительского рынка³. Свою роль также сыграли распространившиеся слухи о скором начале западными странами войны против СССР, подспудно развивавшаяся в стране инфляция, усиление наступления государства на частных торговцев.

Между тем и до начала кризиса снабжения обеспечение рабочих продовольственными товарами имело немало проблем.

Так, по данным, опубликованным в башкирской прессе летом 1927 г., затраты на продукты питания составляли в рабочем бюджете 55%, но при этом, за исключением хлеба, основные продукты покупались рабочими у частных торговцев (85% потребляемого картофеля, 83% яиц, 75% овощей, 60% мяса). «Нигде, – констатировалось в газетной статье, – позиции кооперации так не слабы, как на продуктовом рынке. И нигде так не переплачивает рабочий, как в провинциальных, да столичных «охотных рядах». Признавалось, что в

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.5. С.420.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1024. Л.79,86,90; ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.576. Л.11.

³ См. подробнее: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1999. С.37-85.

государственно-кооперативной торговле «велик разрыв между заготовительными и продажными ценами», что бьёт по карману рабочего¹.

Зимой на рабочем бюджете негативно сказывались затраты на отопление жилья, поскольку, в силу слабости государственной и кооперативной торговли, на дровяном рынке (а отопление осуществлялось исключительно дровами) безраздельно господствовал частник, произвольно увеличивавший цены².

Не случайно, что в такой ситуации в рабочей среде получали распространение разговоры о том, что имеющаяся зарплата, в абсолютных цифрах формально более высокая, чем до революции, на самом деле обладала гораздо меньшей покупательной способностью.

В одном из писем, опубликованных в «Красной Башкирии», автор прямо писал, что «в довоенное время мелкие рабочие и служащие, как сторожа, стрелочники и рабочие, получая от 12 до 18 руб., содержали свои семьи и ещё ухитрялись откладывать на черный день (через 6 – 7 лет строили домишки). Теперь же, получая 40 – 50 руб., не только не откладывают, но и те, которые имели домишки, лошаденки и коровенки, стали их продавать. Вот вам для сравнения 12 – 18 руб. довоенных и 40 – 50 руб. теперешних!»³

Конечно, подобные высказывания тут же встречали на страницах печати отпор официальных лиц, но, во-первых, симптоматично, что такие письма вообще публиковались (это явно свидетельствовало о широком распространении данных взглядов в рабочей среде), во-вторых, нельзя не обратить внимания и на то, что акцент в ответах делался не на настоящее, а на будущее время.

Признав, что действительно «червонный рубль в своей покупательной способности ниже довоенного рубля на 30 – 40%», представитель профсоюзного руководства БАССР завершил свой ответ сомневающемуся читателю в духе партийного лозунга: «Можно смело говорить, что восстановленная усилиями рабочего класса наша промышленность ... даст бóльшую производительную

¹ Красная Башкирия. 1927. 3 июня.

² ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.439. Л.38-38об.

³ Красная Башкирия. 1927. 24 нояб.

эффективность, чем это было в довоенное время, и тем самым обеспечит лучшие материальные условия по сравнению с довоенным временем»¹.

Подобные оптимистические заверения вряд ли препятствовали дальнейшему росту критических настроений в рабочей среде. Косвенным доказательством этого может служить признание редакции газеты «Челябинский рабочий», что количество писем отрицательного содержания, поступивших к ним в 1927 г. от «рабочих-производственников», более чем в 2,5 раза превысило число писем «о хорошей жизни»².

Резкое ухудшение снабжения населения продовольствием и промышленными товарами в городах Южного Урала зимой-весной 1927 – 1928 гг. мало освещалось в печати.

Однако даже эти редкие публикации рисовали достаточно критическую ситуацию. Например, в «Красной Башкирии» в апреле 1928 г. признавалось, что покупательная способность населения заметно упала и при этом ощущается нехватка в торговле целого ряда товаров: растительного масла, риса, чая, перца, тканей, обуви, различных изделий из железа и т.д.³

К середине весны проблема снабжения населения южноуральских городов обострилась до такой степени, что, например, на майском пленуме Челябинского окружкома прозвучало признание, что «есть случаи со стороны партийцев, когда последние бросают партбилеты, не желая состоять в партии, объясняя это затруднениями в хлебообеспечении»⁴. Курганское ОГПУ информировало партийно-советское руководство округа, что «отмечен ряд случаев панического настроения, что, мол, наступает голодный 1921 год, отобранный у крестьян хлеб отправили за границу, а мы изволь сидеть без хлеба, а если и дают, так по норме, за которой изволь стоять по целым дням». Приводились примеры и более резких высказываний, например, рабочий

¹ Красная Башкирия. 1927. 24 нояб.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.538. Л.15.

³ Красная Башкирия. 1928.10 апр.

⁴ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.557. Л.16.

железнодорожной станции Урнышев сказал своим товарищам: «Подождём ещё немного, а потом возьмём винтовки и пойдём в горсовет»¹.

В связи с первомайскими торжествами информаторы ОГПУ зафиксировали такие высказывания железнодорожников: «Праздновать-то они умеют и в глаза пыль пускать – тоже ... а вот про муку почему-то молчали, а народ бедный в очередях простаивал по нескольку дней»; «всё к социализму иду и никак не могу дойти ... На 11-м году существования советской власти в такой хлебобродной стране и вдруг нет хлеба, видимо настанет 1921 год»².

Грубо, но предельно откровенно высказался по поводу происходящего ещё один беспартийный железнодорожник: «Они со своим улучшением до того доулучшают, что рабочему жрать нечего будет»³.

С начала 1928 г. на Южном Урале наблюдался рост недовольства рабочих, связанный с ухудшением их продовольственного снабжения, изменениями в тарификации, значительно уменьшавшими заработки, увольнениями в рамках «рационализации» производства. «Вместо улучшения жизни, – открыто заявляли, например, в январе рабочие мартеновского цеха Златоустовского металлургического завода, – будет ухудшение, но постараемся не допустить этого, хотя бы и пришлось бастовать»⁴.

Вскоре рабочие стали переходить от слов к делу. Согласно данным отдела информации и политконтроля ОГПУ, на Южном Урале забастовки имели место в феврале 1928 г. на заводе им. Коллющенко в Челябинске, причём рабочие в её ходе умышленно портили станки и инструменты, в марте на Белорецком заводе в Башкирии и Миньярском заводе в Златоустовском округе, в апреле на Челябинских угольных коях «на почве нехватки хлеба» наблюдался массовый невыход в ночные смены (до 40% всех рабочих), в мае в Челябинске были обнаружены листовки: «Довольно жить голодными рабами. Долой государство – врага рабочих и крестьян»⁵.

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1024. Л.124.

² Там же. Л.128.

³ Там же. Л.79.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.74.

⁵ Там же. С.144-145,196,260,296.

Вторая половина 1928 г. – начало 1929 г. не только не улучшили, но ещё более обострили кризисные явления. Фактически в стране происходил развал потребительского рынка, возникли трудности со снабжением населения городов продовольствием, что в конечном итоге вынудило власти переходить к слабо замаскированной карточной системе снабжения хлебом¹.

Это вызвало целый ряд стихийных выступлений с участием рабочих.

Так, в г. Троицке Оренбургского округа 12 июля 1928 г. арест на базаре частного торговца мукой привёл к массовым столкновениям (в них участвовало до 1000 чел.) с милицией, разгрому мучного склада и магазина потребкооперации².

В Кургане 20 августа 1928 г. возле магазина рабочей кооперации собралась очередь за хлебом до 300 человек. Когда же хлеба на всех не хватило, толпа устремилась в правление Рабкоопа, где из неё раздались такие возгласы: «Сволочи коммунисты, набили себе брюха ... а нас, рабочих, голодом морят ... Вытащить их всех из-за столов нужно. Всё равно нам смерть или от голода или в тюрьме пропадать»³.

Конечно, подобные крайние случаи не имели массового характера, но они свидетельствовали об истощении терпения значительной части трудящихся.

О том, что положение приняло осенью 1928 г. действительно критический характер, косвенно свидетельствует то обстоятельство, что сведения о проблемах в снабжении и продовольствием, и промышленными товарами вновь проникли в местную печать.

Например, ряд материалов на эту тему был опубликован осенью 1928 г. в оренбургской газете «Смычка». Причём тональность публикаций претерпела показательную эволюцию.

Если первоначально перебои в снабжении признавались, но тут же утверждалось, что «скоро всё утрясётся»⁴, то уже в конце сентября писалось о том, что «очень часто после получки рабочий рыщет по пустым прилавкам», и

¹ Россия нэповская. С.412.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.410-411.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.357-358.

⁴ Смычка. 1928. 8 сент.

со ссылкой на рабкора приводилась такая красноречивая «зарисовка с натуры»: «В магазине возле металлургического завода хлеб продают со скандалом. Если желаешь взять хлеба и сахару, то сначала надо постоять в очереди, чтобы получить талон на хлеб, потом опять в очереди за талоном на сахар.

– Есть иголки для шитья? – Нет.

– А нитки? – Тоже нет.

– Ну, тогда рису дайте. – Рису тоже нет.

– А что у вас тогда есть? – Посуда есть, эссенции много, пудра есть, словом всё, что не надо для рабочих»¹.

У многих возникали в такой ситуации законные сомнения в доверии официальной информации властей. «В газетах пишут, – рассуждали, например, работники пожарного депо Кургана, – что наша промышленность перешагнула довоенный уровень, а на деле – имеем острый недостаток товаров. Нет кожаной обуви, нет мануфактуры, не было сахару, ниток, мыла и т.д. Стало быть, газеты врут или все товары валят за границу, видимо, хотят откупиться, а народ от этого терпит нужду»².

«Вот, говорят, строим социализм, – недоумевали башкирские допризывники на своих сборах, – а где же этот социализм в Башкирии? Заводы закрывают, безработица растет – разве это социализм?»³

Весь 1929 г. снабжение городов продолжало ухудшаться, что вызывало непрерывный поток резких высказываний рабочих, методично фиксируемых агентурой ОГПУ: «... работаю тяжело, работаю, а хлеба нет», «когда пустой желудок, то, прежде всего, приходится думать о том, как накормить себя, а потом уж браться за работу», «...если при царе был рабочий день 10 часов, то мы лучше ели, а теперь 8 часов, так мы едим хуже, да еще ежеминутно приходится беспокоиться о хлебе»⁴.

Определённую роль в обострении недовольства рабочих играла и позиция администрации, которая сплошь и рядом не считалась с их мнением, действуя

¹ Смычка. 1928. 26 сент.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.179.

³ Красная Башкирия. 1928. 12 дек.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.462,467.

сугубо силовыми методами. Так, администрация Белорецкого проволочно-гвоздильного завода на все возражения работников по поводу изменения графиков работы отвечала просто: «Не вашего ума дело»¹.

Недоверие к властям распространялось и на профсоюзные организации («что нам местный комитет, это всё одна шатия с администрацией, в одну дудку поют»²).

Когда весной 1927 г. на Челябинских коях возник конфликт забойщиков с администрацией в связи с тем, что воскресная работа оплачивалась в том же размере, что и в обычные дни, то высказывания некоторых шахтёров о том, что «никакого толку от наших профсоюзов не добьёшься» и «мы до тех пор будем так работать, пока не разгоним наш профсоюз, подкупленный администрацией», встретили общее одобрение всех рабочих, вовлечённых в этот конфликт³. Во время забастовки в августе 1927 г. на Белорецком металлургическом заводе рабочие на общем собрании приняли постановление о снятии председателя заводского профсоюзного комитета «как не сочувствующего забастовке»⁴.

Недовольство рабочих вызывал и начавшийся переход на 7-часовой рабочий день и трёхсменную работу, который администрация осуществляла чаще всего без предварительного обсуждения с рабочими. Особенное возмущение вызывало на предприятиях то, что и парторганизации, и профсоюзы не защищали интересы рабочих. Как образно выразился один из рабочих на Курганском винокуренном заводе в связи с введением нового распорядка: «На вечеринке секретарь партячейки Кочановский играл на гармошке, председатель ФЗК подпевал, а директор плясал. Ну, а на производстве выходит наоборот – дирекция играет, а секретарь ячейки и председатель ФЗК под их дудку пляшут»⁵.

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 8897. Оп.1. Д.75. Л.5-5об.

² ГАОПДКО. Ф.13. Оп.3. Д.102. Л.17.

³ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.395. Л.4.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.5. С.592.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.267.

Нарастающее недовольство рабочих в конечном итоге выливалось в самый привычный способ протеста – в резкое падение трудовой дисциплины¹.

Сводки ОГПУ в 1929 г. были практически уже полностью заполнены однородной информацией, фиксирующей сплошной поток негативных суждений и оценок рабочих. Среди них можно выделить, пожалуй, заметное усиление двух тенденций, и ранее присутствовавших, но теперь приобретающих массовый характер.

Во-первых, это демонстративное отстранение от власти, нежелание иметь с ней дело. Весьма показательны в этом плане такие оценки первомайских торжеств 1929 г.: «Лучше бы сидеть дома, да пиво выпивать, чем пыль на демонстрации поднимать» (слесарь Курганской электростанции); «чем ходить на их манифестацию, лучше сидеть дома, да по маленькой (рюмке) выпивать, и не быть, как прежде, таким дураком» (слесарь из железнодорожного депо), «ну, сходил, посмотрел, как люди с ума сходят, да и пошёл домой ... везде и всюду чувствуется голод хлебный, а им только праздник» (другой слесарь из железнодорожного депо)².

Во-вторых, это, наоборот, желание предпринять что-то решительное для изменения положения: «Нужно работу бросить и пойти взять кого следует за глотку» (строительные рабочие), «пора положить коммунистам конец, тогда и перестанут они народ грабить» (стрелочник на железнодорожном разъезде)³.

В одной из сводок Курганского отдела ОГПУ, датированной 23 августа 1929 г., встречается информация совсем тревожного для власти свойства: «В последние дни в Кургане на рынке за рекой Тобол собираются большие группы людей и говорят: «Нужно брать за шиворот хозяина округа – окрисполком, иначе ничего не изменится»⁴.

Несмотря на внешнее расхождение, на самом деле обе эти тенденции свидетельствовали об одном и том же: нарастающее отчуждение рабочих от власти, первичным источником которого являлось ухудшение их материального

¹ Там же. Ф.13. Оп.3. Д.83. Л.29; ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.392. Л.16об.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.467; Д.1025. Л.1-1об.

³ Там же. Д.1026. Л.356; Д.1025. Л.2.

⁴ Там же. Д.1026. Л.363.

положения, делало невозможным или, во всяком случае, крайне затруднённым принятие ими, как собственной, ценностной установки программы индустриальной модернизации, которую объективно выражали и лозунг строительства социализма в одной стране, и первый пятилетний план.

Своеобразным метафорическим выражением этого ценностного конфликта можно считать саркастичное рассуждение безымянного (редкий случай для сводки ОГПУ) слесаря силового цеха Курганской городской электростанции: «Раньше попы говорили, что будет хорошо на том свете, а нынче нам коммунисты говорят, что будет хорошо при коммунизме, но ни того, ни другого нам не дожидаться»¹.

Таким образом, анализ информационных сводок южноуральских отделов ОГПУ, характеризующих эволюцию настроений и поведения значительной части рабочего класса данного региона, позволяет сделать вывод о том, что местное партийно-советское руководство получало достаточный объём информации, позволявшей судить о негативных последствиях проводившейся социальной политики, прежде всего в области заработной платы. Есть все основания полагать, что в концентрированном виде эта информация поступала и в центр Уральской области, Свердловск, и, в конечном счёте, в Москву.

Тем не менее, каких-либо заметных шагов по ослаблению этих негативных последствий, способных нейтрализовать рост недовольства рабочих, не было предпринято ни на местах, ни в центре, если, конечно, не считать таковыми шагами следующие одна за другой пропагандистские кампании, повествующие об успехах социалистического строительства.

На первый взгляд, это создаёт впечатление информационной неадекватности, неспособности власти в силу каких-то причин правильно оценить даже ту информацию, которая поступала по каналу обратной связи, специально настроенному на улавливание опасных для власти тенденций в развитии социально-политической ситуации в стране.

Американский историк П.Х.Соломон, участвовавший в проекте по изданию документов ОГПУ, обратил внимание на то, что информация,

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.466.

поступавшая к руководству, одновременно «демонстрировала образ мышления правящих кругов», их классовые представления, поэтому «обзоры стимулировали стереотипное мышление»¹.

Конечно, чтобы ответить на вопрос, действительно ли проблема заключалась преимущественно в стереотипности мышления большевистских руководителей, ведущей к неадекватности оценки происходящего, или у руководства страны были свои, серьёзные мотивы, чтобы не реагировать на поступающие от рабочих тревожные сигналы, свидетельствующие о процессе нарастающего социального отчуждения пролетариата от пролетарской власти, необходимы углублённые исследования, выходящие далеко за рамки настоящей работы и требующие дополнительных источников.

Оставаясь же в рамках нашей темы и того угла зрения, под которым она исследуется, можно высказать следующее предположение.

Власть, вернее, те конкретные лидеры партии, которые и воплощали эту власть, на самом деле вполне верно оценила идущие от рабочих сигналы. По сути, эти сигналы содержали два ясно не сформулированных, но способных быть идентифицированными предложения или, вернее, пожелания рабочих.

Первое – возвращение государства к чисто патерналистской политике классовой авторитарной опеки рабочего класса, предполагающей превращение заработной платы в разновидность социального пособия, выдаваемого единственно на основании принадлежности к пролетариату, независимо от количества и качества производимого труда, своего рода призыв вернуться к «военному коммунизму», но без административных крайностей последнего.

Второе – переход, в сущности, к социал-демократической политике опоры на квалифицированную, кадровую часть пролетариата, что предполагало проведение последовательной дифференциации заработной платы и других социальных благ по принципу количества и качества труда.

Однако и то, и другое пожелание противоречило доктринальным основаниям большевизма. Стратегическая цель социальной доктрины большевизма – бесклассовое общество – была достижима единственно на

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.7. С.28.

основе индустриального преобразования, максимального развития производительных сил общества, которое можно было осуществить в результате интенсивного труда рабочего класса, а не в результате его патерналистской опеки, не говоря уже об отсутствии каких-либо ресурсов для осуществления таковой опеки на желаемом рабочими уровне обеспечения. Сделать же ставку на наиболее производительную часть рабочего класса – это значило отказаться от другого доктринального основания – весь пролетариат в силу отсутствия собственности есть единое целое, в этом и сила марксистской партии, любой раскол рабочего класса будет только на пользу буржуазии.

Перефразируя уже цитировавшееся высказывание А.К.Соколова о противоречии в годы НЭПа между уровнем народа и взглядами политических лидеров большевизма, можно сказать, что уровень рабочего класса оказался в очевидном противоречии с большевистской доктриной, производной от которой были политические взгляды лидеров.

В такой ситуации последним не оставалось иного выхода, как искать путь для подстраивания российской действительности, включая и российский рабочий класс как часть этой действительности, под доктринальные установки. А это означало не просто отказ от НЭПа, а переход к политике силовой форсированной индустриальной модернизации страны.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И КРЕСТЬЯНСТВО ЮЖНОГО УРАЛА

Экономические уступки, сделанные крестьянству в связи с переходом к НЭПу, в представлении большевистских руководителей создавали в стране потенциальную опасность своего рода «крестьянского термидора», главным социальным носителем которого мог стать возродившийся в условиях частного хозяйства кулак, то есть сельская буржуазия. Чтобы не допустить такого развития событий, необходимо было держать под постоянным контролем развитие социальных процессов в нэповской деревне, ограничивая рост кулачества и не позволяя ему оказывать влияние на остальные слои крестьянства, прежде всего середняков.

Классовая борьба, являвшаяся в большевистской доктрине основным двигателем развития общества, требовала в этой ситуации опоры в деревне, как это и было зафиксировано в программе РКП(б), «на пролетарские и полупролетарские слои»¹.

В то же время власть не могла игнорировать реальностей нэповской экономики. Восстановление и подъём сельского хозяйства, остававшегося основой российской экономики, во-первых, были невозможны без постоянного увеличения производственного потенциала индивидуального крестьянского хозяйства, то есть неизбежного движения значительной части крестьянства в, условно говоря, «кулацком направлении», во-вторых, в ходе этого движения и происходил основной рост сельскохозяйственной продукции. Именно продукция, производившаяся в зажиточных и середняцких, но отнюдь не в бедняцких хозяйствах, обеспечивала продовольствием город, армию, управленческий аппарат, позволяла импортировать в страну промышленное оборудование для создания индустриальной базы «строительства социализма».

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.2. С.87.

Партийная доктрина требовала политики, способной направить деревню на социалистические рельсы развития, что предполагало устранение сельской буржуазии и социальное уравнивание остальной части крестьянства в рамках перехода к коллективным формам ведения хозяйства.

Экономическая целесообразность требовала всемерного роста сельскохозяйственного производства, что предполагало использование рыночных стимулов как наиболее эффективных методов обеспечения такого роста, а следовательно, дальнейшего развития частного крестьянского хозяйства, неизбежного перехода значительной части крестьян в разряд «зажиточных».

В результате власти и в сельскохозяйственной политике, как и в промышленной, приходилось лавировать в поисках «золотой политической середины» между идеологией и экономикой. Однако поиск такой «золотой середины» оказывался гораздо более сложным занятием, поскольку в отличие от промышленности, основная часть которой оставалась в собственности государства и поэтому могла контролироваться с достаточной степенью надёжности, сельское хозяйство с его абсолютным доминированием частного производителя таковому контролю поддавалось с большим трудом и требовало гораздо более гибкого и разветвлённого сочетания административных и экономических методов.

Современные исследования государственной аграрной политики 1920-х гг. убедительно показывают, что именно приоритет, отданный большевистской партией классовому подходу, поставил на центральное место в этой политике, несмотря на некоторые колебания, приводившие к временному усилению рыночных рычагов регулирования сельского хозяйства, административные методы управления¹. «Результатом доктринальной заданности, – подчёркивает, например, Н.П.Носова, – стала нарастающая централизация и стремление к огосударствлению всех сфер крестьянской экономики»².

¹ См.: Бокарев Ю.П. Указ. соч.; Ильиных В.А. Указ. соч.; Носова Н.П. Указ. соч.; Россия нэповская. Гл. III, VII, XIV.

² Носова Н.П. Указ. соч. С.279.

Эта общая доминирующая тенденция в государственном регулировании сельского хозяйства неизбежно должна была отразиться и в социальной составляющей такого регулирования.

Основными инструментами регулирования социальных процессов в деревне в нужном для большевистской власти направлении защиты интересов «социально близкой» и ограничения интересов «социально чуждой» части российского крестьянства, для обеспечения необходимого власти соотношения классовых сил стали налоговая политика, а также крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (кrestкомы или ККОВ).

3.1. Налоговая политика и крестьянские комитеты как инструменты реализации классового подхода в социальной политике

Переход от продразвёрстки к продналогу явился первым и решающим шагом по изменению политического курса большевистской партии. Уже одно это обстоятельство обозначило ключевое место, которое налоговая политика заняла с этого момента в отношениях большевистской власти с крестьянством.

Формирование основ этой политики было в известной мере приторможено и затруднено ситуацией острого социально-экономического кризиса, в которой происходил переход к новой экономической политике, обрушившимся на многие районы страны в 1921–1922 гг. голодом, неоднозначной реакцией значительной части членов партии на такой резкий политический поворот.

Как сам продналог, так и вытекающая из него свобода частной торговли воспринимались большинством большевиков как временное отступление, манёвр, предпринимаемый для удержания в своих руках политической власти, но отступление только до известного предела. Уже в марте 1922 г. Ленин заявил о том, что отступление закончено, «дальше назад мы не пойдём, а займёмся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы»¹.

Такая постановка вопроса означала, кроме всего прочего, и необходимость ясно определить ту границу, где «отступление закончено», по всем аспектам нэповской политики.

¹ Ленин В.И. О международном и внутреннем положении Советской республики // Полн. собр. соч. Т.45. С.10-11.

В отношении налоговой политики в деревне это было сделано в апреле 1923 г. на XII партийном съезде. О сложностях, которые возникли при определении партийной линии в налоговой области, свидетельствует то обстоятельство, что по данному вопросу выступили три содокладчика: Л.Б.Каменев, М.И.Калинин и Г.Я.Сокольников. Показательно и то, что решение вопроса было перенесено в комиссию без открытия прений на самом съезде.

В резолюции «О налоговой политике в деревне», одобрявшей переход к единому прямому сельскохозяйственному налогу в смешанной натурально-денежной форме, признавалось, что при установлении конкретных размеров налога «Советская власть должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства», но при этом подчеркивалось, что распределение налогов следует проводить «с наибольшей выгодой для бедноты». Обращала на себя внимание и достаточно жёсткая формулировка последнего пункта этой резолюции: «... меры к облегчению положения крестьянства ... отнюдь не освобождают его от необходимости напрячь все силы для удовлетворения предъявленных крестьянству Советским государством требований»¹.

Ещё более определённо цели налоговой политики были сформулированы в резолюции «О работе РКП в деревне»: «Наше законодательство (в первую очередь налоговое) должно учитывать классовое деление в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства. Как самые декреты и распоряжения центральных органов, так и применение их на местах должны облегчить экономические тяготы, падающие на маломощные хозяйства, вплоть до полного освобождения от тех или других из них (например, от некоторых налогов) беднейших слоёв деревни»².

Следует обратить внимание на то, что в принятые резолюции не попали носившие несколько иной акцент высказывания основных докладчиков, Каменева (распределение налога по крестьянским хозяйствам должно проводиться так, чтобы «не подорвать личной заинтересованности крестьянина

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.77-78.

² Там же. С.119.

в увеличении производительности его труда») и Калинина (обложение надо проводить так, чтобы оно «не тормозило развития крестьянского хозяйства»)¹.

Последующий опыт взаимоотношений государства с крестьянством показал, что именно установка на классовый характер налогообложения, а не на те стимулы, которые оно должно было создавать для развития крестьянского хозяйства, играла роль определяющей на всём протяжении НЭПа.

Конечно, классовый акцент в решениях по налоговой политике, принятых на XII партийном съезде, отражал, прежде всего, доктринальные установки большевизма. Но вместе с тем свою роль играли и вполне прагматичные соображения экономического характера: прогрессивная налоговая шкала позволяла, с одной стороны, получить из села необходимую продукцию (большая часть которой, естественно, оказывалась сосредоточена в зажиточных, а не в бедняцких хозяйствах), с другой стороны, оставляла менее успешным хозяйствам некоторый минимальный ресурс, требующийся для их дальнейшего развития, то есть не только поддерживала «на плаву» слабые хозяйства бедняков, но и давала им шанс потом «подняться».

Важность последнего обстоятельства выявилась в ходе первых продналоговых кампаний, показавших, что положение бедняцких хозяйств, платящих налог, часто оказывалось относительно более тяжёлым, чем хозяйств зажиточных. А это было чревато негативными для власти политическими последствиями. Их реальность и потенциальную опасность подтверждала и налоговая практика Южного Урала.

О проблемах, с которыми сталкивалась беднота, вынужденная платить даже небольшой по размеру налог, можно судить, например, по обзору «экономически-политического состояния деревни Курганского уезда», датированному 7 февраля 1923 г. Согласно этому документу, подготовленному в уездном комитете партии, «беднота в деревне в настоящий момент является более оппозиционно настроенной, чем середняки с кулаками, и даже более протестует против налогов, особенно денежных, которые даже при льготных

¹ Двенадцатый съезд РКП(б), 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. С.443,454.

условиях являются для них тяжёлыми. Бедняку гораздо труднее заплатить один рубль, чем середняку десять ... Вместе с налогами замечается большое закабаление бедноты кулачеством и середняками, каковые на кабальных условиях снабжают деньгами бедняков для уплаты налогов или скупают у них последний скот и продукты»¹.

Близкую по смыслу оценку ситуации на примере Челябинской губернии содержала госинформсводка ОГПУ от 13 февраля 1923 г.: «Наблюдается частичное недовольство налогами среди крестьянской бедноты, которая вынуждена на уплату их выбрасывать на рынок последний хлеб»².

В другом документе Курганского уездного комитета партии, датированном сентябрём, обращалось внимание на ту же проблему налогового бремени бедняка, усугублённую плохим урожаем 1923 г.: «Единый сельхозналог ввиду недорода сильно бьёт бедноту, так как, имея плохой инвентарь и скот, а зачастую и его не имея, бедняк сеял мало и плохо, продавать на рынок (для уплаты налога – В.Н.) надо много, в результате едва хватает, а иногда и не остаётся почти ничего на пропитание семьи, а о восстановлении хозяйства и говорить не приходится. А более зажиточный крестьянин посеял больше и лучше, легко платит налог и остаётся излишек, несмотря на недород»³.

К тому же взимание налогов с бедноты иногда порождало произвол со стороны местной власти, которой было легче давить на бедняка, чем на зажиточного крестьянина. Пример такого давления приводила челябинская газета «Советская правда»: в Златоустовском уезде «председатель сельсовета при сборе налога нажимает прежде всего на бедноту: заставляет продавать последнего телёнка, последний плуг, страшит бедняков какой-то двойной и тройной ставкой налога»⁴.

Поэтому полное освобождение бедняцкой части деревни от налога теоретически не только ограждало их от такого произвола низовых советских аппаратчиков, привыкших действовать «военно-коммунистическими»

¹ ГАОПДКО. Ф.1. Оп.2. Д.46. Л.27.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.2. С.695.

³ ГАОПДКО. Ф.1. Оп.2. Д.46. Л.185.

⁴ Советская правда. 1923. 30 нояб.

методами, или ослабляло их зависимость от богатых односельчан, но и создавало условия для постепенного хозяйственного подъёма.

Однако на практике реализация как идеологической, так и прагматической составляющих налогового законодательства столкнулась с рядом сложных проблем, проистекавших из неоднородности и противоречивости социально-экономических отношений в нэповской деревне.

Во-первых, большую трудность представляло определение уровня доходности крестьянского хозяйства, с которого следовало такое хозяйство относить к повышенной ставке налогообложения, или, в терминологии того времени, определение границы между кулаком и середняком, границы, с точки зрения «зажиточности» часто почти неразличимой.

Во-вторых, не меньшую трудность имело определение той границы «облегчения экономических тягот» бедняцких хозяйств, за которой эти хозяйства могли превратиться в «хронически маломощные», а, по сути, в паразитирующие на государственной поддержке и в известной мере на своих более успешных в хозяйственном отношении односельчанах.

Проведение подобных разделений, способных стать подлинной экономической и социально-правовой основой налоговой политики, представляло сложнейшую теоретическую и практическую задачу, которую и пытались решить специалисты в области сельского хозяйства и финансов, привлечённые в 1920-е гг. к работе в советских хозяйственных и плановых органах.

Однако реализовывать эту политику приходилось в чрезвычайно разнообразных по условиям ведения сельского хозяйства пространствах большой страны и силами местных органов государственной власти, в которых абсолютно преобладали идейные, но, как правило, малообразованные управленческие кадры.

В качестве иллюстрации можно привести данные 1923–1924 гг. о руководителях двух чисто сельскохозяйственных территорий Южного Урала, Курганского и Шадринского округов Уральской области, имевших прямое отношение к проведению в деревне налоговой политики. Оба председателя

окружных исполкомов – по прежней профессии рабочие, по образованию – в одном случае образование низшее, в другом образования, как отмечено в анкете, «нет»; заведующие окружными земельными управлениями (номенклатура Наркомата земледелия) – по прежней профессии «хлебороб» и рабочий, образование – низшее; заведующие окружными финансовыми управлениями (номенклатура Наркомата финансов) – по прежней профессии «печник» и рабочий, образование – низшее. При этом, что тоже важно принять во внимание, из этих шести руководителей двое имели партстаж с 1917 г., трое – с 1918 г., и один – с 1921 г., то есть все они относились к поколению партийцев, во многом сформированному гражданской войной и «военным коммунизмом»¹.

Закономерно предположить, что в проведении практической линии, в частности и тогда, когда вставал вопрос о критериях социального разделения крестьянства, для таких руководителей было вполне естественным больше полагаться на «классовое чутьё» и установки партийных съездов, нежели чем на выкладки беспартийных специалистов, к тому же составленные в лучшем случае в областном центре, а то и ещё дальше – в Москве.

Ещё в большей степени такая оценка применима к подавляющему большинству низовых руководителей – уездных, районных, волостных, сельских, со стороны которых было немало откровенного произвола при проведении налоговых кампаний, в том числе и по отношению к беднякам. Например, в обзоре ОГПУ, подготовленном для Кремля в апреле 1924 г., применительно к Башкирии констатировалось, что «при изъятии имущества за неуплату налогов с бедняками положительно не считались»².

Большое распространение получила практика установления дополнительных местных налогов, даже вопреки существующему законодательству. Так, в одной из волостей Челябинской губернии в конце 1923 г. были введены налоги: с каждой молотилки, за постройку мельницы, нового дома, сарая, сруба, за перестройку амбара, даже за новые ворота³. Косвенно о

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.696. Л.16об.-17; Ф.13. Оп.1. Д.218. Л.1об.-2,9об.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.2. С.77.

³ Советская правда. 1923. 15 дек.

масштабах подобных самочинных налогов свидетельствовал тот факт, что о них вынуждены были говорить даже на XII партийном съезде¹.

«Случаи открытого произвола местных властей имеют место во многих губерниях и областях Союза и становятся уже не единичным явлением ... Пьянство, злоупотребления всякого рода и взяточничество являются бытовыми чертами низового соаппарата, – подчёркивалось в обзоре ОГПУ в августе 1924 г. И отсюда делался примечательный вывод, – низовой аппарат в его теперешнем состоянии не в силах проводить мероприятия Советской власти, направленные в пользу бедняцких слоёв деревни»².

Откровенные признания такого рода иногда звучали и публично. Так, на V Всебашкирском съезде Советов (1925 г.) одним из участников было заявлено, что «у нас сплошь и рядом встречается не сельсовет, а сельский староста старых времён»³. В октябре 1926 г. информационный обзор ОГПУ сообщал о ситуации в Башкирии: «Значительная часть работников низового соаппарата бездействует, халатно относится к делу, пьянствует и совершает различного рода злоупотребления»⁴.

Впечатляющая картина стиля управления и нравов деревенского слоя формирующейся советской номенклатуры глазами самих крестьян нарисована в исследовании А.Я.Лившина и И.Б.Орлова⁵.

Впрочем, ориентация на классовый критерий как главный в налоговой политике не в меньшей степени была характерна и для значительной части управленцев высшего звена. Так, управляющий ЦСУ СССР П.И.Попов утверждал, что первостепенными критериями для определения размера налога должны быть потребности «армии, рабочих, служащих, детей, больных, инвалидов и т.п. потребителей»⁶, но из его перечня исчезал сам сельхозпроизводитель, потребности развития его собственного хозяйства.

¹ Двенадцатый съезд РКП(б), 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. С.463.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.2. С.188-189,191.

³ Цит. по: Зарипова Р.К. Указ. соч. С.13.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.2. С.825.

⁵ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч. Гл.IV.

⁶ Цит. по: Россия непознанная. С.106.

При таком настрое и партийно-советских «верхов», и партийно-советских «низов» объективно возникавшая между принимавшимися в налоговой области законами и их применением дистанция неизбежно начинала смещаться в сторону администрирования по принципу «лучше перегнуть, чем недогнуть».

Развернувшаяся в 1924 г. на страницах газеты «Беднота» дискуссия о критериях отнесения крестьянских хозяйств к кулацким показала, что между крестьянскими представлениями и представлениями власти есть существенные расхождения. Но на практике решение вопроса оказалось отдано на откуп местным руководителям¹. Для низовых звеньев советского аппарата мнение их непосредственного начальства (к чему прямо подталкивала сама логика формирования номенклатурно-бюрократической системы управления) становилось определяющим.

В известной мере такая практика реализации налогового законодательства (естественно, не его одного только) была объективным последствием того, что принятые и опубликованные законы на стадии их применения ещё в Москве обрастали различными инструкциями, разъяснениями и дополнениями, отражавшими ситуативную реакцию власти на те или иные выявившиеся проблемы. Эти новые указания были по большей части секретными, становились известными лишь ограниченному кругу лиц и могли существенно трансформировать ранее принятое решение, а иногда и войти в прямое противоречие не только с духом, но и с буквой законодательных актов. В итоге, по красноречивому признанию председателя СНК СССР и РСФСР А.И.Рыкова, «в сто раз легче написать хороший закон для крестьян, чем провести его в жизнь»².

Местные руководители в такой ситуации чаще всего действовали, исходя из скрытой от посторонних глаз, непубличной части «директивного айсберга». Поэтому вряд ли стоит удивляться такому, например, откровенному высказыванию одного из низовых управленцев, участника налоговой кампании в Курганском округе, который в ответ на возражения крестьян по поводу

¹ См.: Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? С.83-100.

² Рыков А.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С.318.

принимаемых мер (они ссылались в обоснование своих слов на опубликованную в газете статью Рыкова) заявил: «Для меня Рыков не авторитет, я действую по указаниям райисполкома»¹.

Но именно местная практика осуществления издававшихся в Москве законов оказывалась для крестьянства решающим фактором, определявшим его отношение ко всей проводившейся в деревне политике Советского государства.

Поэтому, если так можно сказать, правоприменительный уровень налогового законодательства, представленный глазами самого крестьянства, являлся гораздо более важным показателем содержания этого аспекта государственной социальной политики, чем само законодательство, устанавливавшее лишь общие рамки, в пределах которых следовало действовать местным властям.

За 1921–1929 гг. был принят целый ряд законодательных актов, определявших налоговую политику в деревне. Наиболее важными среди них являлись те, которые вносили качественные изменения в налоговую систему, отражая общую эволюцию нэповской политики.

Во-первых, это декрет 17 марта 1922 г. о едином сельхозналоге, который объединил в единый налог все прежние крестьянские налоги (единый натуральный налог, трудгужналог, подворно-денежный налог и единовременный общегражданский на восстановление сельского хозяйства), ввёл единую весовую меру (пуд ржи или пшеницы), в эквивалентном соотношении с которой измерялась иная сельскохозяйственная продукция, подлежащая обложению, установил основные критерии налогового деления крестьянских хозяйств (по количеству пахотной и сенокосной земли на едока, по количеству голов скота и т.д.)². В мае 1923 г. крестьянам было предоставлено право выплачивать налог в любой форме – натуральной или денежной³.

Во-вторых, это разработанное Наркомфином СССР и утверждённое постановлением ЦИК СССР от 7 мая 1925 г. положение о едином сельхозналоге на 1925/26 г., согласно которому вместо ежегодного установления разрядов и

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.208.

² СУ РСФСР. 1922. № 25. Ст.289.

³ Там же. 1923. № 42. Ст.451.

ставок налога вводилась твердая ставка, рассчитанная из урожайности и средних цен за последние три года, твёрдые сроки уплаты сельхозналога, снижались нормы пересчёта голов скота в пашню при исчислении налога и т.п. меры, учитывавшие в известной мере пожелания крестьянства.

В-третьих, это закон о едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 г., который ввёл индивидуальное налогообложение для зажиточной части крестьянства¹.

Кроме того, косвенное влияние на эволюцию налогового законодательства оказал и Земельный кодекс РСФСР, принятый ВЦИК 30 октября 1922 г. и вступивший в силу с 1 декабря того же года. Закреплённые в нём нормы земельно-хозяйственного функционирования крестьянского хозяйства должны были служить фундаментальной правовой основой, которую нельзя было не учитывать и в политике налогообложения.

Законы 1922 г. и 1925 г. можно считать, хотя и не без оговорок, относящимися к восходящей линии новой экономической политики. Формально они делали систему налогообложения более ясной и понятной, оставляли определённый простор для роста крестьянских хозяйств.

Особенно это относится ко второму из этих законов, принятому в рамках так называемого курса «Лицом к деревне», недолговременное осуществление которого сопровождалось расширением некоторых рыночных механизмов (новые правила аренды земли и использования в сельском хозяйстве наёмного труда), ослаблением административных мер воздействия на налогоплательщиков и оказалось в этом смысле кульминацией «деревенского НЭПа». В резолюции XIV партийной конференции (апрель 1925 г.) «О едином сельскохозяйственном налоге» специально подчёркивалось, что определённое сокращение налогового бремени крестьянства имеет целью открыть «возможности дальнейшего развития сельского хозяйства ... поощрить и обеспечить процесс здорового накопления в недрах крестьянского хозяйства»².

¹ СЗ СССР. 1928. № 24. Ст.212.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.382-383.

Но классовый взгляд на налог оставался доминирующим. Показательно, что спустя всего два месяца после партконференции Сталин, выступая в Свердловском университете, акцентировал внимание на том, что цель принятых мер – «добиться налогового облегчения основной массы крестьянства и фактического переложения главной тяжести налога на плечи кулачества», а главная задача в деревне остаётся прежней – «организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества»¹.

Закон 1928 г. можно рассматривать как наиболее яркое проявление нисходящей линии НЭПа в налоговой области, дальнейшее усиление классовой тенденции, юридическое закрепление тех новшеств, которые реализовались в ходе хлебозаготовительных кампаний предыдущих трёх лет (1925 –1926, 1926 –1927, 1927 –1928 гг.).

Прежде чем проанализировать практику осуществления налоговой политики на Южном Урале и её влияние на настроения крестьянства, следует учесть одну важную сторону всех принимавшихся в налоговой области законодательных решений. В большей или меньшей степени, но в них находила практическую реализацию та идеологическая установка, которая была в концентрированном виде дана на XII партийном съезде – налоговая политика должна защищать интересы деревенской бедноты, иначе говоря, носить государственно-патерналистский характер. Символична в этом отношении фраза, прозвучавшая в политическом отчёте ЦК, с которым Сталин выступил на XIV партийном съезде: «Мы на то и марксисты, мы на то и коммунисты, чтобы опереться на бедноту в деревне. На кого же больше опереться?»²

В налоговой политике ставка на бедноту проявилась во введении для беднейшей части деревни (в партийно-советских документах в качестве своеобразного эвфемизма, часто заменявшего слово «беднейшее», использовался термин «маломощное хозяйство») многочисленных налоговых льгот, главной из которых являлось полное освобождение от уплаты налога.

¹ Сталин И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Соч. Т.7. С.179-180.

² Сталин И.В. Политический отчёт Центрального Комитета 18 декабря // Соч. Т.7. С.331.

Общей тенденцией применения налоговых льгот стал непрерывный рост на протяжении всех 1920-х гг. количества крестьянских хозяйств, освобождаемых от уплаты сельскохозяйственного налога. В масштабах всей страны в 1922–1923 г. от уплаты налога было освобождено 3% всех крестьянских хозяйств, в 1923–1924 г. – 14%, в 1925–1926 г. – 23,5%, в 1926–1927 г. – 27,6%, в 1927–1928 г. – 35%¹.

Критерии, по которым крестьянские хозяйства относились к бедняцким или маломощным, что и давало им возможность освободиться от уплаты налога, не были жёстко установлены в общесоюзном масштабе и во многом передавались на усмотрение местных властей.

О том, что освобождение от налога имело в глазах власти не только и не столько экономическое, сколько политическое значение красноречиво свидетельствует тот факт, что для налоговой кампании 1927–1928 г. цифра в 35% была спущена сверху согласно юбилейному манифесту ЦИК и СНК СССР в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции.

Власти на местах были вынуждены ориентироваться на этот показатель, независимо от реального числа действительно нуждавшихся в налоговых льготах бедняцких хозяйств.

Бюро Башкирского обкома ВКП(б) прямо потребовало от советских органов, чтобы «по БАССР было освобождено никак не меньше 35% всех хозяйств»². Партийная установка была выполнена в 1929 г., когда от уплаты налога было освобождено в республике 36% всех крестьянских хозяйств³.

В оренбургской печати отмечалось, что в 1927–1928 г. удалось освободить от налога только 26% хозяйств, что «недостаточно», и потому требуется приложить дополнительные усилия, чтобы в новой налоговой кампании «приблизить процент освобождённых от налога по нашему округу хозяйств к установленному правительством проценту»⁴.

¹ История советского крестьянства. Т.1. С.357; Ковалёв Д.В. Указ. соч. С.251.

² ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.7. Д.26. Л.276-276об.

³ Зарипова Р.К. Указ. соч. С.35.

⁴ Смычка. 1928. 26 авг.

На практике к бедняцким хозяйствам относили беспосевные и безлошадные хозяйства, а также так называемые «малопосевные». Размер «малопосевности» варьировался в зависимости от уровня сельского хозяйства в данной республике, губернии или области; на Южном Урале чаще всего он колебался на уровне меньше 1 десятины на едока.

Общепринятым в советской историографии являлся тезис о том, что в течение НЭПа шёл непрерывный процесс «осереднячивания деревни», в том числе за счёт сокращения его бедняцкой части¹. Так, численность бедняцких хозяйств в стране в 1926-1927 гг. оценивалась историками лишь в 22,1% всех крестьянских хозяйств². Аналогичный вывод о существенном сокращении бедняцких хозяйств делался историками и применительно ко всему Уралу³.

Южноуральский материал также подтверждает наличие такой социально-экономической тенденции.

Например, по данным, приведённым в начале 1927 г. на Челябинской окружной партконференции, за период с 1922 г. по 1925 г. число беспосевных хозяйств сократилось с 12,28% до 5,55% от общего числа крестьянских хозяйств, малопосевных – с 56,43% до 22,29%; зато количество среднепосевных, иначе говоря, середняцких хозяйств, за этот же период выросло с 30,43% до 51,48%⁴. В 1926–1927 г. с учётом всех критериев число освобождённых от налога в округе крестьянских хозяйств составило 28,3%, хотя в некоторых районах округа эта цифра падала до 21%⁵.

Поэтому установление на 1927–1928 г. решением центральных советских органов уровня в 35% освобождаемых от сельхозналога крестьянских хозяйств, который, как показано выше, местные органы, несмотря на предпринятые усилия, так до конца и не смогли сразу достичь (в том же Челябинском округе

¹ См. напр.: История советского крестьянства. Т.1. С.285.

² Там же. С.338.

³ См. напр.: Гуров В.П. Социально-экономические отношения и классовая борьба в уральской доколхозной деревне в условиях новой экономической политики // Экономика и социально-политическое развитие Урала. Свердловск: УрГУ, 1988. С.88-107.

⁴ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.453. Л.6об.

⁵ Там же. Д.466. Л.54; Д.392. Л.24.

они остановились в 1927-1928 г. на показателе в 32,3% крестьянских хозяйств¹), заставляет полагать не столько экономическую, сколько политическую подоплёку такого решения.

То, что это было именно так, подтверждает ряд принципиальных решений, принятых в 1926-1927 гг. партийным руководством.

В апреле 1926 г. пленум ЦК ВКП(б) указал, что дальнейшее укрепление смычки в деревне должно идти «путём материальной поддержки и организации бедноты против кулачества», для чего рекомендуется изменение сельхозналога «с полным освобождением от налога наиболее маломощных групп и усилением обложения зажиточных и кулацких слоёв крестьянства», а в мае Оргбюро ЦК приняло постановление об организации в деревне групп бедноты «для более организованного обеспечения интересов маломощных слоёв деревни»². Новый закон о сельхозналоге освобождал от его уплаты 20% беднейших хозяйств за счёт более чем в два раза усиления налогообложения зажиточных хозяйств³.

В том же духе были выдержаны решения XV конференции ВКП(б), фактически тесно увязавшие реализацию провозглашённого на ней курса на индустриализацию с тем, чтобы «в деревне неуклонно укреплялись и расширялись социалистические формы хозяйства»⁴.

Наконец, в значительной мере точки над «i» поставил объединённый пленум ЦК и ЦКК в октябре 1927 г. В резолюции «О работе в деревне», практически дословно повторённой в решениях состоявшегося в декабре XV съезда, было вполне определённо сказано: «Вся политика пролетарского государства, финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще, направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и – в зависимости от условий, по-разному – ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии». Не менее симптоматично в этой связи выглядело и специальное уточнение по поводу сельхозналога: «Наблюдайте за тем, чтобы решение партии и

¹ Там же. Д.392. Л.24.

² КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.14-15,27.

³ СЗ СССР.1926. № 30. Ст.191.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.76.

Советской власти об освобождении маломощного крестьянства (35% крестьянских хозяйств по Союзу) от сельскохозяйственного налога проводилось со всей точностью»¹.

Вполне закономерно из этих партийных указаний вытекала радикальная коррекция правительством уже при проведении налоговой кампании 1926–1927 г. в целом благоприятного для увеличения товарности крестьянского хозяйства налогового закона 7 мая 1925 г.

Во-первых, было дополнительно введено обложение по высоким ставкам иных видов хозяйственной деятельности крестьян (садоводство, огородничество, пчеловодство и т.д.), во-вторых, было санкционировано принудительное взыскание недоимок, в-третьих, в уголовный кодекс РСФСР была включена ст.107, позволявшая применять уголовные наказания в виде лишения свободы и конфискации имущества к тем крестьянам, которые, по мнению властей, скрывают или не выпускают на рынок имеющиеся у них товарные излишки сельскохозяйственной продукции². В результате «в целом по стране размеры налоговых платежей с крестьян увеличились на 31%»³.

Не удивительно, что, например, жители с. Пречистенского в Оренбургской губернии, прочитав о новом налоге в «Крестьянской газете», сделали невесёлый вывод: «В этом году налог будет очень высок, нет никакого расчёта сеять»⁴.

Комментируя на VI Всебашкирском съезде Советов (март 1927 г.) изменения в налогообложении, нарком финансов БАССР Шалимов определил их как «коренные изменения всей системы сельскохозяйственного обложения», позволившие «перенести главную часть налога на зажиточные слои деревни, тем самым выкинув налоговую тяжесть с маломощного сектора хозяйства». В качестве главного достижения завершившейся налоговой кампании он выделил резкий скачок в деле освобождения от налога бедняцких хозяйств: «... из 501 тысячи хозяйств полностью освобождены от налога 124 450 хозяйств, т.е. 24,8

¹ Там же. С.233,244.

² Россия нэповская. С.226.

³ Ильиных В.А. Указ. соч. С.159-160.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.1. С.355.

%. По сравнению с 1925-1926 гг., здесь большой шаг вперед по пути освобождения бедняцкого хозяйства от уплаты сельхозналога: в прошлом году было освобождено 47 000 хозяйств или 7,3 %»¹.

На практике новые льготы беднякам обратной стороной сильно ударили по зажиточной части деревни. Так, в Башкирии средний размер налога для зажиточного хозяйства в 1926-1927 г. превысил налог с бедняцкого хозяйства в 29 раз (в предыдущий год это превышение было в 17 раз)².

Фактически налоговые новшества властей означали поворот к деревне не лицом, а спиной, начало слабо замаскированного сворачивания «деревенского НЭПа», что открывало прямую дорогу к «чрезвычайщине» хлебозаготовительной кампании 1927-1928 г.

Такой поворот немедленно реанимировал прежние представления деревенских коммунистов о формах классовой борьбы.

Например, в отчёте, представленном в феврале 1926 г. в Оренбургский губком о ситуации в Михайловской волости Оренбургского уезда, указывалось, что местные партийцы «мыслят старый метод борьбы: раскулачивание при помощи конфискации, штрафов и вообще карательных мер («стричь кулака», «давать кулаку»)). В низовом управленческом звене продолжали доминировать настроения в пользу радикальных мер. В отчёте с беспокойством отмечалось, что на местах мыслят «метод, бывший при «военном коммунизме» ... борьба же при помощи организации бедноты на селе кажется безрезультатной ... и даже будто вредной для самой бедноты ... Такое понимание объясняется слабым политическим развитием». Приводились примеры высказываний местных руководителей, заключающиеся в том, что «советской власти нужно иметь острые ножницы и ими стричь обрастающего кулака»³.

Партийные органы уже в ходе налоговой кампании 1926–1927 г. приступили к рассылке на места циркуляров, требовавших «показать нашу твёрдость в выполнении сроков сдачи сельхозналога, семенной ссуды и недоимок», «использовать все меры по отношению неплательщиков и

¹ Красная Башкирия. 1927. 24 марта.

² Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана. С.80.

³ ЦДНПО. Ф.5. Оп.5-1. Д.296. Л.5-6.

укрывателей посевной площади. Никаких послаблений укрывателям и не исполняющим советские законы»¹, «немедленно приступить к усилению работы по сбору ЕСХН (единого сельскохозяйственного налога – В.Н.), применяя принудительные меры взыскания, иметь классовый подход», а по отношению к наиболее злостным неплательщикам – «устроить ряд показательных процессов»².

Сама стилистика подобных циркуляров невольно отражала возвращение их авторов к «военно-коммунистическим» временам, которые оставили глубокий след в психологии партийно-советских работников на всех уровнях. «... партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака, – признавал в конце 1925 г. Сталин на XIV съезде ВКП(б). – Дай только, – и мигом разденут кулака»³.

От слов местные власти быстро переходили к делу. В ходе сбора сельхозналога в 1926 – 1927 г. стали наблюдаться случаи реставрации прежних поведенческих стереотипов. Так, в датированном 4 апреля 1927 г. письме ответственного секретаря Челябинского окружного комитета партии Тиунова признавалось, что при сборе налога наблюдались «хождения по амбарам с целью обмера хлеба, предложения вывозить последний пуд хлеба, а в случае неисполнения – угроза применения 107 статьи и т.д.». В результате около 30 человек в округе были привлечены к суду по этой статье. Правда, Тиунов не обошёлся без неизбежной оговорки о том, что это имеют место «отдельные извращения, допущенные в процессе работы отдельными работниками», а «насильственного отбора хлеба у крестьянства не было и не должно этого быть. Возвращаться к методам военного коммунизма партия не думала»⁴.

Очевидные перемены в налоговой политике вызвали естественные недоумение и недовольство в деревне. Сводки местных отделений ОГПУ запестрели примерами крестьянских суждений примерно того типа, что было зафиксировано в одном из сёл Курганского округа: «Нынешний налог больше в

¹ Там же. Ф.4094. Оп.1. Д.1439. Л.32.

² ЦДНИОО. Ф.7. Оп.7. Д.482. Л.12.

³ Сталин И.В. Политический отчёт Центрального Комитета 18 декабря // Соч. Т.7. С.337.

⁴ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.576. Л.15-16.

два раза, чем в прошлом году. Это чёрт знает что такое: будут брать не с посевной площади, а со всего имущества, за посев, за землю, за кур, овец, в общем, за всю собственность – плати и только»¹.

Серьёзное беспокойство поворотом в налоговой политике высказывали середняки, по мнению которых, налог «хорош для бедноты, потому что они ничего не платят, а вот нам, середнякам, ... налог рабский. Никак советская власть не даёт середняку подняться и расширить своё хозяйство»²; «советская власть не даёт повернуться, как обложит налогами и считает за какого-то кулака. В то время, как людям, которые не желают работать, им оказываются льготы и разные привилегии»; «советская власть дерет с крестьянина непосильный налог, не дает крестьянину поднять свое хозяйство»³, «...бедняку даром дают семсуду ... не надо лентяю давать»⁴.

Льготы, предоставляемые в налогообложении бедноте, вызывали в такой ситуации у части середняков представления о политической подоплёке действий властей. Достаточно определённо высказался по этому поводу крестьянин на перевыборном собрании в сельский совет в одном из сёл Шадринского округа (январь 1927 г.): «Нас, середняков, гнут налогом в три дуги, а бедняки на этом только и отыгрываются: получили политическую власть и выставляют самостоятельно себя в Советы»⁵.

Перейдя к ужесточению налоговой политики, власть не могла не понимать, что неизбежным последствием таких действий будет рост недовольства зажиточной части деревни, по экономическим интересам которой в первую очередь новые меры и ударяли. В налоговой кампании 1927–1928 г., заведомо предполагавшей не просто сохранение, а и усиление репрессивного начала, возможное сопротивление кулаков нуждалось в противовесе, в качестве которого, согласно всё той же классовой логике большевистского мышления, и должна была выступить деревенская беднота.

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.123.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.454. Л.65.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.123,147.

⁴ Там же. Ф.13. Оп.1. Д.1065. Л.13.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.5. С.90.

По всей видимости, намеченный руководством уровень освобождаемых от налога бедняцких хозяйств в 35% предполагал, что именно такая численность сельского населения окажется достаточной для получения почти десятикратного численного перевеса над кулаком (в историографии численность кулацких хозяйств в 1926–1927 г. оценивается в 3,9%¹).

Тем более, что именно бедняцкая часть жителей деревни при поддержке местных властей получала всё более сильные позиции в низовых органах власти. Например, в Оренбургской губернии в составе волостных и уездных исполкомов за один только год (с 1925–1926 до 1926–1927) количество безлошадных крестьян (как правило, такими были своего рода «хронические бедняки») увеличилось с 31,4% до 39,5%, а в составе сельсоветов с 20% до 27,8%².

Налоговые льготы, предоставляемые беднейшему крестьянству, помимо всего прочего, способствовали закреплению у части бедноты прежних иждивенческих настроений. Этого не могли не видеть и местные власти. Так, в одной из сводок Шадринского окружного отделения ОГПУ за январь–февраль 1925 г. можно встретить такое откровенное признание: «Бедняки делятся на две части: одни видят выгоду от советской власти и стараются расширить своё хозяйство, но другая часть – это те, кто инертны и не заинтересованы восстановлением своих хозяйств, имеют склонность пожить за счёт других. Поощряемые ранее поддержкой от государства, не теряют надежд пользоваться таковой и теперь. Вообще это люди, легко поддающиеся под влияние кулачества, именуемые населением лодырями и лентяями»³.

Подобное настроение значительной части бедноты не было секретом и для партийного руководства. Выступая на XIV съезде ВКП(б), Сталин признал, что «беднота всё ещё проникнута иждивенческой психологией, она надеется на ГПУ, на начальство»⁴.

¹ История советского крестьянства. Т.1. С.338.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.881. Л.47.

³ ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.18.

⁴ Сталин И.В. Политический отчёт Центрального Комитета 18 декабря // Соч. Т.7. С.333.

Изменения в содержании и формах осуществления налоговой политики, в сущности, создали необходимые предпосылки для того, чтобы в ходе хлебозаготовительной кампании 1927–1928 г. на практике реализовать оптимистическое утверждение октябрьского (1927 г.) пленума об имеющейся возможности «более решительного наступления на кулака»¹.

Вторым инструментом проведения в деревне классовой линии в социальной политике не сразу, но постепенно сделались крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, называвшиеся в крестьянском обиходе – кресткомы, а в официальных советских документах – ККОВ.

Формально создание этой организации являлось практической реализацией в условиях НЭПа принятой на себя государством функции социального обеспечения. Более чем скромные материальные возможности Советского государства позволяли распространить систему социального обеспечения (и то по минимальным критериям) лишь на городское население. В то время как количество нуждающихся в социальной помощи в деревне было тоже весьма велико.

Это касалось крестьян и крестьянских семей, которые в силу различных обстоятельств (физические увечья, гибель трудоспособной части семьи, стихийные бедствия и проч.) оказывались не в состоянии самостоятельно обеспечивать себя в степени, обеспечивающей даже элементарное выживание.

В силу этого подобные крестьяне и крестьянские семьи оказывались с точки зрения материальных средств в разряде «бедняков». Но сама категория «бедняков» на практике была гораздо шире и включала не только эти группы, но и множество крестьянских хозяйств, не обладавших не столько физическими возможностями (чаще такие возможности в лице трудоспособных членов крестьянской семьи, наоборот, сохранялись), сколько необходимой ресурсной базой (количество земли, количество рабочих рук, количество рабочего скота и т.п.) для ведения полноценного хозяйства.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.234.

По данным сельскохозяйственной переписи 1920 г. батраки и бедняки составляли 35–40% всего крестьянства страны¹. Голод 1921–1922 гг. вряд ли уменьшил, скорее, увеличил численность этой группы.

Согласно большевистской доктрине, именно сельскохозяйственный пролетариат (батраки) и бедняцкая часть крестьянства являлись основной социальной опорой пролетарской диктатуры в деревне и уже по одной этой причине пролетарское государство должно было оказать им поддержку.

Возникла двойственная, в сущности, задача. С одной стороны, чисто патерналистская – социальное обеспечение нетрудоспособной части деревни. С другой стороны, социальная поддержка собственной социальной базы в деревне. На это накладывалась экономическая необходимость быстрее подъёма сельского хозяйства, которая требовала создания условий для сокращения в деревне бедности и увеличения количества товарных крестьянских хозяйств, способных прокормить городское население, армию, бюрократический аппарат.

Наконец, всё это вновь упиралось в доктринальное ограничение – сокращение бедняцкой группы в деревне оказывалось сокращением надёжной социальной опоры, которую можно было бы в условиях НЭПа противопоставить растущей сельской буржуазии.

Иначе говоря, власть и здесь была обречена на трудный поиск «золотой середины» между идеологическими установками и реальными процессами в российской деревне, усугублённый ограниченностью государственных ресурсов для организации действенной поддержки столь многочисленной бедняцкой группе.

3 мая 1921 г. был издан декрет СНК РСФСР о создании крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, которые должны были заняться «обеспечением на началах взаимопомощи семей красноармейцев, инвалидов, вдов, сирот и вообще маломощных хозяйств»².

Из содержания декрета вытекало, что такие комитеты создаются на местах самими крестьянами на добровольных началах и осуществляют различные виды

¹ История советского крестьянства. Т.1. С.285.

² СУ РСФСР. 1921. № 48. Ст.236.

помощи за счёт собственных средств (членских взносов, добровольных пожертвований и т.п.). Иначе говоря, декрет формально отводил ККОВ место общественной организации. Поскольку, однако, на практике инициативу в создании ККОВ и вовлечении в них крестьян брали на себя местные партийные и советские органы, то с самого начала «общественными» эти организации можно было назвать с большой натяжкой, хотя потенциально такую перспективу для них декрет открывал.

В документах, конкретизирующих для местных работников причины создания и задачи ККОВ, указывалось, в первую очередь, на тот факт, что «вследствие введения продналога и уничтожения внутренней переразвёрстки, красноармейские и маломощные хозяйства лишились существовавшей ранее принудительной помощи им со стороны более сильных хозяйств», но «рабоче-крестьянская власть» не может оставить их без помощи¹. Поэтому кресткомы должны организовывать «всестороннюю помощь» и защищать «хозяйственные и правовые интересы» семей красноармейцев, «граждан, впавших в нужду», а также помогать крестьянству «при всех стихийных и социальных бедствиях». Решение о создании комитета должен был принимать сельский сход, он же устанавливал размеры самообложения для формирования натурального фонда кресткома и мог варьировать размеры этого обложения в зависимости от состоятельности хозяйства. Недвусмысленной угрозой в адрес зажиточной части деревни, которая могла противиться созданию кресткомов и уплате установленного обложения, звучал такой пассаж из инструкции по порядку создания ККОВ: «Уклоняющиеся от взноса при наличии о том постановления схода подлежат временному лишению права на помощь комитета, занесению на чёрную доску и общественному бойкоту»².

Создание кресткомов затянулось на длительный срок. На Южном Урале из-за голода этот процесс, формально начавшийся летом 1921 г., продлился до 1923 г. «Законченная к апрелю 1922 г. организация сельских и волостных комитетов, – признавало, например, руководство Башнаркомсобеса, – была

¹ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.2. Д.110. Л.60.

² Там же. Л.62-64.

почти нацело разрушена голодом, и реорганизация комитетов началась лишь с реализации урожая 1922 года»¹.

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что не прошло и года, как в статусе ККОВ произошли радикальные перемены: общественная по внешним признакам организация была включена в систему государственной власти: летом 1922 г. ККОВ перешли в ведение отделов социального обеспечения. Это означало, что, начиная с губернского (в Башкирии – республиканского) уровня административно кресткомы становились частью отделов социального обеспечения, при этом губернский (уездный, волостной) заведующий отделом социального обеспечения одновременно становился и главой губернского (уездного, волостного) кресткома, совмещая в одном лице обе функции.

Тем самым отмеченное выше противоречие идеологии и реальности было разрешено в том же властном алгоритме, что и многие другие. Крестьяне сами должны были помогать слабой части деревни, но руководить этим процессом должно было государство через административное подчинение себе ККОВ.

Принимая на себя функцию обеспечения крестьян, которые в силу тех или иных причин не имели возможности полноценно вести своё хозяйство, кресткомы фактически превращались в органы внутрикрестьянского перераспределения продуктов, орудий и средств производства². Но поскольку в роли нуждавшихся в помощи крестьян оказывались в основном бедняки, то в деятельности кресткомов был неизбежен перекоп в пользу последних.

На эту направленность деятельности ККОВ указывал, например, на XIII съезде РКП(б) Калинин, полагавший, что крестьянские комитеты «должны быть общекрестьянскими организациями, куда должен быть открыт доступ всем неопороченным крестьянам, имеющим избирательное право», но в то же время главное внимание должно быть уделено помощи «действительной бедноте»³. В принятой по докладу Калинина резолюции «О работе в деревне» в разделе, касающемся деятельности кресткомов, указывалось, что «комитеты

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.328.

² Куреньшев А.А. Указ. соч. С.101.

³ Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 г. Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963. С.445.

взаимопомощи должны стать организацией, помогающей хозяйственно подняться маломощным элементам деревни», все партийные и советские органы через кресткомы должны «добиваться проведения в жизнь определённых законом льгот беднейшим слоям деревни»¹.

Та же мысль присутствовала и в пропагандистской литературе 1920-х гг., где внимание акцентировалось на том, что кресткомы должны являться «органами, приспособленными к активной борьбе за улучшение маломощных, бедняцких хозяйств, и к ограждению интересов бедноты»².

Однако это была только одна задача, которую возлагала на эти органы власть. О своего рода стратегической задаче кресткомов в условиях НЭПа на том же XIII съезде откровенно высказался председатель СНК Рыков, выступавший в прениях по докладу Калинина: «... основная сущность вопроса заключается в том, что комитеты взаимопомощи должны явиться организующим центром для бедных и средних крестьян и опорой партии и Советов против буржуазно-капиталистического слоя, растущего в деревне»³. Ту же мысль он вновь повторил после съезда, выступая на собрании партийного актива столицы: основная задача кресткомов – это «политическая и экономическая защита бедняка и середняка»⁴.

Подобная истинная направленность в деятельности крестьянской взаимопомощи хорошо осознавалась местными работниками. Так, в докладе Башнаркомсобеса о работе кресткомов прямо указывалось, что эта деятельность имеет «политический характер», поскольку должна «провести в жизнь крестьянства начала коллективизации, облегчающие переход к коммунистическому строю», а также подчёркивалась «необходимость неослабного и авторитетного партийного воздействия на крестьянские выборные организации взаимопомощи»⁵.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.244-245.

² Мокеев В. Крестьянские общества взаимопомощи. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С.8.

³ Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 г. Стенографический отчёт. С.475.

⁴ Рыков А.И. Указ. соч. С.341.

⁵ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.340об.,331.

Пробедняцкая направленность ККОВ в такой ситуации не могла не бросаться в глаза. Хотя во всех документах подчёркивалось, что ККОВ – это не комитеты бедноты времён «военного коммунизма», но в то же время содержались и такие неизбежно наводившие на соответствующие аналогии утверждения, что «не будет взаимопомощи – будет несправедливость», а потому «отсутствие взаимопомощи может вынудить государство вмешаться в дело и найти решительные пути к недопущению угнетения слабых». И вообще: уклоняющийся от взаимопомощи – «является врагом крестьянства»¹.

В сущности, ККОВ рассматривались властью как одно из средств сохранения своего контроля над крестьянством, и именно поэтому они включались в государственную систему социального обеспечения, превращаясь тем самым из декларируемой общественной организации в фактически организацию полугосударственную.

Помощь, которую они получали от государства, прежде всего, в форме различных льгот, воспринималась в деревне как своего рода государственное содержание и порождала неприязненное отношение к ним со стороны зажиточной, а отчасти и середняцкой части крестьянства, которое особенно проявлялось при создании общественных фондов взаимопомощи, основой которых должно было стать самообложение населения.

Не случайно, что в процессе организации кресткомов в хозяйственно крепких деревнях к ним относились подозрительно и зажиточные крестьяне прямо говорили членам ККОВ: «Мы к вам не пойдём, и вы к нам не ходите»². Свой вклад в создание негативного отношения к ККОВ среди зажиточной части деревни внесли и попытки власти использовать кресткомы для решения других задач. Например, Челябинский губисполком в конце 1922 г. принял решение, что за найденную ККОВ скрытую от налогообложения посевную площадь, 2% от конфискованного урожая поступит в его распоряжение³.

Деятельность кресткомов на Южном Урале прошла несколько этапов.

¹ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.2. Д.110. Л.63.

² Там же. Оп.5. Д.37. Л.151.

³ Советская правда. 1923. 22 апр.

В условиях голода 1921 -1922 гг. первые созданные кресткомы занимались исключительно обеспечением крестьян продовольствием, семенами для посева, оказывали особо нуждающимся трудовую помощь и в этом отношении сыграли определённую роль в борьбе с голодом.

Например, Курганский уездный собес в своём сообщении губернскому собесу информировал в сентябре 1922 г.: «Семьям красноармейцев и инвалидов войны через посредство комитетов взаимопомощи оказана помощь в проведении весеннего посева: 3301 семье красноармейцев и 549 инвалидов, семенами – 2502 семье красноармейцев и 379 инвалидов». Кроме того, проводились и натуральные выплаты семьям красноармейцев, инвалидам и лицам, пострадавшим от стихийных бедствий¹.

Стабилизация продовольственной ситуации позволила кресткомам перейти к более систематической работе. Её основными направлениями стали взятие на учёт нуждающегося населения и оказание трудовой помощи маломощным хозяйствам в форме коллективного труда, материальная помощь оказывалась только в исключительных случаях. Оказывалась также трудовая помощь школам, детским домам и учреждениям здравоохранения².

Трудовая помощь особенно была необходима в ходе посевной и уборочной кампаний и при сенокосе как в виде непосредственного физического труда членов ККОВ, так и предоставления во временное пользование живого и мёртвого сельскохозяйственного инвентаря. В Башкирии по неполным сведениям (по 5 из 8 кантонов республики) за 1923 г. трудовая помощь была оказана 18299 хозяйствам, в том числе 4270 семьям красноармейцев и 1625 семьям инвалидов и погибших на войне³. В Курганском уезде за период ноября 1922 г. – марта 1923 г. была оказана трудовая помощь 4621 хозяйству, в том

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.107. Л.59об.

² Там же. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.108об.-109; ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.14об.; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.330об.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.339.

числе 835 семьям красноармейцев и 960 семьям инвалидов и погибших на войне¹.

Наиболее трудной проблемой в деятельности ККОВ на первых порах оказалось создание в них собственных фондов взаимопомощи (денежных и натуральных – из производимой сельскохозяйственной продукции, преимущественно зерна). Создавались эти фонды посредством самообложения населения, причём до мая 1923 г. оно имело обязательный характер. «Работа по созданию фондов, – говорилось в одном из отчётов Курганского уездного ККОВ, – производилась самообложением путём общих собраний граждан, раскладкой по посевным десятинам от 2-х до 10 фунтов хлеба и по классовому принципу, смотря по мощности и, кроме того, за счёт сборов, пожертвований и штрафов за выгонку и распитие самогонки»².

В распоряжение ККОВ должно было также поступать бесхозное и выморочное имущество, но это получалось далеко не всегда. Курганский собес сетовал на то, что «к образованию натурфонда со стороны собеса были приняты все меры, но, несмотря на это, ни волкомы, ни нарсудьи никаких ответов не давали, куда поступает конфискованное и выморочное имущество»³. Башнаркомсобес констатировал, что в «селениях бесхоз или совершенно не поступает, или поступает в ничтожном по количеству и в низких по качеству предметах»⁴. Нередки были злоупотребления со стороны местных руководителей ККОВ, когда они приобретали за бесценок конфискованное имущество, а нуждавшимся в нём хозяйствам ничего не доставалось⁵.

Для создания фондов комитеты также получили право «арендовать и приобретать в собственность участки земли для общественных запасек, брать в аренду небольшие сельскохозяйственные предприятия, как-то: мельницы, крупорушки, маслобойки, кирпичные заводы, брать в аренду базарные площади

¹ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.81об.

² ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.81об.

³ Там же. Д.107. Л.18.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.332-332об.

⁵ См. напр.: Советская правда. 1923. 18 марта.

и речные переправы и т.д.»¹. Однако эта форма пополнения фондов ККОВ начала использоваться только с конца 1922 г. и в первое время не приобрела широких размеров².

К концу 1923 г. кампания по созданию ККОВ практически завершилась: они были созданы в подавляющем большинстве сельских советов (в Челябинской губернии сообщалось о создании 953 сельских кресткомов, в Оренбургской губернии – 505, в Курганском уезде – 253, в БАССР – в 80% сельских населённых пунктов³). Сама структура ККОВ приобрела пирамидальную форму: сельские – волостные – уездные (кантонные в БАССР) – губернские. Губернский ККОВ, возглавляемый руководителем собеса, выступал в роли начальства, рассылая инструкции и контролируя деятельность остальных звеньев крестьянской взаимопомощи.

Важным элементом администрирования стало регулирование социального состава выборных органов низовых ККОВ: в них должны были доминировать бедняки и присутствовать члены партии, желательно на руководящих должностях. Например, в Курганском уезде численность бедняков в выборных органах ККОВ достигла к 1 октября 1923 г. почти 71%⁴.

Однако, по оценке самих местных властей, реальный эффект от деятельности ККОВ был ещё явно недостаточным с точки зрения решения стоящих перед ними задач.

Так, на I Челябинском окружном съезде ККОВ в ноябре 1923 г. констатировалось: «Слабость комитетов очевидна. Помощь, оказываемая беднейшему крестьянству, семьям крестьян, инвалидам – недостаточна. Отсутствует точное представление о жизни опекаемых семейств и их точный учет»⁵. Оренбургский губсобес признавал, что «выполнить все задания в

¹ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.2. Д.110. Л.64.

² ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.9. Л.21об.; ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.15; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.335-335об.; Советская правда. 1923. 2 дек.

³ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.9. Л.22; ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.14; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.327; Советская правда. 1923. 2 дек.

⁴ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.108.

⁵ Советская правда. 1923. 20 нояб.

области общественной взаимопомощи в полной мере и по всей губернии абсолютно не представилось возможным»¹.

Даже в докладе Калинина на XIII съезде прозвучало признание, что «комитеты взаимопомощи плохи», многие из них «существуют только на бумаге» и приходится удивляться, что вообще они существуют².

Достаточно типичной для оценки реального состояния ККОВ можно считать ироническое описание деятельности одного из кресткомов на страницах челябинской газеты «Советская правда»: «Чей посев был хуже всех обработан? – Комитета взаимопомощи. Кто растерял свои посевы и даже не знает, где что посеял? – ККОВ. У кого стога сена не загорожены, скотина топчет сено, а около стогов лежит заготовленный для изгороди лес? – У ККОВ»³.

Конечно, нельзя не признать, что ККОВ при всей их организационной и ресурсной слабости в известной мере выполняли одну часть поставленных перед ними задач: социальное обеспечение ослабленной части деревни. Но по мере хозяйственного восстановления власть была заинтересована в выдвигании на первый план иной задачи: социальная поддержка бедняков как собственной классовой базы, использование их в качестве противовеса зажиточной части деревни.

Процесс «осереднячивания» деревни устраивал большевистскую власть с точки зрения увеличения продуктивности сельского хозяйства. Но с точки зрения политической середняк был неустойчивой фигурой, склонной поддаваться кулацкой агитации. Во всех официальных партийных документах 1920-х гг. середняк рассматривался не сам по себе, а как действующий либо в союзе с бедняком, либо под влиянием кулака. Поэтому чем больше становилось в деревне середняков, тем в большей степени власть нуждалась в бедняке, способном нейтрализовать кулака, а значит, вынудить «колеблющегося середняка» волей-неволей остаться на стороне Советской власти.

¹ Отчёт отдела социального обеспечения. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.9.

² Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 г. Стенографический отчёт. С.445.

³ Советская правда. 1923. 26 сент.

Кресткомы оказывались в этой ситуации материальной подпоркой сельских советов. Последние в политическом плане реализовывали соединение бедняцких и середняцких масс, что обеспечивалось разными методами при проведении выборных кампаний в советы. Но точно так же кресткомы должны были подвести, если можно так сказать, материальную базу под этот политический союз: на почве соединения в производственной и иных видах взаимопомощи бедняки и середняки должны были оказаться по другую сторону от кулацкой части деревни. Поэтому обеспечение должного (с точки зрения власти) состава выборных органов кресткомов постоянно находилось в поле зрения власти и контролировалось не менее тщательно, чем состав сельских советов.

Подспудное выдвижение в кресткомах социально-политической цели их деятельности на первый план, конечно, не могло ускользнуть от внимания крестьян. Наверное, именно поэтому в практике экономической деятельности, как это с самого начала обнаружилось, например, в обработке членами кресткомов общественной запашки, бóльшая часть крестьян проявляла весьма прагматичное отношение.

Однако государственная политика, напротив, по мере развития НЭПа в деревне всё больше внимания акцентировала как раз на социально-политической стороне деятельности кресткомов, что объективно превращало их из органов социального обеспечения в нечто иное.

В резолюции «О работе в деревне», принятой на XIII партийном съезде в мае 1924 г., было указано на то, что именно кресткомы должны сыграть для маломощного (иначе говоря, беднейшего) крестьянства роль мостика, ведущего к кооперированию сельского хозяйства, и, следовательно, к «ограничению эксплуататорских тенденций кулака»¹. Эту точку зрения подтвердил и октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1925 г., специально обсудивший вопрос о работе партии среди деревенской бедноты².

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.3. С.242-245.

² Там же. С.416.

Естественно, все эти решения немедленно дублировались на местном уровне. Поэтому не случайно, что в документах южноуральских ККОВ выдвижение на первый план классовых приоритетов становится с 1924 – 1925 гг. типичным явлением.

Кресткомы, утверждалось, например, в решениях III Всебашкирского съезда ККОВ (май 1926 г.), должны «оправдать себя как организация, призванная к созданию крепкого союза бедняка с середняком, против кулака, к строительству новой деревни»¹.

25 сентября 1924 г. в развитие партийных установок был издан декрет СНК РСФСР «О крестьянских обществах взаимопомощи», призванный укрепить материальное и правовое положение ККОВ, повысить их авторитет в деревне, в частности, перейти от индивидуального членства к коллективному, позволяющему укрепить фонды кресткомов за счёт распространения членских взносов на все хозяйства деревни, включая зажиточные².

Издание такого постановления отвечало реальным потребностям кресткомов, поскольку они испытывали к этому времени множество проблем, мешавших выполнению тех функций, что отводились для них властью.

«До введения нового положения Комитеты не имели строго определенной и юридической физиономии, работа их протекала в тяжелых условиях. Комитеты не пользовались в глазах широких масс достаточным авторитетом», – констатировалось руководством ККОВ БАССР³.

«В общем и целом, – признавал Оренбургский губисполком, – кресткомы крайне бедны и материальными средствами, и более или менее сильными работниками, в силу чего деятельность их в большинстве случаев ограничена подачей продовольственной помощи беднякам»⁴. Многие сельские комитеты, констатировалось в другом документе, «своей слабой работоспособностью не сумели создать положительного взгляда у населения на комитеты», в них

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.480. Л.5.

² СУ РСФСР. 1924. № 81. Ст.813.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.480. Л.5.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.246-247.

«зачастую самого председателя не найдёшь, и при таких условиях, конечно, работу взаимопомощи никогда не восстановит на должную высоту»¹.

Своеобразным обобщением того положения, в котором застали южноуральские кресткомы новые партийно-советские решения, можно считать следующую самокритичную оценку, данную Оренбургским губернским ККОВ: «Самой крестьянской массой не вполне усвоены идеи крестьянской взаимопомощи, советские и общественные органы не придавали должного внимания ККОВ, слабая экономическая мощь фондов и другие причины не позволили кресткомам твёрдо встать на ноги, затягивали их организационный период и тормозили их развитие ... большинство ККОВ работает слабо»².

Важным составным элементом реорганизации кресткомов должна была стать перевыборная кампания, способная усилить их бедняцкий характер. Так, в инструкции, изданной Курганским окрисполкомом в связи с этими выборами, прямо указывалось, что надо «строго руководствоваться» решениями XIII партсъезда и «всецело соблюдать классовый принцип, чтобы больше половины членов ККОВ прошла из бедняцкого населения»³.

В результате проведённой в 1925 г. перевыборной кампании в новоизбранных комитетах бедняки действительно приобрели подавляющее большинство. Так, в Челябинском округе они составили 70% членов комитетов (и только 1% пришёлся на зажиточных крестьян)⁴, в Курганском округе – 76,5%⁵, в Оренбургской губернии – 58,7%⁶, в Башкирии – 64,2%⁷.

Однозначная ориентация на бедняцкую часть деревни вела к тому, что в ходе перевыборной кампании, по признанию Курганского окружного руководства ККОВ, «много встречалось протестов со стороны зажиточных и кустарей, велась на собраниях агитация не организовывать общества путём коллективного членства по принципу отчисления с налогового рубля, а кричать

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.41-42.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.922. Л.28.

³ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.79.

⁴ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. Челябинск: Изд. Челяб. окрисполкома, 1926. С.175.

⁵ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.41.

⁶ Смычка. 1925. 13 июня.

⁷ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.5. Д.37. Л.149.

за индивидуальное членство»¹. «Активность кулачества в выборной кампании была весьма значительна и направлялась в сторону ликвидации ККОВ, – сообщалось в итоговом докладе Курганского окрККОВ за 1925–1926 г. – В своих выступлениях они старались чернить комитеты, указывая только на недочёты в их работе». Но иногда их поддерживала и беднота, в основном по причинам «отсутствия какой-либо деятельности ККОВ, злоупотреблений, растрат, неграмотности бедноты, агитации кулаков»².

С точки зрения закрепления за кресткомами роли своего рода коллективного противовеса влиянию зажиточных слоёв деревни перевыборная кампания, конечно, дала позитивные для власти результаты. Но это был скорее политический результат. Важнейшая же экономическая функция ККОВ как инструмента подъёма и укрепления маломощных хозяйств и вовлечения бедняцкой части деревни в кооперацию вряд ли могла быть реализована усилиями доминировавших в ККОВ бедняков.

Экономической базой ККОВ являлись их фонды. Пополнение фондов за счёт крестьянского самообложения в условиях господства в кресткомах бедняцкой части деревни оказывалось проблематичным. Например, в Шадринском округе, где основную часть членов кресткомов составили «хозяйства с одной лошадью, безлошадные и батраки», поступление средств от таких хозяйств было крайне слабо³. «Самообложение протекает слабо и далеко не по всем комитетам имеет место», – признавало летом 1925 г. руководство Оренбургского губернского ККОВ⁴.

Поэтому основными источниками становились доходы от общественной запашки и от арендуемых различных сельскохозяйственных предприятий.

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.42об.

² Там же. Д.102. Л.53.

³ Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. С. С.134-136.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.246.

Например, в Челябинском округе к началу 1926 г. в распоряжении ККОВ находилось около 100 предприятий, в том числе 25 мельниц, 11 кузниц, 26 прокатных пунктов сельхозинвентаря, 3 небольших кирпичных завода и т.п.¹

В распоряжении районных и сельских ККОВ Курганского округа в 1924 г. имелось 51 предприятие: 4 транспортные артели, 27 ветряных мельниц, 1 крупорушка, 3 дегтярных завода, 5 кузниц, 6 кирпичных сараев, 2 базарные площади и др. Общественная запашка составила 1279 десятин². Однако рост числа предприятий был достаточно медленным, спустя два года их было ненамного больше – 59³.

Ещё менее успешно этот источник пополнения фондов использовался в Оренбургской губернии: в 1923–1924 г. в распоряжении ККОВ было 17 арендованных предприятий, в 1924–1925 г. их число увеличилось до 22, а в следующем году уменьшилось до 20⁴. Зато бóльшие размеры приняла общественная запашка: соответственно 3282 и 4258 десятин⁵.

С 1925 г. ККОВ стали активно закупать (на кредиты, предоставляемые банками) сельскохозяйственную технику.

В результате в Оренбургской губернии в распоряжении ККОВ появились первые 6 тракторов и другая техника, были организованы 3 машинных товарищества⁶, в Курганском округе – 8 тракторов, зерноочистительные машины, плуги, молотилки, сенокосилки и т.п.⁷ В 1925 г. на 10 ККОВ округа приходилось 5 различных сельскохозяйственных машин, а в 1926 г. – 5,4 машины, правда, как признавалось в годовом отчёте Курганского окрККОВ, «многие машины, особенно трактора, не используются с полной нагрузкой и бесхозяйственно хранятся»⁸.

Мало оправдывала себя общественная запашка, которая, помимо пополнения фондов, должна была ещё дополнительно стимулировать

¹ Советская правда. 1926. 25 марта.

² ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.41об.

³ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.102. Л.56.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.622. Л.53об.; Д.923. Л.92об.

⁵ Отчёт Оренбургского губкома Р.К.П. (б.) к XI губернской партийной конференции. С.9.

⁶ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.93.

⁷ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.100. Л.12-12об.

⁸ Там же. Д.102. Л.54об.

крестьянство к коллективному труду. На практике она не встречала массовой поддержки крестьянства. С одной стороны, для неё было трудно найти пустующую землю, с другой стороны, «плохая постановка дела общественной запашки, дающая плохие урожаи, не способствует пробуждению интереса масс к запашке»¹. Поэтому зачастую члены кресткомов предпочитали заменять её различными отчислениями или даже обрабатывать общественную запашку наёмным трудом батраков, что, в сущности, в корне подрывало саму идею трудовой взаимопомощи как шага, подводящего к кооперации².

Подобное прагматическое отношение крестьянства к общественной запашке наглядно иллюстрировало иллюзорность расчётов на то, что, как заявлял, например, Калинин, комитеты взаимопомощи «есть зародыши коммунистического строя» и благодаря им крестьянин «будет меньше привержен к собственности»³.

Эффективность использования кресткомами различных форм взаимопомощи во многом зависела от качественного состава членов ККОВ и их руководителей. Такой состав был далёк от желаемого, преобладали малограмотные крестьяне (интересно, например, отметить, что в составе ККОВ Курганского округа число бедняков среди избранных в комитеты членов совпадало с числом малограмотных крестьян⁴). Малограмотный состав руководства, говорилось в отчете Орского уездного ККОВ Оренбургской губернии, ведёт к тому, что «даже неизвестно, сколько хозяйств состоит в ККОВ, какие они по составу, работа подменяется рассылкой указаний»⁵.

В итоге непосредственно производительная деятельность ККОВ страдала многими недостатками. В сообщениях с мест часто встречались упоминания о проявляемой кресткомами бесхозяйственности («посев сельККОВ сжат, но лежит на поле в горстях, в снопы не связан»⁶), обращалось внимание на

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.480. Л.32.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.12об.,92; ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.480. Л.32.

³ Калинин М.И. Избранные произведения. В 4-х т. М.: Госполитиздат, 1960. Т.1. С.459-460.

⁴ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.41.

⁵ ЦДНННОО. Ф.7. Оп.1. Д.508. Л.17об.

⁶ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.463.

«нездоровые увлечения торговой деятельностью, бесхозяйственное расходование фондов», «нецелесообразное расходование средств»¹.

Нередки были случаи использования местных ККОВ их руководством преимущественно в личных интересах. Например, в одном из писем с мест, поступившем осенью 1925 г. в Курганский окружком РКП(б), прямо указывалось, что средства, имевшиеся у ККОВ, «постепенно съедались исключительно аппаратом ККОВ и думать о какой-либо материальной помощи крестьянству не приходилось, что в корне противоречит задачам взаимопомощи»². Иногда злоупотребления носили, так сказать, «классовый подтекст». Например, в одном из писем с мест сообщалось: «Наш Чирковский комитет (Шумихинский район) беднякам в помощи отказывает, а хлеб из общественного фонда раздал самим себе, да зажиточным крестьянам, которые его использовали на самогон»³.

Во многом это являлось следствием бесконтрольности в деятельности ККОВ, особенно в сельской местности, где обычно все вопросы единолично решались председателем кресткома⁴.

В информационных сводках местных отделений ОГПУ (например, по Шадринскому округу) отмечалось, что руководители ККОВ больше заботятся о собственных интересах и их отношение к общественному фонду, как в случае с уборкой урожая с общественной запашки, «равнодушное». «Все эти недочёты в работе ККОВ, – резюмировалось в сводке ОГПУ, – отталкивают крестьян, и в большинстве случаев крестьяне к работе ККОВ относятся пассивно»⁵. Сталкиваясь с негативными сторонами в деятельности кресткомов, крестьянство, особенно середняки, «смотрели на ККОВ как на никчемную организацию», – признавалось в местной печати⁶.

Конечно, деятельность ККОВ при всех присущих им недостатках функцию поддержки той части крестьянства, которая оказывалась в силу разных

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.100. Л.11об.; Смычка. 1925.13 июня.

² ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.189.

³ Челябинский рабочий. 1926. 18 авг.

⁴ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.102. Л.53об.

⁵ ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.179.

⁶ Советская правда. 1926. 2 марта.

причин хозяйственно несостоятельной, в целом выполняла, и объём конкретных форм помощи в 1924–1926 гг. имел тенденцию к увеличению.

Например, в Оренбургской губернии ККОВ в 1923–1924 г. в различных формах оказали помощь 6823 хозяйствам, в 1924–1925 г. – уже 11903 хозяйствам, вовлекли в кооперацию за два года 709 бедняков (с уплатой за них вступительных паёв)¹. В 1925–1926 г. разная помощь была оказана 11140 хозяйствам, выдано 5418 натуральных и денежных ссуд, в том числе 702 безвозвратные ссуды, главным образом в виде семян для посева².

ККОВ Курганского округа в 1924 г. в разных формах оказали помощь 3111 хозяйствам «инвалидов, семей красноармейцев, маломощным и бедняцким хозяйствам», вносили пай за бедняков, вступавших в кооперацию³. Среди форм помощи основное место занимала выдача в денежной и натуральной форме возвратных и безвозвратных ссуд, среди последних доминировали семенные ссуды; реже оказывалась трудовая помощь. В члены кооперации было привлечено 687 чел. (за некоторых уплачены пай).⁴

В Челябинском округе в 1924–1925 г. 8203 хозяйства получили возвратные ссуды деньгами и зерном, ещё 1698 хозяйствам были предоставлены безвозвратные ссуды. Семенные ссуды были предоставлены 1825 маломощным хозяйствам, включая 676 хозяйств красноармейцев⁵.

Однако за этими цифровыми показателями скрывался ряд внутренних проблем качественного свойства, во многом порождённых самой изначальной двойственностью ККОВ как инструментов государственной социальной политики в деревне.

В известной мере представление об этих проблемах даёт анализ протоколов 2-го Оренбургского губернского съезда крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (10–12 июня 1925 г.)⁶.

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.922. Л.29об.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.13.

³ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.41об.

⁴ Там же. Д.100. Л.13-13об.

⁵ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. С.175; Советская правда. 1926. 25 марта.

⁶ См.: ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.622. Л.84-100.

Обращает на себя внимание тот факт, что 16 из 30 прибывших на этот съезд делегатов были членами РКП(б), а 27 имели лишь низшее образование¹.

В своём докладе председатель губернского ККОВ Еюкин, кратко перечислив достижения в работе (рост количества ККОВ, увеличение общественной запашки, тысячи хозяйств, которым были оказаны разные виды помощи), признал, что многие ККОВ существуют только на бумаге, другие увлекаются торговой деятельностью, которая не входит в круг деятельности кресткомов, часто имеет место бесхозяйственное расходование фондов, полностью отсутствует культурно-просветительная работа. Причины упомянутых недостатков, по мнению докладчика, крылись в недостаточном руководстве сельскими ККОВ, что, в свою очередь, объяснялось «недостатком средств, недостатком хороших работников и слабой мощностью фондов»².

В развернувшихся по его докладу прениях преобладал критический настрой: «масса циркуляров, издаваемых в центре, совершенно не обрабатывается губККОВ применительно к местным условиям, а рассылаются в копиях без всяких уточнений»; ККОВ на местах «иногда просто-напросто представляют собой комбеды»; работа «идёт не к улучшению, а к ухудшению»; ККОВ «не пользуются авторитетом, есть масса фактов хищений»; «в работе волостных и сельских ККОВ мы немного пересаливаем революционным темпераментом и не втягиваем середняцкий элемент в работу»³.

На фоне этой критики заключительное слово председателя губККОВ прозвучало явным диссонансом: «Из заслушанных прений выявилось, что основными тормозами работы является слабая техническая сторона и недостаток средств»⁴. На первое место в резолюции съезда оказалось выдвинуто пожелание ходатайствовать перед вышестоящими органами «о создании минимальных штатов выборных и технических работников», «согласовывать тесно работу с партийными и советскими органами»⁵.

¹ Там же. Л.99об.-100.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.622. Л.86-86об.

³ Там же. Л.87об.,88,89.

⁴ Там же. Л.90.

⁵ Там же. Л.91-91об.

Острая полемика разгорелась на съезде при обсуждении вопроса о роли ККОВ в осуществлении кооперирования беднейших слоёв деревни, то есть решения именно той важной задачи, на выполнение которой постоянно нацеливали партийные установки (вопрос об отрыве ККОВ от сельхозкооперации, отмечалось в местной печати, «наболел и вызвал продолжительные и горячие прения по докладу»¹).

Поскольку «при кооперировании населения мы сталкиваемся с фактом невозможности маломощных внести пай, – было сказано в докладе по этому вопросу представителя губернских кооперативов Химача, – потому ККОВ должны оказывать содействие со своей стороны в этой области», либо внося за бедняков пай, либо давая поручительство за них в случае предоставления кредита².

Предложение нести фактическую ответственность по обязательствам вступающих в кооперацию бедняков вытолкнуло на поверхность один из самых больных для кресткомов вопрос: о наличии в их составе таких бедняков, которые использовали ККОВ как форму иждивенчества: надо выявлять «лиц, совершенно не желающих работать, не смешивая последних с действительно нуждающимся контингентом»; ни в коем случае нельзя давать гарантии за «пролетариат»; «оказание многократной помощи «люмпен-пролетариату» ни к чему не приведёт; его следует раньше перевоспитать»; давать гарантии маломощным можно, «но нужно хорошо знать за кого поручиться, чтобы на фонды ККОВ не была наложена печать кооперации. Мы хотим убить двух зайцев: и вносить пай за маломощное население, и сохранить фонды ККОВ»³. К тому же в силу ограниченности средств кресткомы могли давать не материальную, а лишь «моральную гарантию» возврату кредита⁴.

В итоге докладчик был вынужден признать, что поскольку основой хозяйственных отношений являются не моральные, а материальные гарантии, и принимать бедняков без взноса невозможно, то нужно создать такие условия,

¹ Смычка. 1925. 16 июня.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.622. Л.97.

³ Там же. Л.94об.,97об.,98.

⁴ Там же. Л.97.

«чтобы беднота льготами пользовалась, но отнюдь не в форме благотворительности», нужна «платёжная дисциплина, чтобы бедняки тоже расплачивались за кредит»¹.

Принятая резолюция акцентировала внимание на том, что надо договориться с кооперацией о возможности рассрочки по платежу маломощному и бедняку; кредитование маломощных хозяйств должно иметь преимущество, а со стороны кооперации «обращалось бы серьёзное внимание на данную ККОВ моральную гарантию»².

Очевидно, что двойственность ККОВ как инструмента одновременно и политического контроля над деревней, и подъёма слабых крестьянских хозяйств по мере расширения нэповского курса только усиливалась. Это делало их всё более и более инородным телом в составе органов социального обеспечения, вело к неизбежному их размежеванию.

Изменения, происходившие в крестьянской политике большевистской партии, повысили заинтересованность власти в использовании кресткомов в качестве орудия классовой политики в деревне, что потребовало их переориентации с задач социальной защиты малообеспеченной части деревни на решение с их помощью ранее находившихся на втором плане, хотя и постоянно упоминавшихся, задач кооперирования бедняцко-средняцкой части деревни. В итоге ККОВ превратились в 1927-1928 гг. в такой же инструмент реализации социально-классовых целей власти в деревне, как и налоговая политика.

Конечно, сложившиеся в предыдущие годы НЭПа традиции оказывали своё влияние на повседневную деятельность кресткомов. Различные документы, характеризующие их деятельность, и в этот период пестрили показателями, характеризующими количество охваченных кресткомами хозяйств и оказанной им помощи, размеры общественной запашки и средств, полученных от работы арендованных предприятий и т.п.³

¹ Там же. Л.96об.,98об.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.622. Л.99.

³ См. напр.: Обобщающий доклад Курганского окрККОВ «Семь лет крестьянской взаимопомощи» – ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.100. Л.16-18.

Но одновременно всё большее место в оценке деятельности кресткомов отводилось их роли в борьбе с кулаком и в обеспечении «продвижения деревни к социализму» посредством переключения главного внимания на кооперирование крестьянства.

Показательно, например, что весной 1927 г. в резолюции, принятой VIII Оренбургским губернским съездом Советов, в той части, которая касалась задач, стоящих перед ККОВ, появилась вполне однозначная формулировка: «... уделить особое внимание на кооперирование бедняцкого населения и на работу по коллективизации крестьянского населения»¹.

Спустя менее чем месяц Оренбургские губком, губисполком и губернский ККОВ направляют специальное письмо всем низовым партийным, советским органам и кресткомам, где требуют установить между ними теснейшую связь и указывают, что последние «должны уделить особо серьёзное внимание выполнению даваемых директив в работе партийными и советскими органами, так как только при поддержке и направлении этих органов кресткомы смогут развивать свою деятельность»².

СНК РСФСР, заслушав доклад Центрального комитета крестьянских обществ взаимопомощи, принял 2 июля 1927 г. постановление, в котором, в частности, признал «нецелесообразным слияние органов социального обеспечения с органами крестьянских обществ взаимопомощи»³.

В осуществление этого решения ККОВ выделились в самостоятельное подразделение, что реализовалось в разделении должностей местных руководителей собесов и председателей губернских (окружных) ККОВ с их непосредственным подчинением руководителю губернского (окружного) исполкома. В отчётных документах советских органов разделы, посвящённые деятельности собесов и ККОВ, ранее объединённые, теперь стали разделяться.

Тем самым фактически было признано, что кресткомы из структур социальной защиты беднейшего крестьянства превращаются в структуры

¹ Резолюции VIII Оренбургского губернского съезда Советов. 19-21 марта 1927 г. С.22.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.21.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.583. Л.3.

социального наступления беднейшего крестьянства под руководством партии и советов против зажиточной части деревни.

Первые результаты такой переориентации ККОВ проявились почти сразу. Так, на прошедшем 24–25 июля 1927 г. первом расширенном пленуме Челябинского окружного ККОВ на первый план оказался вынесен вопрос «о мероприятиях по кооперированию, кредитованию и материальной помощи бедноте». Настоятельно рекомендовалось в качестве первоочередных мер проводить «внесение паевых взносов за маломощные хозяйства» при вступлении их в кооперацию; предоставлять бедноте льготный отпуск сельскохозяйственного инвентаря, семян, посредством всего этого максимально «стремясь к организации производственных артелей, коммун, машинных товариществ и других объединений»¹.

Своего рода итоговым признанием новой роли, которую власть отвела ККОВ на последнем этапе НЭПа, можно считать такую оценку, которая была дана в отчёте о работе за период с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г. Курганского окружного ККОВ: «Вопросы социалистической перестройки сельского хозяйства на основе производственного кооперирования и коллективизации мелких бедняцко-средняцких хозяйств, максимальное расширение материально-трудовой помощи бедноте и маломощным середнякам, организация вокруг ККОВ широких батрацко-бедняцких и средняцких масс деревни для решительного наступления на кулака, являлись основными и важнейшими задачами в работе ККОВ»².

Конечно, в наибольшей мере такая роль кресткомов выявилась именно в 1928–1929 г., но разворот в этом направлении проявился и в предыдущий хозяйственный год.

Эту классово-наступательную тенденцию в чисто хозяйственной деятельности ККОВ не могли не почувствовать и сами крестьяне. Характерно, например, такое мнение, приведённое в информсводке местного отделения ОГПУ за 1927 г., высказанное крестьянином Затеевым в селе Кокуй

¹ ОГАЧО. Ф.Р-98. Оп.1. Д.1666. Л.57-58.

² ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.242. Л.2.

Челябинского округа на собрании по перевыборам местного кресткома: «Я зажиточный и потому против ККОВ. Сейчас ККОВ еще слабы, но как только они направятся, будет много посева, развернутся прокатные пункты и т. д. Советская власть скажет, что вы пришли к коммуне – и этого, конечно, мы не потерпим, поэтому нужно худое дерево бить в зародыше и ликвидировать пока можно слабый ККОВ»¹.

Подобным расчётам зажиточной части деревни сбыться было не суждено, но и без их противодействия реальные возможности ККОВ как одного из инструментов социального преобразования южноуральской деревни были достаточно ограниченны.

Весьма показательным в этом плане обсуждение на президиуме Оренбургского губККОВ в ноябре 1927 г. доклада приезжавшего из Москвы инструктора Центрального комитета ККОВ о результатах обследования состояния кресткомов в губернии. Выводы докладчика носили крайне критический характер. По его оценке, сельские комитеты «варятся в своём соку», реального руководства ими сверху нет, «фонды кресткомов очень слабые, членские взносы установлены, но сбор таковых проходит слабо, задолженность за 1926 год не ликвидирована, кресткомы мало обращали внимания на оказание льгот и трудовой помощи населению. Что же касается связи кресткомов с кооперативными органами и их участия в распределении фонда кредитования бедноты, то таковые совершенно не имели места в работе кресткомов». Предприятия кресткомов малодоходны, неэффективна общественная запашка, «расходы на организационные нужды равны помощи бедняцкому населению», в результате кооперирование с помощью кресткомов оказывается крайне незначительным².

Видимо, такая оценка московского инструктора не была неожиданной для местного руководства.

Ведь ещё в начале апреля того же года губККОВ был вынужден признать слабость кресткомовских фондов, «накопление коих, главным образом, в нашей

¹ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.395. Л.5.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.923. Л.106-106об.

губернии состоит из общественной запашки», но качество посевов и уборки таковы, что «урожайность кресткомовского хлеба ниже урожайности крестьянских хлебов, в то время как посеянная площадь кресткомов должна быть показательной для крестьянства»¹. В мае губККОВ констатировал, что большинство комитетов так и не собрало членские взносы за предыдущий год и грозил не только временным исключением не уплативших взносы из ККОВ, но и «возбуждением дела в народном суде»².

Аналогичные проблемы в отношении общественной запашки отмечались и в Курганском округе: применение наёмных форм обработки земли, несвоевременное и плохое качество посева и уборки урожая, приводившие к низкой урожайности³.

Неэффективность общественной запашки понижала интерес к ней со стороны членов кресткомов. Об этом свидетельствуют крайне незначительные её размеры, свойственные всему Южному Уралу. В Оренбургской губернии в 1927 г. в среднем на 1 крестком приходилось чуть больше 1 десятины общественной запашки; в Курганском округе на 1 ККОВ приходилось в 1926–1927 г. – 2 дес., в Башкирии в 1927 г. около 1 га, в следующем году немногим больше 2 га, такой же показатель в 1928 г. был и в Челябинском округе⁴.

Очевидно, что доходы, полученные от сбора урожая (к тому же, как правило, низкого качества) с такого количества земли, вряд ли могли существенно пополнить фонды кресткомов и позволить им в массовом порядке вносить пай в кооперацию за вступающих туда бедняков. Стоит обратить внимание и на то, что при создании кресткомов и в последующей их деятельности именно в общественной запашке власть видела один из путей развития коллективистского начала, ведущего членов ККОВ к производственной кооперации. Состояние общественной запашки в 1927–1928 г. явно свидетельствовало о том, что такие расчеты не оправдались.

¹ Там же. Л.22.

² Там же. Л.29-29об.

³ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.242. Л.8.

⁴ Там же. Д.100. Л.18; Красная Башкирия. 1928. 27 окт.; Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.45; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.178-179.

С экономической точки зрения на первый план выходили находившиеся в собственности ККОВ или взятые в аренду сельскохозяйственные предприятия, которым уделялось гораздо больше внимания¹. При умелой эксплуатации такие предприятия (мельницы, маленькие заводи, мастерские, кузницы и т.п.) приносили возрастающий доход, часть которого могла, кстати говоря, использоваться и для внесения паевых взносов за вступающих в кооперацию бедняков. Позитивным сдвигом в это время стало всё более широкое использование сельскохозяйственной техники, в первую очередь тракторов, создание специальных машинных товариществ, обрабатывавших, чаще всего за оплату, земли членов ККОВ. Помимо практического эффекта, такая производственная деятельность имела и психологический эффект, повышая доверие крестьян к кресткомам². Правда, временами в использовании такой сельхозтехники наблюдался «коммерческий уклон», когда техника применялась не для бедняков, а для зажиточных крестьян, которые могли оплатить эти услуги³.

В целом складывается впечатление, что в 192 – 1928 г. и особенно в 1929 г., по мере приближения «великого перелома», в глазах властей ККОВ не оправдывали связывавшихся с ними надежд превращения в один из инструментов быстрой коллективизации и борьбы бедняков с кулачеством. Обращает на себя внимание, в частности, то обстоятельство, что в решениях местных партийных органов негативные оценки, перечисление недостатков в деятельности ККОВ явно доминировали в это время над оценками позитивными, даже несмотря на те или иные цифровые показатели, свидетельствовавшие о расширении деятельности кресткомов.

Так, на Челябинской окружной партконференции 1927 г. указано было преимущественно на «многочисленные недостатки» в деятельности кресткомов, не позволяющие им эффективно выполнять поставленные партией задачи: слабый сбор членских взносов, малая доходность общественной запашки и

¹ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.45. Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.178.

² Красная Башкирия. 1927. 12 мая; Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.45.

³ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.242. Л.11.

арендованных предприятий, низкие темпы кооперирования бедняцких хозяйств, «частичные случаи использования средств не на взаимопомощь бедняцким слоям, а на содержание аппарата и другие нужды»¹.

Бюро областного комитета ВКП(б) Башкирии, обсудив в октябре 1927 г. доклад о состоянии ККОВ в республике, признало их общее экономическое положение «слабым», отметило недопустимо высокий «процент расходования средств на содержание аппарата», сохранение обработки общественной запашки посредством найма рабочей силы (за деньги или за половину собранного урожая) и призвало партийные и советские органы усилить своё руководство кресткомами².

При новом обсуждении этого вопроса в апреле 1928 г. партийное бюро республики отметило в 5 пунктах, правда, в расплывчатом виде, некоторые положительные сдвиги («общее оживление деятельности», «некоторое увеличение помощи бедняцким хозяйствам» и т.п.). Зато 13 пунктов принятого постановления были посвящены перечислению конкретных недостатков в их работе практически того же содержания, что и полгода назад. Конечный вывод сводился к повторению октябрьского постановления о том, что общее экономическое состояние кресткомов остаётся слабым, а работа по вовлечению бедняков в кооперацию не даёт требуемых результатов. Поэтому было вновь настойчиво рекомендовано «парторганизациям усилить руководство и контроль работой кресткомов, обеспечивая практически правильное развитие крестьянской взаимопомощи»³.

Однако и осенью того же года, согласно статье, опубликованной в «Красной Башкирии», «в работе по оказанию помощи бедняцким слоям деревни, кооперированию и коллективизации, содействию кооперативным и общественным организациям в переустройстве сельского хозяйства, направленной на организацию помощи бедняцко-средняцким слоям деревни, кресткомы достаточного эффекта не получили»⁴.

¹ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.453. Л.17.

² ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.7. Д.27а. Л.126-126об.

³ Там же. Д.7. Л.67-68.

⁴ Красная Башкирия. 1928. 27 окт.

В мае 1928 г. Курганский окрККОВ отмечал целый ряд «недочётов»: «слабая отчётность о своей работе перед крестьянской массой, бесплановость и бессметность в работе, на 30-40% общественная запашка осуществляется по найму, выдача помощи мелкими нищенскими подачками, ненужное вмешательство административных органов в расходование фондов ККОВ, частая смена работников ККОВ»¹.

В какой-то мере основные причины нарастающей критики деятельности ККОВ объясняет суммарная оценка, данная уже в конце 1929 г., в момент развёртывания форсированной коллективизации, самим руководством Курганского окрККОВ: «Период развёрнутой классовой борьбы и наступления на кулака в деревне показал, что выборные органы ККОВ в большинстве были неспособны к выполнению поставленных перед ними задач, что в выборных органах ККОВ сплошь и рядом находились классово чуждые элементы, кулаки и подкулачники, открыто тормозящие, а часто сознательно вредящие в работе ККОВ, превращающие комитеты в ширму, за которую прячутся кулаки». Кресткомы в своей практической деятельности последних лет недостаточно организовывали бедноту «для решительного наступления на кулацкие слои деревни», систематически «допускались грубые классовые извращения», как-то: обслуживание кулаков сельскохозяйственными машинами, выдача им семенных ссуд, различных справок для получения льгот и проч.²

Фактически такая оценка носила политический характер: признавалось, что ККОВ не выполнили своей классовой функции и превратились не в орудие борьбы с кулачеством, а в его фактического пособника. Оценка тем более парадоксальная, что, согласно тому же документу, в выборных органах бедняки составляли более 60%, а зажиточные крестьяне – едва 2%, наконец, высока была и партийная прослойка в этих органах – почти 10%³.

Принимая во внимание атмосферу «головокружения от успехов», в которой создавался процитированный документ, следует всё же признать, что он позволяет хорошо увидеть и зафиксировать всё тот же разрыв между

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.100. Л.18.

² ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.242. Л.3,6.

³ Там же. Л.3.

идеологическими установками, которые закладывались в социальную политику Советской власти, и реальностью крестьянской жизни, которая стремилась извлечь из этих решений практическую пользу.

ККОВ с точки зрения большевистской власти должны были выполнить в годы НЭПа две основные функции.

Во-первых, переложить на само крестьянство заботу о социальной поддержке той части деревни, которая, в силу разных объективных и субъективных причин не способна была самостоятельно себя обеспечивать. И эту задачу, крайне актуальную в 1921–1924 гг., кресткомы в основном выполнили, в том числе помогли части таких крестьянских хозяйств подняться на ноги. В то же время часть бедняков предпочла, пользуясь льготами, которые они имели, будучи членами ККОВ, так же как и раньше (в годы «военного коммунизма»), образно говоря, «сесть на шею» своим же односельчанам, играя роль «социальных иждивенцев». Не случайно, что, по мнению не только зажиточных крестьян, но и большинства середняков, кресткомы часто воспринимались как прибежище «лодырей», желающих жить за счёт постоянной помощи сельского общества.

Во-вторых, власть, по мере того как деревня выходила из кризисного состояния и проблема социальной поддержки значительной части бедняцкой группы теряла прежнюю остроту, выдвинула на первый план классовые цели ККОВ – с их помощью сплотить бедноту и середняков против зажиточной части деревни. Этому служило усиление руководства со стороны партийных и советских органов, происходившее всю вторую половину 1920-х гг.

Однако на деле, как показывает пример Южного Урала, те кресткомы, которые хозяйственно действительно окрепли, предпочитали заниматься преимущественно экономической деятельностью, стремясь, что вполне закономерно, к увеличению доходов, усиливали «коммерческий уклон» в своей деятельности, отодвигая на второй план решение других задач. Отнюдь не столько и не только попытки кулаков использовать кресткомы в своих интересах (хотя это, конечно, тоже имело место), сколько реальные экономические интересы подталкивали многих членов кресткомов, чего не

могли не учитывать и их конкретные руководители на местах, к тому, чтобы руководствоваться не классовыми, а прагматическими соображениями выгоды.

В этом плане, можно сказать, НЭП подчинял себе часть кресткомов. Это приходило в противоречие с планами властей и заставило их ближе к концу 1920-х гг. усилить нажим на кресткомы с тем, чтобы они активнее боролись с кулачеством и содействовали кооперации. Новое усиление пробедняцкой направленности в работе ККОВ объективно превращало эти организации в одно из средств углубления процессов социальной дифференциации крестьянства, отталкивало от них многих крестьян, включая середняков.

В результате из общественной организации, потенциально способной усилить хозяйственно-интеграционные процессы в деревне (за счёт реальной взаимопомощи, содействующей уменьшению числа маломощных хозяйств), кресткомы на протяжении 1920-х гг. эволюционировали в инструмент классовой социальной политики в деревне и в ходе начавшейся осенью 1929 г. массовой насильственной коллективизации, по сути, выступили в роли одного из низших звеньев советской властной вертикали.

3.2. Крестьянство Южного Урала и власть: от социального компромисса к социальному разочарованию

Официальные партийные и советские документы, имевшие публичный характер, на протяжении почти всех 1920-х гг. рисовали, как правило, позитивную картину осуществления «смычки» города и деревни, создавая впечатление успешной реализации социальной политики власти в деревне.

В рамках такого видения действительности вполне логичными выглядели оптимистические утверждения октябрьского (1927 г.) объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), обсуждавшего директивы по составлению первого пятилетнего плана, о том, что «созданы прочные предпосылки для окончательной победы социализма» и «пролетариат вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника»¹.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.216,219.

Поэтому острый кризис в отношениях государства и крестьянства, разразившийся в ходе хлебозаготовительной кампании 1927-1928 г., на первый взгляд, мог показаться неожиданностью, роковым стечением обстоятельств, не оставившим руководству страны времени для принятия каких-либо иных решений, кроме как о применении экстренных, чрезвычайных мер.

Именно такая интерпретация была дана этому кризису на новом объединённом пленуме ЦК и ЦКК в апреле 1928 г. Обсудив ситуацию, возникшую на «хлебозаготовительном фронте», пленум принял резолюцию, в которой первопричиной кризисных явлений объявлялось стихийно произошедшее «резкое нарушение рыночного равновесия», которым попытался в своих классовых интересах воспользоваться кулак¹.

Попытки некоторых участников пленума (например, секретаря Сибирского крайкома Сырцова и председателя СНК Украины Чубаря) расширить понимание кризиса и обратить внимание на то, что «активность кулачества в какой-то мере увязалась с некоторыми отрицательными настроениями в части середняцких слоёв» и «часть бедноты пошла за агитацией кулака»², не встретили поддержки большинства их коллег.

Однако недавно опубликованные документы ОГПУ показывают, что по этому каналу высшему руководству и задолго до возникновения кризиса хлебозаготовок поступала из деревни информация, свидетельствовавшая о нарастании недовольства разных слоёв крестьянства проводимой властью политикой, особенно в налоговой области. Большинство участников пленума относилось как раз к высшему звену власти, которое в силу своего должностного положения регулярно получало соответствующие информсводки ОГПУ. Это делает крайне уязвимой версию о полной неожиданности для партийно-государственного руководства тех событий, что разыгрались в ходе хлебозаготовительной кампании.

Скорее можно говорить о том, что участники пленума хорошо понимали, что именно власть постепенным ужесточением налоговой политики в деревне,

¹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. В 5 т. М.: Междунар. фонд «Демократия», Материк, 2000. Т.1. С.317-318.

² Там же. С.114,94.

усиленным акцентированием её классового содержания сама спровоцировала крестьянство на то, чтобы пустить в ход последнее экономическое оружие «крестьянской самообороны» – «хлеб». Другое дело, что даже в своём узком кругу (согласно протоколу пленума, в его работе участвовало 303 чел.¹) большевистская элита предпочитала, за редчайшим исключением, не называть вещи своими именами. Не случайно, кстати, что с подачи делавшего основной доклад по вопросу хлебозаготовок наркома внутренней и внешней торговли Микояна наряду с термином «чрезвычайные меры» участники пленума широко использовали эвфемизм «экстраординарные меры».

Конечно, на слова и действия партийно-советских руководителей в этой ситуации оказывало влияние много разных факторов, в том числе связанных с только что завершившейся долголетней борьбой с «левой оппозицией» в собственных рядах, усилением номенклатурно-бюрократических тенденций.

Но можно предположить, что решающую роль в априорном принятии и одобрении чрезвычайных мер, что делало бессмысленным в своём кругу всякий разговор об их обоснованности, сыграло именно то обстоятельство, что они закономерно вытекали из всей предыдущей государственной политики в деревне, отражали принципиальную неспособность большевистской элиты выйти за пределы «доктринального алгоритма», заставлявшего видеть всю сложную действительность российской деревни, всё многообразие крестьянских стремлений и желаний исключительно под классовым углом зрения, мыслить развитие нэповской деревни в рамках жёсткой дихотомии «свой-чужой».

Поэтому социальный компромисс, де-факто заключённый властью с крестьянством в 1921 г., не означал отказа от главной цели – добиться того, чтобы деревня стала социалистической, то есть социально однородной, состоящей, если использовать известную марксистскую формулу о двойственной сущности крестьянина (труженик и собственник), только из огосударствлённых крестьян-тружеников.

Как показано в предыдущем разделе, налоговая составляющая большевистской политики в годы НЭПа, несмотря на ряд колебаний,

¹ Подсчитано по: Там же. С.314-315.

целенаправленно развивалась именно в направлении всяческого ограничения «собственнических» устремлений крестьянства, косвенного поощрения «бедности» и уравнительности как тех качеств, что облегчают подчинение крестьянских хозяйств государству.

Реакцией основной массы крестьянства, не готовой и не способной добровольно отказаться от естественного желания «богатеть», неизбежно должно было стать в таких условиях нарастающее разочарование во власти, сопровождающееся использованием тех или иных способов самозащиты, включая и последнее мирное оружие такой самозащиты – хлеб.

Исследование эволюции поведения и настроений южноуральского крестьянства подтверждает эту общую закономерность.

В партийных документах, не предназначенных к публикации, там, где оценивалось отношение деревни к власти, часто встречается (в разных вариантах) важное признание примерно такого содержания: «Настроение бедноты, батраков, демобилизованных красноармейцев, середняков и сельской интеллигенции к советской власти и компартии – хорошее, но это настроение нужно понимать как настроение «вообще»¹.

Проблема заключалась именно в этом: хорошее отношение к советской власти «вообще» конкретизировалось через крестьянское восприятие действий власти, прежде всего, наиболее затрагивающих повседневную, обыденную жизнь крестьянина, для которого коммунистические лозунги представляли по большей части голую абстракцию, зато размер сельскохозяйственного налога являлся непосредственной реальностью.

В работах российских историков последних лет, обращавшихся к исследованию социокультурных факторов развития нэповской деревни, было обращено внимание на два принципиально важных обстоятельства.

Во-первых, на неоднозначность, своего рода мозаичность крестьянского сознания, порождавшую противоречивые реакции на те или иные действия власти даже среди крестьян, принадлежавших к одной социальной группе².

¹ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.135. Л.2об.

² См.: Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. С.45-105.

Во-вторых, на существенное расхождение в отношении крестьянства к советской власти как абстрактному понятию и к конкретным мероприятиям этой власти, которые оценивались исключительно через призму их полезности или вреда для крестьянского хозяйства. Образовавшийся в этом отношении разрыв между крестьянскими ожиданиями и реальной политикой власти вёл к тому, что крестьянским настроениям в 1920-е гг. был присущ «дефицит социального оптимизма и нарастание недовольства своим положением и политикой власти в деревне»¹.

Информационные сводки местных отделов ОГПУ Южного Урала, равно как и партийные документы, носившие гриф секретности и предназначенные для узкого круга лиц, редко приводят высказывания крестьян, не говоря уже об их конкретных действиях, которые можно было бы оценить как в полной мере «антисоветские», то есть направленные против Советской власти вообще.

Во всяком случае, характеристика в документах авторов таких высказываний как «кулаков» представляется вполне адекватной. В качестве примера подобного классового подхода к советской власти можно привести публичное, сделанное в помещении сельсовета, заявление казака Распопова в одном из сёл Челябинского округа весной 1927 г.: «Война нужна, войну необходимо, и в первую очередь необходимо победить кровососов-коммунистов. С какой бы радостью посмотрел на арестантов – наших теперешних управителей Калинина, Рыкова, Сталина, сам бы пил их кровь»².

Типичным же было не отрицание Советской власти как таковой, тем более не откровенный призыв к её ликвидации, а недовольство её конкретными действиями, которые не оправдывали крестьянских ожиданий. Причём недовольство это существовало, судя по материалам ОГПУ, у разных слоёв крестьянства, хотя и по разным причинам.

Так, бедняк Шарков из с. Патронное Курганского округа сетовал, что «мы завоевали советскую власть, а также равенство, но последнего у нас нет, и в особенности обижены в этом отношении бедняки, которым в действительности

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч. С.56,168.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.453. Л.53.

живётся очень плохо и со стороны государства помощи нет, за исключением того, что с последних продналог берут меньше, чем с зажиточного крестьянина, но это помощь ничтожная, так как середняк и бедняк засевают гораздо меньше, чем зажиточный крестьянин, и поэтому бедняку приходится труднее и последний вынужден наниматься к зажиточному крестьянину, каковой эксплуатирует так же, как и раньше при царизме»¹.

Средняк Быков из деревни Закоуловой того же округа был недоволен тем, что при Советской власти, если нужно будет получить лес для постройки, то «сперва нужно столько заявлений написать, а потом тебе за деньги отпустят леса ... при царе Николае на этот счёт было лучше»².

Зажиточный крестьянин Михалев из курганского села Шкодино ссылался на неправильную политику власти в вопросе создания в деревне семенных фондов: «Если мы создадим запасной фонд и ссыплем туда свои семена, так обратно их не получим, весь хлеб раздадут лодырям да отправят в город, а это будет для мужика одно разорение»³.

Подобные негативные суждения крестьян можно черпать десятками из документов, но при всём разнообразии поводов, дававших крестьянам возможность проявить своё недовольство, нельзя не выделить стержневой мотив, проходящий «красной нитью» через подавляющее большинство критических суждений крестьян относительно государственной политики в деревне – это налоговая политика. Д.Х. Ибрагимовой уже было обращено внимание на то, что неудовлетворение системой и особенно практикой проведения налогообложения присутствует в большинстве писем, адресованных в «Крестьянскую газету»⁴.

Не менее показательным может служить и то обстоятельство, что практически во всех использованных нами документах ОГПУ, партийных и советских источниках, характеризующих настроения крестьян Южного Урала, постоянно присутствует сюжет крестьянского недовольства налогами, более

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1016. Л.54.

² Там же. Д.1022. Л.33-34.

³ Там же. Л.63.

⁴ Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. С.73-74.

того, отталкиваясь от него, крестьяне часто позволяют себе обобщения, демонстрирующие общее чувство отчуждённости от власти.

Красноречивым признанием ключевого значения налогового вопроса для крестьянства звучит, например, такая оценка, содержащаяся в одной из сводок Шадринского отдела ОГПУ за январь 1925 г.: «На политические вопросы в большинстве своём крестьянство смотрит безразличными взглядами, ... но по насущным вопросам, прежде всего сбор единого сельскохозяйственного налога, имеется масса суждений и нареканий ... потому что крестьянство это задевает за самое его больное место»¹. Аналогичные выводы делались и на уровне центрального аппарата ОГПУ: «В отчётный период определяющим моментом в политнастроении деревни остаётся по-прежнему новый сельхозналог» (июль 1926 г.)².

Налоговая политика являлась основным инструментом регулирования властью в условиях НЭПа социальных процессов, идущих в деревне. Именно от неё в конечном итоге зависел успех в деле объединения крестьянства вокруг провозглашённых большевиками задач радикального, индустриального преобразования страны. В ходе проведения государственных налоговых кампаний крестьянин, независимо от того, к какой социальной группе внутри своего класса он принадлежал, приобретал тот практический опыт, который говорил ему гораздо больше об отношении к себе власти, чем разного рода лозунги и обещания.

Первое, что необходимо отметить при анализе реакции южноуральского крестьянства на налоговую политику государства – это отсутствие отрицания налогов как способа взаимоотношений города и деревни, государства (которое как бы отождествлялось в крестьянском сознании с городом) и крестьянского мира. Негативное отношение вызывалось не налогами как таковыми, а их конкретными размерами и формами взимания на местах.

Второе важное обстоятельство – это то, что налоги расценивались деревенским населением преимущественно с точки зрения их соответствия

¹ ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.17.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4.Ч.1. С.453.

интересам самих крестьян, которые имели широкий диапазон: от возможности обеспечения элементарных личных и семейных потребностей (у бедняков) до расширенного воспроизводства собственного хозяйства (у наиболее зажиточной части деревни).

Третье – в значительной мере именно через налоговые взаимоотношения с властью (хотя, конечно, не только через них) формировались и другие аспекты крестьянского восприятия, позитивного или негативного, власти в целом. Такие, как, например, отношение к центральной и местной власти, к коммунистам-представителям власти, сравнение советской власти с её предшественниками.

Поэтому можно говорить о том, что именно эта часть крестьянского восприятия внешнего мира в известной мере формировала социальное самосознание крестьянства в годы НЭПа, позволяла крестьянам, принадлежавшим к разным группам, осознать степень совпадения или расхождения своих жизненных интересов и интересов существующей власти.

Реакция крестьянства на первые продналоговые кампании во многом определялась тем, что они проводились в условиях поразившего с лета 1921 г. Южный Урал сильнейшего голода.

Уже в середине июня из Челябинской губернии сообщали, что голод приобретает повсеместные масштабы и поэтому отношение крестьянства к «советской власти и, особенно, к коммунистической партии, становится явно враждебным». Фиксировалось и то обстоятельство, что крестьянство, опасаясь усиления голода, начинает препятствовать вывозу хлеба в счёт налога, местами отказывается от других составных частей продналога (молоко, яйца и т.д.)¹.

Имели место и спонтанные выступления крестьян на почве начинающегося голода и нехватки семян для посева: так в Троицком уезде Челябинской губернии были разбиты амбары, где хранилось семенное зерно, в одном из сёл толпой женщин было растащено из таких амбаров 800 пудов зерна, а в Куртамышском уезде той же губернии «с помощью красноармейцев, охраняющих ссыпной пункт» крестьянами было «растащено по домам» 500 пудов зерна. В середине июня из Челябинска сообщали, что «в некоторых

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.344. Л.130.

местах губернии голодные крестьяне не дают вывозить хлеб, останавливают подводы с хлебом и растаскивают его»¹. В Уфимской губернии «голодные массы в количестве от 1 тыс. до 2 тыс. человек осаждают волисполкомы с требованиями хлеба», в одном из сёл для разгона толпы пришлось применять оружие, 14 крестьян получили ранения².

С конца лета, когда обнаружались масштабы неурожая, голод принял свои крайние формы и захватил всю территорию Южного Урала.

Его пик пришёлся на зиму 1921 г. – середину лета 1922 г.

Летом 1922 г. общее число голодающих в Уфимской губернии и БАССР достигло 2 млн чел.³ В одной из майских сводок из Уфимской губернии содержалось, возможно, и преувеличенное, но тем более характерное в этой своей преувеличенности сообщение: «... голодающих в губернии около 100%»⁴.

В информации, подготовленной Челябинским губернским экономическим совещанием к VI съезду губернских Советов, отмечалось, что 1922 год был «временем небывалых голодных мук для населения губернии ... в начале лета сельское население питалось почти одними суррогатами». По предварительным подсчётам, умерло от голода и истощения 35630 чел., произошло сокращение сельского населения примерно на 17%⁵.

В Уфимской губернии к маю 1922 г. смертность от голода превысила 50 тыс. чел.⁶. В этой губернии и в Башкирии в силу культурно-экономических условий наибольшие потери несло татаро-башкирское население. В БАССР за 1921-1922 г. только в одном, Тамьян-Катайском кантоне, от голода погибло до 60% местного татаро-башкирского населения⁷. «Многие башкирские деревни вымерли наполовину», – сообщалось в феврале 1922 г. в информсводке ГПУ⁸.

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М.: РОССПЭН, 1998. Т.1. С.428,433,437,458-459.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.1. С.443,453.

³ Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана. С.54.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.1. С.628.

⁵ Бюллетень Челябинского губернского экономического совещания. С.3.

⁶ ЦГИА РБ. Ф.444. Оп.1. Д.326. Л.12об.

⁷ Там же. Ф.753. Оп.1. Д.164. Л.207.

⁸ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.1. С.576.

Естественно, что проведение в таких условиях налоговой кампании 1921-1922 г. столкнулось на Южном Урале, даже в условиях сокращения первоначально намеченных размеров налогообложения, с большими трудностями и вызвало практически у всех групп крестьян негативное отношение. Типичной можно считать такую, например, констатацию ЧелгубЧК в октябре 1921 г.: «Ввиду неурожая большая часть крестьянства относится к продналогу враждебно»¹. То же повторялось и в госинформсводках ГПУ, где речь шла о Южном Урале: «Продналог поступает слабо, большинство крестьян склонно не сдавать продналог», «продналог выполняется слабо ... Настроение населения неудовлетворительно»².

Осенью 1921 г. отмечались массовые факты утаивания от налогообложения зерна и других продуктов, в ряде волостей принимались коллективные ходатайства об освобождении от продналога в силу неурожая, началось частичное бегство крестьян в Сибирь³.

Столкнувшись со значительными трудностями в сборе налога, власть пустила в ход привычные методы. Так, согласно «приказу», изданному Челябинским губисполкомом 1 октября 1921 г. (к этому времени в губернии было собрано лишь 7% от запланированного объёма продналога), «вся работа по проведению сбора продналога» была приравнена к «работе фронта», а всех продработников было решено считать «мобилизованными» с вытекающими из этого последствиями. Предусматривалась в «приказе», среди прочих суровых мер воздействия, и такая: «В упорствующие селения, нежелающие сдавать хлебный продналог, немедленно вводятся воинские части, которые ставятся на полный боевой паёк за счёт населения без зачёта в продналог на всё время выполнения такового»⁴.

Подобные методы, естественно, воспринимались крестьянами как продолжение прежней политики, и они считали, что «продналог ни в чём не отличается от продразвёрстки, потому что в настоящее время требуют его

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.321. Л.36.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.1. С.487,511.

³ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.321. Л.5,7,37.

⁴ Хрестоматия по истории Курганской области (1917-1945 гг.). Курган: Кург. гос. ун-т, 1997. С.58-59.

выполнения, не принимая во внимание никаких обстоятельств»¹. Даже в сводках губЧК признавалось, что во многих случаях «продналог является непосильным, но всё же таковой с населения взимается»².

По итогам выполнения продналоговой кампании 1921-1922 г. власти были вынуждены констатировать, что «добровольной сдачи продналога всем населением не было и быть даже не могло, за исключением отдельных лиц, коим посчастливилось снять более приличный урожай со своих полей», налог сдавался «только под влиянием нажима» и пришлось «прибегнуть к репрессивным мерам в различной форме», включая ввод воинских частей, что «явилось вполне действительным средством побуждения к сдаче продналога»³.

Продналог 1921-1922 г. ещё сильнее усугубил бедствия, постигшие южноуральскую деревню. По признанию Курганского уездного экономического совещания, «зерновые развёрстки и налоги в значительной части выполнялись населением за счёт своего продовольствия»⁴. В ноябрьской (1922 г.) госинформсводке ГПУ отмечалось, что в Оренбургской губернии «крестьяне-середняки и бедняки вследствие отсутствия хлебных запасов вынуждены продавать последнее имущество дабы уплатить продналог»⁵.

Обращает на себя внимание, что, констатируя бедствия, которые обрушились на деревню в связи с неурожаем и голодом, местные власти давали тем не менее исключительно «классовую» оценку поведению крестьян, стремившихся уклониться от выполнения налоговых обязательств: «Они (крестьяне – В.Н.) ни во что не хотят верить и никакими вопросами не интересуются, а лишь стараются спасти свои собственные шкуры и всячески стараются укрыться от всех мероприятий Советской власти»⁶.

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.321. Л.7.

² Там же. Л.40.

³ Хрестоматия по истории Курганской области. С.60-61.

⁴ ГАКО. Ф.Р-635. Оп.1. Д.201. Л.41об.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.1. С.316.

⁶ ГАКО. Ф.Р-635. Оп.1. Д.201. Л.7.

Крестьяне, в свою очередь, виновниками создавшегося положения считали саму власть, а на коммунистов, проводивших налоговую кампанию, «смотрели как на старых жандармов»¹.

Урожай 1922 г. оказался сравнительно благоприятным, но пережитые в предыдущий год бедствия заставляли крестьян в ходе нового сбора налога осторожничать, занимать «выжидательную позицию»². В Челябинской губернии «политнастроение крестьян, вследствие проводимых налогообложений, подавлено», – признавалось в госинформсводке ОГПУ в марте 1923 г. К тому же уплату налога многим крестьянам, особенно беднякам, приходилось осуществлять за счёт ограничения собственных неотложных потребностей: «Для уплаты налога крестьяне продают остатки семхлеба. Отказа от уплаты нет, но беднота питается суррогатами»³.

Только новый урожай 1923 г. позволил, наконец, выйти крестьянству Южного Урала из продолжавшейся почти два года голодовки.

Следует, однако, отметить, что неурожаи и связанные с ними возвращения голода имели место на Южном Урале и позднее. В частности, в новейшей историографии высказано мнение о том, что «в 1924–1925 гг. российское крестьянство пережило неурожай и голод, близкие по масштабам к бедствию 1921–1922 гг.», которые власть предпочла из политических соображений замолчать⁴. В южноуральском регионе, судя по косвенным данным, этим голодом были задеты Оренбургская губерния и Башкирия⁵.

Признавая необходимость уплаты налога, крестьянство, помимо более или менее явно выраженного недовольства его конкретными размерами, особенно часто негативно воспринимало практику налоговых сборов. Здесь часто наблюдались различного рода сбои, нестыковки и накладки (по срокам, размерам штрафов, накладываемых за просрочку времени уплаты налога, из-за

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.321. Л.41.

² Там же. Д.674. Л.13,41.

³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М.: РОССПЭН, 2000. Т.2. С.83.

⁴ См.: Кочетков И.В. Неурожай 1924 г.: масштабы, причины, последствия // Россия в XX веке. Сб. статей к 70-летию со дня рождения В.А.Шишкина. Спб.: Нестор-История, Спб. ин-т истории РАН, 2005. С.99-131.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.230,322.

неучёта потерь, понесённых крестьянами по причине погодных условий, разницы в почвенных условиях и т.п.)¹. Беспокойство вызывали и частые изменения, вносимые в уже доведённые до сведения крестьян условия: «Издаваемые декреты очень часто меняются, не надеемся, что единый сельхозналог и сейчас пройдёт без какого-либо изменения»².

Как и в ситуации с колебаниями настроений рабочих, для крестьян определяющим являлось их повседневное материальное положение, его изменение в ту или иную сторону, бесспорно, находило отражение и в их отношении к власти.

Однако навязчивое стремление устанавливать прямую связь между «материальным» и «духовным» приводило в таких ситуациях большевистское руководство к схематизированному видению действительности.

Характерен в этом отношении вывод Челябинского губкома партии относительно колебаний крестьянского отношения к власти: «Как только стали пребывать семена на места, наряженные для Челябинской губернии, настроение населения из подавленного, недоверчивого к Советской власти заметно изменилось к лучшему»³.

Действительная реакция крестьянства носила гораздо более сложный характер. Решающую роль в отношении к власти играли те конкретные взаимоотношения, которые возникали у крестьян с низовыми представителями этой власти в ходе их действий (например, при проведении налоговой кампании), и поэтому любые обобщения, подобные тем, что цитировались выше, упрощали реальность, а, следовательно, влекли за собой упрощение принимаемых решений и действий.

Реакция крестьянства на налоговые кампании первых лет НЭПа показывает, что первопричины возникавших в их ходе проблем крестьяне не склонны были связывать с Советской властью как таковой, а видели их преимущественно в местных исполнителях: «... кто-то изворачивает, исковыривает законы», «наши работники не считаются с декретами, у них свои

¹ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.11. Л.95,105,116; ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.135. Л.2об.

² ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.11. Л.102.

³ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.437. Л.3.

законы»¹; «центр издаёт законы, а места эти законы, чтобы выслужиться перед центром в ущерб нам, а даже не в пользу государства, изменяют»².

Следует отметить ещё одно обстоятельство, особо повлиявшее на настроение бедняцкой части деревни, считавшейся основной опорой власти.

Та часть бедняков, которая не была освобождена от налогов, оказывалась в самом затруднительном положении. «Беднякам налог платить нечем, а сельсовет с этим не считается, – рассуждали, например, крестьяне-бедняки одного из сёл Курганского округа, – где хошь, бери, плати, хоть последнюю лошадь продавай, для них всё равно»³. «В докладах наговорят много красивых слов, но осенью, когда придёт платёж, то только уплату просят скорее, а о скидках хлопочи и ничего не получишь», – сетовали бедняки села Батуринского Челябинского округа⁴.

В результате, едва расплатившись с налогами, подобные хозяйства фактически лишались всякой возможности для развития и на следующий год чаще всего пополняли ряды «маломощных хозяйств», освобождаемых от налогов. «Беднота, – подводили своего рода итог челябинские крестьяне, – бывает нужна в то время, когда нужно ковать – выбирать, а остальное время бывает заброшена»⁵.

Подобные эпизоды налоговых кампаний власти в официальных документах, как правило, сводили к «отдельным извращениям, допущенным в процессе работы отдельными работниками»⁶, но, судя по документам ОГПУ, на деле эти перегибы были достаточно обыденным делом.

Наличие серьёзных проблем, связанных с действиями местной власти, признавали в своих закрытых материалах и партийные органы.

Например, Бузулукский уездный комитет партии, отчитываясь в 1924 г. о проведении налоговой кампании, указывал, что недовольство крестьян, которое не прорывается в открытую форму, а носит характер «глухого брожения»,

¹ Там же. Ф.П-317. Оп.1. Д.135. Л.2об.

² ЦДНИОО. Ф.7. Оп.7. Д.309. Л.5.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.71.

⁴ ОГАЧО.Ф.П-75. Оп.1. Д.454. Л.69.

⁵ Там же. Д.466. Л.50.

⁶ Там же. Д.576. Л.15.

вызвано, среди прочего, теми или иными «недочётами местных организаций», связанными с «неправильным обложением»¹. Близкое к этому признание было сделано и на уровне всей Оренбургской губернии: плохие темпы сбора налога и претензии крестьян по поводу неправильностей его проведения (изменение сроков, запоздалое вручение окладных листов на уплату налога, неправильное обложение сенокосной земли и т.п.) отчасти вызваны недостаточной подготовкой налоговой кампании на местах².

Своеобразным обобщением пожеланий крестьянства по исправлению проблем, возникавших в ходе налоговых кампаний первых лет НЭПа, может служить такая оценка, данная Шадринским окружным отделом ОГПУ в 1925 г.: крестьянство «высказывается за то, чтоб учет обложения был близок к действительной доходности, с принятием во внимание всех климатических и атмосферных влияний ... чтоб объявленные сроки уплаты налога больше не изменялись»³. Вносимые властью изменения в сроки вызывали особенно много нареканий крестьян, поскольку это часто вынуждало их продавать хлеб и скот на невыгодных условиях и по низким ценам⁴. В местной печати не раз отмечалось, что крестьянство внимательно следит за конъюнктурой цен, стремится учесть их колебания при продаже своей продукции⁵.

Логическим выводом из тех недостатков, которые крестьяне видели в практике продналоговых кампаний, являлось их стремление самим участвовать в распределении налога «по справедливости»: «Налог несправедлив, пусть его дадут нам, а мы его сами между собой распределим, это будет лучше» (Троицкий округ, 1925 г.)⁶.

Близкую по смыслу оценку высказывали и некоторые партийные работники: так, секретарь Орского уездного комитета партии сообщал в Оренбургский губком, что «исчисление налогов и их наложение должны делать

¹ ЦДНИОО. Ф.4094. Оп.1. Д.989. Л.18.

² ЦДНИОО. Ф.7. Оп.7. Д.309. Л.1.

³ ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.61-62.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.3. Ч.1. С.76.

⁵ См. напр.: Власть труда. 1924. 8 марта.

⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.2. С.965.

не вышестоящие органы», это дело надо «предоставить самому обществу, так как оно лучше знает с кого и сколько взять»¹.

Для крестьянства, как свидетельствуют, например, их письма в советские органы власти, особенно важным было то, чтобы налоги не закрывали возможность для развития собственного хозяйства: «Мы согласны уплатить, но чтоб был учтён с семьёй прожиточный минимум и осталось на расширение хозяйства в деревне», «крестьянину нужна такая линия в уплате налогов, чтобы у него от налогов и от прожиточного минимума оставались бы излишки на расширение хозяйства»².

О том, как много разного рода нарушений допускалось при проведении налоговых кампаний, свидетельствует хотя бы такой факт, официально приведённый в местной печати: «В кампании 1924–1925 гг. жалобы на неправильный учет поступили от 110000 хозяйств и около 60% были признаны основательными и удовлетворялись»³. В Троицком округе в ноябре 1924 г. было признано подлежащими удовлетворению 50% жалоб, поданных на неправильное обложение⁴.

В своё оправдание местные власти склонны были ссылаться на то, что «наша налоговая система является в данное время слишком сложной, требует хорошего опыта, навыка применения»⁵.

Однако сами крестьяне были склонны больше видеть в неверных действиях властей не их «неопытность» в налоговых делах, а общие черты управленческого стиля, присущего деревенским коммунистам: «Не соблюдают конституций, не по декретам работают – «исковыривают и изворачивают»; «хватаются за все и ни с чем не справляются, потому что жизни нашей не знают»; «не советуются. Когда указываем, не слушаются и поступают грубо, запугивают»; «придёт крестьянин справку взять – ему сулят три года, конфискацию. Крестьянин не знает хода, запугивается. Стремится скорее налог

¹ ЦДНПО. Ф.7. Оп.7. Д.309. Л.66.

² ОГАЧО. Ф.П-98. Оп.1. Д.1286. Л.7,15.

³ Смычка. 1925. 11 июня.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.2. С.263.

⁵ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.12. Л.8об.

уплатить – продаёт имущество»; «крестьянин ничего не знает, а его пугают»; «не отчитываются: берут налог и платят средства неизвестно куда. В больнице лекарств нет, в школе карандашей»; «у всех на виду делают преступления»¹. «Часто крестьянину предъявляется требование уплатить в 2–3 дня 10–20 руб. недоимки, и он вынужден продавать что-нибудь из имущества, так как за такой короткий срок ничего другого не сделать ... Зато есть выгода кулачеству, которое заплатило налог, продав скот или инвентарь, а теперь может продавать хлеб по высокой цене и ставить в зависимость от себя бедняков»².

Симптоматична реплика крестьянина на вопрос о том, почему всего этого открыто не говорят на собраниях: «Что я буду на собрании говорить? Скажешь – арестуют. И по сию пору ходим на собрания головой повертеть». (Дружные возгласы: «Правильно!!!»)³. Почти дословное повторение высказанного мнения фиксируется в другом районе Южного Урала, Бузулукском уезде: «Зачем на собрания ходить, нас не слушают, нам не верят, по-нашему не будет»⁴.

Одну из главных причин такого состояния местной власти крестьяне видели в том, как проводятся выборы: «... протаскивают чужих, неведомо откуда прибывших», «выборы не проводят, как диктует центральная власть», «не выборы, а игрушки»⁵; «все старые на местах, а всё говорят: у нас выбрана власть, а кто их выбирал – никто, сами друг друга вытаскивают на хорошие места»⁶, «нам остаётся, по-видимому, не выбирать, а только сидеть, да поднимать руки»⁷. Недоумение в крестьянской среде вызывала и отстранённость местных начальников от реальной крестьянской жизни, как, например, посетовал житель одного из сёл Курганского округа: «Вот мой сын, Ильиных Иван, работает председателем сельсовета и всё лето не бывал в поле, чёрт его знает, что нынче за работа в сельсовете»⁸.

¹ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.135. Л.4об.-5об.

² ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.17-18.

³ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.135. Л.6.

⁴ ЦДННОО. Ф.4094. Оп.1. Д.1439. Л.8-9.

⁵ ОГАЧО. Ф.П-317. Оп.1. Д.135. Л.3об.

⁶ ЦДННОО. Ф.6. Оп.1. Д.250. Л.4об.

⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.5. С.93.

⁸ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.34.

Далеко не всегда оправдывали себя и расчёты власти на то, что голосами бедняков будет обеспечен нужный состав сельских советов. Показательно в этом отношении такое высказывание крестьянина-бедняка на собрании в одном из сёл Троицкого округа (январь 1926 г.): «Мы не можем выступить на перевыборах в Советы против кулаков, завтра же придётся идти к ним просить хлеба или работы»¹.

Следует отметить, что в закрытых партийных документах встречаются признания того, что негативные стороны деятельности местных партийно-советских органов действительно имеют место, в чём сказывается влияние традиций управления, восходящих к временам «военного коммунизма».

Достаточно откровенную оценку такого рода можно найти, например, в носившем гриф «секретности» отчёте о проведённом в октябре 1924 г. партийном обследовании состояния нескольких деревень Златоустовского округа Уральской области.

«Видимо, основной причиной не совсем хорошего настроения деревни и, главное, плохого отношения к нашей работе в деревне, – самокритично признавали авторы этого отчёта, – является все-таки острое несовершенство этой работы и сильное недомогание основных наших опорных деревенских организаций». «Работа наших организаций в деревне очень слаба, – констатировалось в заключительной части отчёта, – работники замкнулись в свой узкий круг ... не привлекают беспартийных (бедноту и середняков) к работе. Характерная черта – застой в работе, «окостенение». Работа в части методов не ушла от периода «военного коммунизма». Принципы революционной законности им как будто бы неизвестны. Условия и значение НЭПа не принимаются в расчёт ... население справедливо негодует, требует порядка и справедливости ... на почве бездеятельности и беспорядка антисоветские настроения имеют стремления ... крестьянин видит, что его нужды не удовлетворяются»².

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.1. С.67.

² ОГАЧО. Ф. П-317. Оп.1. Д.135. Л.5,19об.

● Столкновение с несправедливыми, с точки зрения крестьян, действиями местных руководителей-коммунистов подталкивало первых к более широким умозаключением типа: «У партии нет общего языка с крестьянами»¹. В результате растущего недоверия крестьян к своим односельчанам-коммунистам случалось, что при проведении налоговой кампании простое «приближение коммуниста к разговаривающей группе крестьян, заставляет её смолкать и менять тему разговора»².

● Провозглашение лозунга «Лицом к деревне», в рамках реализации которого был осуществлён ряд уступок зажиточной части деревни, в том числе и в налоговой области, привёл к тому, что, как отмечалось в закрытом письме секретаря Курганского окружкома партии за февраль–март 1925 г., «сельские партячейки переживают некоторое замешательство, подавленность, растерянность ... Деревенский рядовой крестьянин-коммунист никак не может мириться с тем, что вчера он был власть на селе, а сегодня в сельсовет проходят зажиточные мужики, которых он искренне считал кулаками и лишал права голоса, как врагов советской власти, психологически это не укладывается в его политически неразвитой голове»³.

● Ещё более резкая оценка возникшего в деревне разрыва между крестьянской массой и немногочисленными партийцами содержалась в одной из информсводок Курганского окружного отдела ОГПУ: «Что касается отношения крестьян к РКП, то приходится, не закрывая глаз, констатировать, что таковые смотрят на партию отрицательно, и деревенские коммунары абсолютно в большинстве своём не имеют под собой твёрдой почвы и не пользуются авторитетом среди деревенской массы»⁴.

● В такой ситуации любой новый зигзаг в крестьянской политике большевистского руководства по мере опускания на низовой уровень угрожал углублением недоверия крестьянства не только к местным представителям

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.513. Л.38об.

² ЦДННОО. Ф.4094. Оп.1. Д.989. Л.22.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.513. Л.39-40.

⁴ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.11. Л.5-6.

власти, но и к советской власти в целом. В руках крестьянства оставалось не так уж много средств, чтобы противостоять тем действиям власти, которые серьезно ударяли по его интересам.

В отечественной историографии уже обращено внимание на то, что крестьянство на протяжении 1920-х гг. в основном было законопослушной частью общества и стремилось соблюдать «законные» в их представлении требования властей¹. Сопротивление крестьян в тех случаях, когда они стремились защитить свои интересы, носило в основном скрытый, косвенный характер. Срабатывал вековой крестьянский инстинкт: лучше уйти, скрыться от государства, нежели вступать с ним в прямое противоборство. Безусловно, тут сказывался и кровавый опыт гражданской войны.

В противодействии налогообложению, когда оно, по мнению крестьян, становилось в данном конкретном случае несправедливым, наиболее часто практиковалось укрытие обрабатываемой земли и других источников доходов². Как признавалось в оренбургской печати, «случаи укрытия посева, скота и покосов наблюдаются почти в каждом сельсовете ... в селениях, имеющих скрытые посева, наблюдается характерное явление: за спиной бедняков, скрывших несколько сажень, зажиточные крестьяне скрывают десятки десятин ... «из-под обложения ускользают по 100 десятин в каждом совете»³. Соккрытие сельскохозяйственных объектов от налогообложения получило большое распространение среди всех групп крестьян в Башкирии⁴.

Если и в первые годы НЭПа подобные формы защиты крестьянством своих доходов от налогообложения получили широкое распространение, то в 1926 –1927 гг., после ужесточения налоговой политики, укрывательство посевов и урожаев вовсе приобрело характер, по признанию местных партийных органов, «почти поголовного явления». « ... есть члены ВИКов, сельсоветов, даже председатели, которые скрывают по 400-600 пудов хлеба», –

¹ См. напр.: Литвак К.Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С.129-142.

² См. напр.: ЦДНИОО. Ф.7. Оп.7. Д.309. Л.40,64.

³ Смычка. 1925. 19 июля.

⁴ Зарипова Р.К. Указ. соч. С.46.

констатировалось в закрытой партийной переписке. И тут же выдвигалось требование немедленно снимать таких советских работников, а «если он крупный укрыватель – 1000 и выше пудов, применять ст.107 в течение 48 часов и проводить показательные процессы»¹.

Жёсткое регулирование заготовительных цен, осуществлённое в ходе хлебозаготовительной кампании 1925-1926 г., использование других административных рычагов, увеличение налогооблагаемой базы для большинства крестьянских хозяйств настолько явно противоречили недавно заявленному партийному лозунгу, что не могли не спровоцировать такой грубоватой, но, по сути, справедливой реплики, адресованной коммунистам в одном из сёл Шадринского округа: «Как к весне – вы всегда лицом к деревне, а как к осени – становитесь ж...». Показательно, что передавший эту реплику информатор ОГПУ прибавил, что подобные слова были встречены другими крестьянами «со смехом и с удовлетворением»².

На протяжении 1926–1927 гг. как сводки ОГПУ, так и закрытые партийные документы всё больше внимания уделяют росту негативных настроений крестьянства Южного Урала в связи с налоговыми кампаниями.

Важно, анализируя эти свидетельства, обратить внимание на несколько обстоятельств, наиболее точно характеризующих эволюцию крестьянских настроений, вызванную ужесточением правительственной налоговой политики.

Во-первых, авторами негативных высказываний становились крестьяне, принадлежавшие ко всем группам крестьянства, кроме той части бедноты, которая в ходе этих кампаний полностью освобождалась от уплаты налогов. Причём высказывания крестьян, определяемых авторами информсводок ОГПУ как середняки и бедняки, по степени резкости ничем принципиально не отличались от высказываний зажиточных и кулаков.

Например, в сводке Курганского отдела ОГПУ за 1927 г. в одном ряду приводятся такие крестьянские суждения относительно идущей налоговой кампании: зажиточный крестьянин Потеряев – «Советская власть дерёт с нас,

¹ ЦДНИОО. Ф.1254. Оп.2. Д.157. Л.1.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.513. Л.38об.

крестьян, непосильные налоги, не считаясь совершенно с интересами мужика»; середняк Фёдоров – «Если продать весь хлеб и уплатить налог, то для себя почти ничего не остаётся, таким образом, крестьянину приходится работать только на государство, а для себя почти ничего не остаётся. Раньше жилось легче»; бедняк Курочкин – «Налоги такие, что не сею, за лишние десятины набегают больше налогу. Власть и сама терпит убытки и нам, крестьянам, не даёт возможности развивать своё хозяйство»¹.

Во-вторых, среди крестьян укрепляется представление об одностороннем отношении существующей власти к деревне, исключительно под углом зрения что можно с крестьянина получить: «Только налог собирают, а нам никакого добра не делают», «советская власть берёт с крестьян большие налоги, а крестьянину за это ничего не даёт»², «Советская власть задушила налогами нашего брата мужика, выжимают с нас всё до последней капли крови, только и знают, чтобы мужика обобрать, а ему за это дать один кукиш с маслом»³, «советская власть исключительно живёт на шее крестьянина»⁴, «власть берёт только с нас, а нам ничего не даёт, вот я хожу почти босой и голый, и негде купить товара, во-первых, его недостаёт, а, во-вторых, он дорог»⁵.

В-третьих, среди крестьян распространяется мнение, что полученные путём налогов средства используются властью преимущественно в своих интересах: «... тот налог, который берут с нас, идёт не на восстановление промышленности, а на содержание советских дармоедов. А поэтому разницы теперешней власти и старой никакой нет. Если раньше на шее мужика сидели помещики и дворяне, а теперь сидят коммунисты»⁶, «мы улучшим свое хозяйство только в том случае, если не будет у нас дармоедов, которые разъезжают в городе на рысаках, получают выше, чем 100 рублей жалованье, ходят в хорошей одежде (одни брюки стоят больше, чем 25 рублей), а мы ходим в лохмотьях и часто хлеба, который мы сеем, нам же не хватает до нового

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.28,36,37.

² Там же. Л.33, Ф.13. Оп.1. Д.1065. Л.12;

³ Там же. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.28.

⁴ Там же. Л.31.

⁵ Там же. Л.70.

⁶ Там же. Л.31-32.

урожая. Мы платим налоги, а «они» ежегодно поднимают себе жалованье»¹, «коммунисты решили западным странам платить долги ... весь хлеб отправляют за границу, чтобы угодить заграничной буржуазии и удержать в своих руках власть ... на службе у советской власти целая орава, надо их прокормить, одеть. А они ведь пьют и едят не по-нашему, и откуда это всё идёт – с мужика»², «сельхозналог берут на содержание шпионажа в других государствах, на содержание аппарата Коминтерна и партийного аппарата»³.

В-четвёртых, усилились и прежде распространённые в деревне представления о том, что власть больше заботится о городском населении, прежде всего о рабочих, которые живут лучше крестьян и их благополучие происходит за счёт крестьян: «Я никогда не соглашусь назвать рабочего своим братом, какой он мне брат. Себе он назначил хорошее жалование, а товары крестьянам отпускает по дорогой цене»⁴, «рабочим живётся лучше, с него налога не берут, а с крестьянина берут»⁵; «по сравнению с рабочими труд крестьян обесценивается совершенно»⁶, «труд крестьянина по-прежнему ставят не во что, гораздо лучше теперь живётся рабочим, но по-прежнему тянет лямку крестьянин»⁷, «рабочие и служащие сидят и почти ничего не делают, а денежки получают большие»⁸, «я сам был участником октябрьской революции и думал, что завоевал хорошую для нас власть, а оказывается совсем не так, хороша советская власть только для рабочих и служащих, а для крестьянина хоть какая ни будь власть, всё один чёрт»⁹, «советская власть издала манифест, но толку от него крестьянам мало, рабочим манифест даёт зерно, а крестьянам охвостье»¹⁰, «рабочему и так живётся лучше, чем крестьянину, а ему ещё убавили час работы ... сейчас рабочие работают по 8 час. и то мануфактуры нет, а будут работать 7

¹ ЦДНИОО. Ф.6. Оп.1. Д.250. Л.2.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.63-64.

³ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.454. Л.69.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.3. Ч.2. С.616.

⁵ ЦДНИОО. Ф.7. Оп.7. Д.309. Л.1.

⁶ Там же. Ф.6. Оп.1. Д.250. Л.2.

⁷ ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.17.

⁸ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.454. Л.29-29об.

⁹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.75.

¹⁰ Там же. Л.83.

час., тогда совсем ничего не будет»¹, «советское правительство едет исключительно на шее крестьянина ... и не задевает рабочих и служащих, которые получают приличные ставки и не платят налога. Для крестьян все товары отпускаются дорого, а у них продукты берут дёшево»². Своеобразной итоговой «классовой» оценкой отношений города и деревни, рабочих и крестьян, отражающей глубинные предубеждения традиционного крестьянского общества против города, звучит такое умозаключение челябинского середняка Бекетова: «Рабочие завоевали власть и гнут крестьян»³.

В-пятых, и в раньше проводившихся крестьянами сравнениях настоящей и прежней, дореволюционной жизни усиливается (отчасти в идеализированном виде) контрастность не в пользу советской власти: «Когда не было коммунистов, нам жилось хорошо»⁴, «жизнь при соввласти очень плохая, что дальше, то становится тяжелее, всё дорого ... раньше купить землю у помещика было дешевле, чем сейчас»⁵, «советская власть берёт с крестьян большие налоги ... при царе Николае на этот счёт было лучше, брали с мужика небольшой налог и землёй мог распорядиться как хозяин», «раньше при царе Николае жилось лучше, я имел скота и посева больше, а подати платил только 15 руб.»⁶, «советская власть хуже старой – николаевской, так как снимает с нас последнюю шкуру путем обложения большими налогами и, если нет денег, то описывают последнее имущество»⁷.

В-шестых, частное недовольство налоговой политикой советской власти, распространившись на общее отношение к этой власти, порождало настроения, содержавшие в себе потенциальную угрозу для неё: «Лучше бы коммунистов в Советах не было», тогда бы и «крестьяне меньше страдали»⁸, «придётся бросать всё хозяйство, продать машины, лошадей и сократить посевную площадь, а то всё равно ничего не выходит, весь хлеб отдаёшь за налог, а самому ничего не

¹ Там же. Л.96.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.454. Л.69.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.5. С.460.

⁴ ОГАЧО Ф. П-317. Оп.1. Д.135. Л.4об.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.67.

⁶ Там же. Л.33-34.

⁷ Там же. Д.1016. Л.158.

⁸ ЦДНИОО. Ф.4094. Оп.1. Д.1439. Л.5.

остаётся ... тогда и коммунисты пропадут с голоду»¹, « ... надо, чтобы сделалась война, нужно немножко почистить наших правителей, а то они забыли, что мы в гражданскую войну дрались в Красной армии, защищая советскую власть, и теперь советская власть нас же обдирает», «нужно нам устроить забастовку и не платить налог совсем, пусть посмеют «товарищи» отнять силой, каждый крестьянин постоит за своё добро, нажитое в поте лица»², «когда я был в армии, я был нужен всем, и Советской власти, и партии, а когда демобилизовался из армии, никому ... Поэтому я в работе Советской власти не нахожу никакой справедливости. Если будет теперь война, то я больше не вояка и не защитник Советской власти»³, «задавила Советская власть налогами ... рано или поздно, а нам, крестьянам, придётся воевать с Советской властью», «восстанет весь народ и свернёт голову коммунистам»⁴.

Суммируя эти тенденции развития крестьянского сознания, можно сказать, что они закрепляли в крестьянском мировосприятии и прежде имевшееся мнение о разрыве между обещаниями существующей власти и её реальным отношением к крестьянству. Об этом свидетельствуют типичные для 1926 – 1927 гг. высказывания и середняков, и бедняков: «Советская власть много крестьянам обещает, да только ничего не даёт», «Советская власть всегда надувает нашего брата крестьян, обещает, обещает, а на деле ничего не выполняет»⁵.

«Где теперь тут справедливость?! – восклицал среди своих односельчан середняк Контарев из села Алабуга Курганского округа. – Как был крестьянин земным червем, так и остаётся»⁶.

Таким образом, южноуральский материал подтверждает, что уже первые изменения в налоговом законодательстве и практике его применения, связанные со стремлением власти максимально использовать ресурсы сельского хозяйства для реализации программы индустриализации страны, вызвали в целом

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.67-68.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.28,31.

³ Там же. Л.72.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.4. Ч.2. С.779.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.66,71.

⁶ Там же. Л.66.

негативную ответную реакцию значительной массы крестьянства. Можно, пожалуй, говорить о том, что лишь та бедняцкая часть деревни, которая полностью освобождалась от налогов, позитивно воспринимала происходящие изменения, хотя вряд ли такое утверждение можно считать однозначно верным, поскольку новая налоговая политика власти фактически закрывала этой части крестьянства перспективу выйти из хронической бедности.

Рост крестьянского недовольства в подавляющем большинстве случаев не был направлен непосредственно против Советской власти, у нас нет документированных оснований говорить о сколько-нибудь реальной опасности повторения в это время ситуации активного сопротивления крестьянства государству по образцу конца 1920 – начала 1921 г.

За годы НЭПа деревня, безусловно, претерпела существенные позитивные изменения, учитываемые крестьянским сознанием: исчезла опасность голода, основную часть деревенского населения составляли крестьянские хозяйства, не только обеспечивающие свои натуральные потребности, но и производящие товарную продукцию, снабжающие город, создающие ресурсы для промышленного развития страны.

Но вряд ли подавляющее большинство крестьян было уже полностью довольно достигнутым положением и собиралось останавливаться на этом – желание развивать своё хозяйство, «богатеть» было для них естественным проявлением нормального стремления каждого человека к собственному развитию, подкрепляемому, прежде всего, материальными стимулами.

Доходчиво выявил это противоречие естественных крестьянских стремлений и государственной политики безымянный оренбургский крестьянин, задавший появившимся в его селе представителям уездной власти «коварный» вопрос: «Если при помощи Советской власти мы, бедняки, станем середняками, то ведь нам потом захочется пожить и как кулаки, и мы захотим стать кулаками, и что тогда делать, раз вы с кулаками боретесь?»¹

¹ ЦДНПО. Ф.5. Оп.5-1. Д.296. Л.3об.

«Середняк, – признавал весной 1925 г. Бухарин, – боится улучшать своё хозяйство, подвергаться сильному административному нажиму; а бедняк ворчит на то, что мы мешаем ему применить рабочую силу у богатого крестьянина»¹.

Однако кратковременные уступки естественным крестьянским желаниям «богатеть», предпринятые в рамках кампании «Лицом к деревне», противоречили классовой установке большевизма видеть главную опасность в собственнических инстинктах крестьянина. Показательно в этом отношении суждение Калинина, высказанное им ещё на XIII съезде РКП(б): признав, что даже у крестьянина-бедняка «ни на минуту не ослабевают жажда кого-либо использовать», он сделал следующий вывод – «известная кулачность ... свойственна каждому крестьянину»².

Доктринальные ограничители неизбежно заставляли большевистскую власть ставить преграды на пути такой «кулачности», что задевало интересы отнюдь не одних только кулаков и зажиточных крестьян.

Ужесточение налоговой политики в 1926 –1927 гг., как свидетельствуют южноуральские материалы, было болезненно воспринято не только зажиточной частью деревни, но и большим количеством середняков и даже бедняков, видимо, именно потому, что усиление налогового бремени подрывало надежды крестьян на дальнейший рост своего хозяйства.

Закономерным в этой связи выглядит стихийное желание крестьян «подправить» ту власть, к которой они «вообще относились хорошо». Отсутствие действенных социально-политических механизмов обратной связи с властью (не случайно, что именно в 1925–1927 гг. в крестьянской среде всё громче раздавались голоса о желательности объединения крестьян в какую-нибудь организацию, защищающую их интересы) заставляло крестьян действовать традиционными, испытанными методами: высказыванием в устной или письменной форме своих желаний и претензий представителям власти и использованием того единственного экономического оружия, которым крестьянство владело, – хлеба.

¹ Бухарин Н.И. Указ. соч. С.135.

² Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года. Стенографический отчёт. С.442.

Информация, которой располагала власть, хотя бы даже и на данном уровне – уровне Южного Урала, была достаточно убедительной, чтобы показать властям, в каком направлении могут развиваться события в ходе очередной налоговой и хлебозаготовительной кампании и, помочь принять те или иные меры для предотвращения кризисной ситуации.

В историографии высказано немало суждений относительно причин того, почему этого сделано не было, и для выхода из разразившегося кризиса потребовалась «чрезвычайщина» зимы 1927–1928 гг.

В логике данного исследования необходимо обратить внимание только на одно, принципиально важное при избранном нами подходе, обстоятельство.

Программа индустриализации страны, заложенная в основание первого пятилетнего плана, первые шаги по её реализации могут, безусловно, рассматриваться как переход к очередному этапу модернизации всего российского общества. В конкретно-исторических условиях, в которых оказалась страна в середине 1920-х гг., эта модернизация начинала осуществляться при смешанной системе экономики, при явном преобладании аграрного, рыночного сектора. Решения XV съезда партии, фактически одобрявшие первый пятилетний план, формально не ставили под сомнение сохранение, по крайней мере, на ближайшее время, дуалистического характера экономической системы. Но было очевидно, что именно сельское хозяйство является единственным реальным внутренним ресурсом, на базе использования которого могут осуществиться модернизаторские цели превращения СССР в одно из наиболее развитых индустриальных государств мира.

Проблема заключалась в поиске такой политической линии, которая позволила бы одновременно решить две задачи: обеспечить необходимую перекачку ресурсов из сельского хозяйства в город (финансовых, продовольственных, сырьевых, человеческих) и позволить сельскому хозяйству продолжить, пусть, возможно, и более медленными темпами, своё собственное расширенное воспроизводство, обратно подпитывая таким образом промышленный рост.

В рамках избранного нами модернизационного подхода нельзя однозначно утверждать, что поиск подобной политической линии был заранее обречён на неудачу, и разрешение противоречия крупной промышленности и мелкого крестьянского хозяйства имело только одно, радикальное решение.

Но чрезвычайно важно при ответе на вопрос, почему эволюционная модернизация при сохранении дуалистической экономической системы НЭПа потерпела неудачу и была, используя сталинское выражение, «отброшена к чёрту», учесть социально-ценностный аспект модернизационного процесса.

Успешная модернизация при ведущей роли государства была невозможна без консолидации большей части общества вокруг поставленной властью цели. Важнейшим инструментом такой консолидации и должна была стать социальная политика государства.

Применительно к крестьянству эта политика должна была в её конкретных, повседневных проявлениях, а отнюдь не в виде абстрактных формул «смычки» города и деревни, убедить крестьянство, что социалистические лозунги власти не отрицают традиционных крестьянских представлений о ценностях их собственной жизни, в том числе и такой базовой ценности, как сохранение и преумножение собственного хозяйства. Стремление крестьянина к развитию собственного хозяйства, к его большей доходности должно было органически совпасть с объективной целью всей модернизации – сделать более развитой и более доходной всю экономику страны.

Налоговая политика, наиболее наглядный для крестьянина пример взаимодействия с государством, совпадения или расхождения собственных ценностных установок с установками власти, в том виде, который она постепенно приобрела к 1928 г., не консолидировала, а дезинтегрировала деревенский социум России и вокруг власти, и внутри самого себя.

35% освобождённых от налогов бедняцких и маломощных хозяйств не только оставались «заповедником» натурального хозяйства, но в известной мере и повисали камнем на шее самого государства, а ещё больше – сельского общества. В опосредованном виде социальные льготы большевистской классовой опоры возвращались усилением налогового бремени для остальной

части производящего и кормящего страну крестьянства. Тем самым государство поддерживало и укрепляло и без того сильные в русской крестьянской среде патерналистские установки, прямо противоречившие целям и ценностям модернизации. Поэтому не случайно, что, как будет показано в следующем разделе, в 1928–1929 гг. ответом многих зажиточных крестьян и середняков на наступление государства стало резкое сокращение собственного хозяйства, чтобы так же, как и их односельчане-бедняки, «сесть на шею» государства.

Налоговая составляющая социальной политики Советского государства, как становится ясным, объективно способствовала нежизнеспособному симбиозу ценностных, в основе своей модернизаторских, установок большевизма с той частью традиционного крестьянского сознания, которая носила антимодернизаторский, патерналистский характер. Осуществление на этой основе консолидации города и деревни ради индустриального рывка возможно было только в рамках авторитарной, государственно-бюрократической модернизации.

В создавшейся к 1928 г. ситуации социальная политика в деревне могла идти только по линии дальнейшего отрицания ценности саморазвития индивидуального крестьянского хозяйства во имя высшей ценности – развития государственного сельского хозяйства.

3.3. Кризис «деревенского НЭПа» 1928 –1929 гг. на Южном Урале:

отчуждение крестьянства от власти как фактор модернизационного срыва

События зимы 1927 г. – весны 1928 г., получившие название «кризиса хлебозаготовок», сыграли переломную роль в истории всего НЭПа. Переход большевистского государства, столкнувшегося с невозможностью получения из деревни в рамках сохранения рыночного крестьянского хозяйства ресурсов, необходимых для осуществления программы индустриализации, к чрезвычайным, внеэкономическим мерам принуждения подорвал основы НЭПа,

дал решающий толчок сворачиванию всей нэповской системы взаимоотношений государства и общества¹.

Когда к концу 1927 г. выявился провал намеченного властью плана хлебозаготовок, партийно-государственное руководство прибегло к системе жёстких административных мер, направленных на силовое извлечение из деревни сельскохозяйственной продукции, в первую очередь хлеба. Они сводились: во-первых, к изъятию у крестьян денежных средств, оставшихся после уплаты налоговых платежей, для чего выпускался фактически обязательный для покупки «займ укрепления крестьянского хозяйства» и применялся закон о самообложении; во-вторых, к конфискации излишков зерна у крестьян, имевших значительные запасы, посредством применения к ним ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР («злостное повышение цен на товары путём скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок»)².

Последняя мера носила особенно негативный характер, поскольку, как отмечают современные исследователи НЭПа, «применение уголовного преследования сельских жителей, не желающих продавать свой хлеб, знаменовало собой отказ от главного нэповского принципа – свободы крестьянина распоряжаться произведённой продукцией»³.

Южный Урал, особенно такие его производящие районы, как Оренбургская губерния, Курганский и Шадринский округа Уральской области, наряду с другими главными сельскохозяйственными регионами страны, оказался одним из главных объектов применения чрезвычайных мер.

Кризис «деревенского НЭПа» на Южном Урале принял в такой ситуации крайне резкие формы, усилив и дальше развив те тенденции нарастающего крестьянского отчуждения от власти, которые, как было показано выше, оформились на протяжении 1926–1927 гг. как обратная реакция значительной массы южноуральского крестьянства на ужесточение налоговой политики.

¹ См. подробнее: Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М.: МНИИПУ, 1991. С.80-88; Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С.68-81; Россия нэповская. Гл. XIV-XV.

² Голанд Ю. Указ. соч. С.80.

³ Ильиных В.А. Указ. соч. С.195.

Чрезвычайные меры, по сути, явились логическим продолжением этой налоговой политики. Не случайно, что и после формального завершения хлебозаготовительной кампании и принятых на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. решений, «исключающих необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер»¹, новый закон о сельскохозяйственном налоге на 1928–1929 г. вновь был выдержан в ярко классовых тонах, делая упор на индивидуальное повышенное налогообложение зажиточных слоёв деревни².

Пленумы ЦК ВКП(б) в апреле и июле 1928 г., на которых подробно обсуждались проблемы, связанные с хлебозаготовками, выявили определённые расхождения партийных руководителей в оценке тех или иных аспектов проводившейся политики, но одновременно и их принципиальное единство в вопросе о необходимости и оправданности применения чрезвычайных мер в конкретной обстановке первой половины 1928 г.

Хотя некоторые участники пленумов и выразили беспокойство относительно негативных сторон принятых мер (например, Бухарин осторожно заметил, что «мы имели действительно процесс известного перерастания чрезвычайных мер в то, что можно назвать «тенденцией в сторону военного коммунизма»³), но и они не пошли дальше признания того, что имели место «перегибы» и «искажения» партийной линии, которые затем были исправлены.

Более того, на первый план в объяснении хлебозаготовительных трудностей были выдвинуты классовые факторы. Как вскоре после апрельского пленума публично заявил Сталин, «заготовительный кризис выражает собой первое, в условиях нэпа, серьёзное выступление капиталистических элементов деревни против Советской власти»⁴.

Ныне опубликованные партийно-государственные документы убедительно доказывают, что высшее руководство на самом деле прекрасно знало подоплёку кризиса и то, как выглядели «перегибы» и «искажения» на

¹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. М.: Междунар. фонд «Демократия», Материк, 2000. Т.2. С.591.

² См.: СЗ СССР. 1929. № 12. Ст.212.

³ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т.2. С.383.

⁴ Сталин И.В. О работах апрельского объединённого пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) // Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т.11. С.45.

практике, какие масштабы они имели и какие последствия принесли для социального самочувствия всего крестьянства, а не только кулаков.

Поэтому сведение всей этой информации к «отдельным перегибам», тем более в своём кругу, где массовость подобных перегибов была «секретом Полишинеля», является лишним доказательством власти над сознанием большевистского руководства доктринальных установок, утверждавших жёстко схематичное классовое видение всего многообразия социального пространства российской деревни.

Сказанное о высшем звене партийного руководства может быть отнесено и к подавляющей части низового партийно-советского аппарата, наглядно показавшего деревне в ходе применения чрезвычайных мер, каким он видит социальный статус крестьянина в большевистском государстве.

Выступая на июльском пленуме ЦК, секретарь Уральского обкома ВКП(б) Н.М.Шверник заявил о том, что на Урале «партийный аппарат и партийная масса проводили работу совершенно правильными методами»¹.

Как в действительности выглядели эти «правильные методы» становится видно при обращении к содержимому «закрытых» информационных каналов общения власти с обществом и общения внутри самой власти.

Партийные директивы, содержавшие решения о принятии чрезвычайных мер в хлебозаготовках и отправленные в регионы в первые дни 1928 г., были выдержаны в крайне резких выражениях и давали ясно понять местным руководителям, что от выполнения указаний ЦК будет зависеть и личная судьба их исполнителей.

Директивы были подкреплены выездом на места высших руководителей, включая Сталина. Посетивший Урал В.М.Молотов подверг резкой критике местные власти, требуя решительнее применять административный нажим². Как признавал позднее нарком торговли Башкирии Пожилов, после визита Молотова

¹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т.2. С.293.

² Трагедия советской деревни. Т.1. С.186-190.

«административные принудительные меры взыскания как по линии платежей, так и по линии хлебозаготовок применялись усиленно»¹.

Стремясь сохранить свои позиции во властных структурах, местные руководители поспешили обрушить репрессивный «топор» вниз по властной вертикали.

Ключевая директива ЦК о переходе к «чрезвычайщине» была принята и отослана на места 6 января 1928 г., а уже 25 января, отчитываясь перед Уралобкомом о ходе заготовительной кампании, секретарь Курганского окружкома Головин поспешил отрапортовать: «11 января окружком принял постановление, обращённое райкомам, где, в частности, предложил «всю работу партийного, советского и кооперативного аппарата поставить на военную ногу, установив строжайшую персональную ответственность должностных лиц, и дал твёрдую директиву немедленно отстранять от должностей тех, кто не проявил умения наладить работу по хлебозаготовкам, предавая виновных суду ... по данным на 21 января отдано под суд с отстранением от должности: 1 председатель РИКа, 16 председателей сельсоветов, 16 председателей с/х кредитных товариществ и потребобществ и 2 уполномоченных сельсоветов»².

Спустя месяц, 24 февраля 1928 г. в новом отчёте Головина сообщалось: «Вынесено 233 разных взыскания партийным и советским работникам ... Председатель Романовского сельсовета за безобразную постановку дела осуждён на один год ... ПредРИКа Половинского района за бездействие по сбору платежей присуждён к 3 годам лишения свободы ... По 107 ст. привлечено 33 кулака, оправданных, разумеется, нет»³.

«Основными факторами усиления хлебозаготовок, – уточнялось в его мартовском отчёте в Уралобком, – выдвинуты: а) сохранение нажима на партийный, советский, профессиональный и кооперативный аппарат...»⁴.

От курганских руководителей не отставали и их южноуральские соседи.

Оренбургский губком рассылал на места грозные письма: «Имеет место

¹ Там же. С.245.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.977. Л.12об.,13об.

³ Там же. Л.27-27об.

⁴ Там же. Л.46.

недопустимо расхлябанная работа сельсоветов, репрессивные меры воздействия к председателям сельсоветов применяются слабо», «собрать все виды налогов и недоимок, распространить крестьянский заём. Не должно быть ни одного хозяйства, не имеющего крестьянского займа», «установить личную ответственность руководителей партийных, советских и кооперативных организаций за выполнение возложенных на них заданий по заготовкам ... возложить на них всю ответственность как за ход хлебозаготовок, так и за ход взимания платежей в соответствующем районе и оставить их на месте заготовок до решительного перелома в области хлебозаготовки и до окончания сбора всех платежей ... добиться решительного перелома в хлебозаготовках в недельный срок со дня получения директивы, всякие отговорки ... будут считаться за грубое нарушение партийной дисциплины»¹.

Выступая в апреле 1928 г. на совещании в ЦК ВКП(б), нарком торговли Башкирии Пожилов рапортовал, что за январь-апрель «применены суровые административные репрессии» в отношении тех местных руководителей, которые не обеспечили нужных результатов: « ... осуждены за бездействие только местные члены исполкомов и сельсоветов – 420 чел.» По его мнению, «по количеству осуждённых, по количеству отстранённых от должности» Башкирия оказалась «пожалуй, на первом месте»².

О самочувствии низовых руководителей, попавших под такой пресс давления, красноречиво свидетельствует горькое признание секретаря партийной ячейки в Чашинском РИКе Курганского округа: «Работаешь день и ночь, а всё равно домзак (дома заключения – В.Н.) не миновать, потому что план хлебозаготовок, данный РИКом, ни за что не выполнить, хлеба у крестьян нет, теперь дали мне по партлинии выговор с предупреждением, а дальше нужно ожидать домзак»³.

Ему вторил направленный на выполнение плана хлебозаготовок кооперативный работник из города: «... план на март – собрать в 2 раза больше

¹ ЦДНИОО. Ф.1254. Оп.2. Д.114. Л.22; Д.127. Л.3,8-9.

² Трагедия советской деревни. Т.1. С.246.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.199.

– невыполним, а нам говорят – выполнишь, будешь и дальше работать, а нет – сядешь в тюрьму»¹.

Конечно, какая-то часть рядовых исполнителей пыталась и в этой ситуации сохранить чувство меры, не скатиться к голым репрессиям, откровенно навязываемым угрозами начальства сверху.

Так, в марте 1928 г. в Куликовском сельсовете Курганского округа местный участковый милиционер Зотиков вступил в присутствии крестьян в конфликт с приехавшим из района уполномоченным, утверждая, что «силком навязывать заём крестьянам никто не имеет права». В ответ на слова уполномоченного – «Тебя за то, что срываешь ударную работу, нужно арестовать», Зотиков заявил: «Это тебя арестовать надо, чтобы ты не заставлял крестьян насильно брать заём, видимо, перед своим начальством выслужиться хочешь, что так стараешься»².

«Есть случаи, – информировали источники ОГПУ, – когда местные работники под разными предлогами пытаются уклониться от участия в хлебозаготовках или говорят мужикам, что не виноваты, но их заставляют сверху»³. Приводился и конкретный пример: посланный по разнарядке для проведения самообложения в Куртамышский район Курганского округа учитель Карелин фактически саботировал эту работу, так объясняя свои действия: «Меня посылали в деревню для того, чтобы я выяснял, у кого хлеб есть у крестьян и сообщал, но я этого не делал потому, что я сам мужик и помогать бить своего брата не могу, так как в корне против такого бесчеловечного отношения к тем, кто кормит всю страну»⁴.

Некоторые рядовые исполнители не выдерживали обрушившегося на них нервного напряжения, так, в одной из деревень Глядинского района (Курганский округ) член сельсовета, заявив, что не может больше исполнять

¹ Там же. Л.195.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.192.

³ Там же. Л.209.

⁴ Там же. Д.1022. Л.34.

указания сверху, потому что «у нас теперь нет Советской власти», придя домой, «попытался повеситься в сарае, но соседи спасли»¹.

Однако типичным было совсем иное поведение. Подавляющее большинство низового партийно-советского аппарата действовало «правильными методами», примерами которых буквально переполнены, исключительно в порядке констатации, без всякого оттенка осуждения, информсводки местных отделов ОГПУ о ходе хлебозаготовок, самообложения, распространения крестьянского займа.

В Коробейниковском сельсовете Курганского района Курганского округа председатель сельсовета «вызывал ночью поодиночке к себе зажиточных и требовал таким образом подписаться на заём: «Если не противник советской власти, то должен подписаться на заём в той сумме, которую предлагает сельсовет, и деньги должен уплатить в течение 12 часов»².

Волостной уполномоченный по хлебозаготовкам в Троицкой волости Оренбургской губернии «держал кулаков с «солидными» середняками в амбарном холодке часа по 3, а потом созывал и справлялся о самочувствии и не появилось ли желание «подписать на заём»; другой волостной уполномоченный, «вынимая наган и показывая его «нерадивому подписчику», заявлял, «отправлю в ГПУ, а там с такими, как ты, расправятся коротко и быстро»³. В Алексеевском сельсовете той же губернии «уполномоченный запугивал крестьян тем, что, если они не внесут деньги в 24 часа, то он отправит их «на переговоры в ГПУ»⁴.

Уполномоченный райисполкома в Мало-Беловодском сельсовете Юргамышского района Курганского округа давал такие указания в сельсовете: «Нам нужно обойти всех крестьян и сказать – нужно излишки хлеба сдавать государству, тем, кто на это не будет соглашаться, надо сказать, что он не советский гражданин и государство его отдаст под суд»⁵.

¹ Там же. Д.1026. Л.211.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.186.

³ ЦДННАО. Ф.1254. Оп.2. Д.114. Л.21.

⁴ Там же. Л.23.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.189.

Представитель райисполкома, появившийся в сельсовете деревни Верхне-Запой Белозерского района Курганского округа, так публично аттестовал себя: «Вот явилась к вам советская жандармерия хлеб выкачивать ... если не будете сдавать хлеб, пойдёте под суд». На вопрос обескураженных таким заявлением крестьян: «А что нам будет, если не выполним задание?», последовал лаконичный ответ: «Виселица!»¹.

Приехавший в Просековский сельсовет Марайского района Курганского округа секретарь райкома Семёнов «на вопрос бедняка Н.Просекова, активного члена сельсовета, как практически подойти к выполнению плана хлебозаготовок, ответил: «Сволочи, вашу мать, заразговаривали. Дан план, так выполняй!»²

Уполномоченный РИКа Кузнецов (Утятский район, Курганский округ) кричал на крестьян в сельсовете: «Вы не прикидывайтесь казанской сиротой, если завтра не представите деньги, согну вас в бараний рог!»³

В селе Иковском Чашинского района Курганского округа уполномоченный РИКа заявил бедноте ультиматум: «Всё должно быть собрано к 1 апреля, а если это не будет сделано, беднота не получит ни одного пуда на еду и на семена, а кто не хочет совсем ничего делать, пусть поезжает из Советского Союза в Америку»⁴.

Уполномоченный Глядинского райисполкома так припугнул крестьян: «... если вы не реализуете заём, то я на вас ещё дополнительно 3000 р. наложу, тогда узнаете, как в Советской России жить»⁵. Члены сельсоветов, сообщалось из того же района, «ходят по домам и предлагают облигации брать в обязательном порядке, при этом заявляют: «... не берёшь. Распишись в том, что тебе объявлено, а завтра составим опись имущества, тогда не пеняй»⁶.

В Воскресенском округе Челябинского округа в одной из деревень секретарь партийной ячейки и председатель сельсовета вызывали «поздней

¹ Там же. Л.198-199.

² Там же. Д.1020. Л.146.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1023. Л.204.

⁴ Там же. Л.205.

⁵ Там же. Л.206.

⁶ Там же. Д.1026. Л.203.

ночью зажиточных (по одному) и, положив на стол наган, заявляли: «Бери 150 или 200 руб. займа, не будешь брать – на утро будешь отправлен в ГПУ, и у тебя на эту сумму будет увезён хлеб»¹.

На собрании по самообложению в селе Пьянково Чашинского района Курганского округа уполномоченный заявил, что есть утверждённая контрольная цифра самообложения и «если вы её сегодня не примите на собрании, мы будем проводить завтра, послезавтра, до тех пор, пока вы не согласитесь»².

Собрания по самообложению в Златоустовском и Курганском округах, признавалось в обзорах ОГПУ, приходилось ради получения нужного результата проводить по 5-6 раз³.

ПредРИКа Дребнев (Варгашский район, Курганский округ) на возражения крестьян отвечал: «Мы вас доведём, что вы будете хуже бедняков, мы вас вытрясем»⁴.

Крестьяне, – шли жалобы с мест, – «сидят по неделе и больше день и ночь на допросе в сельсоветах, хоть хлеба у них давно нет ... прямо колчаковщина какая-то ... не знают, что и делать, есть ли ещё Советская власть»⁵.

Все эти факты ни в коей мере нельзя считать «перегибами», свойственными именно Южному Уралу. Сводки, составлявшиеся в центральном аппарате ОГПУ, были заполнены информацией о совершенно аналогичных действиях местных властей на Украине, Северном Кавказе, в Сибири, по всей стране⁶.

Не было секретом для местного руководства и то, что многочисленные «уполномоченные» и другие направленные в деревню выбивать из крестьян хлеб и деньги представители власти пользовались предоставленными возможностями и в своих собственных, иногда совсем прозаических интересах.

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.126.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.182.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.126.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1023. Л.210.

⁵ ОГАЧО. Ф.Р-98. Оп.1. Д.2028. Л.385.

⁶ См. напр.: Трагедия советской деревни. Т.1. С.195-200,277-285.

Председатель ККОВ в Варгашином районе «обещал крестьянке, если достанет ему вина, освободить от налога»; милиционер из административной части Половинского райисполкома, приехав в деревню, «собрал собрание, сделал самовольное самообложение и использовал эти деньги для своих целей»; другой милиционер из Белозерского района «в борьбе с самогонкой¹ охотился только там, где и самому можно было чем-нибудь пожить»; уполномоченный РИКа в Варгашском районе в одном из сёл предложил крестьянке-вдове «вступить с ним в половую связь, причем заявлял ей, тогда тебе не придётся брать облигации и вывозить излишки хлеба»².

Конечно, последние из приведённых случаев можно считать не столько «перегибами», сколько своего рода «эксцессами», но, очевидно, что, во-первых, они сами по себе ярко характеризовали ту атмосферу беззакония, которая воцарилась в деревне во время чрезвычайных мер, а, во-вторых, нетрудно догадаться, как должно было воспринимать власть, имеющую таких исполнителей, крестьянское население.

Тем более, что в восприятии местного руководства эти «перегибы» не имели особого значения. Как докладывал 1 марта 1928 г. своему непосредственному начальству секретарь Курганского районного комитета партии, «вопиющих искривлений партдиректив не было, но, понятно, отдельные штрихи есть»³.

Своего рода обобщающую картину собранных вместе «штрихов» рисуют письма, отправленные своим сослуживцам демобилизованными и находившимися в отпуске на Южном Урале красноармейцами (по всей видимости, эти письма были изъяты или скопированы органами ОГПУ)⁴.

В одном из них демобилизованный красноармеец Е.И.Табелев так описывал своему однополчанину положение, которое он застал на родине, в Бугурусланском уезде: «... что нам говорили на полит-часах этого здесь ничего

¹ Борьба с самогонноварением, на которое уходило зерно, была одной из составных частей чрезвычайных мер. В случае обнаружения самогона на крестьян накладывался большой денежный штраф – до 300 руб.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.215,184,185,197.

³ Там же. Д.1020. Л.103.

⁴ Отрывки из писем приводятся в оригинале, без орфографической и стилистической правки.

нет. Дорогой товарищ Гаевский во первых у нас нынче сильный был неурожай, народ хлеба досыта ни едят а тута разверсткой задушили теперь крестьянин работает день и ночь, а сейчас приехала комиссия и оставила на едока только 1 пуд хлеба, а остальное забирают, это не успели отдать, еще приехали отдай да вылаш сименуя пшеницы ... а если нету, то хоть продай остальную лошадь и им заплати»¹.

В другом письме, адресованном политруку бывшей части, содержались ещё более откровенные признания: «...товарищ политический руководитель, извините меня, что хочу я Вам прописать про наше крестьянское положение. Я Вам опишу все правильно. Когда я приехал домой и начал кой чего рассказывать про налоги, куда они идут и про страховку, для чего она нужна, то крестьяне меня дураком без малова сочли ... едва ли кто хлеб ест досыта, нет хлеба. А налог больше прошлогоднего довелось чуть ли не каждому продавать за налог остальной скот ... а хлеба ни у кого нет ... Крестьяне чуть волнения не поднимают ... за что мы воевали и завоевали сов. власть, за то у нас все отбирают, а бедняк и вовсе голодает ... Тов. политический руководитель, никак мы не поймем, что это твориться, что говорить буржуазия наверное засела не иначе. А если не она, то сов. власть не должна этого допускать, сейчас подходит весна, ни у кого семян нету ...Прошу дать ответ, на это не обижайтесь, это все правильно»².

Ещё один красноармеец из этого же уезда Щепкин, находясь в апреле 1928 г. в отпуске в деревне, с горечью написал в свою часть: «У нас здесь идет большой беспорядок, что нам там говорят, что облигации (имеются в виду облигации крестьянского займа – В.Н.) насильно не распространяют и хлеб не отбирают, но как я приехал, то узнал собственную правду, что хлеб отбирают ... А облигации ... брать просто не должен, а обязан и если мужик что скажет на сходе немного против, его сейчас же арестовывают ... так что большое насилие с этим займом. Некоторых крестьян, которые немного зажиточные так обделали, что весной он оставит свою землю не сеянной потому, что нечем и не на чем.

¹ ЦДННОО. Ф.1254. Оп.2. Д.114. Л.52.

² ЦДННОО. Ф.1254. Оп.2. Д.114. Л.14.

Крестьянство все недовольное, дышат очень тяжело. Я сам приехал домой, нету ни корма и хлеба мало. У меня дома придется купить, и все-таки моему семейству навязали облигацию взять ... Я как приехал, я выступил на собрании, меня хотели арестовать, но я все-таки отбрехался, виновным не остался ... Мужики все признали меня справедливым и застаивали за меня ... Вот как обстоит дело, очень неладно»¹.

Методы проведения хлебозаготовительной кампании, признавалось в одной из сводок Курганского окружного отдела ОГПУ, такие, как-то: «поголовные обыски, категорическое приказание о вывозе последнего хлеба, проведение значительного числа арестов, установление нормы от 15 фунтов на едока, запугивание более суровыми мерами наказания – расстрелом и т.д. пошатнули устойчивое положение и породили среди отдельных лиц недовольство к Советской власти»².

Показательно, что, отчитываясь о ходе хлебозаготовок на совещание в ЦК ВКП(б), башкирский представитель Пожилов использовал термин «продразвёрстка» и нарисовал такой механизм действий местных властей: « ... выносилось постановление, после этого постановления производилась разверстка в сельсовете с участием, а иной раз без участия организованной бедноты, а потом начиналось настоящее продразвёрсточное взыскание хлебных излишков»³. Вряд ли такое возвращение терминологии времён «военного коммунизма», тем более на совещании в ЦК и в присутствии Молотова, можно отнести к простой оговорке провинциального работника.

Следует отметить, что методы, отработанные в ходе чрезвычайных мер, были вновь использованы, хотя и не столь массированно, при сборе нового сельхозналога и в сопутствовавшей ему новой хлебозаготовительной кампании.

Так, например, протекали эти кампании весь 1929 г. в Башкирии, где перманентное невыполнение спускаемых из центра планов сопровождалось

¹ Там же. Л.51.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.158.

³ Трагедия советской деревни. Т.1. С.246.

новой волной «перегибов»¹. Уже в январе 1929 г. в обзоре, составленном отделом информации и политконтроля ОГПУ, отмечалось, что местные работники, столкнувшись с невыполнением плановых заданий, проявляли «упадочные настроения» и вели разговоры о «необходимости прекращения хлебозаготовок или применении чрезвычайных мер»². В результате, как признавалось в одном из таких обзоров, «хлеб отбирают у крестьян, не считаясь даже с плохим урожаем. Если будут так относиться к крестьянству, сеять никто на будущий год не будет»³.

Вновь представители власти на местах не стеснялись прямых угроз.

Так, в марте в Оренбургском округе один из уполномоченных по хлебозаготовкам «запугивал крестьян: «Вам нужно обрезать языки и выкачать весь хлеб — тогда только хлебозаготовки двинутся»⁴. Когда на собрании в Шадринском округе летом 1929 г. другому уполномоченному «был задан вопрос — что нужно делать с теми, кто не сдаёт хлеб, а имеет его», уполномоченный ответил — «Надо расстрелять»⁵.

В итоге, как констатировалось в начале сентября 1929 г. в сводке о ходе хлебозаготовительной кампании на Урале, «усиленный нажим на хлебодержателей приводил в отдельных случаях к резким перегибам, вызывавшим сильное недовольство крестьян»⁶.

Фактически к осени 1929 г., к рубежу «великого перелома», обе стороны, власть и крестьянство, подходили в положении перманентной «чрезвычайщины», которую оставалось довести до логического конца и перейти к насильственной ликвидации всего индивидуального крестьянского хозяйства.

Кризис «деревенского НЭПа» усилил и сделал более отчётливыми те настроения крестьянства по отношению к власти, которые развивались в предыдущие годы. Чрезвычайные меры наглядно показывали всему

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т.7. С.61,123,169,215,304,360,402.

² Там же. С.61.

³ Там же. С.531.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.853.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Т.7. С.310.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.929.

крестьянству, каков его реальный социальный статус в глазах большевистского государства, какое место будет отводиться ему в строящемся социалистическом здании. Разочарование в несбывшихся обещаниях большевиков о «счастливой жизни» переходило в чувство отчуждения от власти, всё большего осознания её как враждебной силы, несущей крестьянину разорение и угнетение.

При проведении чрезвычайных мер, особенно при выявлении зерновых излишков и при самообложении, власть вновь постаралась опереться на свою надёжную опору, на бедноту, с которой в силу её маломощности было нечего взять, но которая могла помочь взять с других.

Например, в инструкциях, в зашифрованном виде рассылавшихся волостным и сельским советам Бузулукского уезда, однозначно указывалось, что «в первую очередь необходимо использовать и в должной мере организовать активность бедняцких групп деревни, получивших в период текущего года освобождение от уплаты сельхозналога и льготы в других видах ... особо же необходимо учесть и использовать участие бедняцкого населения в части выявления скрытой площади обложения и начисления дополнительного налога»¹.

Бедняцкая часть деревни, в первую очередь те, кто был ранее освобождён от сельхозналога, освобождалась и от самообложения². Зато во многом их голосами на собраниях принимались решения о самообложении: «Сначала собирали самых беднейших, говоря им: «что вам бояться самообложения, с вас ведь ни копейки не сойдёт», – сообщалось в одном из писем в редакцию газеты «Красный Курган», – они одобряли, а потом уже собирали собрания с участием середняков и зажиточных»³. Привлекали бедняков и для выявления укрытия излишков, убеждали первыми подписываться по минимальной сумме на крестьянский заём и т.п.⁴.

Фактически была вновь предпринята попытка, обостряя конфликт в деревне, использовать бедняков для нажима на кулачество, в целом на

¹ ЦДНПО. Ф.4094. Оп.1. Д.1439. Л.35.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.977. Л.26.

³ Там же. Д.791. Л.2.

⁴ Там же. Д.1026. Л.160.

зажиточную часть деревни. В известной мере это оправдалось. Тем более, что часть бедняков с готовностью откликнулась на возможность на какое-то время почувствовать себя вновь в деревне силой, на собраниях групп бедноты можно было услышать призывы вполне в духе никогда до конца ею не забытого «военного коммунизма»: «Мы все ждём, что нам кто-то даст. Нам самим надо взять кулака за жабры и заставить его везти и продавать хлеб ... многие ещё боятся чего-то, надо так сделать, чтоб кулаки нас боялись»¹.

Однако в реальности выявилось, что и беднота далеко не так едина, как казалось партийным пропагандистам.

Во-первых, по многим беднякам, даже и освобождённым от налогов и самообложения, тоже ударили чрезвычайные меры, так как, следуя указаниям сверху – извлечь из деревни все прежние недоимки, задолженности, каковыми чаще всего были задолженности по семенной ссуде, местные власти постоянно не считались с бедняцким статусом, заставляя выплачивать долги, а в случае неуплаты обычно описывали и продавали скот, как правило, имевшийся (лошадь, корова, овца) в единственном числе².

Во-вторых, спровоцировав бедняков на активное участие в самообложении, подписке на заём и т.п., власть обострила их отношения с зажиточной частью деревни до такой степени, что не только кулаки, а и многие зажиточные середняки, пострадавшие в наибольшей мере от самообложения (его размер зависел от доходности хозяйства), объявили бедноте фактический бойкот, отказавшись продавать ей хлеб и семена, в которых она испытывала острую нужду, особенно зимой 1928–1929 г.

«Хлеб у меня есть, но только тебе я не продам, – откровенно заявляли такие крестьяне своим односельчанам. – Лучше отдам собакам, чем вам – беднякам. Если вы голосовали за усиление хлебозаготовок, так и голодайте, а хлеба не получите». Любопытно, что в сводке ОГПУ делалась приписка о

¹ Там же. Д.1020. Л.54.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.185,189-191,193,195-196.

публичном одобрении подобной точки зрения не просто другим зажиточным середняком, а – членом партии¹.

Между тем, использовав бедноту, власть затем фактически оставила её без помощи, лишь в очень ограниченных количествах снабдив хлебом весной – летом 1928 г. Многие бедняцкие семьи оказались в такой ситуации на грани голода. Им оставалось только констатировать очевидное: «Выходит, что зажиточных трянули, а у бедных хребет трещит, сидишь голодом и жаловаться некому»², и делать соответствующие выводы – «Обманули бедноту, говорили: голосуй, утверждай контрольную цифру и что ж: проголосовали, хлеб вывезли, а теперь беднота сидит голодом, но зато вперёд будет умнее»³, «дураки наш брат – беднота, что помогали выгрести хлеб у богатых, теперь сами остались без хлеба и никто не даст»⁴, «мы, бедняки, помогали заготавливать хлеб и нас же заставляют голодать»⁵.

В майском (1928 г.) обзоре отдела информации и политконтроля ОГПУ приводился в качестве типичного пример Месягутовского кантона в БАССР, где наблюдалась нехватка хлеба в бедняцких семьях: «Местами требования о выдаче хлеба сопровождались угрозами: «Остаётся умереть или сесть в тюрьму, лучше сесть, так как в тюрьме кормят ... какая же это власть, богатых обобрали, а нас обманула»⁶.

В сводке о настроениях в деревне, составленной летом 1928 г. редакцией газеты «Правда», приводился такой красноречивый отрывок из письма курганского крестьянина: «Когда обобрали середняка, увезли хлеб, бедняк остался голодать, теперь только понял всю подлую выходку действий власти... Нам приходится из-за этакой сволочи голодать по целым неделям, потому муки и хлеба ничего достать нигде нельзя»⁷.

¹ Там же. Л.157.

² Там же. Д.1023. Л.251.

³ Там же. Д.1026. Л.211.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.162.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.309.

⁶ Там же. С.308.

⁷ Трагедия советской деревни. Т.1. С.318.

В результате, например, в Башкирии, как сообщалось в июне 1928 г. в информационном обзоре ОГПУ, «сельсоветы и ВИКи ежедневно осаждаются толпами бедноты, категорически требующих хлеба»¹.

Не случайно, что на следующий год активность части бедняков сильно поутихла, они резонно отвечали на призывы властей опять помочь в хлебозаготовках: «В прошлую хлебозаготовку мы помогали выявлять хлеб у зажиточных, у них выгребли, а нам не дали, и нам пришлось голодовать»².

«Как же мы будем помогать заготовителям хлеба, – сетовала в августе 1929 г. крестьянка-беднячка из Троицкого округа, – когда сами сидим голодом по несколько дней. Хлеба на еду не выдают и никто не продаёт». Ей вторила такая же беднячка из Шадринского округа: «У меня скоро последняя юбка свалится, хлеба совсем нет, а мне не верят и кулаки хлеба не дают»³.

Местные власти не могли не признавать, что в такой ситуации «среди бедноты есть отдельные недовольства, которые проявляются иногда открыто на собраниях и беседах. Имел место ряд случаев, когда бедняки высказывались на собраниях в защиту кулака»⁴ и прямо помогали кулакам, пряча у себя их хлеб⁵.

То же самое явление имело место и в ходе кампании 1929 г. «В ряде мест отдельные бедняки, – как всегда, не без осторожности в формулировке указывалось в сентябрьской сводке ОГПУ, – выявляют отрицательное отношение к хлебозаготовкам, причём в выступлениях их заметно примиренческое отношение к кулаку». «Зачем кулака разоряют до основания, – говорили, например, бедняки в одной из деревень Челябинского округа, – ведь он раньше был батраком, теперь мало-мальски поправился, и его вновь вгоняют в нищету ... он такой же брат, как мы»⁶.

Признавая массовое участие бедняков в весенне-летних выступлениях 1928 г., связанных с нехваткой хлеба (они имели место во всех южноуральских

¹ Там же. С.369.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.386.

³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.931.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1023. Л.250.

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.292.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.930.

округах Уральской области), в своих обзорах, предоставлявшихся в Кремль, органы ОГПУ, как правило, подчёркивали «подстрекательскую роль» кулаков¹.

Ещё больше такое объяснение усилилось в следующем году, что, безусловно, отражало соответствующие установки, поступавшие с вершин «партийно-государственного Олимпа». Сведение всех проблем хлебозаготовок, включая и колебания бедняков, к активному сопротивлению кулачества, его проникновению в некоторые низовые органы власти приобретает универсальный характер.

Конечно, возраставшее сопротивление кулачества, его агитация среди односельчан, прямые угрозы, начинавшие переходить в действие, являлись деревенской реальностью 1928-1929 гг.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сводках местных отделов ОГПУ в это время начинает приводиться большое число ранее практически не встречавшихся негативных высказываний бедняков о Советской власти, более того, даже плохо скрываемых угроз: «Когда нас просили помогать проводить кампании, нам обещали всего, мы помогали и только при нашем участии выполнили все кампании, после этого указанные обещания выполнены не были, т.е. мы остались без хлеба, и пришлось опять идти и кланяться кулаку, а власть будто бы нас не видела. Благодаря этому перестаём верить Советской власти»², «Надо свернуть головы тем, кто нас обманывает. Мы помогали в проведении кампаний, а нас забыли. Нет, в будущем будем умнее, а с нами играть нечего!»³, «После такого надо идти на коммунистов войной, если так будет продолжаться, никто Советскую власть поддерживать не будет»⁴.

По всей видимости, явление это вызывало такое беспокойство, что отдельные резкие суждения бедняков включались и в обзоры центрального аппарата ОГПУ, в том числе и на примере Южного Урала: «... это прямое издевательство над бедняком», «... бить нужно коммунистов, всё равно

¹ См. напр.: Там же. С.270,349.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.30.

³ Там же. Д.1026. Л.162.

⁴ Там же. Л.163.

погибать придётся», « ... раньше не могли нарадоваться на Советскую власть, а теперь от неё плачем»¹.

Конечно, подобные настроения вряд ли можно считать свойственными всей бедняцкой массе, но их нельзя игнорировать и объяснять исключительно воздействием кулацкой агитации или экономической зависимостью многих бедняков от своих зажиточных односельчан. Как представляется, они явно свидетельствовали об одном немаловажном сдвиге в сознании крестьянства, произошедшем в годы НЭПа: почувствовав себя хозяином на земле, даже в качестве «маломощного хозяина», крестьянин обретал и чувство собственного достоинства.

Бедняк, продолжавший с доверием относиться к Советской власти, испытывавший понятные враждебные классовые чувства к кулачеству, однако, хотел, чтобы с ним, с его чувством достоинства власть считалась. Поэтому столь болезненно воспринималось возникшее в ходе 1928 г. стойкое ощущение, что власть использует бедняцкую часть деревни, когда ей она нужна, а потом забывает, как ставшую вновь на какое-то время ненужной. «Власть нас обманывает», «советская власть забывает бедноту», «с нами совсем не считаются», – высказывания такого рода фиксируются в сводках ОГПУ 1928-1929 гг. с одинаковой пометкой о социальном статусе автора слов – «бедняк».

В предыдущем разделе уже отмечалось, что среди критических суждений в адрес Советской власти, звучавших в 1926–1927 гг., смысл высказываний бедняков, середняков и зажиточных крестьян время от времени оказывался очень близким.

Та же тенденция прослеживается и на материалах 1928 –1929 гг. Однако возникает впечатление, что период «чрезвычайщины» с явно проявившимся стремлением власти не считаться с мнением самих крестьян, усилил дифференциацию и в бедняцкой части деревни, заставляя бедняков самоопределяться между готовностью по первому призыву «своей власти» пойти войной на кулака и стремлением сохранить свою относительную автономию от государства или, во всяком случае, быть для него не «пешкой»,

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.125,309,369.

а союзником, способным самостоятельно думать и самостоятельно принимать решение.

По большому счёту этого же хотело от Советской власти и подавляющее большинство крестьян. Самый негативный эффект чрезвычайных мер заключался именно в том, что они показали принципиальное нежелание власти считаться с мнением даже своих официальных классовых союзников – бедняков, в такой ситуации усиление негативного восприятия власти и остальной крестьянской массой становилось неизбежным.

Особенно тревожный характер для власти должна была иметь стена отчуждения, всё очевиднее выраставшая между ней и основной производительной силой деревни – середняком.

На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. попытки некоторых участников прений обратить внимание на то обстоятельство, что чрезвычайные меры ударили и по середняку, вызвав его серьёзное недовольство («насторожился середняк, в некоторой части озлобился, и часть середняков пошла за кулаком»), как выразился секретарь КП(б) Украины А.В.Медведев¹), не встретили поддержки остальных участников, продолжавших твердить о прочности союза бедноты и середнячества с Советской властью.

Даже Бухарин и Рыков, чьи выступления носили достаточно реалистичный характер, сочли необходимым отмежеваться от тревожных оценок, высказанных в июньском письме в Политбюро заместителя наркома финансов М.И.Фрумкина (кстати, в январе 1928 г., как и Молотов, совершившего поездку на Урал). В этом письме, в частности, указывалось, что «деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас ... по всей партии взята новая линия по отношению к середняку. По инерции продолжают говорить о союзе с середняком, а на деле мы отбрасываем середняка от себя»².

¹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т.2. С.290.

² Трагедия советской деревни. Т.1. С.291,293.

Однако фактически местные руководители, руководившие хлебозаготовками, в своей закрытой переписке зачастую вынуждены были делать признания, близкие оценкам Фрумкина.

Так, секретарь Курганского окружкома Головин сообщал в феврале 1928 г. в Уралобком: «Средняки обеспокоены, боятся возвращения военного коммунизма»¹. Практически аналогичную оценку воспроизводило весной 1928 г. и руководство Курганского отдела ОГПУ: «Часть середняков опасается 19-20 года: «в деревне вернулись методы военного коммунизма». В сознании многих середняков никак не укладывается характер последних наших мероприятий, и зачастую они вызывают у них непонимание и недовольство»².

Плохо замаскированный, а чаще вполне откровенный язык силы, которым заговорило государство с крестьянством в ходе чрезвычайных мер, неизбежно вызывал воспоминания о временах «военного коммунизма», но показательно, что именно середняки усматривали в этом наибольшую для себя угрозу. Прежде всего, в силу того, что, составляя основную массу крестьянства, они неизбежно попадали под чрезвычайные меры в полной мере.

Так, по данным, приведённым в мартовском обзоре ОГПУ, уже к 15 февраля 1928 г. по Уральской области описи имущества было подвергнуто более 11% всех крестьянских хозяйств, а в «передовых» по этому показателю округах Южного Урала, Златоустовском и Троицком, соответственно 25,2% и 23%³. Очевидно, что основную их часть составили середняки.

«На середняка во всех волостях нажимали, везде его «гнали» в ВИК для разговоров», – признавался губернский уполномоченный, занимавшийся организацией хлебозаготовок в Бугурусланском уезде⁴. Ещё более красноречивое признание содержалось в докладе Бугурусланской уездной прокуратуры и губернского суда: «Если смотреть по размерам выявленного и

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.977. Л.28об.

² Там же. Д.1020. Л.47об.-48.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.125.

⁴ ЦДНИОО. Ф.1254. Оп.2. Д.114. Л.21.

конфискованного хлеба, то ... подтверждается, что середняцкая часть основательно попала под тяжесть меры социальной защиты»¹.

Судя по информации, обильно предоставлявшейся по каналам ОГПУ, именно середняк ощущал себя главным объектом новой волны государственного насилия.

«Куда ни повернись, – сетовал один из таких середняков, – везде с меня деньги нужны: самообложение плати, заём покупай, завод строй и ещё каких только платежей не существует – прямо беда»². «Разве не середнякам, – задавался риторическим вопросом другой крестьянин в письме, адресованном начальнику окружного ОГПУ, – распихивались насильно облигации крестьянского займа и вся эта работа называлась смычкой крестьянина с рабочим?»³

В другом обширном письме, направленном в газету «Красный Курган», но не опубликованном в ней, середняк Гаврилов из деревни Баксары Лебяжьевского района, прямо писал: «Вся тяжесть ложится в настоящее время на середняка ... я с налогом и со всеми повинностями рассчитался исключительно за счёт хлеба, продал последний хлеб и сейчас придётся покупать ... Самообложение в корень подрывает середняка, гнёт его в дугу». И дальше в письме звучало очень симптоматичное признание: «... сейчас я лучше умру от голода, но от государства помощи просить не буду ... Дайте хоть немножко вздохнуть свободно!»⁴

«Пусть хоть расстреливают, – воскликнул летом 1929 г. середняк из Троицкого округа, – я не боюсь, им всё равно над нами хозяевами не быть, пусть пока хозяйничают, но у людей лопнет терпение»⁵.

Представляется, что именно в таких словах и открывалась глубинная сущность претензий середняцкой, основной трудовой части деревни к власти: новая несвобода, вызывающая память о «военном коммунизме», вот что

¹ Там же. Л.40.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1020. Л.48.

³ Там же. Л.43.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.791. Л.1об.-2.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.932.

увиделось середнякам за всеми кампаниями 1928-1929 гг., и жертвовать, пусть относительной, но свободой, автономностью своего существования прежних лет даже перед лицом голода и угрозы собственной жизни они уже не могли и не хотели.

Социальная политика прежних нэповских лет при всей её классовой направленности оставляла крестьянину-середняку простор для развития, возможность чувствовать себя хозяином на своей земле, она, хотя и прочно держала крестьянина на налоговом поводке, но этот поводок был один и не заставлял поминутно о себе помнить. Теперь же крестьянин опутывался целой связкой таких поводков, лишавших его свободы, самостоятельности, возвращая не забытую до конца «рабскую зависимость» от воли государства времён «военного коммунизма».

«Здорово гнут нашего брата, – восклицал середняк Вотников из села Бугровое Звериноголовского района Курганского округа, – заплатили: налог, страховку, самообложение, а тут ещё навязывают заём, вот так жмут, из-под самой кожи, из-под самых рёбер всё выжимают»¹.

«...видно опять пришел 21 год, только, пожалуй, будет еще похлеще, – подводил невесёлый итог зажиточный крестьянин Кривоногов из села Плоское Лебяжьевского района, – тогда хоть прямо обирали, отдай масло, отдай хлеб, а сейчас вот сдал налог, отдай самообложение, а потом купи облигации, а там заплати в маслозавод, а там и ещё что»².

«Дайте крестьянину полную свободу, тогда будет вам и школа, и хлеб!»³ – вырывалось у крестьян заветное на собраниях по самообложению.

Действия властей в ходе следующей налоговой и хлебозаготовительной кампании 1928–1929 г. лишь подтверждали сомнения и опасения середняков относительно своего будущего: «Мужику совсем невыносимо стало», «что творится и понять невозможно», «поставить честного крестьянина на паёк и не

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1023. Л.246.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1023. Л.125.

³ Там же. Д.1020. Л.48.

оставить хлеба для скота и птицы – это в корне неверно», «посредством хлебозаготовок хотят разорить крестьянина»¹.

Своими действиями власть ставила под большое сомнение уже укрепившееся в сознании крестьянина-середняка представление о том, что, как говорилось в одном крестьянском письме, «крепость власти больше находится в руках середняцкого хозяйства и частью многих честных из категории зажиточных»².

Делая выбор в ходе хлебозаготовительного кризиса в пользу дополнения экономической смычки города и деревни «силовыми приёмами» её осуществления, власть заставляла задумываться крестьян о бесперспективности дальнейшего развития своего хозяйства, дальнейшего взаимодействия через подъём собственного хозяйства со строящим социализм городом. Вполне реалистичным в этой связи представляется вывод, сделанный в письме Фрумкина в Политбюро, о том, что политика 1928 г. «привела основные массы середнячества к беспросветности, бесперспективности. Всякий стимул улучшения хозяйства, увеличения живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота парализуется опасением быть зачисленным в кулаки»³.

Осенью 1928 г. об этом начали говорить и оппоненты Сталина в высшем руководстве страны, вскоре официально зачисленные им в «правый уклон». Так, выступая в Ленинграде вскоре после ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б), Рыков подчеркнул, что «середняк – центральная фигура нашего земледелия – развивает и будет развивать своё хозяйство лишь в том случае, если он чувствует уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне»⁴.

Однако это было явно запоздалое признание.

На деле «уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне» стала исчезать у крестьян гораздо раньше 1928 г. Как было верно подмечено в письме крестьянина-середняка из Шадринского округа, «крестьянин чувствовал себя свободно до 1926 года ... После указанного времени положение крестьян

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т.2. С.931.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1020. Л.43-43об.

³ Трагедия советской деревни. Т.1. С.293.

⁴ Рыков А.И. Указ. соч. С.440.

изменилось. Учитывая его, крестьянин начинает опровергать положение своей жизни и мысли крестьянина противоположны ведению сельского хозяйства»¹.

Отсюда, из такого изменившегося умонастроения становится понятным широкое распространение в среде зажиточных крестьян и середняков в 1928-1929 гг. совсем иных доступных им ответов на действия власти, нежели в прежние годы, когда главной формой было укрытие посевов и доходов.

Тогда это укрывательство часто служило средством сохранить средства не для потребления, а для дальнейшего развития собственного хозяйства. Теперь же на первый план вышли два, по сути, хозяйственно-разрушительных метода противодействия властным притязаниям на плоды крестьянского труда.

Во-первых, это было сокращение посевов, сворачивание других форм деятельности, в сущности, возвращение к натуральному хозяйству.

«Раз теперь, – как было ехидно подмечено острым народным языком, – крестьяне могут петь крестьянский интернационал: «Крестьяне владеть землёй имеют право, а пшеницей – никогда», если «урожаем и хлебом распоряжается дядя из города, наказывает, как продать, кому, за какую цену»², если «нашего брата, середняка, задавили и никакой скидки нет, то нужно сокращать хозяйство – переходить в бедноту»³, сеять только для себя, «хватит на чужого дядю работать, надоело, чем больше сеешь, тем меньше тебе остаётся»⁴, если «правительство решило доконать вконец крестьянство своими налогами и займами, то, – призывал своих односельчан середняк из Белозерского района Курганского округа, – давайте лучше ликвидируем хозяйство ... лучше не работать, не пахать, не мучиться, тогда посмотрим, что получится из нашего государства»⁵.

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1024. Л.139.

² Там же. Д.977. Л.14.

³ Там же. Д.1026.. Л.192.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1023. Л.125-126.

⁵ Там же. Д.1026. Л.192.

«Приходится бросать посев, больше ничего не остаётся делать», «если такую политику поведёт государство, то сеять не будем», – такие выводы делали крестьяне разных районов Южного Урала¹.

Сокращение собственного хозяйства приняло на протяжении 1928–1929 гг. массовый характер. Сводки ОГПУ констатировали, что это явление «имеет повсеместно распространённый характер. Сокращение хозяйств имеется в каждом сельсовете ... основной причиной сокращения хозяйств ... является недовольство размером налога и стремление уменьшить облагаемые объекты хозяйства»². Сведения о массовом сокращении посевов в середняцких и зажиточных хозяйствах проникали и в местную печать³.

Во-вторых, это был ещё более традиционный и разрушительный ответ: «Лучше пропить своё добро, а то всё равно власть заберёт налогом и оставит нищим»⁴.

Сводки ОГПУ фиксируют волну пьянства, особенно захлестнувшую деревню с осени 1928 г. Но волну своеобразную: пьянство превращалось в своего рода форму социального протеста пьющих, сопровождавших свои действия чуть не целой программой: «Я пью вино и буду пить пока не пропью всё хозяйство, всё равно Советская власть обберет. Раньше я работал до упаду, а за это меня называли кулаком и вредным; теперь я всё пропью, буду пролетарием, по-ихнему, передовым гражданином»; «Я пью и буду пропивать своё добро, чтобы не доставалось Советской власти. Останусь без лошади и коровы – пусть власть меня кормит, так же как кормит сотни дармоедов. Лучше хозяйство сожгу, но работать на дармоедов не буду»⁵.

Именно рост настроений производящей части крестьянства в пользу подрыва и даже самоуничтожения собственного хозяйства, принявший вскоре, зимой следующего 1929–1930 г., форму настоящего «всероссийского бедствия», можно считать своего рода «антимодернизационным ответом» на

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.126.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.219.

³ См. напр.: Крестьянская газета (Шадринск). 1929. 15 мая.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.155.

⁵ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.155.

модернизаторский проект индустриализации, в значительной мере и спровоцировавший чрезвычайные меры. Крестьянство предпочитало в предчувствии утраты своей свободы уничтожать собственное добро, лишь бы оно не досталось государству. По сути, это означало такую степень недоверия и вражды к государству, которая делала невозможной любую другую попытку привлечь крестьянский потенциал развития, кроме как доведением государственного насилия до логического конца.

Крестьянство на глазах лишалось последних иллюзий относительно того, что это его государство, его советская власть, за которые оно когда-то сражалось: «Политика такова, чтобы только обобрать крестьянское хозяйство, нажитое мужиками в поте лица»¹. «Это не Советская власть, а шкуродёрская, только и знает, что драть с мужика сборы да налоги. Готовы последнюю шкуру содрать ... ничего, мы им ещё покажем, как показали Колчаку, кто есть мужик»², – передают сводки ОГПУ в конце 1928 г. типичные крестьянские суждения о власти.

Все те тенденции в социальных ощущениях крестьянства, которые можно было зафиксировать в предыдущие годы, не только сохранялись, но становились более отчётливыми и приобретали более резкие (пока только на словах) формы выражения.

Так, прежний мотив противоположения деревни и города, некоторой социальной «зависти» к рабочему, которому живётся «лучше», трансформировался теперь в образ государства, города, его жителей, сливающихся в одно целое, враждебное крестьянину пространство: «Крестьян обобрали, а город обогатили. В городе живут теперь как господа, всего много, а в деревне ничего не осталось. Хорошо живёт только рабочий да служащий»³; «... всё говорят, что власть рабочих и крестьян, а сами с мнением крестьянства нисколько не считаются, по-моему, не рабочих и крестьян, а рабочих и служащих, так как соввласть защищает интересы только их, а не крестьян»⁴.

¹ Там же. Д.1023. Л.246.

² Там же. Д.1026. Л.159.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.159.

⁴ Там же. Л.183.

Сравнение с прежними временами концентрировалось теперь на поиске в них всего лучшего по сравнению с сегодняшним днём: «Советская власть берёт с мужика налога в 10 раз больше дореволюционного. Раньше всё село платило налогу 900 руб., а теперь 9000 ... Мы свободнее дышали при царе Николае, чем теперь»¹; «земство было лучше, строило мосты и школы, а тут только берут и берут»²; «... раньше при царизме жилось гораздо лучше, товаров было сколько угодно – полки ломились, а теперь дожили – ничего нет!»³

Особо обращает на себя внимание появление высказываний крестьян, ранее совершенно не отмечаемых в сводках ОГПУ, типа: «Живётся хуже, чем при Колчаке»⁴. Например, член Чашинского райисполкома позволил себе такое рассуждение: «... если бы мужики в 1919 году знали, что будет самообложение, хлебозаготовки, заём и т.д., то, пожалуй, не пошли бы против Колчака»⁵.

Если уж сами представители советской власти косвенно готовы были признать, что крестьянину по сравнению с нынешним временем предпочтительнее времена Колчака, то вряд ли приходится удивляться словам, в сердцах срывавшимся с губ середняка Парочкина из деревни Лесьино («бывшего бедняка, активиста», по аттестации информсводки ОГПУ): «Дурак я был, что боролся за Соввласть», или другого середняка Кузнецова из деревни Озёрной: «Да будь она проклята, наша жизнь и советская власть, если это всё делается от власти, то пропади она пропадом!»⁶

В создавшейся ситуации многих крестьян охватывали растерянность, апатия, полное непонимание чего ещё можно ждать от власти: с мест сообщали, что в деревне «все сидят, ничего не делают, не знают что делать, не верят, есть ли уж Советская власть»⁷.

Однако самым показательным становится лавинообразное нарастание в конце 1928 г., а затем и на протяжении всего 1929 г., в приводимых сводками ОГПУ многочисленных откровенных высказываниях крестьян, агрессивных

¹ Там же. Л.159.

² Там же. Л.211.

³ Там же. Д.1020. Л.48.

⁴ Там же. Д.1022. Л.27.

⁵ Там же. Д.1026. Л.211.

⁶ Там же. Л.159; Д.1023. Л.249.

⁷ ОГАЧО. Ф.Р-98. Оп.1. Д.2028. Л.385.

настроений: недовольство действиями власти превращается в желание ей гибели, даже собственную готовность принять в этом участие.

Такие свидетельства увеличиваются и в сводках центрального аппарата ОГПУ. Например, в мартовском обзоре 1928 г. приводятся угрозы крестьян из Троицкого и Златоустовского округов: «Коммунисты опять хотят заставить нас взять вилы и топоры», «... возьмём оружие да покажем, как нас облагать»¹.

Конечно, можно с полным на то основанием предположить, что такая концентрация подобных высказываний (иногда ими подряд заполнены 2–3 страницы сводки), особенно сопровождаемая указаниями на кулацкую принадлежность говорящих, была и целенаправленной работой составителей сводок: это должно было, с одной стороны, подтвердить справедливость идущих с верхних этажей власти политических установок, с другой – показать компетентность ОГПУ, то, что органы безопасности видят и следят за этой кулацкой угрозой. Несомненно, подобная избирательность информации, поступавшей по этому каналу обратной связи партийно-советскому руководству, во многом способствовала окончательному укреплению в сознании последнего представления о необходимости решительным ударом раз и навсегда «уничтожить кулачество как класс».

Можно представить, какие чувства испытывал секретарь Курганского окружкома партии или председатель Курганского окрисполкома (они стояли первыми в списке тех, кто получал информсводки местного отдела ОГПУ), когда в длинном перечислении кулацких высказываний их взгляды невольно спотыкались, например, на таких словах: «Скорей бы уж война, руки чешутся – воевать хочется, обождите, товарищи коммунисты, свернём вам головы», «... всем коммунистам в первую очередь посшибаем головы», «когда переменится власть, тогда мы по три ремня будем вырезать из спины тех, кто теперь нас зорит (разоряет – В.Н.)»².

Другое дело, что такое обилие кулацких угроз, в предыдущие годы лишь изредка появлявшихся на страницах чекистских сводок, не могло быть

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.6. С.126.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.156.

случайным всплеском «классовой ненависти», а явно было связано с тем изменением крестьянской политики, которое власть продемонстрировала в 1928–1929 гг.

Но, анализируя эту часть информационного потока поступавшего к власти, нельзя не заметить и другого: кулацкие пожелания расправы с советской властью и коммунистами обычно шли одним блоком, даже без упоминания фамилий. Между тем, в других разделах тех же сводок, как правило, с указанием фамилии и места проживания, часто даже с обстоятельствами, при которых это было сказано, приводились высказывания зажиточных, середняков, даже бедняков, в которых не содержалось прямой угрозы советской власти, но было нечто гораздо, опасное для неё – явно выраженное нежелание защищать эту власть, когда начнётся война или произойдёт ещё какое-либо событие, ей угрожающее.

Показателен, например, переданный информатором ОГПУ диалог двух крестьян-середняков в деревне Лесьяно Мокроусовского района Курганского округа: «Советская власть творит такие безобразия ... так дальше терпеть нельзя. Нужно всем заявить, что мы не согласны». – «Что толку заявлять ... вот если будет война, мы просто не пойдём защищать Советскую власть»¹.

Не менее определённо высказался на этот счёт и председатель сельсовета в Чашинском районе Курганского округа Попков: «Будь в настоящее время война, то красноармейцы дальше кустов не дойдут, ведь надоела всем такая власть»².

Но, пожалуй, особый интерес представляло даже не то, что росло нежелание защищать власть. У основной массы того самого трудового крестьянства, которое в годы Гражданской войны поддержало большевиков, усилиями которого было восстановлено сельское хозяйство, а затем и обеспечено его стабильное развитие, возникало серьёзное сомнение относительно той позиции, которую оно займёт в решающий момент.

¹ Там же. Л.159.

² ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1026. Л.211.

Весьма интересным представляется в этом отношении рассуждение крестьянина Сенникова из одноимённого сельсовета Макушинского района Курганского округа (зажиточного, бывшего красноармейца, члена сельсовета, по аттестации ОГПУ): « ... решили собирать досрочно налог, а хлеб ещё не созрел, где мужикам взять денег ... власть просто издевается над крестьянами, теперь полевые работы, а мужиков сгоняют на собрания и целыми вечерами держат, разьясняют о займах, заготовках и т.д. ... не знаю, что там дальше будет, ... но если опять возьмут за глотку, может и стрельну»¹.

Кризис хлебозаготовок был вызван сложным переплетением причин, но, несомненно, что одной из них была неверная или, во всяком случае, недостаточно объёмная оценка властью тенденций развития крестьянского самосознания за годы НЭПа. Уже по реакции крестьянства на ужесточение налоговой политики в 1926–1927 гг. было ясно, что оно попытается доступными ему экономическими мерами отстоять своё право свободно распоряжаться большей частью произведённой продукции, направляя её туда, куда считало наиболее выгодным для себя, а не туда, куда хотело государство.

Не сумев в должной мере (в силу разных обстоятельств, в том числе и внутрипартийного характера) вовремя принять экономические меры по предупреждению возможного «крестьянского нажима», в известной мере, отрезав себе пути к отступлению началом реализации промышленной составляющей пятилетнего плана, требовавшей усиленного наращивания капиталовложений, партийно-государственное руководство прибегло к сугубо административным мерам разрешения кризиса хлебозаготовок.

Практика осуществления этих мер оказалась такова, что не просто вызвала массовое недовольство крестьянства, а стимулировала, в первую очередь, развитие тех тенденций в крестьянском самосознании, в отношении к власти, к государству, которые вели к дальнейшему отчуждению значительной части, возможно, подавляющего большинства крестьян, принадлежавших к разным социальным группам, от советской власти.

¹ Там же. Л.219.

Государство всё больше воспринималось в виде враждебной крестьянству силы, отождествлявшейся часто со всем городом, которая заинтересована исключительно в выкачивании из деревни её ресурсов, не считаясь при этом ни с реальными возможностями конкретного крестьянского хозяйства, ни с собственными желаниями крестьянина.

Представляется, что проведённый в этом разделе диссертации анализ информации, поступавшей по каналам обратной связи от крестьянства к власти, пусть даже в ограниченных пределах преимущественно Курганского округа (это обусловлено состоянием источниковой базы), позволяет сделать вывод о том, что скорее был прав кандидат в члены ЦК ВКП(б) В.В.Осинский, предупредивший на июльском пленуме ЦК о реальной опасности «размычки» между городом и деревней, иначе говоря, между Советской властью и крестьянством¹, а не его оппоненты во главе со Сталиным, чья точка зрения возобладала на пленуме в конечном итоге.

Подобная «размычка» происходила, прежде всего, в сознании крестьянства, в осознании им своего приниженого социального статуса в глазах власти, что противоречило собственному представлению крестьянина о первичности, самоценности земледельческого труда.

Нежелание власти, даже после формальной отмены чрезвычайных мер, внести существенные коррективы в налоговую политику, наоборот, дальнейшее усиление в ней факторов нажима, подрывавших всякие материальные стимулы к развитию производства, объективно толкало многих крестьян к сокращению собственного хозяйства. Это ещё более сужало поле манёвра для власти, стимулировало её стремление превратить паллиативные методы «чрезвычайщины» в постоянный принцип взаимоотношений с крестьянством.

Подводя итоги проведённому в настоящей главе исследованию социальной политики государства в отношении крестьянства, следует оценить роль и результаты этой политики с точки зрения решения основной проблемы развития страны – осуществления индустриальной модернизации.

¹ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т.2. С.227.

Как свидетельствует мировой опыт, крестьянство, являющееся основным традиционным классом, стержнем аграрного общества, взятое в целом, играет роль скорее антимодернизаторской, нежели модернизаторской силы, что, однако, не исключает позитивного вовлечения при определённых условиях более или менее значительных масс крестьянства в процессы социально-экономической модернизации¹.

Одним из основных условий такого крестьянского «соучастия» в модернизации является выделение в ходе дифференциации, распада относительно однородного патриархального крестьянского социума групп, вовлекаемых в рыночные отношения, переходящих на путь расширенного товарного воспроизводства. Успешность ведения такого производства во многом начинает определяться улучшением его технико-технологической базы, что объективно порождает заинтересованность таких групп в индустриальном развитии, пусть даже применительно только к тем отраслям промышленности, которые непосредственно работают на сельское хозяйство.

Однако экономическая, материально-вещественная заинтересованность крестьянства в индустриализации как основной движущей силой всего модернизационного процесса должна быть подкреплена, должна, если так можно сказать, опосредована факторами социокультурного порядка, прежде всего преодолением характерного для традиционного аграрного сознания представления о враждебности, противоположности крестьянскому миру мира города и формированием представления о совпадении, взаимопроникновении в определённых пределах ценностей этих двух социальных пространств.

Согласно используемой нами концепции Ш.Эйзенштадта, в условиях этатистской модернизации роль силы, способной осуществить такой ценностный синтез, выступает власть, вернее, политическая элита, которая обладает таковой властью. Успех модернизации тогда определяется способностью элиты стимулировать процессы интеграции тех социальных сил города и деревни, которые объективно заинтересованы в осуществлении

¹ См. напр.: Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: ВАГРИУС, 2004. Гл.1-2.

модернизации как на материально-вещественном, так и на социокультурном, ценностном уровне. Государство как институт должно сыграть роль «социального интегратора», в том числе и проведением такой социальной политики, которая консолидирует модернизаторские силы, устанавливает и укрепляет политические связи между ними.

С этой точки зрения, большевистская социальная политика в деревне в годы НЭПа представляла противоречивое явление.

С одной стороны, как уже отмечалось, будучи по своей объективной исторической функции модернизаторской силой, большевизм не мог не выдвинуть программы индустриализации, что и произошло, сначала в виде лозунга («социализм в одной стране»), затем конкретной программы (пятилетний план).

С другой стороны, оставаясь в рамках марксистской классовой идеологии, предполагающей видение всего социума исключительно под углом зрения отношения к собственности, большевизм рассматривал крестьянство как социальное пространство, в котором имелся один безусловный союзник (бедняки), одна колеблющаяся сила, но способная быть союзником (середняк) и один безусловный враг (кулак).

В такой ситуации избранная большевизмом основная линия социальной политики в деревне, конкретизированная в налоговой политике, заключалась в социальной защите, а вернее, в социальном патернализме по отношению к союзнику, социальном нажиме, переходящем временами в прямое социальное подавление (например, лишение избирательных прав), на классового врага, и гибкой линии по отношению к середняку, стержнем которой являлось недопущение превращения середняка в кулака.

Успешность проведения такой социальной политики (как и всей государственной политики вообще) в огромной по размерам и многообразию внутренних условий аграрной стране, переживающей сложнейшие и противоречивые переходные процессы, во многом начинала зависеть от наличия и качества информационных каналов обратной связи.

При сохранении политической монополии на власть за большевистской партией, в составе которой, особенно в управленческом звене, доминировали выходцы из интеллигентской и рабочей среды, такие информационные каналы приобретали особое значение. Но не меньшее значение имела и способность самой власти адекватно оценивать эту информацию, на основе её обработки принимать своевременные решения.

Изученный нами южноуральский материал реализации государственной социальной политики в деревне показывает общую синхронность развития процессов в этой сфере с другими сельскохозяйственными регионами России и позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, на протяжении всего периода НЭПа оставалась ярко выраженной основная классовая составляющая социальной политики – налоговые и иные льготы бедняцкой части крестьянства. Они вели к воспроизводству в деревне значительной массы, в сущности, натуральных хозяйств, а следовательно, к сохранению и упрочению патерналистских настроений части крестьянства, консервации в деревне элементов распределительной экономики.

Во-вторых, сравнительно гибкая социальная политика, проводившаяся до налоговой кампании 1925–1926 г., позволила обеспечить как восстановление сельского хозяйства при одновременном «осереднячивании» крестьянских хозяйств, так и сохранение в целом позитивного отношения основной части крестьянства к власти.

В-третьих, поступающие по такому каналу обратной связи, как информационные каналы ОГПУ, сведения показывали наличие определённых претензий крестьянства к налоговой политике, к деятельности крестьянских комитетов. Они отчасти носили ситуативный, частный характер, но в своей совокупности могут быть сведены к главной претензии и одновременно пожеланию, характерным для развивающейся, динамичной, втянутой в рыночные отношения части крестьянских хозяйств: налоги должны стимулировать развитие хозяйства, предоставлять простор собственной крестьянской инициативе, а не являться только средством перекачки в «карман

государства» части крестьянских ресурсов (сам принцип налогообложения при этом не отрицался).

В-четвёртых, в связи с завершением основных восстановительных процессов в экономике и переходом к подготовке условий для нового этапа индустриализации страны, власть оказалась в 1925–1926 гг. перед необходимостью видоизменения социальной политики в деревне с учётом меняющейся ситуации. Возникшую дилемму можно определить как выбор между ослаблением социального патернализма и налогового администрирования, с одной стороны, и, наоборот, их расширением, с другой стороны. В социально-стратегическом плане это означало выбор между объективно антимодернизаторскими (натуральные и ограниченно-товарные хозяйства бедняков и маломощных середняков) и объективно промодернизаторскими (товарно-производственные хозяйства основной массы середняков, включая их зажиточную часть, частично и аналогичные по типу деятельности кулацкие хозяйства) секторами в деревне.

Доктринальные ограничители большевизма predeterminedили постепенный поворот власти в сторону первого пути, что проявилось в ужесточении налогового законодательства и его применения, усилении классового начала в деятельности кресткомов.

В-пятых, ответом на эти изменения явилось усиление крестьянского недовольства, особенно ограничением хозяйственной самостоятельности, которое вполне адекватно было ретранслировано властным структурам по каналам обратной связи, но, по всей видимости, расценено в них через призму «обострения классовой борьбы» и угрозы «крестьянского термидора».

В-шестых, выбор, сделанный в 1925–1926 гг., во многом predeterminedил реакцию власти на хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг., выразившуюся в чрезвычайных мерах, которые не просто ограничили рыночные регуляторы отношений города и деревни, а, по сути, превратили их в оболочку, фикцию, скрывающую неэквивалентное силовое изъятие сельскохозяйственной продукции, исходя преимущественно из политических соображений.

В-седьмых, чрезвычайные меры не просто усилили недовольство крестьян, а привели к его качественному изменению. От недовольства теми или иными социальными действиями власти крестьянство стало переходить к осознанию противоположности своих коренных интересов «свободного труда» интересам большевистского государства, а значит, и тем целям, которые это государство провозглашает и пытается осуществить. Происходил быстрый процесс отчуждения значительной массы крестьянства от власти, отчасти сопровождавшийся разочарованием в Советской власти вообще и формированием внутренней готовности к её смене.

Суммируя, можно сказать, что тем самым в решающей степени были утрачены и социально-экономический ресурс индустриальной модернизации, которым являлся рыночный сектор крестьянского хозяйства, и социокультурный ресурс в лице нацеленной на хозяйственное развитие трудовой части крестьянства. В такой ситуации становилось практически невозможным дальнейшее осуществление модернизации страны при сохранении нэповской системы отношений с крестьянством, даже и в сильно деформированном в первой половине 1928 г. виде.

Таким образом, исследованный нами южноуральский материал может служить основанием для утверждения о том, что в конечном итоге социальная политика большевистского государства в деревне подвела страну на грань модернизационного срыва в рамках нэповской модели развития, послужила одним из важнейших факторов, предопределивших переход власти в 1929–1930 гг. на путь авторитарной, государственно-бюрократической индустриальной модернизации страны.

ГЛАВА 4. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПА

Заработная плата, обеспеченность трудоспособного населения работой, налоговая политика – эти инструменты управления социальными процессами

играют первостепенную роль в общественной системе, переживающей переходный период. Именно с их помощью государство получает возможность оказывать регулирующее воздействие на материальное производство, но воздействие не прямое, а опосредованное через человека, основной элемент производства.

Для большевистской власти, поставившей перед собой цель радикального переустройства всего общества, но вынужденной в годы НЭПа действовать в условиях сохранения различных социально-экономических укладов, использование таких инструментов закономерно вышло на первое место во всей социальной политике.

Однако, как ни важна была производственная сфера, но власть не могла не считаться с тем, что социальное пространство, окружающее индивида, включает и непроизводственную сферу, также обеспечивающую его жизненные потребности и опосредованно влияющую и на производственную активность, и на сознание, и на психологию человека, а, в конечном счёте, и на его отношение к существующей политической власти.

Идеология большевизма базировалась на марксистском учении, предполагавшем возможность сознательного управления всеми общественными процессами, в том числе и в непроизводственной сфере жизнедеятельности человека. Партийная программа, равно как и первые действия Советской власти доказывали стремление большевистской партии реализовать эту возможность путём целенаправленного государственного воздействия на такие области непроизводственной сферы как просвещение, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство и т.п.

Однако решение этой управленческой задачи столкнулось со значительными трудностями, отражавшими, как и в других случаях, противоречие идеологических установок и российской действительности.

Поскольку Советское государство рассматривалось большевиками как государство, защищающее интересы всех трудящихся, как высшая форма демократии, то оно должно было и в таких областях, как обеспечение населения

образовательными или медицинскими услугами, добиться более высокого уровня, нежели буржуазные государства.

Однако от прежней, самодержавной системы новая власть унаследовала отсталые социально-бытовую и социально-культурную сферы, состояние которых ещё больше ухудшилось в ходе гражданской войны. Чтобы достичь провозглашённых в партийной программе целей (например, бесплатного и всеобщего образования или общедоступной, бесплатной и квалифицированной медицинской помощи) требовались колоссальные материальные, особенно финансовые, ресурсы, которыми власть не располагала.

В то же время непроизводственная сфера, требуя больших вложений, как правило, не даёт быстрой и прямой отдачи, эффект принятых мер растягивается во времени и плохо поддаётся измерению количественными показателями. Восприятие человеком изменений в этих сферах индивидуально, ситуативно и опосредованно многими обстоятельствами, затрудняющими прямое воздействие через эти изменения на его отношение к власти. В глазах значительной части населения России в 1920-е гг. даже такая элементарная вещь как грамотность, отнюдь не относилась к первостепенным ценностям, приобретение с помощью государства к которым способно было бы существенно повлиять на степень доверия к власти.

В силу этих факторов к непроизводственной сфере во властной структуре, особенно на среднем и низовом уровне, во многом из-за необразованности и некомпетентности самого управленческого аппарата, относились как к чему-то второстепенному и обременительному.

Однако выдвижение на первый план с середины 1920-х гг. задач перехода к новому промышленному строительству резко повысило роль непроизводственной сферы. Именно за счёт позитивных сдвигов в образовании, жилищном строительстве, коммунальном хозяйстве, здравоохранении и т.д. должно было идти формирование новой, индустриальной среды обитания, состояние которой оказывало сильнейшее воздействие и на способность людей к качественному производительному труду.

Можно сказать, что эффективное управление социальными процессами в непроизводственной сфере в условиях индустриальной модернизации превращалось в одно из важнейших условий успешности преобразования всего социального пространства страны. От того, насколько существенным окажется модернизационный потенциал, накопленный в этой сфере, в известной степени зависело, какие формы примет вся модернизация, каковы окажутся её производственные и социальные издержки.

В настоящей диссертации анализ социальной политики государства в непроизводственной сфере ограничивается народным образованием, здравоохранением, социальным обеспечением и жилищно-коммунальной политикой как областями, наиболее непосредственно влиявшими на модернизационный потенциал общества.

4.1. Народное образование: медленное накопление модернизационного потенциала

Первоочередной задачей РКП(б) в области народного просвещения, поставленной в программе партии, было определено обеспечение «бесплатного и обязательного общего и политехнического образования до 17 лет»¹.

Решение такой задачи, вне всякого сомнения, могло стать и действительно впоследствии стало важнейшей культурно-образовательной предпосылкой индустриального рывка, совершённого страной в 1930-1950-е гг.

Однако в конкретных условиях 1920-х гг. ещё не могло идти речи о реализации этой задачи. История не только российской (советской) модернизации, но и аналогичных процессов в других странах «второй волны» модернизации, свидетельствует, что достижение того, что можно определить как возможность и необходимость получения основной массой населения среднего образования, является не только фактором, но и составной частью модернизации, осуществляемой уже непосредственно в ходе превращения промышленности в ведущий сектор народного хозяйства².

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.2. С.82.

² См. напр.: The Modernization of Japan and Russia. A comparative study. Ch.12.

Предварительным условием, позволяющим на следующем этапе переходить к внедрению массового среднего образования, в условиях нэповской России могло стать обеспечение населения возможностью получить начальное образование. Решение этой задачи и оказалось основной функцией системы народного образования. В пределах РСФСР она была возложена на Наркомат просвещения, в регионах – на республиканские (как это было в БАССР) наркоматы просвещения или губернские, областные, окружные отделы народного образования, входившие в состав губернских, областных, окружных исполкомов Советов.

Фактически решение проблемы начального образования сводилось, во-первых, к созданию такого количества школ, чтобы они были способны охватить всех детей школьного возраста (для школ I ступени, то есть собственно начального 4-х классного образования, этот возраст составлял 8-11 лет), во-вторых, к обеспечению материальной базы этих школ (учебники, пособия, оборудование, питание учеников и т.д.), в-третьих, к обеспечению школ необходимым количеством квалифицированных учителей.

Естественно, что главным продуктом всех этих мер становилось само образование, его содержание, формы и качественные результаты. Однако эти аспекты образовательной деятельности выносятся за пределы рассмотрения в диссертации; мы ограничиваемся изучением только трёх вышеуказанных проблем, поскольку исследование содержания и эффективности образовательных процессов представляет отдельную научную проблему, выходящую за рамки собственно социальной политики государства.

Деятельность органов народного образования на Южном Урале в 1921–1922 гг. оказалась парализована охватившим регион голодом. В условиях большой детской смертности, когда главной проблемой населения, особенно в сельской местности, было элементарное физическое выживание, школьное дело оказалось отброшено далеко назад.

Например, если в Оренбургской губернии на 1 июля 1921 г. насчитывалось в общей сложности 532 школы, в которых обучалось 88370 детей, то к 1 июля 1922 г. осталась 121 школа, в которых количество учащихся

составило всего 16332 чел. Иначе говоря, сокращение числа школ и учащихся, произошедшее за год, носило просто-таки катастрофический характер: 78% по школам и 82% по учащимся соответственно¹.

Но и в тех школах, которые не закрылись и продолжали работать, вряд ли можно было говорить о каком-либо систематическом учебном процессе. Достаточно сказать, что для того, чтобы как-то удержать в школе учителей, властям приходилось в городах прикреплять педагогов к детским домам, где «персонал был более или менее обеспечен в продовольственном отношении», а в сельской местности перебрасывать их из района в район в зависимости от степени поражения неурожаем данной территории².

Урожай 1922 г. ослабил остроту продовольственной проблемы, но не снял её до конца. Поэтому работа народного образования стала по-настоящему налаживаться на Южном Урале лишь в 1923 –1924 учебном году.

И сразу же на первый план вышел вопрос, который оставался наиболее сложным и болезненным для народного образования (как и для всех остальных рассматриваемых в этой главе областей социальной политики) на всём протяжении НЭПа – вопрос финансирования.

Состояние финансовой системы РСФСР не позволяло обеспечить полноценное финансирование школ из центрального бюджета, поэтому с началом НЭПа народное образование было переведено на смешанное финансирование – из госбюджета (меньшая часть) и местных бюджетов (главная часть). Госбюджетные средства оказывались, как правило, гораздо меньше тех сумм, которые запрашивались местными органами народного образования, поступали не полностью и с опозданием. Более того, часть этих средств, отпущенных через госбюджет, местные власти часто использовали не по прямому назначению, передавая другим ведомствам³.

Крайняя ограниченность местных бюджетов, тем более в условиях преимущественно сельскохозяйственного региона, каковым являлся Южный

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.32.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания. С.94.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.255об.-256,310.

Урал, вела, в частности, к тому, что в сельской местности средства на содержание школ приходилось изыскивать в порядке самообложения у самих крестьян. Это далеко не всегда встречало поддержку со стороны населения и к тому же, «ставя в непосредственную экономическую зависимость учителя, население, – как признавалось властью, – иногда влияет и на жизнь школы в нежелательном направлении (например, в районах с мусульманским населением в школу таким образом проникает религия)»¹.

Большие проблемы, на что постоянно указывали местные органы народного образования, вызывала оплата труда учителей: «... оплата труда школьных работников по договорам выполняется слабо... за слабостью средств у самого крестьянства некоторые общества по договорам зарплату учителям не оплачивают ... В некоторых обществах учителя сами заключают договора с обществами, которые зачастую для них бывают кабальными»². Обследование, проведённое Оренбургским губернским отделом народного образования (губоно) в 1923 г., обнаружило, что в сельских договорных школах «в отношении 990 учителей по губернии не выполнены договоры в отношении выплаты жалования»³. Положение учителей, признавал Башкирский наркомат просвещения (Башнаркомпрос), «крайне тяжёлое. Нищета буквально преследует школьного работника»⁴.

Естественным результатом такого положения становилось усиление различий в качественном уровне городских и сельских учителей: в селе оставался «персонал без всякой квалификации или самой низкой квалификации», работали те, «кому просто некуда больше деваться»⁵.

Тем не менее, количество таких «договорных школ» по необходимости оставалось весьма значительным. Так, в 1923-1924 учебном году в Оренбургской губернии они составляли более 64% всех школ⁶.

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.34.

² ЦДННОО. Ф.4094. Оп.1. Д.831. Л.25об.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.34.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.310.

⁵ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.310; ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.2. Л.158об.

⁶ Отчёт Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.32.

С целью удержать от распада городскую школьную сеть вводилась плата за обучение, разрешённая Наркомпросом РСФСР. Местные инструкции предусматривали классовый принцип оплаты обучения, при котором освобождались от платы за обучение детей такие категории как «красноармейцы, инвалиды труда и войны, крестьяне, освобождённые от внесения единого с/х налога, государственные пенсионеры, работники просвещения, безработные, зарегистрированные на бирже труда, рабочие и служащие, тарифная ставка которых ниже учетверённого госминимума», а основную тяжесть оплаты должны были нести зажиточные семьи¹. Классовый характер взимания платы в школах обосновывался тем, что главная задача Советской власти – это дать образование детям рабочих и крестьян, а по отношению к детям буржуа «филантропия совершенно недопустима»². В результате, например, в школах Оренбурга в 1923 -1924 учебном году бесплатно обучалось 49% учащихся, а за плату – 51%³.

В критических условиях первых лет НЭПа основные задачи органов народного образования Южного Урала свелись к тому, чтобы остановить дальнейшее сокращение сети школ, укрепиться на этих позициях и постараться вернуться к утраченным в период голода показателям школьного обучения⁴.

Количественные показатели неизбежно выходили в такой ситуации на первый план. Когда, как, например, в Башкирии низшее образование имели 75% учителей, а в Курганском уезде 330 из 351 учителя, то есть 94%⁵; когда в Оренбургской губернии «школы, обеспеченные учебниками, являлись исключением», а обычно 1 учебник приходился на 10 учащихся и целыми месяцами в классах не было перьев и бумаги⁶; когда в Башкирии «школьные здания не ремонтировались, дрова запасались неаккуратно, мебели нет,

¹ Там же. С.31-32; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.256-256об.

² Советская правда. 1923. 4 янв.

³ Отчёт губоно. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.11.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.32.

⁵ ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.2. Л.158; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.310об.

⁶ Отчёт губоно. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.15.

учебников и учебных пособий тоже нет»¹, тогда простое увеличение числа школ и обучавшихся в них детей на деле превращалось в единственно возможное средство удержать школьную систему от дальнейшего распада.

Поэтому сдержанный оптимизм, проявленный южноуральскими органами народного образования в конце 1923 г., базировавшийся единственно на самом факте увеличения числа школ, представляется для тех условий вполне оправданным. Эти показатели и можно считать реальной исходной точкой, с которой пришлось стартовать системе народного образования Южного Урала в годы НЭПа.

В Оренбургской губернии достигнутые цифры были таковы: 375 школ, в том числе 355 школ I ступени (24704 учащихся), 9 школ II ступени, предназначенных для т.н. «повышенного уровня образования» детей 12-15 лет (992 учащихся) и 11 семилетних школ, совмещавших начальное и повышенное образование (4038 учащихся). Всего в школах губернии к концу 1923 г. числилось 29770 учеников, из которых 6052 (около 20%) учились в школах Оренбурга. Охват образованием детей школьного возраста в губернии по школам I ступени составлял 41%, а II ступени – 2,6%².

В Челябинской губернии к началу 1923 г. вне школ оставалось до 85% всех детей и подростков. По подсчётам губоно, для их обучения требовалось открыть более 21 тыс. школ.³

В Курганском уезде Челябинской губернии школьная сеть состояла из 298 школ I ступени (из них 7 – в Кургане), в которых обучалось 15470 детей (1476 – в Кургане). Кроме этого, имелась ещё 1 школа II ступени (551 ученик) и 1 семилетняя школа (140 учеников)⁴.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.310.

² Отчёт губоно. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.3.

³ Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. С.237.

⁴ ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.2. Л.158.

В Башкирии насчитывалось 1720 школ I ступени с 108895 учащимися и 61 школа II ступени и семилетки (11931 учащихся). Охват детей школьного возраста составлял около 18%¹.

Дальнейшее развитие системы народного образования на Южном Урале, прежде всего с точки зрения количественных показателей, происходило по восходящей линии и в решающей степени определялось размерами финансирования. Общей тенденцией всех последующих лет НЭПа было непрерывное увеличение доли местных бюджетов, направляемой на народное образование, и в относительных цифрах (они занимали первое место среди остальных статей расходов на социальные нужды), и в цифрах абсолютных.

Так, если расходы на народное образование в Оренбургской губернии в 1923 –1924 г. составляли 15-20% всех бюджетных средств (по разным уездам), то в 1924 –1925 г. они достигли почти 30%². В бюджете Курганского округа за этот же период ассигнования на народное образование увеличились с 23,7% до 31,2%³. В первую очередь, это сказалось на увеличении числа школ, числа учащихся и на уровне охвата образованием детей школьного возраста.

В Оренбургской губернии в 1923 –1924 г. имелась 301 школа I ступени с 26281 учащимся, а в 1924 –1925 г. – 363 школы с 30520 учащимися, в результате охват детей школьного возраста составил в Оренбурге – 57%, в Оренбургском уезде – 43%, в Орском уезде – 36%, в Каширинском уезде – 45%⁴. В 1925-1926 г. число школ увеличилось до 396, а обучающихся в них детей до 39269, что позволило охватить в целом по губернии уже 69% детей школьного возраста⁵.

В Курганском округе за этот же период количество школ I ступени выросло с 298 до 350, а число учащихся с 15470 до 20156, что охватило 36,1% всех детей этого школьного возраста⁶.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.288об.,310об.

² ЦДНННО. Ф.1. Оп.1. Д.478. Л.2.

³ ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.233. Л.129.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.217,219.

⁵ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.180.

⁶ ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.2. Л.158; Д.233. Л.129.

В Шадринском округе количество детей, охваченных начальным образованием, за эти же два года увеличилось с 30% до 34%¹.

В Челябинском округе число школ в 1924–1925 г. увеличилось до 322 против 266 в предыдущий учебный год (соответственно 20138 и 19329 учащихся), и в результате школы I ступени охватили 37% детей в сельской местности; а 19 школ в Челябинске в 1925 г. – почти 90% детей в городе².

Сдвиг в финансировании позволил уделять больше внимания и второму уровню школьного обучения. Такие школы имелись, как правило, только в городах, и в них продолжало обучение незначительное количество детей из числа получивших начальное, четырёхлетнее образование.

Например, в Оренбургской губернии при количестве учащихся в 1924–1925 г. на первой ступени образования более чем в 30 тыс. имелось в общей сложности 18 школ второго уровня образования, в которых продолжало обучение 6155 детей. Иначе говоря, повышенным образованием было охвачено чуть более 20% детей, потенциально способных получить начальное, четырёхлетнее образование³. В следующем учебном году это число несколько увеличилось и составило около 25% от обучавшихся в школах I ступени⁴. В южноуральских округах Уральской области это соотношение было заметно ниже: в Челябинском округе в 1924–1925 учебном году оно составило 9,1%, а в Курганском округе в 1923–1924 учебном году – 8,6%⁵.

Рост числа школ придавал бóльшую остроту второй проблеме, решение которой доставляло немало головной боли руководителям местных органов народного образования – проблеме обеспечения школ надлежащими учительскими кадрами. Документация южноуральских наробразов наполнена

¹ Отчёт Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К. депутатов второму окружному съезду Советов за 1923–24 хозяйственный год. С.377–378.

² Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924–25 хозяйственный год. С.160–161; ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.277. Л.119.

³ Подсчитано по: Отчёт Оренбургского губкома Р.К.П. (б.) к XI губернской партийной конференции. Декабрь 1925. С.20.

⁴ Подсчитано по: Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925–26 гг. С.180.

⁵ Подсчитано по: ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.2. Л.158; ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.277. Л.120.

постоянными сетованиями на трудность, если не на бесперспективность, решения этой задачи при имеющихся условиях.

Проблема педагогических кадров имела два аспекта: во-первых, учителей не хватало чисто количественно, что, в частности, вело к перегрузке тех, кто работал, с вытекающими отсюда последствиями для качества их работы; во-вторых, оставляла желать много лучшего общая квалификация педагогов, среди которых был непомерно высок процент работников, имевших «низшее», то есть лишь начальное образование.

Так, в Челябинском округе даже в окружном центре в 1924-1925 учебном году в школах 1 ступени из 114 работников ни у одного не было высшего образования, среднее образование имели 83 педагога, а низшее – 27¹. В целом же в округе из 529 работников лишь трое имели неоконченное высшее образование, а 205 чел. (38%) имели низшее образование². В Курганском округе в 1923-1924 учебном году количество педагогов с низшим образованием достигало почти 70%³. В школах I ступени в Оренбургской губернии в 1925-1926 учебном году из 819 педагогов высшее образование имели только 10 чел., зато почти половина (410 чел.) имели низшее образование⁴.

Фактически единственным средством улучшить положение с педагогическими кадрами (при отсутствии финансовых средств, способных существенно повысить оплату их труда и тем самым привлечь часть учителей, которые оставили свою профессию) становилась подготовка новых учителей в средних профессиональных заведениях региона (педагогические техникумы). Такие техникумы действовали в Башкирии, Оренбургской губернии и Челябинском округе.

В Челябинском педтехникуме в 1924-1925 г. обучалось 167 чел., в следующем году выпуск из него составил 23 чел.⁵; в Оренбургском педтехникуме обучалось 152 чел., выпуск за предыдущий год составил лишь 33

¹ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.127.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.277. Л.119об.

³ Подсчитано по: ГАКО. Ф.Р-48. Оп.1. Д.2. Л.158-158об.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.186.

⁵ Основные моменты работы Челябинского горсовета VII созыва за 1925-26 гг. С.74.

чел.¹ Очевидно, что при существовавшем дефиците педагогов, имевших специальное образование, радикальных сдвигов за счёт работы педтехникумов пришлось бы ждать ещё долгое время (тем более, что далеко не все выпускники шли работать по специальности и оставались в пределах данного региона).

Наиболее остро проблема обеспечения педагогическими кадрами стояла в сельской местности, но на её решение оказывали влияние не только сложности материального обеспечения учителей, неблагоустроенность их деревенского быта, но и «барские» действия местных советских властей по отношению к учительству, зачастую приводившие к конфликтам.

Как признавал, например, секретарь Курганского окружкома Воркуев в секретном письме, адресованном летом 1925 г. в Уралобком, в недоверчивом отношении педагогов к власти «не столько виновато учительство, сколько виноваты партийно-советские организации, которые недостаточно внимательно отнеслись к учительству, не предупреждая проступков отдельных представителей власти и глубоко не изучая возникающие конфликты»².

В письме приводился конкретный пример такого конфликта, когда в августе 1924 г. в Куртамышском районе «без согласования с окружкомом» по инициативе секретаря местного райкома была устроена чистка школ и на место оказавшихся без работы и средств к существованию сельских учительниц были назначены «жёны ответственных работников Куртамышского района». В результате «бóльшая часть учительства испугалась, замолчала, часть стала в нелегальную оппозицию, потерпевшие же бросились с протестом в союзные организации и к инспектору труда».

Лишь после вмешательства в апреле 1925 г. окружкома, который прислал специальную комиссию разбираться в конфликте на месте, ситуация была урегулирована: секретарь райкома был исключён из партии, жёны чиновников, занявшие места учительниц, были уволены, а те возвращены по большей части

¹ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.133; Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.225; Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов 6 созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. С.127.

² ГАКО. Ф.Р-7. Оп.1. Д.513. Л.28.

обратно, но негативный след от этого инцидента остался и, по оценке Воркуева, «в большинстве своём учительство, если и не настроено враждебно, то относится теперь с некоторым недоверием»¹.

Третьей проблемой, постоянно находившейся в поле внимания органов народного образования, было плачевное состояние материальной базы школ, часто, особенно в сельской местности, не отвечавшее элементарным требованиям.

Челябинское окроно извещало руководителей округа о том, что «большинство школьных зданий в сельских местностях не отвечает тем требованиям, которые предъявляются им не только в смысле площади, но и простейших санитарно-гигиенических правил»².

По оценке наркомата здравоохранения БАССР, «санитарное состояние большинства школ, как в Уфе, так и в кантонах не совсем удовлетворительное. Многие здания школ требовали мелкого и капитального ремонта. Особенно неважно обстоит дело в сельских школах, которые ютятся в частных зданиях или избах. Школьная мебель изношена, не соответствует требованиям гигиены, нуждается в замене новой. Школы перегружены»³.

Оренбургский губисполком констатировал, что необходимо строительство новых школьных зданий, но для этого нет финансовых ресурсов; к тому же учебниками школы снабжаются в пределах 30–40% от реальной потребности, а с письменными принадлежностями «дело обстоит не завидно»⁴. В следующем году губисполком вновь сетовал на «крайне бедное» оборудование школ, отмечая, в частности, что потребности в партах удовлетворены в школах лишь на 60%⁵.

В сельских районах Курганского округа «школьных пособий и новых учебников почти что нет», для закупки учебников на новый год сельсоветы

¹ ГАКО. Ф.Р-7. Оп.1. Д.513. Л.28-29.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.277. Л.119.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.99об.

⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.219-220.

⁵ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.179.

специально выделяют по 5 десятин земли общественной запашки, говорилось в отчёте Курганского окроно¹.

В результате возникала противоречивая ситуация: на фоне роста числа школ и количества обучающихся в них детей, в силу недостаточной учительской квалификации и плохого материального обеспечения учебного процесса, качество обучения улучшалось очень медленно. Руководство южноуральских наробразов сильно беспокоили низкая успеваемость и высокий отсев учеников из школ, особенно в сельской местности.

Например, в Оренбургской губернии в 1925–1926 учебном году в школах I ступени на повторное обучение осталось 19% учащихся, в течение года выбыло почти 17% учащихся, курс второй ступени оканчивал 71% учащихся, отсев составлял в течение года – 11%². Большое распространение получило явление, когда «дети крестьян, обучившись грамоте в 1-2 классах, затем покидают школу», поскольку родители предпочитают 10–11-летних детей использовать в хозяйстве³.

Однако уже в следующем 1926–1927 учебном году руководство органов народного образования столкнулось с новой проблемой, попытки разрешения которой в последующие годы в концентрированном виде отразили все сложности в данной области социальной политики государства. Наркомпросом РСФСР была выдвинута задача введения в течение ближайших пяти лет (1926–1931 гг., последним должен был стать 1930–1931 учебный год) всеобщего начального образования.

Конечно, подобная мера являлась совершенно необходимым шагом по созданию фундамента всей образовательной системы в стране и одновременно условием дальнейшего экономического развития страны, важнейшей социокультурной предпосылкой модернизации. Основываясь на всеобщем начальном образовании, можно было выстраивать целостную образовательную

¹ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.13. Л.7об.

² Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.180-181.

³ Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов 6 созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. С.124.

и культурную систему индустриального типа, которая так и не смогла сформироваться в дореволюционной России.

В рамках достижения провозглашённой партийно-государственным руководством цели – строительства социализма в одной стране – можно признать вполне логичным действием власти сосредоточение внимания на всеобщем начальном образовании как необходимой ступени на пути формирования масс квалифицированной рабочей силы в городе и в деревне.

Однако на пути реализации этой цели существовало одно важнейшее препятствие, особенно очевидное для местных работников – отсутствие или слабость элементарной материальной базы для полного и качественного охвата учебной сетью хотя бы 8-11-летних детей, не говоря уже о существовании больших групп так называемых «переростков», то есть детей, шагнувших за рубеж 11 лет, но так и не овладевших в силу разных причин школьными азами.

О трудностях решения спущенной с государственных верхов задачи в конкретных условиях Южного Урала вполне адекватное представление могут дать материалы обсуждения на 3-й сессии Оренбургского губернского исполкома в июне 1926 г. плана перехода к всеобщему начальному образованию, разработанного в губоно.

В докладе заведующего губоно Симберга была следующим образом проиллюстрирована исходная ситуация: по итогам предыдущего учебного года степень охвата детей школьного возраста составляла: в Оренбурге – 54,4%, в Оренбургском уезде – 46,6%, в Орском – 42%, в Каширинском – 36,6%. В среднем по губернии на одного учителя приходилось 47 учеников (при норме 40 чел.), но были школы, где соотношение достигало 80–100 учеников на одного учителя. В сельской местности 66% школ имели одного учителя. Лишь 3% школьных зданий не требовали ремонта, а 45% требовали капитального ремонта, 11% школьных зданий могли быть отнесены к числу «совершенно непригодных» для школьных нужд¹.

¹ Протоколы заседаний 3-й сессии Оренбургского губернского исполнительного комитета 9-13 июня 1926 года. Оренбург, 1926. С.37-38.

Тем не менее, докладчик в заключение заявил, что поставленные задачи возможно выполнить, правда, без каких-либо конкретных уточнений столь оптимистичного утверждения.

При обсуждении доклада прямых возражений против его точки зрения высказано не было, но в выступлениях в прениях прозвучал целый ряд соображений, объективно подвергавших её сомнению.

Во-первых, общим лейтмотивом стало упование на финансовую помощь из центра: «Реальный план народного образования можно строить только тогда, когда заранее знаешь, что даст Центр, в противном случае он не выполнится, поскольку надеяться на увеличение ассигнований из местного бюджета не приходится»; осуществление плана возможно «при условии наибольшего отпуска средств по местному бюджету и обязательного фонда из центра»; «мы на своём опыте убедились, что в большей части затруднения встречаем в ресурсах, почему все наши предположения путаются, и мы отказываемся от выполнения намеченного плана»; следует «исходатайствовать перед Центром дотацию»¹.

Во-вторых, решение этой задачи было невозможно без радикального изменения положения с учительскими кадрами, что тоже упиралось в проблемы материального свойства: «Тормозом в деревне по всеобщему обучению может служить слабый оклад учителя, размер которого около 30 руб., тогда как в городе он достигает до 60-75 руб. Учительство в погоне за ним оседает в городе и худшее по своей квалификации учительство, в силу необходимости, течёт в низы»; «учителя, находясь в материальной необеспеченности, мало проявляют инициативы в деле народного образования»; «нам дают учителей совершенно негодных, не отвечающих даже требованиям деревенского учащегося ... учительство оседает в большинстве в городе»; на практике «мы видим, что выпущенные из педтехникумов педагоги уходят на службу в Отдел

¹ Там же. С.50,52,54,55.

просвещения Ташкентской железной дороги и в другие учреждения, но не идут на службу в учреждения ГубОНО»¹.

Особенно в тяжёлом положении оказывались учителя в договорных школах, содержащихся за счёт населения: «Учительство этих школ, находясь в антиматериальных условиях, хуже пастуха, нервирует всё остальное учительство, находящееся на государственном обеспечении». Более того, само существование этих школ (один из ораторов даже назвал договорные школы «заразой образования»), вызванное как раз нехваткой бюджетных средств, «вызывает бельмо на глазу у крестьянства, которое подчас, ссылаясь на них, заявляет: «Государство всё делает за счёт населения»².

В-третьих, у значительной части крестьянства сохраняется стойкое нежелание отвлекать детей от их использования в хозяйстве, посылая в школу. Ничего не изменится, если не будут «приняты какие-либо меры по отношению к крестьянству, чтобы они своих детей отсылали в школы под какую-нибудь ответственность»³.

Показательно, что и в других вопросах участники обсуждения преимущественно возлагали надежды на административно-политические меры, как-то: обязать выпускников педтехникумов «за своё пребывание и обучение в педтехникумах отслуживать определённый срок времени в школах», и готовить таких педагогов, которые «проварились бы в нашем пролетарском соку»⁴.

Завершавший обсуждение Симберг вместо каких-либо конкретных ответов на высказанные опасения и замечания предпочёл сослаться на газетные выдержки из речей Сталина и Рыкова и высказать на основании этого уверенность, что «при помощи Центра план введения всеобщего обучения должен быть выполнен»⁵.

¹ Протоколы заседаний 3-й сессии Оренбургского губернского исполнительного комитета 9-13 июня 1926 года. С.51-54.

² Там же. С.54.

³ Там же. С.52.

⁴ Там же. С.51,53.

⁵ Там же. С.56.

Исключительно «на помощь Центра» склонны были уповать и в других районах Южного Урала. Так, Башнаркомпрос, просчитав потребности в открытии новых школ и их материальном обеспечении, установил, что потребуется сумма в 47 млн. руб., из которых сама республика сможет выделить только около 17 млн. руб. Поэтому, по мнению Башнаркомпроса, БАССР «не сможет осуществить проблему всеобщего обучения в установленный правительством РСФСР срок, если Башреспублике не будет оказана со стороны Центра РСФСР широкая материальная поддержка»¹.

Однако обязательность исполнения решений высшего руководства заставляла местные власти прилагать усилия по реализации плана введения всеобщего начального образования даже независимо от увеличения его финансирования из Москвы. Что при этом реально получалось, можно проиллюстрировать на примере Оренбургской губернии.

В 1926 – 1927 учебном году, первом году реализации намеченного плана, с помощью 495 школ I ступени удалось охватить 48% детей в возрасте 8 – 11 лет (56% – в Оренбурге и 47% – в сельской местности). При этом 37% всех учащихся в этих школах составляли переростки, то есть дети старше 11 лет. По сравнению с предыдущим учебным годом имелась положительная динамика, но она имела достаточно скромный характер: если количество школ (в основном за счёт малокомплектных сельских) увеличилось на 22%, то степень охвата детей 8 – 11 лет выросла только на 3,4% (в том числе в Оренбурге – на 1,6%, в сельской местности – на 5,2%)².

Очевидно, что, даже принимая во внимание будущую «демографическую яму», созданную голодными 1921–1922 гг., рассчитывать на доведение охвата детей 8 – 11 лет в ближайшие годы до 100% можно было только при условии открытия сотен новых школ, преимущественно в сельской местности, что требовало соответствующего количества зданий и учителей, материального

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Оп.1. Д.231. Л.51-51об.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.25.

оборудования школ и т.п. Всё это предполагало существенные финансовые ресурсы, которыми губернский бюджет не располагал.

Поэтому в решениях проходившего в марте 1927 г. VIII Оренбургского губернского съезда Советов подтверждение курса на проведение в жизнь выдвинутого партией и правительством плана всеобщего начального обучения вновь сопровождалось необходимой оговоркой: « ... принимая во внимание невозможность обеспечения и осуществления мероприятия за счёт местных средств, настаивать перед Центром на увеличении ассигнований из госбюджета на проведение указанных мероприятий в губернии»¹.

Второй год реализации плана существенного перелома не внёс. В отсутствие увеличения дотаций из центра за счёт местного бюджета удалось в 1927 –1928 учебном году ещё на 17% увеличить количество школ, доведя их до 581. Однако охват образованием детей 8 –11 лет в этот учебный год составил 50% (57% – в Оренбурге, 48% – в сельской местности), число переростков в начальной школе осталось на том же уровне (37%), то есть общий прирост оказался совершенно незначительным, в пределах 1 –2 процентов².

При этом губоно, отчитываясь в феврале 1928 г. перед губисполкомом, признало, что, кроме негативных количественных показателей, существовало и множество качественных проблем: « ... школы совершенно не снабжались наглядными учебными пособиями и не имеют их ... Обеспеченность школьной мебелью по сельским местностям не превышает 60% ... учебники выдаются бесплатно только в сельских местностях, в Оренбурге даже беднота покупает учебники за свой счёт. Степень обеспечения учебниками в сельских школах по младшим группам не превышает 90%, по старшим – 60%»; по-прежнему велико количество педагогов с низшим образованием, их было около половины всех учителей. Губоно оставалось только констатировать фактический срыв в прошедшем учебном году намечавшихся планов³.

При обсуждении 13 марта 1928 г. в губисполкоме этого отчёта картина печального состояния школьного образования была ещё более усилена: «Школы

¹ Резолюции VIII Оренбургского губернского съезда Советов. 19-21 марта 1927 г. С.18-19.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.25.

³ Там же. Л.26-26об.

плохо обеспечены учебными пособиями, кроме одной-двух географических карт, ничего не имеют. Не обеспечено бесплатное снабжение письменными принадлежностями»; не уменьшается количество второгодников (около 20% всех учащихся), что «объясняется не только слабой квалификацией учительства, но рядом объективных условий (необеспеченность учебниками и письменными принадлежностями, неудовлетворительная посещаемость и т.п.)»; около 20% учеников ежегодно выбывают из школы, в основном дети бедноты в деревне (среди причин выбытия чаще всего фигурировали отвлечение детей на домашний труд, отсутствие одежды и обуви, особенно для посещения школ зимой); по-прежнему школу посещает низкий процент девочек (чуть больше 30% от их общей численности) и т.п.¹

В итоге констатировалось: расходы на народное образование и так уже достигли в 1927–1928 г. почти половины всего местного бюджета (47,4%), дальнейший рост расходов, если и возможен, то незначительно, это не решит проблем финансирования, а именно в них упирается осуществление поставленных задач². О бессилии власти хоть как-то решить финансовые проблемы сельских школ свидетельствовал тот факт, что губисполком рекомендовал прибегать к засеvu и обработке силами сельских обществ «школьных десятин на нужды школ»³.

Эту картину можно дополнить свидетельствами из других районов Южного Урала, например, непрерывными жалобами на материальное положение педагогов, которые в частных разговорах прямо говорили, что «нас сравнивали с дворниками, с банщиками, не имеющими никакой квалификации»⁴.

Продолжало играть свою роль и пренебрежительное отношение к учителям местных властей, особенно в селе, где их, как грамотных людей, стремились максимально использовать часто не по прямому назначению. Характерное письмо с описанием такого отношения, например, отправила в местный райком партии молодая комсомолка-учительница одной из сельских

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.33-37.

² Там же. Л.33-33об.

³ Там же. Л.39.

⁴ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1024. Л.87.

школ Курганского округа: «День с детьми, вечера на ликпункте (пункты по ликвидации неграмотности – В.Н.), с комсомольцами, с женщинами, в кружках, собрания – всё это они (местные руководители – В.Н.) не считают за дело, всячески за глаза иронизируя нас»; «24 февраля в мороз, ради того, чтобы переписать протокол вчерашнего собрания, вызвали в 10 часов вечера, заставили целый час добираться до сельсовета, там ещё ждать полтора часа». «Ведь это издевательство! – восклицала она в конце письма. – Каждый начальник имеет право приказывать учительнице!»¹.

В итоговом докладе о возможности реализации плана всеобщего начального образования, направленном Оренбургским губисполкомом весной 1928 г. в СНК РСФСР, указывалось, что «всего на школьное строительство при проведении всеобщего обучения потребуется 8 790 000 руб., каковую программу возможно выполнить не менее, чем в 20-летний срок», поэтому необходима помощь со стороны госбюджета². Помощь была необходима и для решения проблемы учительских кадров, поскольку существующий педтехникум нужного количества педагогов поставить не сможет, и их «дефицит будет на ближайшие четыре года более 200 учителей»³. Также без помощи Центра не было надежд построить школы-интернаты для обучения детей ведущего полукочевой образ жизни киргизского населения губернии⁴.

Однако сколько-нибудь заметного увеличения доли госбюджета в расходах на народное образование не произошло, и, как признавалось в местной печати, в 1928 – 1929 учебном году предполагаемый охват обучением детей 8-11 лет всё равно не превысил бы 55%⁵.

При таком положении дел оснований надеяться на выполнение намеченных целей к первоначально поставленному сроку не было.

Ситуация, сложившаяся в Оренбургской губернии, отражала тенденции, общие для развития системы образования на всём Южном Урале.

¹ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.919. Л.68.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.42об.-43.

³ Там же. Л.43.

⁴ Там же. Л.46.

⁵ Смычка. 1928. 11 сент.

Так, в близкой по структуре народного хозяйства к Оренбургской губернии Башкирии фиксировались практически те же самые проблемы (недостаточное количество школ I ступени, большой процент в них переростков, трудности с обучением детей башкирского и татарского населения, низкое качество многих педагогических кадров и т.п.).

Отчитываясь в конце августа 1927 г. перед СНК РСФСР, руководство Башкирии приводило неутешительные данные: в 1926–1927 учебном году, первом году реализации плана всеобщего начального образования, охват школой детей возраста 8–11 лет достиг 28–29%, почти половину учеников начальной школы составляли переростки. Около 70% школьных зданий требовало ремонта, 1346 школ в сельской местности находились в «наёмных избах, совершенно непригодных для занятий», 50% учителей не имели специального образования (по самой скромной оценке, для перехода к всеобщему начальному образованию республике требовалось 10 тыс. новых учителей). Докладчик констатировал, что Башкирия сильно отстала в своём культурном отношении, особенно это касалось башкирского населения, хуже всего обеспеченного образовательными услугами¹.

При разработке нового плана на период до 1933–1934 г. Башнаркомпрос признал, что, учитывая имеющееся положение со школами и учителями, «осуществление проблемы всеобщего начального обучения за счёт средств местного бюджета не может быть проектировано, нужна поддержка извне, из источников государственного финансирования»².

Несколько лучше складывалась ситуация в Курганском округе, где в 1928–1929 учебном году школами I ступени удалось охватить 64% детей, но достижение всеобщего начального образования здесь также пока оставалось отдалённой целью³.

Из регионов Южного Урала в лучшем положении был Челябинский округ, бюджет которого, благодаря росту налоговых поступлений от промышленных предприятий, имел более значительные размеры. Доля расходов на народное

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-564. Оп.1. Д.848. Л.49-51.

² Там же. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.177-178.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.485. Л.21.

образование в местном бюджете была меньше, чем в Оренбургской губернии, но зато расходы были выше в абсолютных цифрах¹.

Поэтому и результаты образовательной деятельности оказывались отличающимися в лучшую сторону, особенно в промышленных центрах.

Так, за два года реализации плана всеобщего начального образования (1926 –1927 и 1927- –1928) в Челябинском округе было открыто 114 новых школ I ступени, и в итоге удалось достичь охвата обучением детей 8 –11 лет на уровне 67% (в сельских районах – 55,5%, а в самом городе Челябинске – на уровне 86,6%). За счёт бюджета удалось несколько поднять зарплату учителей (в среднем до 48 руб. в 1928 –1929 учебном году для педагогов школ I ступени), что отчасти повлияло на их качественный состав (число учителей с низшим образованием снизилось до 30%)². Такие результаты дали основания окрисполкому даже выдвинуть задачу перевода «в практическую плоскость» обязательного обучения детей в 1929 –1930 учебном году «в некоторых районах округа»³.

Сопоставление результатов реализации плана всеобщего обучения в Оренбургской губернии и в Челябинском округе позволяет сделать однозначный вывод: успешность реализации задач народного образования, равно как и других задач социальной политики, в значительной степени определялась уровнем промышленного развития региона. Именно промышленный рост, пополнявший местный бюджет, закладывал более или менее достаточное финансовое основание под решение социальных задач (показательно, что челябинские власти, как правило, не акцентировали внимание на необходимости дополнительных дотаций из госбюджета).

На данном примере хорошо иллюстрируется одна важная закономерность, присущая модернизационным процессам в целом: неразрывная связь промышленного и культурного роста. С одной стороны, именно задачи индустриального преобразования диктовали необходимость повышения

¹ Челябинский рабочий. 1928. 28 окт.

² ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.392. Л.33; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.150,152-153.

³ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.152.

образовательного уровня населения, вовлекаемого в промышленное производство, но, с другой стороны, этот же промышленный рост создавал необходимую материальную базу для непрерывного роста образовательного уровня населения. Оставаясь в рамках преимущественно аграрной экономики, нельзя было всерьёз рассчитывать на полноценное решение культурно-образовательных задач.

Вместе с тем количественные успехи Челябинского округа имели всё же относительный характер, поскольку сохранялись многие другие проблемы в образовательной сфере, носившие качественный характер.

Второгодничество учащихся было ненамного меньше, чем у соседей (16% в 1927 –1928 учебном году), велик был отсев из школ (в том же учебном году 12% в городе и 23% в сельской местности), причём, по оценке окроно, 60% отсева давали дети бедняков и батраков, которые оставляли учёбу «из-за нехватки одежды и обуви и «привлечения детей на домашние работы в качестве дополнительной бесплатной рабочей силы»¹.

Подводя общий итог, следует признать, что переход к всеобщему начальному образованию в установленные сроки оказался невозможен по всей территории Южного Урала. Практически аналогичная ситуация сложилась и в большинстве других регионов РСФСР. В Москве были вынуждены скорректировать первоначальные сроки и перенести завершение введения всеобщего начального образования на 1933-1934 учебный год.

Сосредоточение внимания на проблемах начального образования оставило на втором плане задачу расширения образования на второй ступени.

В Оренбургской губернии в 1927 –1928 г. насчитывалось только 25 школ этого уровня (11 – в городах Оренбурге и Орске), в них обучалось около 5,5 тыс. чел., что составляло немногим более 11% от числа учащихся в начальной школе². Таким образом, при сохранении этого положения в среднем только 1 из каждых 10 учеников начальной школы имел потенциальную возможность продолжить обучение дальше. Ещё ниже эти показатели были в соседней

¹ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.153-154.

² Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.38.

Башкирии: там шансами получить повышенное образование обладал лишь один из каждых 24 детей, поступивших в 1927 – 1928 г. в школу I ступени¹.

Столь ограниченный круг детей, способных продолжить обучение, немедленно пробуждал у власти классовые инстинкты. Так, руководство Челябинского окроно было крайне обеспокоено тем, что в школах повышенного типа оказывается слишком много детей из зажиточных семей, в результате чего в таких школах учащиеся не понимают «основные классовые и политические задачи», проявляют «религиозность, упадочнические настроения» и другие негативные явления².

Для того чтобы обеспечить представительство «социально ценных слоёв населения», окроно создавало специальные приёмочные комиссии для школ повышенного уровня, учащимся из рабочей, бедняцкой и батрацкой среды в этих школах выделялись стипендии, в первую очередь на приобретение необходимой одежды и обуви. Принятые меры позволили повысить в 1928-1929 учебном году по сравнению с предыдущим число учащихся из рабочих семей в городских школах с 28% до 34,5%, а в сельской местности детей рабочих, бедняков и батраков – с 50% до 60% при полном исключении детей из семей «нетрудовых элементов» и сведении к минимуму детей зажиточных крестьян (до 0,8%) и кустарей (0,6%)³.

«В связи с невозможностью полного обслуживания населения повышенной школой обеспечение рабочей, бедняцкой и батрацкой части населения является одной из первоочередных и важнейших задач», – подчёркивалось в итоговом отчёте Челябинского окрисполкома⁴.

Резюмируя результаты развития школьного дела на Южном Урале за годы НЭПа, необходимо оценить их с точки зрения накопления образовательного потенциала для обеспечения последующего индустриального развития этого региона, то есть решения модернизационных задач.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.159.

² Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.157.

³ Там же. С.154-156.

⁴ Там же. С.155.

Нельзя отрицать того, что по сравнению и с дореволюционными временами, и с первыми годами НЭПа школьное дело на Южном Урале существенно продвинулось вперёд. Однако это движение имело в основном количественный характер и произошло преимущественно в области начального образования. При всей важности этого первого этапа образования рассчитывать только с его помощью получить молодёжь, способную быть эффективным работником на современном промышленном производстве, не приходилось.

Годы первых пятилеток, когда на Южном Урале появились настоящие промышленные гиганты типа Челябинского тракторного завода, принесли немало проблем, порождённых низкой общей культурой рабочих, отсутствием у них элементарных знаний и навыков к самообучению, внутренней мотивации на личностное саморазвитие, то есть тех качеств, которые в значительной мере воспитываются в ходе качественного и полноценного школьного образования. Это косвенно доказывает, что накопление модернизационного образовательного потенциала на Южном Урале в годы НЭПа шло слишком медленно и не создало надёжной основы для будущего мощного промышленного развития региона.

Помимо чисто образовательных задач, на органы народного образования государством были возложены ещё две социальные функции, имевшие для общества немаловажное значение: активное участие в борьбе с детской беспризорностью, одним из тяжелейших последствий войны и голода, и ликвидация неграмотности взрослого населения.

Точных данных о количестве беспризорных детей, оказавшихся на Южном Урале в первые годы НЭПа, не существует.

Во всяком случае, счёт им, особенно в первые месяцы начавшегося голода, шёл на десятки тысяч. Так, челябинские власти отмечали, что «бесприютных детей в городах губернии в начале осени 1921 г. скопилось до 60 тыс. чел. Голодные дети, не имея крова, бродили по улицам, холода грозили им поголовным вымиранием»¹.

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.657. Л.24.

Чаще власти просто констатировали, что «приток беспризорных превышает убыль»¹, а затем судили об их количестве по числу детей, находящихся в детдомах, и по периодическим рейдам по выявлению беспризорников, которые проводились милицией.

Первоначально основные усилия были брошены на обеспечение питания детей через организуемые в городах комитетами помощи голодающим столовые. Но вскоре главным, а в известной мере и единственным методом решения проблемы беспризорности власти избрали (как и во всей стране) организацию детских домов, где беспризорные дети помещались на полное содержание, должны были получать образование, а также проходить то, что в терминах 1920-х годов называлось «социальное воспитание и перевоспитание».

В разгар голода количество детских домов и их воспитанников было чрезвычайно велико, в одной только Челябинской губернии на 1 октября 1922 г. насчитывалось 227 детдомов, где находилось почти 14 тыс. детей².

Организация и содержание таких домов, полностью переведённых с 1922 г. на местный бюджет, поглощали львиную долю общих расходов органов наробраза. Так, в Оренбургской губернии, где проблема беспризорности приобрела особенно большие размеры из-за притока сюда беспризорных детей, пробиравшихся по железной дороге в Ташкент и частично по пути оседавших в губернии, на содержание детских домов уходило в 1923 -1924 г. 67% всего бюджета народного образования³.

В силу непосильности таких расходов для местных бюджетов, по мере ослабления голода власти взяли курс на сокращение детских домов⁴. Это достигалось передачей детей родственникам, внедрялась практика «патронирования», когда ребёнка отдавали в согласившуюся его взять семью. Чтобы стимулировать население к патронированию, тем, кто согласился взять

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.36.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. С.242.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.32об.

⁴ Там же. Л.36; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.310.

ребёнка, предоставлялась первоначальная денежная сумма на его содержание, ребёнка снабжали одеждой и обувью¹.

Но в оставшихся детских домах положение воспитанников, по признанию Башнаркомпроса, было «катастрофическим»². «С началом лета питание ухудшилось и в детских сельских детдомах часто сводилось к выдаче только хлеба и крупы. Всё время чувствуется острый недостаток посуды, обуви, одежды и других предметов оборудования и обмундирования. Нередки случаи, когда в сельском детдоме имелись одни полотенца, не помышляя о постельных принадлежностях ... Были массовые заболевания чесоткой ... причины – недостаток белья и мыла. 50% детей предрасположены к туберкулёзу, были массовые заболевания малярией, даже был обнаружен наследственный сифилис»³. «Учителя из детдомов бегут, там остаются работники самой низкой квалификации, – докладывал осенью 1923 г. нарком просвещения Башкирии, – наступающая зима может застать в детдомах полуголых детей, предоставленных самим себе»⁴. «Если бы не заграничные и другие общественные организации, – признавалось в одном из отчётов челябинских властей, – то питание детей в детдомах было бы полуголодным»⁵.

Самыми трудными для властей оказались 1921–1924 гг. В последующие годы приток беспризорных сильно сократился, за исключением Оренбургской губернии, расположенной на дороге в «Ташкент – город хлебный». По сложившейся традиции, в зависимости от времени года, по этому направлению кочевали тысячи, если не десятки тысяч, беспризорных детей и подростков. Приезжие составляли до 65% всего беспризорного контингента, оседавшего в

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов 6 созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. С.125.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.310.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.36об.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.259.

⁵ Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. С.242.

основном в самом губернском центре¹. Даже в 1925–1926 г. численность беспризорников в губернии оценивалась властями в 3,5 тыс. чел.²

Конечно, сам факт заботы, которую принимало на себя государство, о детях, лишившихся семьи, свидетельствовал о выполнении большевистской властью своей социальной функции защиты тех, кто не по своей вине оказался лишённым средств существования. По сути, речь шла о социальном обеспечении детей, скорее функции отделов социального обеспечения, чем народного образования, но в данном случае срабатывала установившаяся в первые годы Советской власти традиция.

Однако документы различных органов местной власти свидетельствуют, что на протяжении всех 1920-х гг. при сокращении числа детских домов и содержащихся в них детей, условия их содержания оставались крайне тяжёлыми, часто, мягко говоря, не благоприятствующими решению задач «социального воспитания».

В наиболее поражённых беспризорностью районах Южного Урала, Оренбургской губернии и Челябинском округе, в 1924–1925 гг. действовало соответственно 32 детских дома с 28882 воспитанниками и 27 детских домов с примерно 19000 воспитанников³. В 1927–1928 гг. осталось: в Оренбургской губернии – 12 с 1879 детьми, в Челябинском округе – 10 с 1146 детьми, причём в челябинские детдома за год было помещено заново всего 273 беспризорных⁴. По сравнению с первыми годами НЭПа, когда счёт шёл на тысячи и десятки тысяч, успех в решении проблемы беспризорности был налицо.

Но это впечатление несколько меняется при обращении к документам, характеризующим ситуацию в детдомах.

¹ Отчёт Оренбургского губкома Р.К.П. (б.) к XI губернской партийной конференции. Декабрь 1925. С.21.

² Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.183.

³ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. С.162; Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.222.

⁴ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.38; Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.41; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.157-158.

Обычными в 1924 –1925 гг. являлись такие характеристики: «Материальное положение детских домов в истекшем году было тяжёлое, особенно в части обмундирования»¹; «большой процент детдомов хронически страдал перегруженностью. Чрезвычайно остро обстояло дело с отоплением и освещением. Общим недостатком являлось недостаточное снабжение бельём и обувью. В каждом доме всегда ощущался недостаток в какой-либо необходимой части одежды. В отдельных домах дети спала по 2 на одной кровати. Питание детей во всех детдомах было однообразное»²; «размер обеспеченности воспитанников питанием, обувью, одеждой, бельём далеко не подходит ещё под установленные нормы»³.

Показательно, что в документах, направлявшихся местному партийному руководству и не предназначавшихся для разглашения, можно встретить и такую краткую формулировку: «Обеспечение детдомов – кошмарное»⁴.

Но, пожалуй, наиболее неприглядную картину ситуации, складывавшейся в детских домах, давали органы безопасности. Так, в датированной 1 октября 1925 г. информационной сводке Шадринского окружного отдела ОГПУ сообщалось, что во всех 12 детских домах, имевшихся в округе, положение одинаково: «Воспитательная работа поставлена очень слабо ... Среди детей развиваются дурные наклонности, табакокурение, площадная брань, воровство, попрошайничество и т.д. Дети целыми днями ничем не заняты и предоставлены сами себе ... Вопрос снабжения детдомов одеждой, бельём и постельными принадлежностями во всех домах обстоит очень плохо», например, «в Каменском детдоме постельных принадлежностей почти вовсе не имеется, дети спят в разных лохмотьях, одевшись половиками, постилая вместо простынь портянки». К тому же налицо постоянные финансовые злоупотребления руководства детдомов, и «при ревизиях всё время обнаруживаются недостачи денег, возбуждаются судебные дела»⁵.

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.182.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.105.

³ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.129.

⁴ ГАКО. Ф.Р-315. Оп.3. Д.13. Л.7об.

⁵ ГАОПДКО. Ф.13. Оп.1. Д.420. Л.189.

Однако и спустя три года в отчёте Оренбургского губоно, представленном в губисполком в феврале 1928 г., отмечалось, что «материальное положение детдомов тяжёлое. Уюта в помещениях нет. Зимой температура была очень низкая. Белья во всех домах недостаточно. Постельные принадлежности совершенно износились. Обуви и пальто хватает на 50%. Питание в детдомах по калорийности не выдерживает нормы и пища однообразная. Это объясняется недостаточностью ассигнований на питание и обмундирование»¹.

Как видно, и в этой области деятельности основной источник нерешённости проблем местные власти видели в недофинансировании. Но вряд ли это было связано с нежеланием Центра помочь регионам. В конечном итоге решение проблемы упиралось в отсутствие собственных региональных бюджетных источников для полноценного социального финансирования, а их можно было получить только за счёт дальнейшего развития производственной сферы, прежде всего – современной промышленности.

Такой же вывод следует отнести и к выполнению государством третьей функции народного образования – ликвидации неграмотности.

Исходная позиция, с которой приходилось начинать эту работу на Южном Урале, была хуже, чем, например, в центральных губерниях России. В Башкирии уровень неграмотности среди взрослого населения (16-60 лет) в начале НЭПа оценивался властями в 80-82%, в Оренбургской губернии – около 80%, в Челябинской губернии – в пределах 70%².

В 1921–1923 гг. в силу понятных причин дело ликвидации неграмотности, как откровенно признавало, в частности, Челябинское губоно, было «почти полностью прекращено»³.

Но и возобновление работы после окончания голода также не внушало большого оптимизма тем, кто им занимался.

Например, при примерной оценке в Оренбургской губернии в начале 1924-1925 учебного года количества неграмотных среди взрослого населения в

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.28об.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания. С.96; ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.32; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.288об.

³ Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. С.240-241.

70 тыс. чел., за год через 59 ликпунктов было пропущено 5811 чел.¹, а за следующий 1925-1926 г. – ещё 5846 чел.²

В Челябинском округе в 1925 г. действовало 290 ликпунктов, где, по официальным данным, числилось 12,5 тыс. чел. Но, как признавалось самими властями, в реальности посещаемость на этих пунктах была крайне мала: «от 25-30 до 4–5 чел. на ликпункт»³. Общая численность неграмотных в округе оценивалась к концу 1925 г. примерно в 100 тыс. чел., а за весь период 1920–1925 гг. было обучено грамоте 22,3 тыс. чел.⁴, в 1925–1926 г. – ещё 4 тыс. чел.⁵

Результаты переписи 1926 г. показали, что грамотность взрослого населения (в возрасте 20–49 лет) на Южном Урале продолжала оставаться низкой: так, в Оренбургской губернии она была чуть больше 50%, а в БАССР – немногим более 42%⁶.

При существовавших темпах обучения грамоте и с учётом возможностей местных бюджетов трудно было предположить, что поставленная в Москве задача ликвидировать неграмотность, хотя бы среди взрослых в возрасте 17–35 лет, к 10-й годовщине Октябрьской революции имеет шансы на выполнение.

Об этом, например, свидетельствовало развитие ситуации в Оренбургской губернии.

По данным Оренбургского губоно, число неграмотных в возрасте 17–35 лет в начале 1926–1927 г. составляло 84,5 тыс. чел., за 1926–1927 г. обучение грамоте прошло 5,4 тыс. чел., в том числе 3,2 тыс. в этом возрасте. Цифры были настолько красноречивы, что губоно оставалось только констатировать: к новому намеченному Москвой сроку, к 1933–1934 г., «Оренбургская губерния своими силами не сможет ликвидировать неграмотность»⁷.

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.228-229.

² Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.184.

³ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.277. Л.120об.

⁴ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. С.165.

⁵ Советская правда. 1926. 22 окт.

⁶ Корнилов Г.Е. Эволюция крестьянского менталитета (на материалах Урала 1920-30-х годов) // Уральское село в XX веке. С.81.

⁷ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1147. Л.30.

В следующем 1927–1928 г. грамоте было обучено 4740 чел. И вновь последовал пессимистический вывод губоно: «Своими силами губерния не в состоянии ликвидировать неграмотность в пятилетие даже в возрасте до 25 лет»¹. В местной печати указывалось, что «по грамотности населения область занимает в РСФСР предпоследнее место: на 100 человек мужчин грамотных приходится 49,8% и женщин – 24,5%»².

В Башкирии, учитывая, что за период 1922–1927 гг. грамоте было обучено около 173 тыс. чел, а в абсолютных цифрах количество неграмотных в 1928 г. всё ещё превышало 1 млн. чел.³, тоже можно было сделать вывод о том, что в ближайшие годы при сохранении таких темпов рассчитывать на ликвидацию неграмотности не приходится.

Ситуация в более промышленно развитом и потому имевшем потенциальные возможности больше средств потратить на ликвидацию неграмотности Челябинском округе, если и отличалась в лучшую сторону от соседей, то ненамного. На 1 января 1928 г. в округе насчитывалось 67 893 неграмотных взрослых. К осени того же года неграмотность среди взрослого населения составляла 44%⁴. Всего за 1926–1928 г. грамоте было обучено около 6 тыс. чел. по линии финансирования за счёт бюджета округа и ещё чуть больше 5 тыс. чел. силами общественных организаций (комсомол, потребкооперация, профсоюзы, общество «Долой неграмотность!»)⁵. План ликвидации неграмотности не выполнялся. Так, в 1926–1927 г. намечалось обучить 4100 чел., фактически было обучено 2078 чел., в 1927–1928 г. соответственно – 4000 намечалось и 2962 было обучено⁶.

Интересно отметить, что и в деле ликвидации неграмотности соблюдался «классовый критерий», поскольку «главное внимание сосредоточивается на обучении тех категорий неграмотных, грамотность которых особенно ценна

¹ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.39.

² Смычка. 1928. 15 сент.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.161,165.

⁴ Челябинский рабочий. 1928. 28 окт.

⁵ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.158-159.

⁶ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.392. Л.34.

сейчас для дела социалистического строительства» (допризывников, батраков, членов коллективных хозяйств, делегатов женотдела)¹.

Очевидно, что, хотя неграмотность в Челябинском округе ликвидировалась более успешно, чем в Оренбургской губернии, но эта разница не имела принципиального значения: временная граница достижения конечной цели при имевшихся темпах всё равно отодвигалась далеко вперёд.

Подводя итоги государственной политике в сфере народного образования, борьбы с беспризорностью и ликвидации неграмотности на Южном Урале в годы НЭПа, можно говорить о том, что она давала позитивные результаты, регион постепенно преодолевал проблемы, доставшиеся от старого режима, усугублённые в годы гражданской войны и голода.

Основными условиями, обеспечившими этот процесс, стали восстановление экономики и её дальнейший рост в условиях нэповской экономической системы. Увеличившаяся наполняемость местных бюджетов позволяла обеспечить количественный рост школ, числа учеников, грамотного населения, что медленно, но всё же формировало исходную культурно-образовательную базу для вовлечения населения региона в процессы индустриальной модернизации.

В этом смысле можно говорить о частичной реализации модернизационной составляющей нэповского курса. Однако именно только о «частичной реализации».

Во-первых, темпы роста в решающей степени зависели от финансирования, а резкое увеличение последнего, без чего процесс культурно-образовательной модернизации мог растянуться ещё не на одно десятилетие, явно не укладывалось в ту логику роста бюджетных расходов, которая сформировалась в рамках нэповской социальной политики.

Во-вторых, качество культурно-образовательного уровня населения, в первую очередь молодёжи, которая и могла сформировать основную социальную базу, необходимую для массового перехода к индустриальным формам производства в городе и в деревне, вряд ли можно считать, даже по

¹ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.159.

формальным показателям, отвечающим потребностям ускоренного промышленного развития страны.

Судя по имеющимся документам, местное руководство отдавало себе в этом отчёт. Пессимистические констатации относительно реальности выполнения в полном объёме и в намечаемые в Москве сроки принимаемых в верхах решений отражают осознание реальности, являясь к тому же косвенным свидетельством растущего понимания местными властями невозможности осуществить заявленные большевиками идеологические цели при продолжении прежнего нэповского курса.

Постоянные апелляции за помощью к Центру свидетельствуют о том, что патерналистские настроения, свойственные значительной части населения, так или иначе, но отражались и на позиции местных советских властей. Подобное усиление патерналистских упований на Москву в 1927–1929 гг. было не случайным, а, видимо, связанным, помимо всего прочего, с начавшимся свёртыванием НЭПа в экономике.

Поскольку ограничение рыночных отношений набирало скорость на протяжении всех 1927–1929 гг., постольку и местным властям становилось всё очевиднее, что извлечь какие-либо дополнительные ресурсы на финансирование социальной сферы рыночными методами не удастся. В связи с этим остается рассчитывать исключительно на то, что власть в центре откликнется на настойчивые просьбы с мест и пришлёт дополнительные госбюджетные средства, позволяющие успешнее реализовывать партийно-государственные установки «социалистической культурной революции».

4.2. Здравоохранение, социальное обеспечение и жилищно-коммунальная политика: государственный патернализм в рамках возможного

Сферы здравоохранения, социального обеспечения и жилищно-коммунальной политики в значительной мере можно рассматривать как единый комплекс, так как все они охватывают то пространство повседневной жизни человека, которое обобщённо можно определить как социально-бытовая среда.

Принимая на себя управленческие функции в социально-бытовой области, государство фактически должно было решить две задачи: с одной стороны,

обеспечить индивиду такие условия повседневной среды его обитания, которые компенсируют издержки, приносимые вовлечением в производственную деятельность; с другой стороны, повысить степень социальной поддержки власти со стороны населения, ежедневно убеждающегося в патерналистской заботе государства о нём.

О том, что большевистское руководство осознавало важность выполнения государством этих функций, но одновременно и не отрывало их от общей классовой линии своей политики, свидетельствуют соответствующие пункты второй программы партии:

– «в области охраны народного здоровья ... 1) решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся ... 2) борьба с социальными болезнями; 3) обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи»;

– «в области социального обеспечения ... организовать широкую государственную помощь не только жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальностей общественных отношений ... вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи»;

– «в области жилищного вопроса ... всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс»¹.

Однако принятие на себя государством всех этих функций и выполнение всех провозглашённых партией задач с неизбежностью ставили как первоочередной всё тот же вопрос о ресурсном, прежде всего – финансовом, обеспечении. И в этих сферах государственной социальной политики проблема финансирования стала основным источником проблем и для центральных, и для местных властей.

Здравоохранение на Южном Урале в годы НЭПа.

Годы войны, голод и его неизбежные спутники – эпидемические заболевания (тиф, холера, дизентерия), поразившие регион в 1921-1922 гг., нанесли сильнейший удар по здоровью населения, превратив проблему

¹ КПСС в резолюциях и решениях. Т.2. С.92,90.

обеспечения населения медицинскими услугами в одну из острейших проблем, решение которой оказывало непосредственное воздействие и на восстановление народного хозяйства.

Особенно тяжёлое воздействие имел голод 1921-1922 гг. Произошло сильнейшее ухудшение питания населения.

Так, в Челябинской губернии весной 1922 г. местные власти констатировали ситуацию, определённую ими как «полная катастрофа питания в результате перехода на почти исключительно суррогатное питание свыше 70% сельского населения ... В питание шли ... мякина, солома, лебеда, семена сорных трав, болотный ил ... жёлуди, древесные опилки, толчёные кости, кожи, падаль, отбросы свалочных мест и проч.» Подобное «питание» вело к ослаблению организма, его истощению и даже отравлению. «Значительная часть смертей от голода и истощения, – отмечалось в отчётах, – падает именно на смерти от употребления лебеды и других суррогатов»¹.

Последствием крайнего ослабления организма человека становилась его подверженность болезням, распространение которых приобрело эпидемический характер и превратилось в основную проблему, которую пришлось решать в области здравоохранения².

Административными органами, на которые возлагалось решение этих задач, стали отделы здравоохранения, входившие в состав губернских и уездных, (позднее губернских и окружных) исполкомов территорий Южного Урала (в Башкирии этот орган имел статус наркомата здравоохранения).

В условиях голода эпидемии носили чрезвычайно тяжёлый характер, резко увеличивая смертность. Так, по оценкам Уфимского здравотдела, смертность возросла по сравнению с эпидемиями, случавшимися в губернии в

¹ ОГАЧО. Ф.П-77. Оп.1. Д.657. Л.14.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. С.245; ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.326. Л.29об.

1908 -1913 гг., в 3 раза¹. Для борьбы с эпидемиями создавались губернские и уездные чрезвычайные комиссии во главе с руководителем здравотдела².

Эта работа чрезвычайно затруднялась нехваткой медицинского персонала, недостатком финансовых средств, тяжёлым санитарным состоянием населённых пунктов, транспортными проблемами, последние исключали для медперсонала возможность добраться до многих мест, поэтому «к медпомощи обращались только жители ближайших к медицинскому пункту мест». Чем дальше от пункта, как признавали сами медики, тем «чаще остаются неизвестными даже очень крупные эпидемии».

Не лучше была ситуация и с госпитализацией, поскольку из-за недостатка средств в больницах не хватало самого элементарного: продуктов, дров для отопления, мыла, белья, даже питьевой воды, «в разгаре холеры дело дошло до такого кошмарного положения, что холерные больные, не находя воды, тянулись к ночным горшкам ... больные по месяцу лежали в одном и том же грязном белье»³.

В докладе Уфимского здравотдела о борьбе с эпидемиями констатировалось: «Конечно, при таких условиях не может быть и речи о настоящем лечении заразных больных и о борьбе с эпидемиями. Голодное население предпочитает гибнуть от холеры или тифа, а не от голода и очень часто не обращается за помощью»⁴.

Но и после прекращения голода заболеваемость населения заразными болезнями оставалась высокой, на первое место вышла малярия, достигшая, например, в Башкирии, «размеров настоящего народного бедствия». Не меньший масштаб она носила и в Оренбургской губернии. Борьба с малярией требовала, прежде всего, ликвидации очагов заболевания (осушка болот), на что в местных бюджетах не было необходимых средств⁵.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.326. Л.15.

² Там же. Л.16.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.326. Л.17-18.

⁴ Там же. Л.18.

⁵ Там же. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.365об.; Отчёт Оренбургского губисполкома VI губернского съезду Советов. С.32.

Малярию медицина относил к числу социальных болезней, то есть тех заболеваний, которые в первую очередь являются результатом условий жизни населения. Другим таким заболеванием социального характера, перешедшим из дореволюционного времени и усилившимся за годы войны, был сифилис. Например, в Башкирии в 1922 г. на 10 тыс. населения приходилось 33 больных этим заболеванием¹.

Ключевыми проблемами медицинского обслуживания населения являлись: наличие больниц и других пунктов медицинской помощи (амбулаторий, фельдшерских пунктов), соответствующего медперсонала и средств лечения (оборудование, лекарства).

В первые годы НЭПа положение со всеми этими разделами здравоохранения на Южном Урале было критическим, если не сказать катастрофическим.

Так, в Челябинской губернии на 1 врача в октябре 1921 г., когда началась первая волна эпидемических заболеваний, приходилось в среднем 56 населённых пунктов и почти 22 тыс. чел. Причём в наименее обеспеченном медициной уезде губернии, Курганском, эти показатели составляли соответственно 86 населённых пунктов и более 47 тыс. чел.²

В Оренбургской губернии в сентябре 1922 г. имелось 15 лечебных заведений в Оренбурге и 30 – в уездах, располагавших 1385 койками (1000 – в Оренбурге). Как отмечалось в справке по обследованию состояния Оренбургского здравоохранения, все здания требовали капитального ремонта, больницы были плохо обеспечены медицинскими инструментами, обеспечение продовольствием было «ниже всякой критики», некоторые больницы в уездах приходилось из-за нехватки средств и продовольствия закрывать³.

В Уфимской губернии в январе 1922 г. насчитывалось 75 больниц с 5700 койками, но существовали серьёзные трудности с их снабжением. Как докладывал губздравотдел губернскому экономическому совещанию,

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.326. Л.11.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания. С.102-103.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.347. Л.15.

«медикаментов мало, некоторых совсем нет, нет инструментов, продовольствия недостаточно и количественно, и качественно ... мало одеял, тёплого платья, белья»¹. На всё население Уфимской губернии приходилось 72 врача, недостаток медперсонала в уездах достигал 50%, на одного врача приходилось до 50 тыс. населения, поэтому бóльшая часть больных обслуживалась фельдшерами, в том числе даже и в городах, включая Уфу².

В БАССР на 1 ноября 1922 г. было 89 больниц с 3674 койками при 93 врачах, на 1 ноября 1923 г. это число составило 86 больниц с 2870 койками при 119 врачах³. Обеспеченность населения медицинской помощью в Башкирии была вдвое ниже установленных норм, на 85% врачебных участков врачей замещали лекпомы⁴.

Очевидно, что при таком исходном уровне здравоохранения было бесполезно говорить о налаживании систематической работы с населением, обеспечении хотя бы большинства жителей Южного Урала (даже на уровне городов) необходимыми медицинскими услугами. Фактически речь могла идти только о воссоздании с этого низкого уровня основных элементов системы здравоохранения. На эту работу ушли два-три последующих года.

Позитивные сдвиги в здравоохранении оказались неотделимы от восстановительных процессов в экономике, позволивших местным властям постепенно увеличивать финансирование данной сферы.

«Истекший бюджетный год, – с удовлетворением отмечалось, например, в годовом отчёте Оренбургского губисполкома, – являлся поворотным для советской медицины нашей губернии»⁵. За год было открыто 7 новых больниц и общее число их составило 12 (5 в Оренбурге и Оренбургском уезде, 4 и 3 в двух

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.326. Л.29.

² Там же. Л.16,30.

³ Там же. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.365.

⁴ История развития здравоохранения и медицинской науки в Башкирской АССР (1917-1980 гг.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1981. С.22.

⁵ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.233.

других, Орском и Каширинском уездах), увеличилось количество амбулаторий и фельдшерских пунктов в сельской местности¹.

Появился такой новый вид медицинского обслуживания населения, как создание специализированных медицинских отрядов, направлявшихся по уездам с целью оказания медицинской помощи населению, не имевшему возможности добраться до губернского центра. Например, специализированный глазной отряд только в Каширинском уезде Оренбургской губернии осмотрел 8 000 пациентов и провёл 244 операции². Аналогичный отряд, работавший в 1924 г. в ряде кантонов Башкирии, принял до 4000 больных и провёл около 400 операций, главным образом по поводу чрезвычайно распространённой в сельских районах республики трахомы³.

Открытие новых больниц в уездах повышало доступность медицинских услуг для сельского населения. Это, в частности, проявлялось и в таком обобщающем показателе, которым постоянно оперировали органы здравоохранения, как количество населения, приходящегося на одну больничную койку.

Например, открытие трёх новых больниц в 1925 г. в Шадринском округе позволило сразу довести соотношение в сельской местности до 1500 чел. на 1 койку против 2200 чел. в предыдущем году⁴.

Важным дополнительным показателем, имевшим определённый социально-психологический эффект, стало направление на отдых и лечение рабочих и служащих.

В Оренбургской губернии в 1924–1925 г. на курорты было направлено 245 чел., в том числе 135 рабочих⁵; более 600 чел. посетили союзные, областные и местные курорты за два сезона в Шадринском округе, абсолютное большинство

¹ Там же. С.233-234.

² Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.189.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.29.

⁴ Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. С.113-114.

⁵ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.240.

из них составили рабочие и крестьяне¹. На заседании президиума Башпрофсовета в марте 1924 г. особо подчёркивалось, что не менее 75% лиц, посылаемых за счёт страхкасс в дома отдыха, должны составлять «индустриальные рабочие», а среди оставшихся 25%, приходящихся на неиндустриальные союзы, большинство мест должно быть использовано «лицами физического труда»².

Правда, в местной печати признавалось, что это были лишь самые первые шаги в санаторно-курортном обслуживании населения, «на курорты попадает не более 25% желающих», «на одного радостно ликующего человека, мечтающего о восстановлении здоровья, видишь трёх, ходящих мрачнее черной тучи, недовольных и опечаленных до крайности»³.

Происходившие изменения являлись несомненным шагом вперёд на фоне предыдущих лет, однако они лишь острее оттеняли общую отсталость этой сферы. Последняя проявлялось даже в таких чисто количественных показателях, как количество душ населения, приходящихся на одну больничную койку и на 1 врача.

Здесь сохранялся значительный разрыв между городами и сельской местностью. Как признавал наркомздрав Башкирии, «унаследованная от дореволюционного времени неравномерность в обеспечении медпомощью города и деревни нами не только не изжита, но вследствие усиленного развития за революционное время городской сети, ещё более углубилась»⁴.

При норме, установленной Наркоматом здравоохранения РСФСР – 1400 чел. на 1 больничную койку, эта норма в городах, как правило, выполнялась, но в сельской местности показатели были далеки от желаемых. Так, в сравнительно благополучной (по южноуральским меркам) БАССР в 1924 г. на 1 больничную койку в сельской местности приходилось 1600 чел., но, по контрасту, в

¹ Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. С.121.

² ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.26. Л.79.

³ Смычка. 1925. 29 мая.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.37.

Каширинском уезде Оренбургской губернии этот показатель составлял 5778 чел., то есть был хуже в 3,6 раза¹.

Ещё напряжённее складывалась ситуация с обеспечением сельской местности квалифицированными кадрами, а именно врачами.

В Башкирии в 1924 г. 1 участковый врач приходился на 28000 человек сельского населения (в городах на 3500-4000 чел.), «а если принять во внимание фактическое пустование врачебных мест, то окажется, что в деревне 1 врач на 40000 чел. населения»². Действительно, по данным Башнаркомздрава, в конце 1924 г. из всех имевшихся сельских врачебных участков оставались незаполненными врачами почти 55%³. В Челябинском округе в 1924 –1925 г. на 1 врача в сельской местности приходилось 25518 чел., а в городе – 1867 чел.⁴ Практически таким же это соотношение осталось и через год⁵.

В отчёте Оренбургского губисполкома за 1924 –1925 г. признавалось, что «ни количественно, ни качественно наличная медико-санитарная сеть в отчётном году по губернии ещё далеко недостаточна для удовлетворения полной потребности. В уездах она достигает 20% потребной нормы, в городе не более 50%. Особенно значительными дефектами в медико-санитарном обслуживании явились: отсутствие обеспеченности транспортом врачебного участка, неполное укомплектование сети врачебным составом, перегрузка его, слабая квалификация среднего медперсонала»⁶.

Решение последней проблемы – количества и качества медперсонала, особенно врачей, упиралось в вопросы финансирования. Достаточно сказать, что, по данным Башнаркомздрава, жалованье врача в 1923 –1924 бюджетном году составляло 13,9% его жалованья в 1913 г., а фельдшера – 28%⁷.

¹ Там же; Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.234.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.37.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.40. Л.69.

⁴ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. С.172.

⁵ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.277. Л.122об.

⁶ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.189.

⁷ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.40. Л.88.

Поэтому констатации руководства Шадринского округа о том, что далеко не все штатные места врачей замещаются «в силу низкой оплаты и неудовлетворительных условий работы на местах»¹ или Башнаркомздрава – «ближайшей причиной неустойчивости квалифицированного медперсонала является ... в первую очередь материальная необеспеченность вследствие мизерности окладов»², можно считать типичными для объяснения создавшейся ситуации с медперсоналом для всего южноуральского региона.

В условиях провозглашённого партией курса «Лицом к деревне» неблагоприятное положение с медицинским обеспечением крестьянства грозило, по признанию властей, превратиться в одно из существенных препятствий на пути укрепления «смычки с трудовым крестьянством». Однако в то же время было очевидным, что затраты на преодоление отставания настолько велики, что за счёт местных средств проблему «трудно надеяться решить даже в течение 10-летнего срока» и поэтому только остаётся надеяться на «особые сверхсметные ассигнования из центра»³. В противном случае возникал риск, что «сельские местности останутся без рациональной помощи на произвол знахарей и в лучшем случае – ротных фельдшеров»⁴.

Но и помимо проблемы обеспечения врачами у здравоохранения Южного Урала хватало чисто материальных забот: многие лечебные здания пришли в ветхость и не отвечали элементарным требованиям, в больницах традиционно не хватало белья, отдельных медицинских инструментов, лекарств, питание больных было недостаточно калорийно и т.п.⁵

В Башкирии особенно тревожила власть доставшаяся от дореволюционного времени диспропорциональность в медицинском обслуживании районов с преимущественно русским населением и районов, где преобладало татаро-башкирское население. Больницы и другие медицинские

¹ Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. С.115.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.40. Л.69-69об.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.37-37об.,40.

⁴ Там же. Д.40. Л.69об.

⁵ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.236; ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.21-21об.,26об.

учреждения до революции создавались в основном в первых районах и к середине 1920-х гг. положение существенно не изменилось. Так, на татаро-башкирские районы республики приходилось только 32% всех участковых амбулаторий и 22% всех больниц. Исправить эту диспропорцию, по признанию Башнаркомздрава, в силу отсутствия достаточных средств и кадров для открытия новых больниц и участков было крайне нелегко и приходилось откладывать подобную работу на неопределённое будущее¹.

Общее состояние здравоохранения негативно отражалось и на решении такой острой для Южного Урала задачи как борьба с социальными болезнями (малярия, туберкулёз, трахома, венерические заболевания), уровень которых был недопустимо высок. Так, в Оренбургской губернии в 1923-1924 г. было зафиксировано 75930 случаев заболевания малярией, а в 1924-1925 г. это число даже увеличилось до 81550 случаев, практически на таком же уровне осталось количество этих заболеваний и в следующем году². Через венерический диспансер Челябинска за 1924-1925 г. прошло 30422 чел., а в 1925-1926 г., как с тревогой констатировал Челябинский окрздравотдел, число посещений городского вендиспансера вновь возросло и достигло 32755 чел., за год было выявлено 3423 новых случая венерических заболеваний (почти на 30% больше, чем в предыдущем году)³. В Оренбурге число посещений вендиспансера только за январь-сентябрь 1925 г. составило 31995 чел.⁴

В последние годы НЭПа рост местных бюджетов, как результат экономического подъёма, позволил улучшить финансирование медицины и обеспечил медленное улучшение её положения, но это всё равно не позволило удовлетворить реальный уровень запросов населения, особенно в сельской местности, на медицинские услуги.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.39. Л.32-32об.

² Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.239; Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.191.

³ Основные моменты работы Челябинского горсовета VII созыва за 1925-26 гг. С.83-84.

⁴ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.135; Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.239.

Признания, что «основные потребности ещё удовлетворены не полностью» и решить их можно только «с укреплением материального состояния лечебных учреждений» за счёт увеличения их финансирования¹, что, «несмотря на громадный рост бюджета, всё же лечебная сеть как больниц, так и амбулаторий в основных своих видах остаётся без изменений»², что медицинское обслуживание населения «далеко ещё недостаточное», а санитарное состояние округа «нельзя назвать благополучным»³, регулярно появлялись едва ли не в каждом обобщающем документе советских органов власти, касавшемся вопросов здравоохранения.

Столь же типичными можно считать и принимавшиеся в такой ситуации решения, которые по большей части сводились, как, например, в резолюциях Оренбургского съезда Советов, к набору общих пожеланий: «продолжить дальнейшее повышение качественной стороны медицинской помощи», «усилить нормы медицинского и хозяйственного снабжения существующей сети» и, как главное, – «ходатайствовать перед СНК РСФСР об отпуске необходимых средств»⁴.

Подобные ходатайства оставались, как правило, без удовлетворения. Ассигнования по местному бюджету, правда, год от года увеличивались. Например, в Челябинском округе в 1927-1928 г. они более чем в два раза превысили расходы 1924-1925 г.⁵, в Башкирии бюджет здравоохранения 1927-1928 г. превосходил бюджет предыдущего года на 45,5%⁶. Однако и этого бюджетного увеличения хватало только на решение текущих нужд и поддержание в относительно рабочем состоянии существующей больничной и амбулаторной сети.

Сколько-нибудь радикального сдвига в системе здравоохранения не происходило. Поэтому не стоит удивляться довольно безрадостной картине,

¹ Отчёт о работе Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К. депутатов за 1926-1927 гг. С.80-81.

² Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.42.

³ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.164.

⁴ Резолюции VIII Оренбургского губернского съезда Советов. 19-21 марта 1927 г. С.20-21.

⁵ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.164-165.

⁶ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.62а. Л.63.

которую, например, нарисовали в конце лета 1927 г., отчитываясь перед СНК РСФСР, башкирские власти: «25 волостей (из 112 – В.Н.) совершенно не охвачены какой-либо медицинской помощью, из числа коих 19 волостей исключительно башкирских. Мы ощущаем острый недостаток в больничных зданиях, больницы наши не оборудованы, отсутствуют инструменты, больные не обеспечены бельём, 50% врачебных пунктов не имеют врачей, и они заменяются фельдшерами»¹.

Можно допустить, что, надеясь добиться новых ассигнований из центра, башкирские руководители усиливали негативные моменты в своём отчёте, но вряд ли они их домысливали. Тем более, что сведения, предоставлявшиеся их соседями по Южному Уралу, были, по сути, аналогичны: в Оренбургской губернии к концу 1927 г. больниц не было в 5 из 16 районов, то есть почти на трети территории, в Челябинском округе на 1 октября 1928 г. больниц не было в 7 из 15 районов, то есть почти в половине районов².

Для строительства необходимого количества новых медицинских учреждений, фактически единственного средства реально довести медицинскую помощь до населения в нужных масштабах, средств местных бюджетов было совершенно недостаточно. Так, в Башкирии в 1927 – 1928 г. удалось открыть 10 больниц в наиболее нуждающихся сельских районах, но и после этого к началу 1929 г. 20 из 112 волостей республики по-прежнему не имели вообще никаких медицинских пунктов³.

Имевшиеся больничные возможности не могли обеспечить ни городское население, ни, тем более, вынужденное обращаться туда же крестьянское население, тысячам обратившихся ежегодно приходилось отказывать не только в госпитализации, но и в приёме на осмотр⁴.

¹ Там же. Ф.Р-564. Оп.1. Д.848. Л.51.

² Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1928. С.41-42; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.170-171.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.62а. Л.69,72.

⁴ Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.99-100; Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.43.

Например, в Челябинске, население которого к 1929 г. достигло уже почти 100 тыс. чел., имелось всего 410 больничных коек, причём две больницы из трёх имели специализированный характер (для заразных болезней и венерическая). Кроме собственно жителей Челябинска они предназначались и для жителей Челябинского района, где больниц не было вообще. План же строительства новой городской больницы, впервые выдвинутый горсоветом ещё в 1925–1926 г., из-за отсутствия средств переносился год от года и в конечном итоге был назначен на весну 1931 г.¹

Даже при росте бюджетных расходов не удавалось полностью обеспечить текущие нужды в оборудовании и лекарствах. Шадринский окрздравотдел по итогам 1926–1927 г. отмечал, что нехватка медицинских инструментов составляла 40% от потребностей, лекарств – 25%². Чаще просто признавалось, что обеспечение «медицинским инвентарём, бельём и т.д. в большинстве лечебных заведений далеко не соответствует установленным НКЗ нормам»³.

Сохраняла свою остроту и проблема обеспечения медицинских учреждений квалифицированным персоналом, в первую очередь – врачами. Во-первых, самих врачей было недостаточно, во-вторых, они в силу лучших материальных условий работы в основном сосредотачивались в городах. Например, в Оренбургской губернии из 178 врачей, имевшихся на 1 октября 1927 г. в распоряжении губздравотдела, 120 человек, то есть 67%, работали в самом Оренбурге; в Башкирии во всех пяти городах республики работало 173 из 250 врачей, то есть почти 70%, из них 120 чел., т.е. чуть меньше половины – в столице республики Уфе⁴.

В результате, если общее соотношение врачей и населения стало выглядеть по сравнению с прежними годами относительно благоприятно (так, в Оренбургской губернии в 1926–1927 г. 1 врач приходился на 4045 чел.), то применительно к сельской местности такое соотношение заметно ухудшилось: в

¹ Отчёт Челябинского городского совета IX созыва за 1928-1930 гг. С.127-128.

² Отчёт о работе Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К. депутатов за 1926-1927 гг. С.81.

³ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.42.

⁴ Там же. С.43; ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.531. Л.291.

Шадринском округе в это же время 1 врач приходился на 11 тыс. чел., в Челябинском – на почти 19 тыс. чел., в Башкирии – на 32,6 тыс. чел.¹

В таких условиях работа врачей приобретала поверхностные формы. Как отмечалось, в частности, на заседании президиума Башпрофсовета в октябре 1928 г., «врачи на заводах и в деревнях пропускают в день до 120 человек, в результате механически прописанные медикаменты выкидываются на ветер»².

Низкие зарплаты побуждали врачей заниматься дополнительной практикой, что затрудняло их полноценную работу. Характерно, например, такое высказывание одного из врачей Курганской горбольницы в связи с проведением собрания, посвящённого 10-й годовщине Октября: «Нет смысла и времени ходить на собрания, потому что при той зарплате, что есть, приходится после своей работы искать ещё другую». Показательно и дополнение к этому высказыванию, сделанное в информсводке местного отделения ОГПУ: «Его выступление одобрили, пришлось успокаивать зал»³.

Дефицит медицинских кадров местными усилиями можно было частично облегчить только за счёт медицинских техникумов (они имелись в Челябинске и Уфе), которые готовили средний медицинский персонал, в том числе из числа татар и башкир. Врачей же приходилось готовить путём направления на обучение в высшие учебные заведения за пределами региона (так, из Башкирии за 1925–1928 гг. было послано около 100 чел.), но скорой отдачи от этих мер ждать не приходилось⁴.

Серьёзной проблемой и в 1926-1929 гг. оставалась борьба с социальными болезнями. Количество выявленных случаев этих заболеваний исчислялось десятками тысяч и продолжало расти все эти годы⁵. При этом многие случаи заболеваний, прежде всего в сельской местности, оставались невыявленными.

¹ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.43; Отчёт о работе Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К. депутатов за 1926-1927 гг. С.80; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.170-171; ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.531. Л.290об.

² ЦГАОО РБ. Ф.8897. Оп.1. Д.43а. Л.175.

³ ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.1022. Л.73-74.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.62а. Л.17.

⁵ Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.102; Отчёт Челябинского городского совета IX созыва за 1928-1930 гг. С.130-131; ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.62а. Л.44-44об.

Деятельность выездных санитарных отрядов показывала всю остроту этой проблемы. Только один такой противотуберкулёзный отряд, работавший в Башкирии, диагностировал заболевание у 36% взрослых и 28% детей¹.

Традиционные методы профилактики социальных заболеваний не давали эффекта, поскольку причины болезней, как признавали власти, коренились в неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях, низкой культуре населения, наличии (как в случае малярии) природных очагов инфекции². Для устранения всех этих причин требовались не просто значительные финансовые затраты, а коренное преобразование всех условий жизни населения.

Конечно, несмотря на все эти трудности в решении проблем медицинского обслуживания населения Южного Урала, нельзя не признать, что изменения в лучшую сторону происходили.

Только в Башкирии, если сравнивать, например, 1924 г. и 1927 г., количество больниц увеличилось с 76 до 91 (почти на 20%), число врачей – с 148 до 250 (почти на 70%), количество жителей, приходящихся на 1 врача, сократилось в Уфе с 1472 до 749 чел. (почти на 50%), в кантональных городах – с 2000 до 1284 (почти на 36%), в сельской местности с 50 тыс. до 32,6 тыс. (почти на 35%)³. Сокращалась смертность, размах эпидемий, выявлялось больше случаев социальных болезней, но одновременно росло и число людей, лечившихся и излечивавшихся от них. Увеличивалось специализированное выездное лечение людей медицинскими отрядами. Особую актуальность из-за распространённости у местного населения трахомы по-прежнему имела деятельность глазных отрядов. Например, только в Башкирии в 1926–1927 г. 4 таких отряда обследовали около 8 тыс. чел. в отдалённой сельской местности и провели более 1,2 тыс. операций⁴.

Однако ключевая проблема, стоявшая перед системой здравоохранения, заключалась не в том, что она не улучшалась, а в том, что такое улучшение

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.62а. Л.79.

² Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.42; Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.102; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.171.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-444. Оп.1. Д.531. Л.290об.-291.

⁴ Там же. Ф.Р-629. Оп.1. Д. 231. Л.53.

имело слишком медленные темпы развития. Для того чтобы при существующих темпах достигнуть хотя бы тех нормативов, что устанавливались Наркомздравом РСФСР, требовались десятилетия.

В условиях, когда в рамках пятилетнего плана Южный Урал оказывался одной из зон интенсивного промышленного строительства, грозившего перемещениями больших масс людей в города и на заводы, скученностью населения, то есть созданием предпосылок для новых вспышек заболеваний, производственного травматизма и т.п. издержек индустриализации и урбанизации, очевидное отставание сферы здравоохранения могло приобрести особенно тяжёлый характер.

Социальное обеспечение на Южном Урале в годы НЭПа.

Мировая и гражданская войны, бедствия, вызванные хозяйственной разрухой и голодом, резко увеличили в России количество людей, неспособных самостоятельно обеспечить себе минимальных условий существования.

Защита государством этих слоёв населения превращалась в одно из важнейших средств не только социальной политики. Она неизбежно приобретала и идейно-политическое содержание, поскольку должна была продемонстрировать на практике стремление новой власти к справедливости, её коренное отличие и от самодержавия, и от современных СССР буржуазных государств, где забота об обездоленных была делом частной инициативы и благотворительности.

После функционального размежевания с Наркоматами труда и здравоохранения (в ведение первого перешло социальное страхование, а второго – охрана материнства и детства) деятельность Наркомата социального обеспечения РСФСР и соответствующих отделов социального обеспечения (собесов) на местах сосредоточилась на государственном обеспечении различных категорий нетрудоспособного населения (кроме инвалидов труда, находившихся в компетенции страховых касс).

Поскольку возможности государства были крайне ограничены, то в сфере оказания государственной помощи осталось только городское население.

Социальное обеспечение крестьянского населения должно было осуществляться кресткомами (их деятельность рассмотрена в разделе 3.1.).

Становление деятельности южноуральских собесов в первые месяцы перехода к НЭПу проходило в крайне тяжёлых условиях, некоторое представление о которых даёт, например, доклад Курганского уездного отдела социального обеспечения за май 1921 г.

В нём отмечалось, что «отдел до сих пор не сконструирован согласно положения ... аппарата для планомерной работы ... не существует, и устранить этот весьма важный пробел до сих пор за отсутствием сотрудников не представляется возможным. Весь наличный штат ... занят лишь текущей работой, да и то с громадной перегрузкой ... В данное время работа отдела в общем масштабе тормозится бандитизмом – со многими волостями сообщение прервано ... уничтожено всё делопроизводство. Чувствуется острый кризис в бумаге и других канцелярских принадлежностях ... отдел, кроме мануфактуры, ничего не имеет, и просьбы в остальном остаются неудовлетворёнными»¹.

В отчёте Челябинского экономического совещания Совету труда и обороны, датированным 1 октября 1921 г., констатировалось, что состояние губернских отделов социального обеспечения можно оценить как «отсталое» и в области улучшения снабжения «сделать ничего не удалось». В качестве причин, наряду с объективными факторами экономического кризиса, отмечались те причины, которые впоследствии сделались, можно сказать, постоянно действующими: недостаток в квалифицированных кадрах для проведения работы и недостаточное финансирование².

Обрушившийся с конца лета 1921 г. на регион голод ещё более подорвал возможности собесов развернуть сколько-нибудь систематическую работу, превратив её по большей части в оказание продовольственной помощи находящимся в их ведении лицам, даже простой учёт которых в создавшихся условиях часто представлял непреодолимые трудности.

¹ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.91. Л.72.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания. С.98.

Сводный доклад Курганского уездного отдела социального обеспечения за 1921 г. констатировал: «В первой половине 1921 г. те, кто стоял на учёте в собесе, удовлетворялись продуктами, но в связи с наступлением голода таковое снабжение практически прекратилось за истощением возможностей. Во второй половине 1921 г. продовольственное снабжение полностью прекращено ... работа Собеса стала сильно хромать»¹.

В мае 1922 г. положение не слишком улучшилось: «Ведутся работы по устройству столовых для бесплатного питания голодающих и изыскание средств для сего. Сведения о количестве пенсионеров в уезде не получены. Натурализация пенсии не проводится. В городе 204 семьи удовлетворено пенсией за март и апрель ... Семьям красноармейцев выдаётся сельскохозяйственный инвентарь, семена и лошади на время посевной кампании»².

Более или менее планомерная работа органов социального обеспечения на Южном Урале стала налаживаться со второй половины 1922 г. и первой половины 1923 г.

Она сосредоточилась на трёх главных направлениях: 1) обеспечение инвалидов войны, семей солдат, убитых, умерших и пропавших без вести, и семей красноармейцев, находящихся на действительной службе; 2) содержание домов инвалидов войны, труда, престарелых, глухонемых, слепых и т.п.; 3) организация крестьянской взаимопомощи этим группам лиц в деревне.

Практически сразу выявилось сугубо второстепенное отношение к деятельности органов социального обеспечения со стороны местных властей.

О том, какой характер носило это отношение, свидетельствует доклад наркомата социального обеспечения БАССР за 1923 г., где отмечалось, что «почти все учреждения и организации смотрят на собес несколько иронически, чтобы не сказать более, ... органам собеса приходится употреблять максимум усилий, дабы в своей деятельности не являться в некотором роде свалочным местом», куда «целым рядом учреждений и организаций посылаются для

¹ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.91. Л.63-63об.

² ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.107. Л.18.

экипировки и снабжения продовольствием безбилетные пассажиры с вокзала, безработные, женщины с биржи труда, беспризорные дети, иногда в возрасте до 20 лет, и даже освобождённые из тюрьмы уголовные преступники»¹.

Ещё более болезненный характер имело отношение властей к финансированию собесов, которое должно было быть смешанным: за счёт кредитов, отпускаемых из центра, и за счёт местного бюджета.

Так, в Башкирии смета наркомсобеса по госбюджету была сокращена в 1922–1923 финансовом году на 91% против предыдущего года, а по местному бюджету на 74%, но даже эти средства не выплачивались в полном объёме. Более того, кредит, отпущенный центром, дополнительно урезывался на месте Наркоматом финансов республики, что ставило социальное обеспечение в совершенно критическое положение².

Ещё хуже было положение на низовом уровне: кантональные исполкомы «имеют привычку, обратившуюся в правило, удовлетворять собесы в последнюю очередь из средств, остающихся после распределения между другими ведомствами, и средства эти чрезвычайно мизерны»³.

Такое финансирование сказывалось и на материальном положении работников. В Курганском собесе, по признанию его руководителя, «служащие были поставлены не в удовлетворительное состояние в смысле продовольственного снабжения, других коммунальных услуг и т.д. Потому каждый сотрудник старался исполнить авторскую поговорку: «Рыба любит, где глубже, так и сотрудник, где лучше»⁴. В отчёте Оренбургского губсобеса за 1923 г. также признавалось, что «служащие губсобеса стоят в весьма неважном положении в отношении материального обеспечения»⁵.

Неизбежным следствием такого положения дел становились текучесть кадров, их низкая квалификация, а отсюда и сбои в работе.

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.316-316об.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.317.

³ Там же. Л.319.

⁴ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.91. Л.63.

⁵ Отчёт отдела социального обеспечения. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губерньскому съезду Советов. С.1.

До весны 1923 г. обеспечение лиц, находящихся на попечении собесов, имело преимущественно натуральную форму.

Так, в Оренбурге пенсионерам выдавались продукты (рожь, чечевица, пшено, мука и т.п.), инвалидам – обмундирование, особо нуждающимся осуществлялись единовременные индивидуальные выплаты продовольствием и вещами. Размер такой помощи был крайне невелик: 535 пенсионерам было роздано 537 пудов ржи, а 139 инвалидов войны получили за год 131 пару нательного белья, 13 пар брюк и 12 гимнастёрок¹. В Челябинске из-за нехватки средств часть пенсии выдавали «мануфактурой»².

С марта 1923 г. обеспечение было переведено в денежную форму, начали регулярно выплачиваться пенсии. К этому же времени был налажен учёт лиц, подлежащих государственному соцобеспечению.

В Оренбурге их число составило 574 (169 инвалидов войны, 146 семей, потерявших кормильцев на мировой войне, 222 семьи – на гражданской войне, 37 семей красноармейцев)³; в Башкирии (по четырём городам, Уфе, Бирску, Стерлитамаку и Белорецку) – 802 (298 инвалидов войны и 504 семьи)⁴, в Курганском уезде – 111 (60 инвалидов войны, семей, потерявших кормильцев – 24, семей красноармейцев – 27)⁵.

Проблемы с финансированием (пенсии рядовым пенсионерам, а они составляли абсолютное большинство, должны были выплачиваться из местного бюджета) вели к частым задержкам выплаты. «Мизерность пенсий и несвоевременная их выплата, – констатировалось в докладе Башнаркомсобеса за 1923 г., – вызывают вполне справедливые нарекания пенсионеров»⁶. Аналогичную точку зрения высказывал и Курганский собес в конце 1923 г.: «С

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.13об.

² Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. С.242-243.

³ Отчёт отдела социального обеспечения. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губерньскому съезду Советов. С.2.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.325об.-326.

⁵ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.109.

⁶ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.326об.

переходом на местный бюджет пенсионеры три месяца не получали пенсию, а ставки до того минимальные, что почти на них невозможно прожить»¹.

Много проблем представляло для собесов и содержание домов инвалидов, где находились лица, не имевшие жилья и родственников. На содержании Оренбургского губсобеса в 1923 г. находилось три таких дома, где проживало 305 чел., Башкирского собеса – 8 домов с 600 чел., Курганского – 1 дом-интернат с 57 чел.²

Финансирование этих домов осуществлялось из местного бюджета и находилось в «весьма печальном состоянии». Например, на содержание Уфимского инвалидного дома в 1922 -1923 г. было отпущено всего чуть более четверти запрошенных средств, а реально получено так мало, что на годовое содержание одного инвалида пришлось сумма в 1 руб. 70 коп. «Волей или неволей, законно или незаконно, – признавалось в докладе Башнаркомсобеса, – но пришлось затронуть свои операционные и хозяйственные кредиты по госбюджету и бросить их на подкрепление инвалидного дома»³.

Поскольку в основном контингент находившихся в домах инвалидов составляли инвалиды гражданской и мировой войн, то некоторую помощь, в основном продовольствием, оказывали расквартированные в регионе воинские части, что, впрочем, лишь немного ослабляло остроту проблемы. В целом, как констатировалось органами собеса, «положение безотрадное: инвалиды голодают, дома не ремонтируются, обмундирование заготавливать не из чего»⁴.

Не лучше чем в Башкирии была ситуация с инвалидными домами и в других районах Южного Урала. «Инвалидные учреждения находятся в критическом положении», – говорилось в документах Курганского уездного собеса⁵. Оренбургский губсобес признавал, что в двух имеющихся домах

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.9. Л.21об.

² Там же. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.109; Отчёт отдела социального обеспечения. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.3; ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.319об.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.320.

⁴ Там же. Л.320об.

⁵ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.91. Л.63об.

инвалидов, где находился 141 человек, «средств довести норму питания до положенной нормы не имеется»¹.

Одним из немногих средств улучшить положение инвалидов, сохранивших частичную работоспособность, могло стать их кооперирование, создание артелей, что, в частности, предполагало обучение и переобучение инвалидов. Предполагалось, что по мере развёртывания своей деятельности такие артели перейдут на самообеспечение.

В Башкирии к концу 1923 г. было создано 10 объединений и артелей инвалидов, занимавшихся производственной деятельностью (сапожные, столярные, швейные и другие мастерские, магазины, столовые), в которые входил 261 чел. В качестве начального капитала Наркомсобес отпускал вновь образуемым артелям зерно и муку для последующей реализации и получения средств, затем артели переходили на самообеспечение². В Оренбурге к концу 1923 г. действовало 9 артелей. Им также губсобес первоначально предоставлял материальную и денежную помощь, но и впоследствии старался поддерживать их, снабжая заказами на производимую продукцию (выпечка хлеба для дома инвалидов, пошивка для них обмундирования и обуви и др.)³. Потребительско-производственное объединение инвалидов было создано и в Курганском уезде⁴.

Подводя итоги деятельности органов социального обеспечения на Южном Урале на протяжении первых трёх лет проведения новой экономической политики, можно констатировать, что, во-первых, эта деятельность испытала значительное воздействие голода в регионе, превратившись в 1921-1922 гг. по большей части в совокупность экстренных мер, направленных на спасение людей от голода, во-вторых, в общей структуре советских органов власти органы соцобеспечения оказались на второстепенных ролях, испытывая постоянные трудности с финансированием, что не давало им возможности в полной мере реализовывать свои функции социальной защиты населения, в-

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.16об.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.321об., 323об.-325.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.478. Л.18.

⁴ ГАКО. Ф.Р-228. Оп.1. Д.135. Л.109.

третьих, они всё же сумели обеспечить минимальный уровень такой защиты, что, конечно, содействовало укреплению позиций власти и социальной стабильности в регионе.

В последующие годы перемены в лучшую сторону, если и происходили, то достаточно медленно, поскольку отношение местных властей к финансированию этой сферы принципиально не менялось.

Нелицеприятную картину проблем в этой области давал, например, доклад Курганского окрсобеса о деятельности за январь-октябрь 1924 г.

В нём констатировалось, что «при данной обстановке работа собеса находится в самом тяжёлом положении за отсутствием материальных средств местного бюджета». Отмечая, что «расход на социальное обеспечение составляет 0,6% местного бюджета», в докладе признавалось, что даже эти средства поступают не в полной мере и несвоевременно. В результате пенсии в округе не уплачивались с 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1924 г., да и их размеры «далеко не удовлетворяют обеспечиваемых в сравнении с «существующими материально-экономическими условиями жизни». Попытки частично исправить положение за счёт средств от передаваемого собесу бесхозного имущества также не имели особого успеха, поскольку «по большей части поступают от нарсудов вещественные доказательства и другие конфискованные старые вещи, не представляющие из себя почти никакой ценности»¹.

Аналогичные признания содержатся в отчётных документах Челябинского окрсобеса («деятельность собеса протекала в трудных условиях. Самое главное затруднение состояло в несоответствии средств с потребностями нуждающегося населения»²) и Оренбургского губсобеса («работу тормозит слабая экономическая мощь органов собеса»³).

Социальное обеспечение по-прежнему рассматривалось властями как сугубо второстепенное поле деятельности. И в городах, и особенно в районах такое отношение приводило к тому, что, как постоянно сетовало руководство

¹ ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.27. Л.32-32об.

² Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.147.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.622. Л.49.

органов соцобеспечения, «задания собесов выполняются в последнюю очередь и некачественно»¹.

На практике работа собесов носила довольно рутинный характер и сводилась исключительно к учёту подлежащего обеспечению контингента и налаживанию более или менее регулярной выплаты полагающихся пенсий и пособий из тех средств, что по остаточному принципу поступали к ним в виде госбюджетных кредитов и отчислений из местных бюджетов.

Формальную сторону деятельности собесов можно рассмотреть на примере Оренбургского губсобеса. Основные показатели его деятельности за 1924 – 1926 гг. выглядели таким образом.

На 1 октября 1924 г. на государственном обеспечении через губсобес находилось 848 единиц (136 инвалидов войны, 576 семей, потерявших кормильцев на войне, и 136 семей красноармейцев). 230 чел. находились на содержании в ДOME инвалидов.² На 1 октября 1925 г. количество обеспечиваемых составило 965 единиц (231 инвалид войны, 533 семьи, потерявшие кормильцев на войне, 201 семья красноармейцев)³. На 1 октября 1926 г. количество обеспечиваемых возросло до 1163 единиц (398 инвалидов войны, 613 семей, утративших на войне кормильцев, 152 семьи красноармейцев). 196 чел. находились на гособеспечении в ДOME инвалидов⁴.

Такие же тенденции характерны и для других территорий Южного Урала.

Так, в Шадринском округе социальное обеспечение охватывало в 1924 – 1925 г. 177 семейств в городе и 81 семейство в округе (всего 258 семейств), а в 1925–1926 г. соответственно 195 и 252 (всего – 447). Основную группу среди них составляли семьи, потерявшие кормильцев в годы гражданской войны, таковых было в 1924 – 1925 г. – 95, а в 1925 – 1926 г. – 238 (рост произошёл за

¹ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.299. Л.1.

² Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов 6 созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. С.148.

³ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.243-244.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.922. Л.79-79об.,80.

счёт их учёта в сельской местности), на втором месте шли семьи красноармейцев (70 и 69 соответственно)¹.

Подобные показатели свидетельствовали о тенденции к более полному охвату органами соцобеспечения своего контингента, в основном за счёт более точного учёта и его распространения на сельские местности. Сам факт, что всё большее количество нуждающихся получало помощь, безусловно, может быть отнесён к позитивной стороне этого аспекта социальной политики.

Другое дело, что неполное финансирование собесов, более 80% которого осуществлялось из местного бюджета, вызывало периодические сбои в выплате пенсий, не позволяло полностью удовлетворить потребности сельской местности, ограничивало штаты собесов, что не позволяло им в должной мере контролировать ситуацию на местах с выездом в уезды, районы и волости².

К тому же, хотя размер пенсий и увеличивался, но он мог обеспечить существование получавших их групп населения лишь на самом минимальном уровне. Так, после проведения денежной реформы за 1925–1926 г. размер пенсии инвалидам самой тяжёлой 1-й группы увеличился с 14,5 руб. до 18 руб., семья, утратившая кормильца (с 1-м нетрудоспособным), получала 4 руб. в месяц, на содержание 1 чел. в Доме инвалидов отводилось от 6,5 до 7,5 руб. в месяц³.

Поэтому в ряде случаев собесам приходилось искать дополнительные средства, чтобы хоть немного улучшить положение обеспечиваемого контингента. Например, Оренбургский губсобес содержал специальный огород, урожай с которого частично направлялся на питание людей, находившихся в Доме инвалидов, частично продавался, и вырученные средства также тратились на удовлетворение разных нужд этих инвалидов⁴.

Временами в деятельности собесов возникали и проблемы особого свойства, связанные, в частности, с попытками некоторых лиц получить для себя через собесы определённые выгоды. Так, например, одно время в

¹ Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. С.131.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.922. Л.79об.; ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.299. Л.2,5.

³ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-26 гг. С.193.

⁴ ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.922. Л.81об.

Челябинске наблюдался большой наплыв инвалидов-«гастролёров», которые «своим буйством и дебоширством зачастую не давали возможности вести нормальную работу Собесу». В итоге пришлось создавать специальную комиссию из городских инвалидов, которой было поручено проверять обоснованность подаваемых заявок на пенсии, что позволило «ослабить наплыв гастролирующих и тем самым появилась возможность работы в более спокойной обстановке»¹.

Пожалуй, наиболее социально эффективным средством в условиях НЭПа становилась организация трудовых артелей инвалидов. Подобные артели позволяли, с одной стороны, перевести инвалидов на самообеспечение, с другой стороны, сохранить их в качестве полноценных членов общества, в какой-то мере показать отличие прежней дореволюционной благотворительности от социальной политики пролетарского государства, не просто дающей таким людям содержание, а способствующей их социальной адаптации, не позволяющей им люмпенизироваться.

По сравнению с предшествующими годами кооперирование инвалидов приобрело более широкие масштабы. Так, в Курганском округе уже к осени 1924 г. такой формой социального обеспечения удалось охватить до 700 чел., что составило примерно 25% всех инвалидов, находившихся в ведении собеса. В округе действовало 34 артели, из них только 3 в самом Кургане, остальные – в уездах. Основной массив среди них составили торгово-производственные артели, которые реализовывали собственную продукцию (сапожные, столярные, швейные, табачные и другие изделия кустарного производства)². В это же время в Оренбургской губернии работали 29 артелей (в том числе 24 производственных) с 359 работниками³. 33 инвалидных артели к 1 октября 1925 г. действовали в Шадринском округе, охватывая занятостью 929 чел.⁴

Однако в работе артелей имелись и проблемы: получение доходов их членами иногда сопровождалось различными злоупотреблениями в виде

¹ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.35.

² ГАКО. Ф.Р-229. Оп.1. Д.9. Л.84.

³ Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов 6 созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. С.149.

⁴ Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. С.133.

хищений, растрат средств, высока была текучесть состава. Поэтому периодически одни артели ликвидировались в силу их несостоятельности, другие вновь возникали, что затрудняло нормальную организацию их деятельности. Например, за 1 полугодие 1926–1927 г. в Челябинском округе из 7 имевшихся артелей 5 было ликвидировано и 5 создано, но 3 вновь оказались на пороге ликвидации¹.

Некоторую вспомогательную роль в деле социального обеспечения играли и комитеты помощи больным и раненым красноармейцам (компомы), главной задачей которых было удовлетворение нужд проезжающих через данную территорию инвалидов гражданской войны и больных красноармейцев. Средства компомам «поступали от эксплуатации ипподрома, лотерей, лото, вечеров и спектаклей, пожертвований и проч.»².

Поскольку компомы были по административной линии подчинены собесам, то последние часто заимствовали часть свободных средств компомов и использовали их на различные текущие нужды, например, выдачу возвратных кредитов артелям инвалидов, протезирование инвалидов, оказание им различной единовременной помощи и даже на приобретение для них «билетов для посещения кино и театров»³.

1926-1929 гг. не изменили положения социального обеспечения.

Проблема финансирования оставалась по-прежнему самой болезненной в их деятельности, и в решениях советских органов Южного Урала не раз обращалось внимание на невозможность решения этого вопроса без соответствующей поддержки от центральных властей.

На это, например, в марте 1927 г. указывал VIII Оренбургский губернский съезд Советов: «ввиду недостаточности по размеру кредитов на пенсии и пособия инвалидам и семьям красноармейцев и невозможности большего выделения их за счёт местного бюджета, настаивать перед Центром на отпуске

¹ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.299. Л.9.

² Там же. Д.277. Л.124.

³ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.299. Л.5.

дополнительных средств по госбюджету для полного удовлетворения лиц, подлежащих по закону государственному обеспечению»¹.

На практике существенного увеличения ассигнований на социальное обеспечение по линии госбюджета не происходило. В это время из госбюджета по линии Наркомата соцобеспечения РСФСР финансировались лишь персональные пенсии, назначенные лицам, имевшим особые заслуги перед республикой. Остальное финансирование производилось целиком из местных бюджетов, кроме того, в распоряжение собесов поступали средства, вырученные от реализации бесхозного имущества².

Местным властям приходилось в такой ситуации рассчитывать исключительно на прирост собственных средств. Естественно, что в лучшем положении оказывались промышленно более развитые районы Южного Урала.

Так, Челябинский горсовет, отметив, что в 1927–1928 г. по сравнению с предыдущим годом число пенсионеров, обеспечиваемых по линии собеса, выросло почти на 25% (604 против 443), указал, что это произошло как раз за счёт увеличения местных ассигнований, что, в свою очередь, стало возможным благодаря общему росту городского бюджета³. В масштабах всего Челябинского округа за 1927–1928 г. рост числа людей, состоящих на социальном обеспечении (по всем категориям), составил 82% (1539 против 835), в основном благодаря более широкому распространению этой системы на жителей сельской местности, которые в результате составили к 1 октября 1928 г. более 56% всех получающих пенсии по линии окрсобеса. Основную часть обеспечиваемых стали составлять семьи, потерявшие кормильцев в годы войны (487 семей), и семьи красноармейцев (477 семей)⁴.

Подобному положительному сдвигу способствовало и активное использование доходов от продажи бесхозного имущества для дополнительных выплат инвалидам гражданской войны и семьям, потерявшим на этой войне кормильцев (лечение, оказание единовременной материальной помощи).

¹ Резолюции VIII Оренбургского губернского съезда Советов. 19-21 марта 1927 г. С.22.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.6.

³ Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.108-109.

⁴ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 г. С.175.

Увеличилось и количество инвалидов артелей (на 1 октября 1928 г. – 9 артелей со 125 участниками), которые к тому же работали рентабельно¹.

Пример Челябинска показывал, что даже при отсутствии существенных финансовых вливаний из центра использование подъёма местной промышленности и проявление инициативы способны наладить относительно стабильное функционирование системы социального обеспечения. Но даже в этом, по южноуральским меркам, относительно благополучном округе, по признанию его руководства, в 1928-1929 г. «хотя ассигнования на дело социального обеспечения значительно и увеличены, но для полного обеспечения всех контингентов, имеющих право на государственное обеспечение, является всё же недостаточным»².

В других районах, например, в Башкирии увеличение бюджетного финансирования значительно отставало от роста числа обеспечиваемых, особенно после принятия юбилейной сессией ВЦИК в октябре 1927 г. решения об увеличении вдвое числа пенсионеров, обеспечиваемых государством. В 1927–1928 г. рост числа пенсионеров составил более 20%, общее число по всей республике достигло 3831 чел., а в 1929 г. выросло ещё на 20%, составив 4753 чел. В наиболее трудном положении оказались кантоны, где средств на своевременную оплату увеличившегося количества пенсий не хватало: в первом полугодии 1927–1928 г. 1000 чел., назначенных на пенсию, не получили её «за отсутствием средств»³.

На эффективности работы собесов по-прежнему сказывалась и подтверждавшая их второстепенный статус в глазах властей низкая оплата труда. «Служащие, которые соглашаются служить по существующей зарплате, – сетовал, например, весной 1928 г. заведующий отделом соцобеспечения Наркомата труда БАССР, – в своём большинстве неквалифицированные, что очень плохо отражается на работе»⁴.

¹ Там же. С.176-177.

² ОГАЧО. Ф.Р-98. Оп.1. Д.3413. Л.112.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.10; Ф.Р-933. Оп.1. Д.1485. Л.117.

⁴ Там же. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.17.

Сказывались и некоторые трудности, связанные со спецификой обеспечиваемого контингента. Естественное обстоятельство фактического содержания государством людей, не способных в силу различных причин обеспечивать себя самостоятельно, среди той части пенсионеров, которые в силу своих революционных заслуг (к ним относились персональные пенсионеры) считали, что они заслуживают большего, усиливало иждивенческие настроения.

Характерную зарисовку настроений этой группы пенсионеров и их отношения к социальному обеспечению даёт отчёт о работе отдела собеса Башнаркомтруда за 1927–1928 г. Со стороны этой группы, указывалось в отчёте, идут бесконечные ходатайства «об увеличении размера пенсии, о предоставлении товарного кредита, о покупке дров в кредит, о квартирах, о выезде в Москву, об отправке их на курортное лечение, о выдаче пенсии вперёд за 2–3 месяца». Более того, «среди них есть лица, которые проиграв деньги в лото, приходят в собес с требованием, чтобы возместить проигрыш или, напиваясь пьяными, приходят с требованием выдать им вперёд пенсию, так как полученную пенсию пропили». Эта группа пенсионеров, констатировалось в отчёте собеса, «хотя более обеспеченная, но не считается ни с чем и с ни кем»¹.

Данное явление, несмотря на его частный характер, всё же может служить иллюстрацией того, какими побочными эффектами было чревато проведение классового принципа в деле соцобеспечения. Приоритет, отдаваемый персональным пенсионерам в размерах пенсии и в других льготах, с одной стороны, среди наиболее их нестойкой части развивал стремление получить от «своего» государства ещё больше, с другой стороны, ставил в неравное положение других пенсионеров, принадлежавших в прежней жизни к той же социальной группе (рабочих, крестьян, красноармейцев). Подобное положение не могло не вызывать сомнений в том, что Советское государство в равной мере заботится обо всех трудящихся, потерявших работоспособность.

Характеризуя в целом развитие социального обеспечения на Южном Урале в годы НЭПа, следует отметить, что в данной области социальной

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.605. Л.10-11.

политики принцип «остаточности» получил наиболее широкое распространение. Он проявлялся и в финансировании, и в подборе кадров для работы, и, в конечном итоге, в отношении к людям (в документах, что показательно, всегда именовавшимся «контингентом»). В известной мере, это, конечно, может быть объяснено сравнительной малочисленностью этой части населения, спецификой такой среды, как, например, инвалиды войны, работа с которыми требовала специальной подготовки работников, чем фактически никто не занимался.

Однако, представляется, что в данном случае срабатывал ещё один фактор, являвшийся «обратной стороной» классовой линии государства в социальной политике.

Люди, оказавшиеся в сфере попечения государства, по большей части (если только не брать семей красноармейцев, но они-то как раз находились едва ли не на первом месте в деятельности собесов) представляли собой для власти «отработанный материал». Было даже не так важно, какого они классового происхождения (хотя выходцев из прежних эксплуататорских классов предпочитали на учёт не ставить или снимать при первой возможности). Важнее было другое: ни в производственном плане, ни в плане политическом они не представляли для государства особого интереса, поэтому главный социальный эффект был вполне достижим самим фактом наличия социального обеспечения, качество его играло глубоко второстепенную роль.

Жилищно-коммунальная политика на Южном Урале в годы НЭПа.

Южный Урал, будучи сугубо сельскохозяйственным регионом, имел сравнительно мало настоящих городов, к числу крупных могли быть отнесены только Уфа, Оренбург, Челябинск, остальные, в том числе и окружные центры Уральской области (например, Курган, Шадринск) во многом сохраняли облик больших сёл практически все годы НЭПа.

Значение жилищно-коммунальной политики в такой ситуации для власти определялось преимущественно тем, что именно в городах и примыкающих к ним заводских посёлках проживало большинство рабочих.

Обеспечение рабочего класса необходимым жильём было одним из важнейших средств создания минимально благоприятных условий для

воспроизводства рабочей силы и обеспечения социальной поддержки большевистской власти.

Поэтому не случайно, что на протяжении 1920-х гг. в своих решениях на высшем уровне большевистская партия неоднократно обращалась к жилищной политике для подтверждения последовательно пролетарской направленности своей деятельности в социальной сфере.

Реально удовлетворить потребности, как рабочих, так и служащих советских учреждений, сосредоточенных в городах, власти могли только за счёт национализированных и муниципализированных домовладений, количество которых было не так велико. Основной жилищный фонд южноуральских городов по-прежнему состоял из частных домовладений, например, в двух основных городах БАССР, Уфе и Белорецке, в 1923 г. таковыми было соответственно 84% и 95% от всего количества домовладений¹.

Самым простым и доступным способом частичного решения проблемы являлось, как отмечал, например, Оренбургский отдел коммунального хозяйства, «с первого периода революции перераспределение и распределение жилищ в интересах трудящихся»².

На практике это вылилось в конфискацию домов у противников советской власти, а после окончания гражданской войны – в выселение «нетрудового элемента» из муниципализированного жилья. Однако возможности перераспределительной политики в жилищных вопросах были достаточно быстро исчерпаны, и власть была вынуждена признать, что «мера эта была проведена полностью, но значительных результатов дать не могла, а, следовательно, далеко не удалось удовлетворить требования на квартиры со стороны рабочего и служительского элемента»³.

Поэтому с 1923 г. на первый план стала выдвигаться другая задача – «увеличение жилой площади путём капитального ремонта полуразрушенных, восстановления разрушенных зданий и нового строительства».

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.89об.

² Отчёт коммунального отдела. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губерньскому съезду Советов. С.2.

³ Отчёт Оренбургского губисполкома VI губерньскому съезду Советов. С.28-29.

Однако реализация этой задачи затруднялась отсутствием средств, в силу этого, например, в Оренбурге «коммунальный отдел за отсутствием средств ни к восстановлению, ни к новому строительству не приступал»¹. В городах Башкирии «коммунальные хозяйства за свой счёт могли лишь производить единичный и при том совершенно случайный ремонт своих домовладений». Власти были вынуждены признать отсутствие каких-либо перспектив в этой области, поскольку «частный капитал в такое малорентабельное дело, как жилищное строительство в провинции, не пойдёт, государственного же капитала нет»².

Бедственное состояние почти всего жилищного фонда при бедности финансирования коммунальных нужд остро ставило и вопрос о сохранности и поддержании в более или менее жилом виде существующего жилья. В рамках нэповского курса это проявилось в сдаче муниципальных помещений в аренду с возложением на арендаторов обязанностей по ремонту и поддержанию сохранности жилищ. Однако в роли арендаторов в основном выступили разные учреждения, профсоюзы, а «частные лица к взятию коммунальных домов в долгосрочную аренду с обязательством восстановления их интереса не проявили»³.

Что касается остальных проблем городского хозяйства (водоснабжение, электроснабжение, благоустройство, санитарное состояние и т.п.), то, по признанию соответствующих органов, состояние этих структур требовало ремонта или переустройства, но «не располагая такими средствами», местная власть в эти годы стремилась только «поддерживать их существование, насколько позволял местный бюджет»⁴.

Тяжёлое положение с обеспечением жильём рабочих оставалось более или менее терпимым до тех пор, пока начавшееся восстановление промышленности, увеличившее спрос на рабочую силу, не ускорило сельскую миграцию в город,

¹ Отчёт коммунального отдела. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.3.

² ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.91.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.228. Л.91.

⁴ Отчёт коммунального отдела. Приложение к отчёту Оренбургского губисполкома VI губернскому съезду Советов. С.27-28.

где, даже устроившись на работу, трудно было обеспечить себе сносные жилищные условия.

По признанию Челябинского окружного бюро профессиональных союзов, ««почти ни в одном предприятии нет квартир для рабочих, удовлетворяющих потребности всех трудящихся ... Поэтому имеющиеся квартиры населяются рабочими настолько плотно, что не соблюдается никаких самых элементарных требований санитарии и гигиены. Даже при таком заселении удовлетворяется приблизительно около 20% занятых в производстве рабочих»¹.

Поэтому, например, высокую заболеваемость на ряде предприятий Челябинска, особенно на угольных коях, власти склонны были объяснять не только неудовлетворительными условиями труда, но также и неудовлетворительными жилищными условиями рабочих². Плохие жилищные условия усиливали и текучесть рабочей силы. Так, по оценке Челябинского окружкома партии, тот факт, что за 1925–1926 г. состав рабочих на челябинских угольных коях сменился почти три раза, помимо тяжёлых условий труда в не меньшей степени объяснялся и крайне неудовлетворительным состоянием рабочего жилья: и по количеству (на одного человека приходилось только 36% от норм, установленных российским Наркомтрудом), и особенно по качеству³.

Остроту жилищной проблемы признавали советские органы и других территорий Южного Урала. Так, по данным созданного в Башкирии при СНК в ноябре 1924 г. «Комитета содействия строительству рабочих жилищ», в республике, если брать только рабочих, непосредственно занятых в производстве, нуждаемость в жилой площади составила 8622 кв. саж. (около 39 тыс. кв. м)⁴.

Первопричиной жилищного кризиса в городах Южного Урала, как и в большинстве других городов страны, являлись недостаточные размеры жилищного фонда при росте численности населения городов.

¹ Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. Челябинск: Изд. Челябинского окрпрофбюро, 1925. С.50.

² Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.143.

³ ОГАЧО. Ф. П-75. Оп.1. Д.453. Л.55-56.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.382. Л.35.

Так, по данным Челябинского горсовета, всего в городе к 1 октября 1925 г. имелось 4741 частновладельческий и 1417 муниципализированных жилых домов, но 245 из последних были заняты учреждениями и на весь муниципальный жилой фонд приходилось 1172 дома общей площадью 14473 кв. саж. На 1 жителя Челябинска приходилось в среднем 0,67 кв. саж. (3 кв. м) жилой площади, что составляло 34% установленной санитарной нормы, но в реальности и эту цифру приходилось считать завышенной из-за того, что часть домов (землянки, бараки с изношенностью свыше 70%) были в действительности непригодны для жилья¹. При таком состоянии жилищного фонда власть была не в силах удовлетворить спрос на жильё (в 4-м квартале 1924–1925 г. удовлетворение заявок, в том числе от рабочих, составило в Челябинске лишь 6,8%²). В других городах Южного Урала положение было ненамного лучше, так, например, в Златоусте на 1 жителя приходилось 4,5 кв. м, в Троицке и Шадринске – 4,8 кв.м³.

Единственно радикальным решением могло стать массовое строительство нового жилья, но этому препятствовало отсутствие необходимых финансовых ресурсов у местных властей, а рассчитывать на помощь из центра в жилищном строительстве не приходилось. За весь 1924–1925 г. городским властям Челябинска удалось построить за счёт местных средств всего 9 домов (34 квартиры жилой площадью 354 кв. саж.)⁴.

По итогам 1925–1926 г. горсовет Челябинска вынужден был констатировать, что «жилищные условия города необычайно тяжелы», в среднем на одного человека приходилось 5,12 кв. м жилплощади, причём в рабочих районах эта цифра снижалась до 3,22. кв.м.

Горсовет признавал, что выйти из создавшегося положения без нового строительства нельзя, но, не имея на это средств, вынужден был ограничиться лишь «возбуждением ходатайства перед Цekomбанком об отпуске средств на

¹ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.79.

² Подсчитано по: Там же.

³ Нейштадт А. Состояние жилищного вопроса на Урале // Хозяйство Урала. 1925. № 4. С.84.

⁴ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.80.

строительство»¹. «Новое строительство, – подтверждал такую точку зрения и окружком партии, – может быть осуществлено только за счёт получения долгосрочных ссуд от государства, ибо ни горсовет, ни жилкооперация собственными средствами в таких размерах не располагают»².

Власть пыталась использовать механизмы негосударственного строительства, признавая, как это, например, отмечалось в постановлении пленума Уфимского горсовета в феврале 1925 г., что «единственной реальной возможностью ликвидации жилищной нужды является самодеятельность трудящихся масс путём участия непосредственно в жилищном строительстве»³.

С этой целью прилагались усилия по созданию и стимулированию деятельности жилищно-строительных кооперативов, однако результативность последних зависела, в первую очередь, от получения банковских кредитов на строительство, которые поступали в ограниченных размерах. В Челябинске за 1924 – 1925 г. было построено только 6 домов площадью в 218 кв. саж. силами одного кооператива «Железнодорожник», а расширению кооперативного жилищного строительства «препятствовало отсутствие необходимых средств, в том числе и за счёт привлечения банковских кредитов»⁴.

Более успешно такой вид кооперативов развивался в Башкирии, что во многом объяснялось деятельностью Комитета содействия строительству рабочих жилищ. При его помощи к лету 1925 г. в Уфе было организовано 5 жилищно-строительных кооперативов с участием 440 чел. (железнодорожники, типографские рабочие, швейники и др.). При помощи выданных комитетом ссуд (они предоставлялись на 30 лет под 2% годовых) эти кооперативы осуществляли восстановление и достройку полуразрушенных домов на условиях их аренды. За 1925 г. силами этих организаций предполагалось восстановить в Уфе в общей сложности 100 квартир с общей жилой площадью 946 кв. саж.⁵ Однако дальнейшее развитие этого способа решения жилищного вопроса «упиралось в

¹ Основные моменты работы Челябинского горсовета VII созыва за 1925-26 гг. С.13-14.

² ОГАЧО. Ф. П-75. Оп.1. Д.453. Л.62.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-91. Оп.1. Д.176. Л.15об.

⁴ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. С.150.

⁵ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.1. Д.382. Л.35-35об.

низкий уровень заработной платы», ограничивавший доступ рабочих в жилищно-строительные кооперативы¹.

Что касается частного строительства, то оно велось исключительно для личных нужд, имело небольшие размеры и существенного влияния на смягчение остроты жилищного кризиса не оказывало².

В меньших размерах, но в это время ещё продолжало использоваться и такое традиционное средство, как разрешение жилищных проблем трудового населения за счёт «нетрудового элемента» путём выселения последнего из муниципальных домов, однако этот резерв был близок к исчерпанию (например, в Челябинске к 1 октября 1925 г. «нетрудовыми элементами» занималась жилая площадь всего в 46 кв. саж., в Уфе в их распоряжении находилось не более 2–3% жилой площади³).

Было очевидным, что такими средствами и такими темпами жилищную проблему в обозримой перспективе разрешить не удастся.

Состоявшийся в июле 1926 г. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял специальное решение по жилищному строительству, где признавалось «катастрофическое положение» дел с жильём для рабочих и ставилась задача принять неотложные меры для исправления этого положения, включая, в первую очередь, строительство нового жилья. Среди мер, необходимых для улучшения положения, было рекомендовано увеличить бюджетные ассигнования, привлекать средства предприятий, развивать жилищно-кооперативное строительство⁴.

Если судить по развитию жилищного сектора на Южном Урале в 1927–1929 гг., то принятие этого постановления не оказало радикального воздействия на развитие ситуации.

Например, в Оренбурге в 1927–1928 г. прирост жилплощади в общей сложности составил 4622 кв. м, в том числе частные лица дали прирост в 1659 кв. м, т.е. почти 36% всего прироста, городской отдел коммунального хозяйства

¹ Там же. Ф.Р-804. Оп.2. Д.2394. Л.141.

² Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.80.

³ Там же; ЦГИА РБ. Ф.Р-91. Оп.1. Д.176. Л.14.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. Т.4. С.54-56.

– 1285 кв. м или 29%, остальной прирост пришёлся на жильё, построенное силами хозяйственных органов и кооперации.

В 1928–1929 г. общий прирост остался практически на том же уровне (4527 кв. м), но произошла своего рода «рокировка» между горкоммунхозом и частными застройщиками: при увеличении размера жилья, построенного горкоммуноотделом (1665 кв. м или 37%), уменьшилось количество жилья, построенного частными лицами (1287 кв. м или 29%)¹. Последние, однако, по оценке городских властей, представляли собой «карликовые домишки» полезной площадью 5–6 кв. саж. (22,5 27 кв. м)².

При продолжавшемся росте населения города, которое в 1929 г. превысило 130 тыс. чел., такой прирост жилья существенно не изменял положения. За 1928–1929 г. в сравнении с предыдущим годом количество площади, приходящейся на одного человека, увеличилось всего на 0,17 кв. м и достигло к 1 октября 1929 г. примерно 4 кв. м на одного человека, что по-прежнему оставалось гораздо ниже установленных санитарных норм³. Оренбургскому горсовету оставалось только констатировать: «Несмотря на имеющийся прирост жилплощади, квартирная норма остаётся низка, а отсюда и острый жилищный кризис»⁴.

Аналогичные процессы были характерны и для других городов Южного Урала.

Более того, например, в Башкирии наблюдалось постепенное снижение средней жилплощади, приходящейся на 1 человека. По данным Башкомхоза, в Уфе за период с 1923 по 1928 г. эта цифра снизилась с 5,96 кв. м до 5,22 кв. м, то есть более чем на 12%, а в другом промышленном центре республики – Белорецке даже на 20% (с 5,75 кв. м до 4,52 кв. м). В результате в 1927–1928 г. при средней душевой норме по РСФСР в 5,5 кв. м жилья на человека, в городах Башкирии эта цифра составила 4,89 кв. м.⁵

¹ Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.17.

² Смычка. 1928. 30 авг.

³ Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.17.

⁴ Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.18.

⁵ ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Оп.1. Д.860. Л.124-125.

Как отмечалось в документах Башпрофсовета, «отсутствие средств у горсоветов не давало возможности приступить к жилстроительству. Имеющиеся в бюджете капиталы жилфонда были слишком незначительны и шли исключительно на капитальный ремонт». На ремонтные нужды также в основном расходовались средства предприятий и жилкооперации. Иного выхода из этой ситуации, как просить дополнительного кредитования на жилищное строительство из Москвы, местные власти не видели.¹

Эта просьба была выполнена, но в уменьшенной в пять раз против первоначально запрошенной СНК БАССР сумме, и то, как признавалось в марте 1929 г. на VII Всебашкирском съезде Советов, «лишь в честь 10-й годовщины создания Башкирской республики»².

В самой незначительной степени облегчало остроту жилищных проблем в республике индивидуальное строительство. По данным Статистического управления БАССР, средний размер построенного индивидуальным застройщиком дома составил в Уфе в 1926–1927 г. – 26 кв. м, а в Белорецке – 21 кв. м, что, по мнению руководства Башкомхоза, было настолько низким показателем, что «подобным строительством изжить жилищный кризис не представляется возможным»³; «Рабочие выстраивают маленькие курятники», – так образно определил подобное строительство один из ораторов, выступавших по вопросу жилищного строительства на VII Всебашкирском съезде Советов⁴. На заседании бюро Башкирского областного комитета ВКП(б) такие жилища, формально включавшиеся в общие цифры жилищного строительства, были откровенно названы «хибарками, не отвечающими элементарным требованиям жилпомещений»⁵.

В этом отношении гораздо больше надежд давало расширение деятельности жилищной кооперации, однако проблемы с получением кредитов, дороговизна такого строительного материала, как кирпич, побуждала членов

¹ Там же. Л.161-162.

² Там же. Ф.Р-394. Оп.5. Д.55. Л.340.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Оп.1. Д.860. Л.124об.

⁴ Там же. Ф.Р-394. Оп.5. Д.55. Л.339.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.7. Д.7. Л.208.

кооперативов ограничиваться постройкой небольших одноэтажных и двухэтажных бревенчатых домов максимум на 8 квартир¹.

К тому же принять участие в таком кооперативном строительстве могла лишь незначительная часть рабочих. По расчётам специалистов, в 1928 г. в среднем по Уральской области долевое участие рабочего в строительстве средней по размерам квартиры требовало суммы в 350–450 руб., что при среднем заработке в промышленности в 40–60 руб. в месяц делало накопление подобных сумм «большой редкостью и для более высоко оплачиваемых групп рабочих и служащих»².

В Челябинске прирост населения продолжал обгонять прирост жилищного фонда: за 1927–1928 г. население города выросло на 4,8%, а жилплощадь – только на 2,1%³. Правда, как с удовлетворением отмечалось в отчётах местных властей, «окрепший городской бюджет и освободившиеся государственные средства дали возможность приступить к развитию коммунального хозяйства путём капитальных вложений в жилищное строительство и на расширение коммунальных предприятий»⁴. За 1926–1928 гг. ассигнования городского бюджета на жилищное строительство по сравнению с 1923–1926 гг. увеличились почти в 5 раз, одновременно увеличилось строительство за счёт промышленных предприятий, кооперативное и частное строительство.

В результате в эти два года «решение жилищного вопроса сдвинулось с мёртвой точки»: было построено в 2,7 раза больше жилья, чем в 1923–1926 гг. (23427 кв. м). Но 37% прироста дало частное строительство, которое в основном велось на ссуды, предоставлявшиеся банками, сопровождалось льготами (например, индивидуальных застройщиков освобождали на последующие 6 лет от уплаты налога со строений и земельной ренты)⁵.

¹ Озеранский М. Рабочая жилищно-строительная кооперация на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С.106.

² Там же. С.109-110.

³ Челябинский рабочий. 1928. 23 окт.

⁴ Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.39.

⁵ Там же. С.39-41.

Зато качество жилья, строившегося за счёт городского бюджета, более отвечало новым требованиям: это были «кирпичные многоэтажные дома с центральным отоплением, водопроводом и тёплыми уборными»¹.

Безусловно, по сравнению с предыдущими годами такие результаты горсовету правомерно было расценивать как успех, конечно, во многом обеспеченный тем, что Челябинск в промышленном отношении был более развит, чем, к примеру, Оренбург.

И всё же парадоксальность ситуации заключалась в том, что и при явном сдвиге в решении жилищной проблемы, сама эта проблема не ослаблялась, а, наоборот, обострялась.

Те же городские власти Челябинска признавали, что «за 2 года мы построили в три раза меньше того, что требуется только на прирост населения, не говоря уже о том, что мы совершенно лишены возможности возместить естественный износ жилой площади». При санитарной норме, установленной в 9 кв. м на человека, фактическая норма непрерывно падала в силу того, что прирост населения значительно превышал рост городского строительства. На 1 октября 1928 г. фактическая норма составила только 4,2 кв. м., или 73% от средней за 1923/24 г. и только 46,4% по отношению к санитарной норме. В результате горсовет вынужден был констатировать острый дефицит жилья для соблюдения установленных социальных норм и что «для полного покрытия дефицита потребовалось бы построить ещё 313689 кв. м жилых домов и вложить в жилищное хозяйство около 40 миллионов рублей», что являлось задачей «в современных условиях явно не выполнимой»².

В местной прессе отмечалось, что качество нового строительства далеко не всегда оказывается высоким, средства, отпущенные на строительство, часто расходуются не по прямому назначению, а большинство зданий коммунального жилищного фонда не ремонтировалось по 10–15 лет, они находятся в изношенном и ветхом состоянии³. Неэкономное расходование средств,

¹ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.103.

² Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.45-46.

³ Челябинский рабочий. 1928. 23 окт., 10 нояб.

отпущенных на жилищное строительство, неудовлетворительное качество работ и поставляемых строительных материалов (кирпич, лесоматериалы) признавал и СНК БАССР¹.

В отличие от городских властей, проявлявших некоторый оптимизм в отношении сдвига в жилищном строительстве, окружные власти оценивали ситуацию в гораздо более негативных тонах: «Современное жилищное строительство г. Челябинска по своему объёму и техническому состоянию настолько неудовлетворительно, что переживаемый городом жилищный кризис грозит превратиться в катастрофу»². Максимум на что можно было рассчитывать, согласно планам окружных властей, это в ближайшие годы «хотя бы несколько ослабить существующий жилищный кризис» и довести «среднюю жилую норму на одного жителя к концу пятилетия до 5,5 кв. м». Интересно отметить, что в этих планах предполагалось, что первое место в строительной программе на ближайшие пять лет будет отведено частному строительству «с удельным весом 47,2% против 37,5% за отчётные два года», горсовет же намечал построить только 23,7% общего жилья³.

На фоне Челябинска состояние жилищного фонда в других населённых рабочими пунктах округа, прежде всего на Челябинских угольных копях, было, как обтекаемо отмечалось в отчёте окрисполкома, «значительно хуже»⁴. За формулировкой скрывались такие конкретные обстоятельства, как 3,5 кв. м жилой площади на человека и проживание почти 55% рабочих вместе с семьями в «бараках с квартирами, состоящими всего из одной комнаты, которая также служит и кухней»⁵.

Следующий хозяйственный год показал, что ситуация в Челябинском округе не претерпела существенных изменений.

Хотя за 1928–1929 г. в Челябинске было построено ещё 20 тыс. кв. м жилья (то есть почти столько же, сколько за два предыдущих года), причём 8,5

¹ ЦГИА РБ. Ф.Р-933. Оп.9. Д.49. Л.540об.

² Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.102.

³ Там же. С.104-105.

⁴ Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.105.

⁵ Розанов Н. Санитарная характеристика жилищного строительства трестов на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 1. С.102,105.

тыс. кв. м (42,5%) – силами индивидуальных застройщиков, 7,3 тыс. кв. м (36,5%) – за счёт средств промышленных предприятий, 3,1 тыс. кв. м (15,5%) – за счёт бюджетных средств горсовета, ещё 1,1 тыс. кв. м. (5,5%) дала жилкооперация, но ситуацию переломить не удалось. Прирост населения не позволил увеличить норму жилплощади на одного человека, и она осталась на том же уровне, что и в предыдущем году – 4,2 кв. м на чел.¹

Подводя итоги состоянию жилищного хозяйства города, Челябинский горсовет в конце 1929 г. констатировал, что «по своему техническому состоянию весь жилищный фонд города, за исключением вновь построенных домов, крайне изношен, причем около 30 тыс. кв. м жилплощади состоит из бараков и землянок, совершенно непригодных к жилью»².

Необходимо отметить, что в жилищных вопросах по-прежнему продолжал последовательно применяться классовый подход.

Во вновь построенном муниципальном жилье квартиры предоставлялись «только демобилизованным красноармейцам, инвалидам, пенсионерам и перебрасываемым в город по командировкам», а в аренду – преимущественно рабочим³.

Так, например, в Челябинске один из 4-х новых домов, пущенных в 1928 г. к годовщине Октябрьской революции, был полностью заселён семьями комсостава РККА (16 семей), а три остальных – семьями рабочих с производства в количестве 48 семей⁴. Из 1189 квартир, предоставленных в Оренбурге в 1928–1929 г., 451 квартиру (38%) получили рабочие, 204 (17%) – служащие партийных, советских и других учреждений. Остальные были распределены среди демобилизованных красноармейцев, инвалидов гражданской войны и т.п. категорий.

На место выселяемого из муниципального жилья «чуждого элемента» также вселялись рабочие и другие «социально полезные» категории городского

¹ Отчёт Челябинского городского совета IX созыва за 1928-1930 гг. С.49-50.

² Там же. С.50.

³ Материалы к отчёту Челябинского городского совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. С.42-43.

⁴ ОГАЧО. Ф.П-75. Оп.1. Д.392. Л.35.

населения¹. В Челябинске в 1928–1929 г. горсоветом «было проведено выселение из коммунальных домов 108 семей бывших торговцев, 49 семей нетрудового элемента и переселение из лучших в худшие квартиры 17 семей», на место которых также заселялись рабочие².

Таким образом, жилищная проблема к концу 1929 г. в городах Южного Урала не только не была сколько-нибудь разрешена, но и перспектива её разрешения при сохранении существующих темпов жилищного строительства и при неизбежном увеличении притока населения в города и посёлки городского типа в связи с развёртывавшимся, согласно пятилетнему плану, новым промышленным строительством, отодвигалась в неопределённое будущее. Вряд ли этот фактор повышал социальное самочувствие южноуральского рабочего класса и укреплял доверие к «пролетарскому государству», не сумевшему за более чем десять лет, прошедших после революции, приблизить решение этого столь большого для рабочих вопроса.

Сказанное ещё в большей мере может быть отнесено к решению проблемы улучшения общего состояния городов, лучшего приспособления их к жизни.

Здесь, правда, нельзя не учитывать тех разрушений, которые принесли городскому хозяйству годы гражданской войны, в ходе которой города становились ареной военных действий, не раз переходили из рук в руки.

Каждая сторона, – отмечалось в печати, – уходя, «увозила с собою и часть городского имущества, а постой имевшихся воинских частей приводил в негодность здания, всё это окончательно доконало городское благоустройство, которое приходило в крайнюю степень запустения»³.

Не располагая необходимыми средствами, местные власти ограничивались исключительно «латанием» непрерывно возникавших в городском хозяйстве «дыр», откладывая сколько-нибудь существенные меры на будущее. Так, в Оренбурге в рабочем состоянии поддерживался один из первых

¹ Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.17.

² Отчёт Челябинского городского совета IX созыва за 1928-1930 гг. С.51.

³ Греков И. Состояние и ближайшие перспективы городского хозяйства Урала // Уральский коммунист.1923. № 8. С.19.

в России водопроводов, но признавалось, что он «не удовлетворяет современным санитарно-гигиеническим требованиям, так как вода берётся из открытого водоёма, никакой очистке не подвергается, загрязнённость её в половодье выше всяких допустимых норм». Поэтому водопровод необходимо переоборудовать, но для этого не имеется средств в городском бюджете¹.

Красноречиво выглядит и признание челябинских властей: «Общее состояние города заставляет желать много лучшего, так как состояние городского бюджета не позволяет развернуть работы по благоустройству в достаточной степени»². При этом показательно как расходовались имевшиеся скудные средства: на ремонт дорог в Челябинске было потрачено меньше средств, чем на «построение памятника В.И.Ленину»³. Как большое достижение в области коммунального хозяйства приводился факт открытия в Челябинске автобусного сообщения города с вокзалом, которое обслуживалось «двумя автобусами, отремонтированными в мастерской пожарной команды из числа старых грузовых автомобилей», но одновременно признавалось, что «результаты этого дела ещё не известны»⁴. В Уфе работа коммунальных органов сводилась исключительно к частичному ремонту некоторых общественных зданий, замощению некоторых улиц и дорог⁵.

О масштабах и характере деятельности властей в области коммунального хозяйства свидетельствует, например, соответствующий раздел документа, рассматривавшего итоги деятельности Челябинского горсовета за 1925–1926 г.

Основными достижениями в этой области горсовет считал: расширение на 4 км городской водопроводной сети, восстановление нескольких разрушенных зданий и капитальный ремонт единственной городской бани, увеличивший её пропускную способность в три раза. Других же достижений по традиционной причине отсутствия достаточных финансовых ресурсов (например,

¹ Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. С.127.

² Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.77.

³ Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. С.146-147.

⁴ Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год. С.78.

⁵ ЦГИА РБ. Ф.Р-91. Оп.1. Д.176. Л.14об.-15.

удовлетворения настойчивых просьб горожан о строительстве ещё одной бани) в коммунальном хозяйстве города не произошло¹.

Коммунальная сфера фактически оставалась той сферой социальной политики, где вся полнота ответственности перекладывалась на местные власти, а это, при более чем недостаточном финансировании, даже в условиях относительного экономического подъёма не позволяло рассчитывать на большее, чем на простое поддержание в рабочем состоянии существующей городской инфраструктуры.

Во второй половине 1920-х гг. отчёты местных органов власти небогаты какими-либо конкретными примерами деятельности коммунальных органов по благоустройству городов, расширению сферы услуг населению. В основном они касались таких вопросов, как мощение и починка городских дорог, мостов, улучшение освещения, озеленение городской территории².

Однако позитивные сдвиги в этих областях городского хозяйства тут же нивелировались на фоне удручающих картин общего состояния этого хозяйства. Например, Оренбургский горсовет, сообщив о количестве замощённых за год дорог, тут же, буквально через несколько строк, констатировал, что «мостовые Оренбурга на 75% приведены в негодность»³. В Уфе на 1928 г. замощено было только 30% улиц, в некоторых городах, например, Стерлитамаке, не говоря уже о посёлках городского типа, замощённых улиц вообще не было⁴, а в Шадринске и Кургане жители «совершенно не имели представление о мостовых»⁵.

Состояние городских дорог во всех южноуральских городах являлось постоянным источником головной боли для населения, поскольку, как признавалось местными коммунальщиками, «в весеннюю и осеннюю распутицы, а также летом во время дождей не только проезд, но и проход по улицам становится весьма затруднительным»⁶.

¹ Основные моменты работы Челябинского горсовета VII созыва за 1925-26 гг. С.18-20,90.

² Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.18; Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.106-107.

³ Материалы к докладу Оренбургского губернского исполкома Советов. С.26.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.Р-394. Оп.2. Д.598. Л.284.

⁵ Островский В. Коммунальное хозяйство Урала // Хозяйство Урала. 1927. № 5. С.141.

⁶ ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Оп.1. Д.860. Л.128об.

Во всех отчётах местных властей о состоянии коммунального хозяйства постоянно повторялись близкие по смыслу формулировки: «благоустройство города всё ещё находится в весьма неудовлетворительном состоянии», «силами одного местного бюджета удовлетворить нужды по благоустройству города невозможно», «горсовет лишён возможности удовлетворять самые элементарные запросы трудящихся города по коммунальному обслуживанию», «города до сих пор лишены основных элементов благоустройства и предприятий общественного пользования»¹.

Не в последнюю очередь стагнации коммунального хозяйства способствовала и финансовая политика местных властей, которые не только не выделяли на нужды городского хозяйства требуемых сумм, но и постоянно практиковали перераспределение значительной части доходных средств, получаемых коммунальными органами, на другие общегородские нужды².

«До сего времени, – констатировалась в печати, – ещё силен взгляд, что коммунальное хозяйство неисчерпаемый источник доходов городского бюджета, что от коммунальных доходов можно много брать в общий котёл бюджета на другие нужды». Такой подход вёл к тому, что, например, в Челябинске в 1926–1927 г. 80% доходов, полученных от коммунального хозяйства, ушло не на собственно коммунальные нужды, а было перераспределено по другим статьям городского бюджета³.

После этого вряд ли стоит удивляться той плачевной картине состояния окружного центра, которая была нарисована в отчёте Челябинского горсовета за 1928–1930 гг.: в городе на 100 тыс. населения «имеется только 8 изношенных автобусов»; «у автобусов всегда очереди»; «отсутствует канализация»; водопровод «не может дать нужного количества воды»; «баня и парикмахерская, несмотря на перегрузку, не могут обслужить и 20%

¹ Отчёт Оренбургского городского Совета XV созыва о годовой работе за 1928/29 год. С.18; Отчёт Челябинского городского совета IX созыва за 1928-1930 гг. С.48; ЦГИА РБ. Ф.Р-629. Оп.1. Д.860. Л.126.

² Отчёт Челябинского окрисполкома Советов за 1926-1928 гг. С.106.

³ Саратов П. Коммунальный бюджет городов Урала // Хозяйство Урала. 1927. № 8-9. С.116, 118.

желающих»; «гостиница всегда переполнена, и приезжающий должен ждать не менее суток, чтобы даже по особому распоряжению получить номер»¹.

Таким образом, в эпоху пятилеток и ускоренной индустриальной модернизации Южный Урал вступал с таким состоянием коммунальной сферы хозяйства, которое вряд ли могло стимулировать более производительный труд жителей городов. Зная, в каких тяжёлых жилищных и бытовых условиях пришлось впоследствии трудиться людям, создававшим промышленный потенциал СССР, можно, видимо, говорить о том, что предпосылки для этого были созданы уже в годы НЭПа.

Несмотря на все утверждения об улучшении жилищных условий пролетариата, в реальности власть как в центре, так и на местах придерживалась и в данной сфере социальной политики принципа максимальной экономии, выразившейся в финансировании по «остаточному принципу».

Фактически уже на этапе НЭПа на примере жилищно-коммунального хозяйства обнаружилось явное стремление власти проводить модернизацию промышленности без модернизации или, во всяком случае, при минимальной модернизации среды обитания субъектов этой модернизации.

Конечно, подобное явление в известной мере можно считать типичной чертой любой индустриальной модернизации. Однако важно отметить, что в СССР власть, проводившая индустриализацию, в идеологическом плане провозглашала приоритет интересов трудящихся, прежде всего – пролетариата. На фоне этих идеологических лозунгов фактическое отодвижение на задний план вопросов создания благоприятной среды обитания рабочих (как и ограничение их доходов посредством регулирования заработной платы) наглядно демонстрировало внутреннюю преюмственность социальной политики и НЭПа, и сталинских пятилеток: индустриальный рывок совершался силами пролетариата, но и за счёт пролетариата.

¹ Отчёт Челябинского городского совета IX созыва за 1928-1930 гг. С.47-48,58.

Заключение

В современной российской историографии НЭПа тезис о двойственности, противоречивости внутривнутриполитического курса большевистской партии может считаться общепризнанным. В противоречии, которое существовало между идеологическими установками партии, нацеленными на строительство социализма, и реальным состоянием российского общества, представлявшего сложнейшее переплетение различных укладов и тенденций развития, большинство историков видят основную причину кризиса НЭПа и отказа большевистского руководства в 1928–1929 гг. от продолжения этого курса.

Попытки, имевшие место в первой половине 1920-х гг., придать новой экономической политике системный характер, приспособить её к объективным социально-экономическим процессам, происходившим в обществе, натолкнулись на доктринальные ограничители большевизма, прежде всего – на догматическое рассмотрение всего многообразия общественных явлений через призму классового подхода, классовой борьбы, в которой может быть только одна правая сторона, один победитель.

В результате с 1925–1926 гг. началось постепенное сворачивание рыночной составляющей НЭПа, приведшее к кризису хлебозаготовок 1927–1928 гг. Исползованные властью для выхода из кризиса чрезвычайные меры окончательно подорвали рыночные основы НЭПа и сделали практически неизбежным отказ от новой экономической политики как таковой.

Проведённое в диссертации исследование социальной политики на Южном Урале в годы НЭПа подтверждает этот тезис отечественной историографии, является ещё одним аргументом в пользу его научной состоятельности.

В то же время избранный нами методологический подход позволяет конкретизировать этот общий тезис применительно к социальной политике, предложить собственную интерпретацию тех процессов, которые являлись содержанием и продуктом этой политики.

Поскольку выводы, сделанные по результатам изучения конкретных составляющих государственной социальной политики на Южном Урале (заработная плата, занятость, социальное страхование, налоги и крестьянские комитеты, народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищно-коммунальная сфера), содержатся в соответствующих главах, то в заключение диссертации мы считаем возможным, основываясь на этих частных выводах, сформулировать концептуальное видение проблемы, возникшее в результате проведённого исследования.

Доктринальные основания большевизма трактовали движение к конечной стратегической цели всей деятельности партии – социализму, как процесс достижения всё большей социальной однородности общества, вплоть до ликвидации классовых различий и самих классов.

В условиях переходного периода НЭПа, когда ещё сохранялись экономические причины социальной неоднородности общества, практически достижимые задачи социальной политики сводились, с одной стороны, к поддержанию и укреплению позиций тех сил, которые считались социальной базой большевистского государства (рабочий класс, бедняцкая часть крестьянства), при одновременном её расширении за счёт трудовых, неэксплуататорских слоёв (крестьяне-середняки, служащие, часть интеллигенции), с другой стороны, к ограничению возможностей для развития, а затем и к постепенному вытеснению классовых противников (городская нэпманская буржуазия и кулачество).

Однако движение в социалистическом направлении было невозможно и без осуществления индустриальной модернизации всего народного хозяйства. В середине 1920-х гг. эта необходимость была переведена в плоскость реальной политики, сначала выдвиганием лозунга «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране», а затем программой индустриализации, воплощённой в первом пятилетнем плане.

Следовательно, параллельно с регулированием социальных процессов в сторону усиления классовых союзников и ослабления классовых противников, социальная политика в условиях НЭПа, особенно с середины 1920-х гг., должна

была содействовать накоплению в обществе модернизационного потенциала его дальнейшего развития.

В контексте использованного нами варианта модернизационного подхода это означало, что социальная политика должна была способствовать процессам интеграции тех социальных сил, которые были объективно заинтересованы в осуществлении индустриальной модернизации, их консолидации вокруг заявленных властью целей, а также таким сдвигам в социокультурной и социально-бытовой сферах жизнедеятельности общества, которые облегчали проведение индустриальных преобразований.

В условиях послереволюционной России, где отсутствовала промышленная буржуазия, являвшаяся основным агентом модернизации на Западе, а мелкобуржуазные слои, возродившиеся в условиях НЭПа, рассматривались исключительно сквозь призму классовой борьбы с ними, объективной социальной опорой модернизации могли стать квалифицированная часть пролетариата и крестьянство, ведущее расширенное производственно-товарное хозяйство.

Изученный нами пример Южного Урала свидетельствует, что на деле государственная социальная политика привела во второй половине 1920-х гг. к ускоренному росту недовольства основной части рабочего класса и крестьянства ухудшением или стагнацией их материального положения. Это недовольство к концу 1920-х гг. начинало трансформироваться в ощущения социального дискомфорта и отчуждения от власти, не исполняющей свои обещания и мало считающейся с непосредственно-материальными, повседневными интересами рабочих и крестьян.

Поскольку в значительной мере такие результаты социальной политики явились следствием приоритета, который был отдан большевистским руководством с 1925–1926 гг. решению задач индустриализации, то можно говорить о том, что эти настроения потенциально носили антимодернизационный характер, во всяком случае, по отношению к тому варианту модернизации, который практически начинал осуществляться в рамках НЭПа.

В то же время классовый приоритет, отдававшийся властью в социальной области наименее обеспеченным слоям рабочих и крестьян (фактическое перераспределение фонда заработной платы в сторону неквалифицированной части пролетариата, освобождение от налогов и другие льготы беднякам), усиливал в этих слоях патерналистские настроения социального иждивенчества, которые также носили антимодернизационный характер.

Действия властей в других сферах социальной политики (занятость, социальное страхование, народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищно-коммунальная сфера) в лучшем случае обеспечивали лишь медленный рост потенциала, необходимого для полномасштабной индустриальной модернизации (например, уровня образованности населения), а чаще консервировали существующие проблемы.

Сказанное позволяет сделать общий вывод, являющийся одновременно и ответом на центральный вопрос всей диссертации – вопрос о соотношении социальной политики и индустриальной модернизации в рамках НЭПа.

По нашему мнению, на материалах Южного Урала доказано, что государственная социальная политика 1920-х гг., рассмотренная как составная часть всего общеполитического курса большевистского руководства, вела к модернизационному срыву в рамках НЭПа и тем самым создавала предпосылки для перехода власти к иному, авторитарно-бюрократическому пути модернизации.

Конечно, распространение этого утверждения на масштабы всей России предполагает и расширение доказательной базы материалами других регионов страны. Пока же можно указать только на два фактора, которые потенциально работают на подтверждение сделанного вывода: во-первых, политика властей Южного Урала не содержала каких-либо отклонений от решений и указаний, которые поступали из Центра, следовательно, может считаться типичной; во-вторых, исходные социально-экономические условия многих других регионов России были идентичны или близки условиям Южного Урала.

Говоря о причинах, приведших социальную политику к таким результатам, следует указать на решающую роль доктринальных ограничений нэповского курса, проистекающих из концептуальной основы большевизма.

В этой связи особое внимание можно обратить на то обстоятельство, что по каналам обратной связи власти и общества, в частности по такому принципиально важному для власти каналу, как ОГПУ, на протяжении всего периода НЭПа как высшее, так и местное руководство получали вполне адекватную информацию о росте недовольства проводимой социальной политикой. Однако обработка такой информации трансформировалась не в изменение, например, налоговой политики в направлении учёта пожеланий трудовой части крестьянства, а наоборот, вела к большему ужесточению той линии, которая как раз и провоцировала подобное недовольство.

Нам представляется, что главной причиной такого поведения власти являлось рассмотрение всех социальных взаимодействий исключительно через призму классового подхода.

Это диктовало, с одной стороны, продолжение курса на социальные льготы для той части рабочих и крестьян, которая в силу своей бедности считалась наиболее надёжной опорой в борьбе против «классово чуждых элементов» общества, с другой стороны, последовательное проведение по отношению к более «зажиточной части» рабочих и крестьян таких мер, которые всячески ограничивали негативную, «частнобывенническую», «кулаческую» сторону их двойственной социальной сущности. При этом соображения экономической целесообразности фактически приносились в жертву идеологическим постулатам.

В итоге государственная социальная политика в годы НЭПа лишь усиливала внутреннюю противоречивость новой экономической политики, делая всё более и более затруднённым решение исторической задачи индустриальной модернизации России.

Возвращаясь к мысли В.П.Дмитренко о том, что нэп как политика был лишь одним из факторов развития российского общества в 1920-е гг., можно

попытаться, основываясь на результатах нашей работы, продолжить её следующим образом.

Россия 1920-х гг., как любое общество «незаконченного модернизационного транзита», представляло собой сложнейшее переплетение разнопорядковых структур, относящихся к разным этапам общественного развития, к тому же существенно деформированных опытом гражданской войны и «военного коммунизма». Новая экономическая политика, чтобы из набора последовательных и непоследовательных реакций на стихийное развитие ситуации превратиться в НЭП как переходную систему общественной организации, сыграть роль системообразующего фактора в имеющемся структурном «хаосе», должна была из «новой экономической» трансформироваться, условно говоря, в «новую социальную» политику.

В основу такой политики должен был быть положен принцип не классово-социального разделения, дифференциации социума, а классово-социального объединения, интеграции общества вокруг целей индустриального развития. Опыт XX века показал, что подобная интеграция социума оказывается совместима с идеей социализма, но не в тоталитарной, а в демократической её трактовке, свойственной социал-демократическим течениям социалистической мысли.

Очевидно, что большевизм как идейно-политический и социальный феномен был имманентно неспособен, по крайней мере, в конкретной обстановке 1920-х гг. к подобной эволюции.

Поэтому настоящее исследование логически подтверждает точку зрения, имеющуюся в современной российской историографии, которая исходит из того, что НЭП не мог или, во всяком случае, имел очень мало исторических шансов стать реальной альтернативой форсированной авторитарно-бюрократической модернизации России, осуществлённой в 1930-е гг. ценой колоссальных социальных издержек и человеческих жертв.

БИБЛИОГРАФИЯ

Опубликованные источники

Законодательные акты

Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1923-1929.

Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1921-1929.

Постановления и материалы государственных органов

Бюллетень Челябинского губернского экономического совещания. Хозяйство Челябинской области. – Челябинск: Б/и, 1922. – 40 с.

Годовой отчёт о работе окрисполкома за 1924-25 хозяйственный год. – Челябинск: Изд. Челяб. окрисполкома, 1926. – 176 с.

Годовой отчёт о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 гг. – Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1926. – 149 с.

Доклады и резолюции I-го окружного съезда Советов Челябинского округа. – Б/м, 1925. – 23 с.

Краткий обзор Курганского округа Уральской области. – Курган: Изд. окрпланкомиссии, 1925. – 538 с.

Материалы к докладу Оренбургского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. – Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1928. – 45 с.

Материалы к отчёту Челябинского городского Совета VIII созыва за 1926/27 и 1927/28 г. – Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1928. – 114 с.

Материалы о работе за 1924-25 и 1925-26 гг. III окружному съезду Советов Р.К. и К.Д. – Шадринск: Изд. Шадр. окрисполкома, 1927. – 159 с.

Обзор хозяйства Челябинской области за 1923-1924 г. – Челябинск: Изд. Челяб. окрисполкома, 1924. – 70 с.

Основные моменты работы Челябинского городского Совета VII созыва за 1925-1926 гг. – Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1927. – 90 с.

- Отчёт Оренбургского городского совета XV-го созыва о годовой работе за 1928-1929 г. – Оренбург: Госпромкомбинат, 1930. – 71 с.
- Отчёт Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов VI губернскому съезду Советов. – Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1923. – 102 с.
- Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполкома за 1925-1926 г. – Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1927. – 195 с.
- Отчёт о деятельности Оренбургского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. – Оренбург: Изд. Оренб. губисполкома, 1925. – 297 с.
- Отчёт о деятельности Оренбургского губисполкома Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6-го созыва с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. – Оренбург: Изд. орготдела губисполкома, 1924. – 187 с.
- Отчёт о работе Шадринского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1926-1927 гг. – Шадринск: Изд. окрисполкома, 1928. – 118 с.
- Отчёт Челябинского городского Совета IX созыва за 1928-1930 гг. – Челябинск: Изд. Челяб. горсовета, 1930. – 157 с.
- Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. – Челябинск: Губсовнарх, 1921. – 128 с.
- Отчёт Челябинского губернского экономического совещания Совету труда и обороны. – Челябинск: Губсовнарх, 1922. – 256 с.
- Отчёт Челябинского окрисполкома Советов Р.К.К. и К. депутатов за 1926-28 гг. – Челябинск: Изд. Челяб. окрисполкома, 1929. – 183 с.
- Отчёт Шадринского окружного исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. второму окружному съезду Советов за 1923-24 хозяйственный год. – Шадринск: Изд. президиума Шадр. окрисполкома, 1924. – 600 с.

Постановления IV Курганского окружного съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов 18-24 апреля 1929 г. – Курган: Изд-во Кург. окрисполкома, 1929. – 29 с.

Протоколы заседаний 3 сессии Оренбургского губернского исполнительного комитета от 9-13 июня 1926 года. – Оренбург: Б/и, 1926. – 105 с.

Резолюции VIII Оренбургского губернского съезда Советов. 19-21 марта 1927 г. – Оренбург: Б/и, 1927. – 63 с.

Хозяйственное и культурное строительство Урала. Краткий обзор за 1926-27 и 1927-28 гг. к съезду Советов в 1928/29 г. – Свердловск: Изд. Уралоблисполкома, 1929. – 112 с.

Документы политических партий и общественных организаций

Большевистское руководство. Переписка 1912-1927. – М.: РОССПЭН, 1996. – 423 с.

ВКП(б). Конференция, 16-я. Москва, 1929. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1962. – XXIX, 837 с.

Внутрипартийные дискуссии 20-х годов // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6. – С.189-195; № 7. – С.174-191; № 12. – С.164-179.

Внутрипартийные дискуссии 20-х годов. Дискуссия 1923 года // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 5. С.165-179; № 10. – С.167-190.

Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – XVIII, 602 с.

Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928-1929 гг.: В 5 т. – М.: Междунар. фонд «Демократия», Материк, 2000.

Т.1. – 495 с.

Т.2. – 719 с.

Т.3. – 663 с.

Т.4. – 767 с.

Т.5. – 703 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат.

Т.1. 1898-1917. – 1983. – 638 с.

Т.2. 1917-1922. – 1983. – 606 с.

Т.3. 1922-1925. – 1984. – 494 с.

Т.4. 1926-1929. – 1984. – 575 с.

Двенадцатый съезд РКП(б), 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчёт.
– М.: Политиздат, 1968. – XXII, 903 с.

Десятый съезд РКП(б), март 1921 года. Стенографический отчёт. – М.:
Госполитиздат, 1963. – XVIII, 915 с.

Одиннадцатый съезд РКП(б), март-апрель 1922 года. – М.:
Госполитиздат, 1961. – XXII, 873 с.

Отчёт Оренбургского губкома РКП(б) к IX губернской партийной
конференции. Декабрь 1925 г. – Оренбург: Б/и, 1925. – 120 с.

Отчёт Уральского областного бюро ЦК РКП(б) первой Уральской областной
конференции РКП(б). – Екатеринбург: Уралкнига, 1923. – 86 с.

Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов. – Челябинск: Изд. Челяб.
окрпрофбюро, 1925. – 87 с.

Отчёт Челябинского окружного бюро профсоюзов окружной конференции
труда и касс соцстрахования IV-му Окружному съезду профсоюзов. –
Челябинск: Изд. Челяб. окрпрофбюро, 1928. – 67 с.

Отчёт Шадринского окружного комитета РКП(б) Четвёртой окружной
партконференции за период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. –
Шадринск: Б/и, 1925. – 100 с.

Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952. Каталог:
В 3 т. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т.1. 1919-1929. – 829 с.

Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП (большевиков). – М.:
Партиздат, 1933. – VII, 127 с.

XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б).
Стенографический отчёт. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – VI, 845 с.

Пятнадцатый съезд ВКП(б), декабрь 1927 года. Стенографический отчёт: В 2 ч.
– М.: Госполитиздат.

Ч.1. – 1961. – XVIII, 842 с.

Ч.2. – 1962. – 874 с.

Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917-1940 гг.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1959. – 734 с.

Советское руководство. Переписка. 1928-1941. – М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.

Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов. – М.: АИРО-XX, 1995. – 339 с.

Стенографический отчёт I-й Уральской областной конференции РКП(б). – Екатеринбург: Изд. Уралобкома, 1924. – 208 с.

Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. – М.: Красная Новь, 1924. – 232 с.

Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 года. Стенографический отчёт. – М.: Госполитиздат, 1963. – XXIV, 883 с.

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчёт. – М.; Л.: Б/и, 1926. – VIII, 1024 с.

Труды руководителей коммунистической партии

Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. – XII, 499 с.

Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения: В 2 т. – М.: Политиздат, 1977. – Т.2. – 535 с.

Калинин М.И. Избранные произведения: В 4 т. – М.: Госполитиздат, 1960.

Т.1. 1917-1925 гг. – XVI, 784 с.

Т.2. 1926-1932 гг. – X, 641 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. – М.: Изд-во полит. лит-ры.

Т.36. – 1969. – 741 с.

Т.43. – 1970. – 561 с.

Т.44. – 1970. – 725 с.

Т.45. – 1970. – 729 с.

Рыков А.И. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1990. – 495 с.

Сталин И.В. Сочинения. – М.: ОГИЗ, Гос. изд-во полит. лит-ры.

Т.5. 1921-1923. – 1947. – VI, 446 с.

Т.6. 1924. – 1947. – VI, 433 с.

Т.7. 1925. – 1947. – VI, 423 с.

Т.8. 1925. янв.-ноябрь. – 1948. – VII,408 с.

Т.9. дек. 1926 – июль 1927. – 1948. – VII,384 с.

Т.10. 1927.август- дек. – 1949. – VII,400 с.

Т.11. 1928 – март 1929. – 1949. – VIII,382 с.

Т.12. апрель 1929 – июнь 1930. – 1949. – VIII,398 с.

Троцкий Л.Д. Сочинения. – М.;Л.: ГИЗ,1927. – Т.15. Хозяйственное строительство Советской республики. – XV,600 с.

Троцкий Л.Д. Основные вопросы революции. – М.;Л.: ГИЗ,1923. – 421 с.

Сборники документов

Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. – М.: РОССПЭН,1998. – 328 с.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. – М.: Политиздат,1989. – 525 с.

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922: Документы и материалы. – М.: Наука,1990. – 396 с.

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923-1927: Документы и материалы. – М.: Наука,1991. – 426 с.

Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. – М.: РОССПЭН,2001. – 230 с.

Общество и власть. 1930-е годы. Повествование в документах. – М.: РОССПЭН,1998. – 348 с.

Обыденный нэп. Сочинения и письма школьников 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. – М.: Ист. наследие,1993. – С.259-323.

Письма во власть. 1917-1927. – М.: РОССПЭН,1998. – 663 с.

Письма во власть. 1928-1939. – М.: РОССПЭН,2002. – 525 с.

Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925-1936 гг. Сб. документов. – М.: Россия молодая,1995. – 303 с.

Питерские рабочие и «Диктатура Пролетариата». Октябрь 1917-1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. документов. – Спб.: БЛИЦ,2000. – 462 с.

Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы в 2 т. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – Т.1. – 552 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.) – М.: ИРИ РАН.

Т.1: 1922-1923 г. – Ч.1.: 1922 г. – 2001. – 489 с.

Т.1: 1922-1923 г. – Ч.2.: 1923 г. – 2001. – С.491-1102.

Т.2: 1924 г. – 2001. – 510 с.

Т.3: 1925 г. – Ч.1. – 2002. – 495 с.

Т.3: 1925 г. – Ч.2. – 2002. – С.497-966.

Т.4: 1926 г. – Ч.1. – 2001. – 703 с.

Т.4: 1926 г. – Ч.2. – 2001. – С.705-1190.

Т.5: 1927 г. – 2003. – 797 с.

Т.6: 1928 г. – 2002. – 794 с.

Т.7: 1929 г. – 2004. – 767 с.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: В 4 т. – М.: РОССПЭН.

Т.1: 1918-1922. – 1998. – 861 с.

Т.2: 1923-1929. – 2000. – 1166 с.

«Социализм – это рай на земле». Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. – М.: Ист. наследие, 1993. – С.199-226.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. – М.: РОССПЭН.

Т.1: Май 1927 – ноябрь 1929. – 1999. – 877 с.

Т.2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – 2000. – 925 с.

Хрестоматия по истории Курганской области (1917-1945 гг.). – Курган: Кург. гос. ун-т, 1997. – 328 с.

Статистические материалы

Под знаком роста и укрепления. Материалы по социальному страхованию на Урале за 1923-1924 г. – Свердловск: Урал. обл. упр. соц. страх., 1925. – 131 с.

- Обзор хозяйства Урала за октябрь-декабрь 1923 года. – Екатеринбург: Изд. Уралоблисполкома, 1924. – 120 с.
- Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Уральской области. – Свердловск: Изд. Урал. статуправления, 1927. – 139 с.
- Социальная статистика Урала. 1924-25 гг. – Свердловск: Изд. Урал. статуправления, 1926. – 172 с.
- Социальное страхование на Урале за 15 лет. Основные показатели. – Свердловск: Урал. обл. упр. н/х учёта, 1932. – 57 с.
- Статистический справочник по вопросам труда и профсоюзного движения на Урале. 1925/26 – 1927/28. – Свердловск: Изд. Уралоблсовпроф, 1928. – 95 с.
- Труд на Урале в 1926-27 гг. Статистический справочник по вопросам труда. – Свердловск: Изд. Уралпрофсовета, 1928. – 311 с.
- Уральский рабочий в 1922 году. Материалы по статистике труда. – Екатеринбург: Уралбюро ВЦСПС, 1923. – 142 с.
- Уральский статистический ежегодник на 1923 г. – Екатеринбург: Изд. Урал. экон. совещания, 1924. – 500 с.
- Уральское хозяйство в цифрах. Труд на Урале. – Свердловск: Изд. Уралпрофсвета, 1930. – 315 с.
- Уральское хозяйство в цифрах. Краткий статистический справочник. – Свердловск: Изд. Урал. статуправления, 1927. – 514 с.

Периодические издания

Газеты

- Власть труда (Уфа). 1921-1929.
- Красная Башкирия (Уфа). 1921-1929.
- Красный Курган (Курган). 1921-1929.
- Оренбургский рабочий (Оренбург). 1921-1929.
- Рабоче-крестьянская правда (Шадринск). 1921-1929.
- Смычка (Оренбург). 1921-1929.
- Советская правда (Челябинск). 1921-1929.
- Советское Зауралье (Курган). 1921-1929.

Трудовая правда (Шадринск). 1921-1929.

Челябинский рабочий (Челябинск). 1921-1929.

Журналы

Уральский коммунист (Екатеринбург – Свердловск). 1921-1929.

Рабочий журнал (Екатеринбург – Свердловск). 1921-1929.

Хозяйство Урала (Екатеринбург – Свердловск). 1921-1929.

Материалы архивов

Государственное учреждение «Государственный архив Курганской области» (ГАКО):

фонд Р-47 – Отдел народного образования исполнительного комитета Курганского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;

фонд Р-48 – Окружной отдел народного образования Курганского окрисполкома;

фонд Р-158 – Курганский уездный отдел коммунального хозяйства;

фонд Р-214 – Курганское окружное производственно-потребительское объединение инвалидов;

фонд Р-228 – Курганский уездный отдел социального обеспечения Курганского уездного исполнительного комитета;

фонд Р-229 – Отдел социального обеспечения Курганского окрисполкома;

фонд Р-308 – Отдел здравоохранения Курганского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;

фонд Р-315 – Исполнительный комитет Курганского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;

фонд Р-417 – Курганское окружное земельное управление;

фонд Р-465 – Курганский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет;

фонд Р-466 – Курганский окружной отдел здравоохранения;

фонд Р-567 – Исполнительный комитет Курганского районного Совета депутатов трудящихся;

фонд Р-575 – Курганское окружное бюро профессиональных союзов;

фонд Р-635 – Курганский уездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;

фонд Р-638 – Белозерский районный исполнительный комитет;

фонд Р-755 – Звериноголовский районный исполнительный комитет;

фонд Р-1484 – Шумихинский районный исполнительный комитет;

фонд Р-1707 – Долговский районный исполнительный комитет.

Государственное учреждение «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области» (ГАОПДКО):

фонд 1 – Курганский уездный комитет РКП(б);

фонд 2 – Шадринский уездный комитет РКП(б);

фонд 7 – Курганский окружной комитет ВКП(б);

фонд 13 – Шадринский окружной комитет ВКП(б);

фонд 14 – Волостные комитеты РКП(б) Шадринского уезда Екатеринбургской губернии;

фонд 18 – Волостные комитеты РКП(б) Челябинского уезда Челябинской губернии;

фонд 26 – Волостные комитеты РКП(б) Курганского уезда Челябинской губернии;

фонд 62 – Шадринский городской комитет ВКП(б) Шадринского округа;

фонд 1200 – Курганский обком ВЛКСМ.

Государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» (ГАОО):

фонд Р-1 – Оренбургский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов;

фонд Р-36 – Оренбургский губернский коммунальный отдел;

фонд Р-262 – Оренбургское окружное земельное управление;

фонд Р-381 – Торговый отдел исполнительного комитета Оренбургского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов;

фонд Р-614 – Оренбургский губернский отдел труда;

фонд Р-615 – Оренбургский комитет Биржи труда;

фонд Р-618 – Отдел социального обеспечения Оренбургского губисполкома;

фонд Р-737 – Оренбургский районный отдел социального обеспечения.

Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (ЦДННАО):

фонд 5 – Оренбургский уездный комитет ВКП(б);

фонд 6 – Каширинский уездный комитет ВКП(б);

фонд 7 – Орский уездный комитет ВКП(б);

фонд 1254 – Бугурусланский уездный комитет ВКП(б);

фонд 4094 – Бузулукский уездный комитет ВКП(б).

Государственное учреждение «Объединённый государственный архив Челябинской области» (ОГАЧО):

фонд П-75 – Челябинский окружной комитет ВКП(б);

фонд П-77 – Челябинский губернский комитет РКП(б);

фонд П-170 – Троицкий окружной комитет ВКП(б);

фонд П-317 – Златоустовский окружной комитет ВКП(б);

фонд П-414 – Челябинское окружное бюро профессиональных союзов;

фонд Р-98 – Челябинский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов;

фонд Р-100 – Отдел труда исполкома Челябинского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов;

фонд Р-137 – Отдел социального обеспечения исполкома Челябинского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов;

фонд Р-138 – Исполнительный комитет Челябинского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов;

фонд Р-176 – Челябинская окружная касса социального страхования;
фонд Р-380 – Комиссия по борьбе с последствиями голода при
Челябинском губисполкоме.

Государственное учреждение «Центральный государственный архив
общественных организаций Республики Башкортостан» (ЦГАОО РБ):

фонд 122 – Башкирский обком КПСС;
фонд 234 – Тамьян-Катайский кантонный комитет ВКП(б);
фонд 8897 – Башкирский областной совет профсоюзов.

Государственное учреждение «Центральный государственный исторический
архив Республики Башкортостан» (ЦГИА РБ):

фонд Р-91 – Исполнительные комитеты городских Советов народных
депутатов (Уфимский горисполком);
фонд Р-107 – Исполнительный комитет Уфимского губернского Совета
рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;
фонд Р-173 – Уфимский губернский совет народного хозяйства;
фонд Р-189 – Отдел социального обеспечения Уфимского губисполкома;
фонд Р-228 – Исполнительные комитеты волостных Советов рабочих,
крестьянских и красноармейских депутатов, Кармаскалинский
волисполком Уфимского кантона;
фонд Р-231 – Исполнительные комитеты волостных Советов рабочих,
крестьянских и красноармейских депутатов, Емашевский волисполком
Уфимского кантона;
фонд Р-394 – Президиум Верховного Совета БАССР;
фонд Р-444 – Министерство здравоохранения БАССР;
фонд Р-564 – Центральный государственный исторический архив
Республики Башкортостан;
фонд Р-629 – Башкирское представительство при Президиуме ВЦИ;
фонд Р-700 – Центральный совет народного хозяйства;
фонд Р-753 – Исполнительные комитеты кантонных Советов рабочих,
крестьянских и красноармейских депутатов, Тамьян-Катайский
кантисполком;

фонд Р-798 – Министерство просвещения БАССР;

фонд Р-804 – Государственная плановая комиссия при Совете Министров БАССР;

фонд Р-933 – Совет Министров БАССР;

фонд Р-1835 – Совет народного хозяйства Башкирского экономического административного района.

Монографии и статьи

Аверин А.Н. Социальная политика государства и социальная структура общества. – М.: Дело ЛТД, 1995. – 32 с.

Авторханов А. Технология власти. – М.: СП «Слово», Центр «Новый мир», 1991. – 638 с.

Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине 1917-1932. – М.: АИРО-XX, 1998. – 204 с.

Алексанов П.А. В борьбе за социалистическое переустройство деревни (Крестьянская взаимопомощь. 1921-1932 гг.). – М.: Мысль, 1971. – 270 с.

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Г.Х. Население Советского Союза. 1922-1991. – М.: Наука, 1993. – 162 с.

Андреев Е.М. и др. Демографическая история России: 1927-1959. – М.: Информатика, 1998. – 187 с.

Анистратенко В.П. Мероприятия партийных организаций Урала по осуществлению классового принципа налоговой политики в деревне (1921-1923 гг.) // Классовая борьба на Урале (1917-1932 гг.). – Свердловск: УрГУ, 1974. – С.47-57.

Анистратенко В.П. Мероприятия партийных организаций Урала по осуществлению классового принципа налоговой политики в деревне (1924-1925) // Борьба партийных организаций Урала за закрепление завоеваний Октябрьской революции и построение социализма. – Свердловск: УрГУ, 1976. – С.64-72.

- Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2 т. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – Т.1. От прошлого к будущему. – 808 с.
- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. – 610 с.
- Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции (Октябрь 1917 – конец 1918 г.). – М.: Политиздат, 1977. – 143 с.
- Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, «спецы», партийцы (О социальных истоках «великого перелома») // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 6. – С.98-110.
- Барит А., Милютин Б. Основы социального страхования. – М.: Профиздат, 1934. – 200 с.
- Бахтин М.И. Начало великого пути. Из истории социалистического преобразования деревни, 1917-1925 гг. – М.: Мысль, 1979. – 152 с.
- Бахутов А.М. Безработица и меры борьбы с нею. – М.;Л.: Госиздат, 1928. – 27 с.
- Башкортостан в первой половине XX века: малоизвестные страницы истории. Сб. науч. трудов. – Уфа: Вост. ун-т, 1997. – 119 с.
- Безнин М.А., Димони Г.М. Аграрный строй России в 1930-1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С.23-44.
- Белюсов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. Через революцию к НЭПу. – М.: Издат, 2000. – 422 с.
- Благих И.А. «Зигзаги» нэпа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. – М.: Экономика, 1989. – С.169-184.
- Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М.: Наука, 1989. – 312 с.
- Большие резервы «малой истории»: «Круглый стол» // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С.118-128.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. – М.: Политиздат, 1992. – 352 с.

- Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 8. – С.15-33.
- Бородкин Л.И., Максимов С.В. Крестьянская миграция в России/СССР в первой четверти XX века // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С.124-143.
- Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа: К вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. – 1990. – № 5. – С.105-121.
- Бородкин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигжение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. – М.: Прогресс,1989. – С.241-263.
- Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. – М.: Междунар. отношения, 1990. – Т.1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. – 632 с.
- Бруцкус Б. О новой экономической политике // ЭКО. – 1989. – № 10. – С.84-93.
- Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН,1997. – 376 с.
- Бухарин: человек, политик, учёный. – М.: Политиздат,1989. – 414 с.
- Буш В.Ф. Рынок труда 20-х годов и наше время // ЭКО. – 1989.– № 10. – С.47-52.
- Быстрова И.В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история. – 1993.– № 3. – С.19-34.
- Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. (1928-1930 гг.). – Изд. 2-е, доп. и переработ. – М.: Политиздат,1977. – 328 с.
- Валентинов Н.В. Наследники Ленина. – М.: Терра,1991. – 240 с.
- Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. – М.: Современник,1991. – 367 с.
- Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917-1940 гг. – М.: Мысль,1976. – 264 с.

- Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924-1925 гг.) // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С.86-107.
- Верниченко М.А. СССР в 20-е годы: проблемы и мнения (по материалам советско-американского симпозиума историков) // США: ЭПИ. – 1990. – № 2. – С.64-69.
- Вещева О.Н. Налоговая политика Советского государства в деревне в период НЭПа // Историко-археологические изыскания: Сб. науч. трудов молодых учёных. Вып.3. – Самара: Изд-во Сам. гос. пед. ун-та,1999. – С.177-185.
- Вигдорчик Н.А. Социальное страхование в общедоступном изложении. – М.: Вопросы труда,1927. – 196 с.
- Виноградов С.В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. – М.: ИРИ РАН,1996. – 123 с.
- Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ,1998. – 432 с.
- Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.): Сб. статей. – М.: ИРИ РАН,1999. – 358 с.
- Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОССПЭН,1995. – 400 с.
- Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола» // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С.3-36.
- Власть и реформы: От самодержавной к советской России. – Спб.: Дмитрий Буланин,1996. – 800 с.
- Власть и советское общество в 1917-1930-е годы: новые источники // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С.129-142.
- Во главе строительства нового общества: Исторический опыт деятельности КПСС в переходный период. – М.: Мысль,1988. – 283 с.
- Волобуев О., Кулешов С. Очищение: История и перестройка. – М.: Изд-во АПН,1989. – 288 с.
- Волобуев П. Власть Советов: расчёты и просчёты (1917-1923) // Коммунист. – 1991. – № 11. – С.69-82.

- Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М.: Политиздат,1987. – 310 с.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Сов. Россия, МП «Октябрь»,1991. – 624 с.
- Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И.Ленина, 1921-1923 гг. – М.: Наука,1969. – 520 с.
- Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922). – М.: Госполитиздат,1954. – 504 с.
- Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. – М.: Мысль,1973. – 296 с.
- Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. – М.: ИРИ РАН,2000. – 437 с.
- Гимпельсон Е.Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. – 2000. – № 5. – С.38-46.
- Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформ // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С.29-43.
- Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 гг. – М.: ИРИ РАН,1998. – 257 с.
- Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). – М.: ИРИ РАН,2001. – 225 с.
- Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917-1923 гг. – М.: Наука,1995. – 229 с.
- Гиндин Я.И. Безработица в СССР. – М.: Вопросы труда,1925. – 269 с.
- Гиндин Я.И. Новые формы работы бирж труда. – М.: Вопросы труда,1924. – 46 с.
- Гиндин Я.И. Регулирование рынка труда и борьба с безработицей. – М.: Вопросы труда,1928. – 192 с.
- Гловели Г. Социалистическая перспектива и барьеры на пути нэпа // Вопросы экономики. – 1990. – № 6. – С.130-135.
- Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. – М.: МНИИПУ,1991. – 94 с.

- Голанд Ю. Политика и экономика: Очерки общественной борьбы 20-х годов // Знамя. – 1990. – № 3. – С.116-152.
- Голанд Ю.М. Эффект чрезвычайных мер: Кризисы 1925-1928 гг. // ЭКО. – 1990. – № 2. – С.143-153.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – 318 с.
- Горелов И.Е. Николай Бухарин. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 282 с.
- Горинов М.М. Альтернативы и кризисы в период нэпа: К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 1. – С.3-18.
- Горинов М.М. НЭП: поиски путей развития. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- Горинов М.М., Данилов А.А., Дмитренко В.П. История России. Часть III. XX век: выбор моделей общественного развития. – М.: ИРИ РАН, МГПИ, Общ-во «Знание», 1994. – 192 с.
- Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. – 1990. – № 4. – С.20-39.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.
- Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923-1991: Ист.-биограф. справочник. – М.: РОССПЭН, 1999. – 637 с.
- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М.: РОССПЭН, 2001. – 96 с.
- Гребениченко С.Ф. Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. – М.: ЭКОН, 2000. – 377 с.
- Гуров В.П. Партийные организации Урала в борьбе за восстановление сельского хозяйства (1921-1925 гг.) // Из истории партийных организаций и социалистического строительства на Урале. – Свердловск: УрГУ, 1969. – С.57-72.

- Гуров В.П. Социально-экономические отношения и классовая борьба в уральской доколхозной деревне в условиях новой экономической политики // Экономика и социально-политическое развитие Урала. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С.88-107.
- Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. – Уфа: Китап, 1993. – 160 с.
- Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана. 1917-1940 годы. – Уфа: Гилем, 2001. – 275 с.
- Дадаян В.С. Терновый венец России: истоки национальной беды. – М.: Наука, 1994. – 172 с.
- Данилин А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестникъ. – 2001. – № 1(3). – С.101-124.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1977. – 318 с.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
- Данский Б.Г. Социальное страхование раньше и теперь. – М.: Вопросы труда, 1928. – 353 с.
- Дегтев С.И. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20-е гг. // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М.: МИП «НВ Магистр», 1993. – С.127-146.
- Демчик Е.В. Предпринимательская деятельность нэпманов в Сибири // Вопросы истории. – 1999. – № 7. – С.28-40.
- Дискуссионные вопросы российской истории. Материалы третьей научно-практической конференции «Дискуссионные проблемы российской истории в вузовском и школьном курсах». – Арзамас: АГПИ, 1998. – 538 с.
- Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу, 1921-1924 гг. – М.: Наука, 1971. – 271 с.
- Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 3. – С.125-138.

- Драма российской истории: большевики и революция. – М.: Новый хронограф, 2002. – 449 с.
- Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу // Вопросы истории. – 1992. – № 8-9. – С.30-51.
- Елисеева Н.В. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история. – 2001. – № 2. – С.93-105.
- Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. – М.: Наука, 1996. – 157 с.
- Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. – М.: Наука, 1988. – 166 с.
- Заболотный Е.В., Камынин В.Д. Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия. Учеб. пособие. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 124 с.
- Зарипова Р.К. Сельское население в эпоху модернизации: на материалах Республики Башкортостан в годы нэпа (1921-1928 гг.). – Уфа: Вост. ун-т, 2003. – 92 с.
- Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М.Вебер и современные теории модернизации. – Спб.: РХГИ, 1998. – 288 с.
- Земцов Б.Н. К истории политической системы в СССР (1917-1928 гг.) – М.: О-во «Знание» РСФСР, 1991. – 38 с.
- Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. – М.: Памятники ист. мысли, 1997. – 218 с.
- Иванов В.М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921-1929 гг.). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 132 с.
- Иванов В.П. Рабочие Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства (1919-1925 гг.) – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 405 с.
- Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С.28-43.
- Изменения социальной структуры советского общества: (1921 – середина 30-х годов). – М.: Мысль, 1979. – 343 с.

- Измозик В.С., Лебина Н.Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920-1930-х годов // Вопросы истории. – 2001. – № 4. – С.98-110.
- Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. – 1991. № 1. С.68-81.
- Ильиных В.А. Генеральная репетиция «хлебной стачки», или кампания несбывшихся надежд (хлебозаготовки в 1925/26 году) // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – С.112-128.
- Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте: Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921-1927 гг. – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.
- Ильиных В.А. Спрос и предложение в гостях у большевиков: Экономическая драма на хлебном рынке в 1921-1927 гг. // ЭКО. – 1991. – № 6. – С.109-117.
- Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: Экономика, 2000. – 295 с.
- Исаев А.Н. Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917-1924 гг.). – М.: Вопросы труда, 1924. – 80 с.
- Исаев И.А. Переходная экономика нэпа // История СССР. – 1990. – № 2. – С.15-30.
- Искендеров А.А. Два взгляда на историю // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С.3-22.
- Историки и история: Жизнь, судьба, творчество: В 2 т. – М.: Остожье.
Т.1. – 1997. – 697 с.
Т.2. – 1998. – 865 с.
- Историки России. Биографии. – М.: РОССПЭН, 2001. – 912 с.
- Историки спорят. 13 бесед. – М.: Политиздат, 1988. – 510 с.
- Историческая наука России в XX веке. – М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997. – 568 с.

- Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. – М.: АИРО-XX, 1996. – 464 с.
- Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. – М.: АИРО-XX, 2003. – 560 с.
- Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М.: Политиздат, 1972. – 328 с.
- Историческое значение НЭПа: Сб. науч. трудов. – М.: Ин-т истории СССР, 1990. – 215 с.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Репр. воспр. текста изд. 1945 г. – М.: Логос, 2004. – 400 с.
- История и сталинизм. – М.: Политиздат, 1991. – 448 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 5-е, доп. – М.: Политиздат, 1977. – 782 с.
- История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. – Т.4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921-1937 гг. Книга первая (1921-1929 гг.). – 664 с.
- История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с.
- История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения. Материалы науч.-практ. конф. – Оренбург: ОГПУ, 2001. – Ч.2. – 195 с.
- История развития здравоохранения и медицинской науки в Башкирской АССР (1917-1980 гг.). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1981. – 403 с.
- История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы). Сб. статей. – Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. – 207 с.
- История России. XX век. – М.: Изд-во АСТ, 1996. – 608 с.
- История советского крестьянства: В 5 т. – М.: Наука, 1986. – Т.1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917-1927. – 456 с.
- История советского рабочего класса: В 6 т. – М.: Наука, 1984. – Т.2. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества, 1921-1937 гг. – 511 с.

- История Советского Урала (1917-1932). – Свердловск: УрГУ, 1976. – 78 с.
- История социалистической экономики СССР: В 7 т. – М.: Наука.
- Т.2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921-1925 гг. – 1976. – 479 с.
- Т.3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР. 1926-1932 гг. – 1977. – 535 с.
- История СССР с древнейших времён до наших дней: В 12 т. – М.: Наука, 1967.
- Серия вторая. Т.VIII. Борьба советского народа за построение фундамента социализма в СССР. 1921-1932 гг. – 728 с.
- Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. – М.: РОССПЭН, 2004. – 744 с.
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с.
- Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. – М.: РГГУ, 1997. – 388 с.
- Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. – М.: Наука, 1996. – 206 с.
- Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 156 с.
- Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М.: Наука, 1988. – 304 с.
- Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.
- Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. – Л.: Лениздат, 1989. – 224 с.
- Каминский Ф.А. Хозяйство оренбургских казаков в годы новой экономической политики // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. – Челябинск: ЧелГУ, 1994. – С.143-156.
- Каутский К. Эрфуртская программа (Комментарий к принципиальной части). – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – 248 с.
- Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы нэпа. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 80 с.

- Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905-1930). – М.: ИРИ РАН,1996. – 250 с.
- Киселёв А.Ф., Чураков Д.О. Бюрократия и нэп // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. – М.: МИП «NB Магистр»,1993. – С.100-116.
- Климмин И.И. XV съезд ВКП(б): проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 1. – С.56-67.
- Коваль И.И. Торговля на Урале в первые годы нэпа // Очерки истории горнозаводского Урала. Межвуз. сб. науч. трудов. – Челябинск: ЧелГУ,1996. – С.46-59.
- Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С.3-33.
- Козлов А. За фасадом дискуссий 1923-1924 годов // Коммунист. – 1990. – № 13. – С.96-105.
- Козлов В.А. Культурная революция и крестьянство, 1921-1927. – М.: Наука,1983. – 215 с.
- Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. – М.: ИФ РАН,1996. – 215 с.
- Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М.: ИФ РАН,2000. – 207 с.
- Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. – М.: Экономика,1990. – 173 с.
- Конференция по истории новой экономической политики // Отечественная история. – 2003. – № 3. – С.178-184.
- Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г. – дек. 1991 г. – М.: РГГУ,1995. – 418 с.
- Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С.25-38.

- Кочетков И.В. Зерновое производство в годы НЭПа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX-XX вв.: Современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.80-104.
- Коэн С. Бухарин: политическая биография 1888-1938. – М.: Прогресс, 1988. – 574 с.
- Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 264 с.
- Красовицкая Т.Ю. Власть и культура: Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством. – М.: Наука, 1992. – 298 с.
- Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: Национально-культурная политика 20-х гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 414 с.
- Криворучко А.Н. Социальная политика в период НЭПа // Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР (Из истории социальной политики и социально-политической мысли СССР). – М.: Ин-т социологии РАН, 1992. – С.111-166.
- Критика теории модернизации. – М.: ИНИОН, 1985. – 78 с.
- Критический анализ буржуазных теорий модернизации: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1985. – 240 с.
- Круглый стол: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. – 1988. – № 9. – С.3-58.
- Кузнецов И.С. Взгляды сибирского крестьянства 1920-х годов на коллективные формы хозяйства // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – С.128-149.
- Кузьмин В.И. В борьбе за социалистическую реконструкцию, 1926-1937. Экономическая политика Советского государства. – М.: Мысль, 1976. – 311 с.
- Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 294 с.

- Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – М.: Гос. ист. музей, 2000. – 222 с.
- Куренышев А.А. Переход к НЭПу и деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи // История России: диалог российских и американских историков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – С.98-108.
- Кушнир А.Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов: (Реформа системы управления в Советской России). – М.: Изд-во МПИ, 1989. – 221 с.
- Лацис О.Р. Перелом: Опыт прочтения несекретных документов. – М.: Политиздат, 1990. – 399 с.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 гг. – Спб.: Журн. «Нева», Летний Сад, 1999. – 316 с.
- Левада Ю. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989. – С. 448-459.
- Лейбович О.Л. Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. – Пермь: Зап.-Урал. учеб.-науч. центр, 1996. – 156 с.
- Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. – 181 с.
- Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. – М.: Политиздат, 1984. – 304 с.
- Лельчук В.С. Рабочий класс в управлении государством (1926-1937 гг.). – М.: Мысль, 1968. – 239 с.
- Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и её освещение в советской историографии. – М.: Наука, 1975. – 312 с.
- Ленинская концепция социализма. – М.: Политиздат, 1990. – 558 с.
- Ленинское учение о нэпе и его международное значение. – М.: Экономика, 1973. – 326 с.
- Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917-1922 гг. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 355 с.

- Лившин А.Я. Гражданское конституционное сознание: Обладало ли им советское общество в годы гражданской войны и нэпа? // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С.94-111.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. – М.: РОССПЭН,2002. – 208 с.
- Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. – Спб.: Дмитрий Буланин,2002. – 190 с.
- Литвак К.Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. – 1991.– № 2. – С.79-92.
- Литвак К.Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. – 1991. – № 2. – С.129-142.
- Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С.74-88.
- Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: Современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии: Сб. статей. – М.: РГГУ,2001. – С. 7-58.
- Лозбнев И.Н. Крестьянская община в годы нэпа // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С.112-118.
- Лозбнев И.Н. Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е годы // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С.141-147.
- Локацков Ф.И. Положение и перспективы уральской промышленности. – Свердловск: Уралплан,1925. – 42 с.
- Лунина Т.В. Решение проблем социального обеспечения в период нэпа (на материалах губерний Центрального Черноземья) // Актуальные проблемы отечественной истории. – Воронеж: ВГУ,1995. – С.88-94.
- Лютков Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921-1929. – Саратов: Изд-во СГУ,1996. – 320 с.
- Лютков Л.Н. Неэффективность промышленности в условиях нэпа // Вопросы истории. – 2000. – № 4-5. – С.106-110.

- Лютов Л.Н. Обречённая реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. – Ульяновск: УлГУ, 2002. – 267 с.
- Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа: 1921-1929. – Саратов: Изд-во СГУ, 1994. – 147 с.
- Малиа М. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917-1991. – М.: РОССПЭН, 2002. – 584 с.
- Мамонов В.Ф. Гибель русской Вандеи: Казачество востока России в революции и гражданской войне. – Челябинск; Екатеринбург: ЧелГУ, 1994. – 175 с.
- Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х гг. – М.: Экономика, 1989. – 142 с.
- Маркус Б.Л. Труд в социалистическом обществе. – М.: Госполитиздат, 1939. – 308 с.
- Мау В. Реформы и догмы. 1914-1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. – М.: Дело, 1993. – 256 с.
- Мегатренды мирового развития. – М.: Экономика, 2001. – 295 с.
- Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы междунар. конф. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
- Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С.97-117.
- Минц Л.Е. Как живёт безработный (бюджеты безработных). – М.: Вопросы труда, 1927. – 98 с.
- Минц Л.Е. Труд и безработица в России (1921-1924 гг.). – М.: Вопросы труда, 1924. – 72 с.
- Миронов Б.Н. К истине ведёт много путей // Отечественная история. – 2001. – № 2. – С.106-116.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – Спб.: Дмитрий Буланин, 1999.
Т.1. – 547 с.

Т.2. – 566 с.

Мирясов А.В. К вопросу о мотивации труда рабочих России в 1920-е годы (на примере промышленных предприятий Пензенской губернии) // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С.131-140.

Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: ИФ РАН,1993. – 250 с.

Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М.: Агентство Инфомарт,1994. – 116 с.

Модернизация и национальная культура. Материалы теор. семинара. – М.: Изд-во «Апрель-85»,1995. – 128 с.

Мокеев В. Крестьянские общества взаимопомощи. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 104 с.

Мэтьюз М. Становление системы привилегий в Советском государстве // Вопросы истории. – 1992. – № 2-3. – С.45-61.

Назаров О.Г. Проблемы планирования в контексте борьбы за власть в условиях нэпа // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С.54-65.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. – М.: РОССПЭН,2001. – 632 с.

Население и жилищные условия городов Урала. – Свердловск: Статсектор Уралплана,1930. – 187 с.

Население России в XX веке. В 3 т. – М.: РОССПЭН,2000. – Т.1. – 463 с.

Наумов В. 1923 год: судьба ленинской альтернативы // Коммунист. – 1991. – № 5. – С.31-42.

Наумов В.П., Рябов В.В., Филиппов Ю.И. Об историческом пути КПСС в свете нового мышления // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 9. – С.3-18; № 10. – С.33-57.

Наумов В.П., Рябов В.В., Филиппов Ю.И. Об историческом пути КПСС. Поиски новых подходов. – М.: Политиздат,1990. – 207 с.

Немчинов В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). – Екатеринбург: Урал. обл. стат. управление,1923. – 104 с.

- Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921-1929 гг.). – Спб.: Нестор, ТОО «Афина»,1997. – 193 с.
- Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. – М.: Наука,1974. – 360 с.
- Новиков М.Н. Исторический опыт НЭПа: идеи и реальности. – М.: Уникум-Центр,1997. – 123 с.
- Носова Н.П. Управлять или командовать?: Государство и крестьянство Советской России (1917-1929). – М.: Изд-во Моск. ун-та,1993. – 347 с.
- Нэп: взгляд со стороны. – М.: Моск. рабочий,1991. – 302 с.
- НЭП в контексте исторического развития России XX века. – М.: ИРИ РАН,2001. – 320 с.
- НЭП: завершающая стадия: Соотношение экономики и политики. – М.: ИРИ РАН,1998. – 272 с.
- Нэп и поиск путей строительства социализма в одной стране // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 2. – С.152-157.
- НЭП и хозрасчёт. – М.: Экономика,1991. – 364 с.
- НЭП: кризисы, которых не было: Взгляд американского учёного // Знание-сила. – 1990. – № 10. – С.40-44,85.
- НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука,1994. – 217 с.
- Образы историографии: Сб. статей. – М.: РГГУ,2001. – 352 с.
- Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. – М.: Наука,2000. – 246 с.
- Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. – Челябинск: ЧелГУ,1994. – 157 с.
- Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. – М.: Сигналь,1999. – 193 с.
- Орлов И.Б. Современная отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. – 1999. – № 1. – С.102-116.

- Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. – Свердловск: Изд-во ред. известий Уралоблисполкома, 1928. – 147 с.
- Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989. – 656 с.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. – М.: РОССПЭН, 1999. – 271 с.
- Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. – М.: Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.
- От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР, 1917-1937 гг.: В 2 т. – М.: Наука, 1981.
- Т.1. Победа социалистической революции: Начало переходного периода, 1917-1927 гг. – 519 с.
- Т.2. Развёрнутое строительство социализма в 1928-1937 гг. – 440 с.
- Очерки истории горнозаводского Урала. Межвуз. сб. науч. трудов. – Челябинск: ЧелГУ, 1996. – 109 с.
- Очерки экономических реформ. – М.: Наука, 1993. – 272 с.
- Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 460 с.
- Павлова И.В. Механизмы политической власти в СССР в 20-30-е годы // Вопросы истории. – 1998. – № 11-12. – С.49-66.
- Павлова И.В. НЭП: жизнь после смерти // ЭКО. – 1991. – № 12. – С.119-135.
- Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1993. – 230 с.
- Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: РКТ-История, 1997. – 270 с.
- Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. – М.: Рус. книгоиздат. тов-во, 1996. – 298 с.
- Пантин И.К., Плимак Е.Г. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). – М.: Весь Мир, 2000. – 360 с.
- Переписка на исторические темы. – М.: Политиздат, 1989. – 493 с.

- Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. – М.: Весь Мир, 2004. – 320 с.
- Плимак Е.Г. Политическое завещание Ленина: Истоки, сущность, выполнение. – М.: Политиздат, 1989. – 223 с.
- Покровский Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С.94-105.
- Покровский Н.Н. О принципах издания документов XX века // Вопросы истории. – 1999. – № 6. – С.32-45.
- Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. – М.: Терра, 1996. – Т.2. – 720 с.
- Поляков Ю.А. Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920-1930-е годы) // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С.122-128.
- Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. – М.: РОССПЭН, 1999. – 453 с.
- Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. – М.: АИРО-XX, 1995. – 214 с.
- Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. – М.: Наука, 1967. – 511 с.
- Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М.: Наука, 1986. – 270 с.
- Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление. – М.: Политиздат, 1982. – 240 с.
- Попов В., Шмелёв Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? // Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989. – С.284-326.
- Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. – М.: Университетская кн.; Иерусалим: Гешарим, 2000. – Т.1. Отечественная история. – 431 с.
- Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 614 с.
- Присяжный Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России. Ист.-экон. анализ. 1918-1921 гг. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1994. – 451 с.

- Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С.153-165.
- Противоречивость социально-экономического развития советского общества в 20-30-е годы // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 5. – С.118-132.
- Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории. – М.: ИРИ РАН,1994. – 397 с.
- Пузис Г. Коммунальное и жилищное хозяйство СССР за 15 лет. – М.: Гос. соц. экон. изд-во,1932. – 83 с.
- Пути развития: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий. – Л.: Лениздат,1990. – 254 с.
- Пыжиков А.В. Российская история первой половины XX века: Новые подходы // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С.72-79.
- Рабочий активизм в послереволюционной России. «Круглый стол» // Отечественная история.– 2002. – № 2. – С.112-123.
- Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль: Сб. материалов всерос. науч. конф., Москва, 14-15 нояб. 1995 г. – М.: ИРИ РАН и др.,1997. – 223 с.
- Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. – М.: Изд-во МГУ,1989. – 222 с.
- Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР, 1917-1930 гг. – М.: Наука,1973. – 382 с.
- Роговин В. Была ли альтернатива?: «Троцкизм»: взгляд через годы. – М.: Терра,1992. – 400 с.
- Роговин В. Власть и оппозиции. – М.: Т-во «Журнал «Театр»,1993. – 400 с.
- Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М.: ИРИ РАН,1999. – 248 с.
- Российская повседневность 1921-1941: новые подходы. – Спб.: Спб. ун-т экономики и финансов,1995. – 156 с.
- Россия в XX веке. Сб. статей к 70-летию со дня рождения чл.-кор. РАН, проф. В.А.Шишкина. – Спб.: Нестор-История, Спб. ин-т истории РАН,2005. – 404 с.

- Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – 752 с.
- Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. – М.: Наука, 2002.
- Т.1. – 657 с.
- Т.2. – 543 с.
- Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М.: Наука, 1996. – 720 с.
- Россия нэповская. – М.: Новый хронограф, 2002. – 446 с.
- Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – Спб.: Наука, 1998. – 796 с.
- Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. – 2002. – № 8. – С.3-20.
- Секушин В.И. Отторжение: Нэп и командно-административная система. – Л.: Лениздат, 1990. – 96 с.
- Селиванов А.М. Социально-политическое развитие советской деревни в первые годы новой экономической политики (1921-1925 гг.). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 204 с.
- Селунская В.М. Социальная структура советского общества: История и современность. – М.: Политиздат, 1987. – 286 с.
- Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921-1929. – М.: Мысль, 1978. – 246 с.
- Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. – М.: Памятники ист. мысли, 1997. – 288 с.
- Симонов Н.В. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927 гг.) // История СССР. – 1990. – № 5. – С.42-59.
- Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. – 1992. – № 1. – С.41-58.
- Симонов Н.С. «Крепить оборону страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и её последствия) // Отечественная история. – 1996. – № 3. – С.155-161.
- Симонов Н.С. Реформа политического строя: замыслы и реальность (1921-1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1991. – № 1. – С.42-55.

- Синявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. – М.: Наука, 2003. – 286 с.
- Сироткин В. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С.370-391.
- Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы. – М.: Мир истории, 2003. – 296 с.
- Смирнова Т.М. «Бывшие»: Штрихи к социальной политике Советской власти // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С.37-48.
- Собственность на землю в России: История и современность. – М.: РОССПЭН, 2002. – 592 с.
- Советская историография. – М.: РГГУ, 1996. – 592 с.
- Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917-1970). – М.: Политиздат, 1973. – 592 с.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. – М.: РГГУ, 1997. – Т.1. От вооружённого восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. – 510 с.
- Советское прошлое: поиски понимания. «Круглый стол» // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С.90-120; № 5. – С.85-104.
- Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С.131-142; № 5. – С.130-139.
- Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 226 с.
- Соколов А.К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти акад. И.Д.Ковальченко. – М.: РОССПЭН, 2000. – С.75-89.
- Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 20-е годы (К истории предпосылок перегибов в деревне) // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 10. – С.59-71.
- Социальная история. Ежегодник, 1997. – М.: РОССПЭН, 1998. – 368 с.
- Социальная история. Ежегодник, 1998/99. – М.: РОССПЭН, 1999. – 454 с.

- Социальная история. Ежегодник,2000. – М.: РОССПЭН,2000. – 351 с.
- Социальная история. Ежегодник,2001/2002. – М.: РОССПЭН, 2004. – 622 с.
- Социальная история России: Курс лекций: В 3 т. – М.: Изд-во МГСУ «Союз»,1998. – Т.3. Век XX. – 391 с.
- Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. – М.: Политиздат,1979. – 432 с.
- Социальная политика КПСС на современном этапе. – М.: Мысль,1988. – 303 с.
- Социальная политика: парадигмы и приоритеты. – М.: Изд-во МГСУ «Союз»,2000. – 312 с.
- Социальная политика Советского государства и рабочий класс: Вопросы методологии, историографии, источниковедения: Сб. трудов. – М.: МГИАИ,1988. – 168 с.
- Социальная политика Советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. – М.: Мысль,1985. – 333 с.
- Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. – 2-е изд. – М.: ВАГРИУС,2004. – 511 с.
- Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. – Кн.1. – М.: Высш. шк.,1988. – 703 с.
- Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. – Кн.2. – М.: Высш. шк.,1989. – 704 с.
- Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М.: Политиздат,1989. – 447 с.
- Строительство социализма в СССР и крах оппортунизма. – М.: Политиздат,1982. – 256 с.
- Суворов К.И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917-1930). – М.: Мысль,1968. – 254 с.
- Суровая драма народа: Учёные и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат,1989. – 512 с.
- Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. – М.: Прогресс,1990. – 480 с.

- Такер Р. Сталин у власти: История и личность. 1928-1941. – М.: Весь Мир, 1997. – 644 с.
- Телицын В.Л. Новая экономическая политика: взгляд из Русского зарубежья // Вопросы истории. – 2000. – № 8. – С.30-42.
- Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917-1921 гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 212 с.
- Тепцов Н.В. Аграрная политика на крутых поворотах 20-30-х годов. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921-1925 гг.) – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – Ч.2. – 288 с.
- Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М.: Политиздат, 1975. – 406 с.
- Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921-1937). – М.: Госполитиздат, 1960. – 279 с.
- Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. – М.: Политиздат, 1991. – 272 с.
- Трудовые конфликты в советской России. 1918-1929 гг. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 360 с.
- Трукан Г.А. Политическая дискуссия 1928-1929 гг. о путях строительства социализма. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
- Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму: 1917-1929 гг. – М.: Наука, 1994. – 167 с.
- Тяжельникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С.158-173.
- Тяжельникова В.С., Соколов А.К. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. – М.: РОССПЭН, 2004. – С.69-115.
- Ульянова С.Б. Противоречия «режима экономии» в промышленности в 1920-х годах // Вопросы истории. – 2003. – № 6. – С.144-158.
- Урал после районирования. – Свердловск: Изд. Уралсовета, 1926. – 150 с.
- Уральское село в XX веке. Сб. статей. – Екатеринбург: УрСХИ, 1994. – 173 с.

- Урок даёт история. – М.: Политиздат, 1989. – 414 с.
- Уроки горькие, но необходимые. – М.: Мысль, 1988. – 347 с.
- У Эньюань. Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С.78-87.
- Файн Л.Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией // Вопросы истории. – 2001. – № 7. – С.35-55.
- Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1994. – 275 с.
- Файн Л.Е. Российская кооперация: ист.-теор. очерк. 1861-1930. – Иваново: ИвГУ, 2002. – 600 с.
- Файн Л.Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е годы) // Вопросы истории. – 1994. – № 9. – С.35-47.
- Фельдман В.В. Восстановление промышленности на Урале (1921-1926 гг.). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 156 с.
- Фельдман М.А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С.20-30.
- Фицпатрик Ш. Классы и проблема классово́й принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С.16-31.
- Формирование административно-командной системы (20-30-е годы). Сб. статей. – М.: Наука, 1992. – 234 с.
- Хазиев Р.А. «Автономный нэп» эпохи «военного коммунизма» на Южном Урале: рыночная альтернатива командно-распределительной экономике // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С.46-60.
- Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.
- Холмс Л. Социальная история России. 1917-1941. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1994. – 144 с.
- Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994. – 187 с.

- Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть Кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. – Саратов: Изд. центр СГСЭУ, Летопись, 1998. – 606 с.
- Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С.71-78.
- Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. – М.: Памятники ист. мысли, 1998. – 282 с.
- Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905-1907 гг. → 1917-1922 гг. – М.: Весь Мир, 1997. – 560 с.
- Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. // Социологические исследования. – 2002. – № 1. – С.30-40.
- Шарапов Ю.П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: Мелкобуржуазный революционаризм – опасность «слева». 1920-1923. – М.: Наука, 1990. – 190 с.
- Шелестов Д. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. – М.: Прогресс, 1990. – 352 с.
- Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). – Спб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 400 с.
- Шмелёв Г.И. Коллективизация: на крутом переломе истории // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – М.: Экономика, 1989. Вып.1. – С.109-158; М.: Экономика, 1990. Вып.2. – С. 76-110.
- Шмидт В.В. Положение рабочего класса в СССР. – М.;Л.: Гос. изд., 1928. – 70 с.
- Шмидт В.В. Рабочий класс СССР и жилищный вопрос. – М.: Кн-во ВЦСПС, 1929. – 160 с.
- Шулус И.И. Деятельность КПСС по сплочению батрачества (1921-1929 гг.). – М.: Высш. шк., 1981. – 144 с.
- Шухов Н. Вопросы социализма в экономической литературе 20-х годов // Вопросы экономики. – 1990. – № 4. – С.112-130.

- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
- Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
- Яров С.В. Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. – Спб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 319 с.
- Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918-1923 гг.: Учеб. пособие. – Спб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 131 с.
- Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. – Спб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 223 с.

Авторефераты диссертаций

- Азаров В.Н. Дискуссии 20-х годов о перспективах развития советского общества (на материалах Урала): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1993. – 14 с.
- Алексеева Е.А. Нэп в современной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 18 с.
- Бадретдинова М.М. Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПа (1921-1927 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 1995. – 17 с.
- Завалишин А.Ю. Социальная политика Советской власти в национально-государственных образованиях Сибири и Дальнего Востока, 20-30-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 22 с.
- Звонарёва Л.В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников Урала и Зауралья в условиях новой экономической политики (1921-1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1994. – 21 с.
- Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПа (1921-1928 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 53 с.
- Кузнецова Л.О. Социальная политика в отношении рабочих и служащих в годы НЭПа (по материалам Республики Татарстан): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996. – 23 с.

- Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период новой экономической политики (1921-1927): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1995. – 19 с.
- Никулин В.В. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Центральном Черноземье, 1921-1929 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1998. – 52 с.
- Орлов И.Б. Новая экономическая политика: Государственное управление и социально-экономические проблемы (1921-1927 годы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1999. – 46 с.
- Осокина Е.А. Распределение и рынок в снабжении населения СССР в годы первых пятилеток. 1928-1941: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1998. – 36 с.
- Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Социально-экономические противоречия и государственная политика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1998. – 39 с.
- Павлюченков С.А. Переход от продразвёрстки к продналогу: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 23 с.
- Петько О.М. Материально-бытовое положение рабочего класса Урала в середине 20-х – начале 30-х годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1991. – 18 с.
- Прядеин В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследований: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1996. – 38 с.
- Фельдман В.В. Борьба коммунистической партии за восстановление промышленности и сплочение рабочего класса на Урале в 1921-1925 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Пермь, 1971. – 52 с.
- Фомина Т.И. Социальная политика государственных и общественно-политических органов в 20-е годы (На материалах центрального региона России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 27 с.
- Худин В.И. Экономическая политика советского правительства в 20-е годы и её осуществление на Южном Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 1999. – 21 с.

Цыпина Е.А. Промышленное и аграрное развитие Урала в годы НЭПа. Историография проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – 18 с.

Шеврин И.Л. Крестьянство Урала в 20-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1989. – 20 с.

Литература на иностранных языках

Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1968. – XIII, 380 p.

Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. – N.Y.: Harper & Row, 1966. – X, 207 p.

Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1966. – IX, 166 p.

Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. – N.Y.-L.: John Wiley & Sons, 1973. – XI, 367 p.

Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. – N.Y.: Pantheon books, 1985. – VIII, 354 p.

McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. – Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1991. – IX, 239 p.

Nove A. An Economic History of the U.S.S.R. – L.: The Penguin Group, 1990. – IX, 428 p.

Patterns of Modernity. Ed. by S.N.Eisenstadt. Vol. I: The West. – N.Y.: New York University Press, 1987. – IX, 185 p.

Patterns of Modernity. Ed. by S.N.Eisenstadt. Vol II: Beyond the West. – N.Y.: New York University Press, 1987. – VII, 223 p.

Russia: A History. – Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1997. – XVII, 478 p.

Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1991. – VIII, 344 p.

The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. – N.Y.: The Free Press, 1975. – XIV, 386 p.